

ЗАКОН ЕДИНОРОГА

Если ты рыцарь, сражайся
за любовь!

ВЛАДИМИР
СВЕРЖИН

В. СВЕРЖИН ЗАКОН ЕДИНОРОГА

В. СВЕРЖИН

ЗАКОН ЕДИНОРОДСТВА

Владимир
СВЕРЖИН

**ЗАКОН
ЕДИНОРОГА**

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С 24

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

Серия основана в 1996 году

В оформлении обложки использована
работа художника *Parkinsona* с согласия самого художника
и его агента *Александра Корженевского*

С 24 Свержин В.
 Закон Единорога: Роман.— М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО,
 1997.— 432 с. (Серия «Абсолютная магия»).

ISBN 5-251-00354-4

Отпивший однажды из волшебной чаши попадает под действие особых, не применимых к обычным людям законов. Взяв в руки легендарный меч Каттабайл, выкованный гномами из серебра атлантов, сотрудник Института Экспериментальной Истории Вальдар Камдил обрек себя на то, чтобы в конце своего Пути присоединиться к призрачной армии всех тех, кто когда-либо владел мечом Тюра. Но до этого он должен спасти свою возлюбленную — принцессу Лауру-Катарину и предотвратить «битву народов».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Издательство «ОКО», 1997 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО», 1997 г.

ISBN 5-251-00354-4

ПРОЛОГ

— И все-таки она вертится!
Галилео Галилей, ученый

— Несомненно, друг мой. Но одному только Богу известно, как это ей до сих пор удается.

Аббат Гвидо Маниоли, инквизитор

емно-красный «Ягуар» со стремительностью своего пятнистого прототипа приближался к вкопанному в землю оранжевому щиту с крупной предостерегающей надписью: «Закрытая территория. Въезд только по пропускам».

Водителя, лихо правившего своим железным конем, эта надпись, похоже, ничуть не смущала. Он нажал на тормоз, и его болид остановился перед железными воротами с гербом ее величества. Пара камуфлированных личностей с вышитыми на груди эмблемами, на которых британский лев попирал арктическую шапку Земли, разглядев светловолосую особу за рулем, браво взяли под козырек, и спустя мгновение двухтонная стальная плита, преграждавшая путь «Ягуару», с ровным гудением начала отъезжать в сторону.

Двадцать третий герцог Бедфордский быстро поднялся по витой лестнице с потемневшими от времени дубовыми перилами и, не сбавляя скорости, ворвался в приемную перед своим кабинетом.

— Ваша корреспонденция, милорд, — заученно произнесла очаровательная шатенка, видимо, уже давно ожидавшая появления начальства. Слова эти сопровождались обворожительной улыбкой, более загадочной, чем все тайны фараоновых пирамид.

— Доброе утро, милая, — поздоровался представитель королевы в Институте Экспериментальной Истории, беря из тонких пальчиков секретарши пачку писем.

— Вам чай, кофе? — поинтересовалась она.

— Спасибо, Дженифер. Ни того ни другого.

Он взялся за ручку двери, блестевшую, словно ки-

раса конного гвардейца на параде в честь тезоименитства¹ государыни.

— Милорд... — нерешительно начала красотка.

— Да, что еще? — повернулся Джозеф Рассел.

— Миссис Арви Мак-Гил просит вас принять ее.

Старина Зеф задумался и покачал головой.

— Хорошо, скажите ей, что через четверть часа я буду рад ее видеть.

Оставшись наконец один, пэр королевства и особа, приближенная к трону, подошел к потайному бару, оборудованному в чреве набора доспехов миланской работы, и, проделав нехитрые манипуляции, извлек из него бутылку виски «Блэк Джон Уокер». Уставившись на черную этикетку так, словно видел ее в первый раз, он тяжело вздохнул и, свернув пробку, влил в себя треть содержимого бутыли. Миссис Арви Мак-Гил просила его аудиенции в среднем раз в неделю на протяжении последних восьми месяцев.

— Что-нибудь слышно о Вальдаре? — спросила Арви, едва успев поздороваться.

Вопрос был традиционен. Но в этот раз Расселу было что на него ответить.

— С ним, как обычно, все в порядке. Вернулся цел и невредим. Во всяком случае, внешне. Блистает при дворе короля Джона Плантагенета. Его появление в Англии было отмечено принятием Великой Хартии вольностей.

— Это хорошо или плохо? — пытаясь скрыть радостную улыбку, осведомилась миссис Мак-Гил.

— Это так, и никак иначе! — пожал плечами двадцать третий герцог Бедфордский. — Пусть наши научные светила теперь разбирают все *pro et contra*² сего исторического курьеза.

Селектор на сандаловой поверхности стола работы непревзойденного Роберта Адама³ предупредительно пискнул и заговорил воркующе-томным голосом: — Ваша светлость, вас ожидают на ученом совете.

¹ Тезоименитство — день рождения монарха.

² Pro et contra — за и против.

³ Роберт Адам — знаменитый английский мастер-мебельщик XVIII века.

ГЛАВА 1

Европа может подождать!

Мисс Абигайль Черчилль

ролетев лишних ярдов пять, нож стукнулся о стену и, падая, вонзился в деревянный настил пола.

— Эй, Капитан! — послышалось из-за полуоткрытой двери, мимо которой только что пролетел пущенный моей недрогнувшей рукой кинжал. — Меня не надо убивать! Я человек доброй воли. Я чист и светел, словно голубь мира!

Судя по голосу, герой английской революции Рейнар-Серж Л'Арсо д'Орбиньяк был в превосходном настроении. Спустя мгновение хитрая физиономия моего славянского «гасконца» показалась в дверном проеме.

— Заходи, — мрачно бросил я.

— А ножами бросаться не будешь? — с деланной опасливостью спросил он.

Не удосужившись подняться с неприбранной лежанки, я отрицательно покачал головой.

— Ножи кончились... Сэнди! — позвал я. — Будь добр, собери оружие.

Шаконтон, сидевший в углу и потирая ушибленную руку, встал и направился к двери.

— Ты зачем мальчика обидел? — с укоризной спросил меня Лис, ласково похлопывая оруженосца по плечу.

— Да, кстати, Александр, сходил бы ты посмотрел, сыты ли наши кони.

— Накормлены, — буркнул Шаконтон, с силой вы-

дергивая из двери ножи, образовывавшие на ней ровный крест.

— Да? — обнимая его за плечи и проникновенно глядя в глаза угрюому юноше, среагировал Лис. — Ну тогда просто сходи развейся. Мы тут с господином рыцарем поsekретничаем.

Сэнди, ничего не ответив, вышел. Я тоскливо воззрился на Рейнара, который умостился на край моего одра подобно брату милосердия, проведывающему безнадежно больного. Некоторое время он с невыразимым сочувствием созергал мою меланхоличную физиономию. Я ждал.

— Ну что, больной? — Лис вооружился ложкой. — Скажите «а-а-а!» Не хотите — не надо... — Сережа приложил ладонь к моему лбу. — Чудно, батенька... Кипит наш разум возмущенный. Тлетворное влияние сырого лондонского климата плюс хроническое недопивание. Острая мозговая недостаточность. — Лис удовлетворенно потер руки. — Медицина бессильна, но будем лечить.

— Ты чего приперся? — раздраженно спросил я.

— Посоветоваться пришел. Там, видишь ли, король Джон от щедрот своих милостями сыплет направо и налево. Вот, не могу придумать, как мне теперь лучше именоваться — лордом Ремингтоном или графом Винчестером? — Лис с комичной задумчивостью уставился в потолок.

— Купцом Калашниковым, — огрызнулся я.

— Хорошая мысль. Но только для этого гордого титула мы не в той стране революцию сделали. Ты, кстати, долго здесь валяться намерен? — без всякого перехода спросил Рейнэр.

— Долго. Пока не получу знамения свыше, — раздраженно сострил я.

— Считай, что оно у тебя уже есть. Пока ты там с драконами шурлы-муры крутил, тут Рассел тебе оставил цэу на случай, если ты, скажем, вдруг вернешься.

Я обреченно закрыл глаза.

— Что на этот раз? Папа римский провалился в канализацию?

— Хуже. Но тебе понравится, — успокоил меня мой

друг. — Начальство не устраивает существование гиперимперии нашего закадычного врага Отто...

— Что, опять Лейтонбург?!

— Как в воду смотрел! — Лис удовлетворенно хмыкнул. — Видишь ли, наши умники считают, что созданное нашим дважды императором государство нежизнеспособно и рухнет, как только его величество «сыграет в ящик». Но чем быстрее развалится этот монстр, тем больше шансов у старушки Европы не захлебнуться кровью.

— Так что, нам предстоит грохнуть его императорское величество?

— А это уж тебе решать. Задача поставлена: империя должна рухнуть, и чем скорее, тем лучше.

— Ох-ох-охонюшки! — скрипя суставами, я поднялся с лежанки. — У тебя мысли на эту тему есть?

Лис бодренько вскочил, глаза его как-то странно засияли.

— Есть! Великие деяния требуют великого отдыха. А посему... Гражданин начальник! — Лис вытянулся во фронт и выпучил глаза. — Прошу предоставить мне две недели поощрительного отпуска за героические подвиги для ведения личной жизни и воспевания наших подвигов в стенах института. Да и тебе самому не мешало бы заняться тем же.

— Чем? Воспеванием подвигов? — саркастически отозвался я, затягивая перевязь меча.

— Где-то так. Капитан, не будь дураком! — Мой верный напарник насмешливо покосился на меня. — Чем двери курочить и подрастающему поколению руки ломать, съездил бы в Арагон, сказал бы, что с королевой погорячился, напел бы принцеске своей сerenад. Ты ж пойми, — глядя на меня, как на безнадежного идиота, поучал Лис. — Для прекрасных дам прощать раскаявшихся благородных донов, а особенно любимых, — хлебом не корми!

— Кто тебе сказал, что она меня любит? — вновь мрачнея, спросил я.

Лис страдальчески сморщился.

— Мессир Вальдар! Видимо, вы единственный человек в Британии, которому это пока еще не понятно.

Девочка просто обиделась. Сейчас наверняка уже проплакала, посуду побила и ждет вас с распостертыми объятиями.

Рейнар подошел ко мне, нежно обхватил за плечи, несколько раз хорошенко встряхнул и, отпустив, дружески ткнул кулаком в солнечное сплетение. Я уклонился.

— Ты гляди, ожил! — с деланным изумлением воскликнул он. — Ну так я пошел собираться!.. — Серж куртуазно поклонился и направился к двери. — Да, вот еще, мон шер ами! Ты прикинь, наследник Арагонского престола — это не самая худшая крыша для нашей скромной исторической миссии.

— Лис, я надеюсь видеть тебя через две недели, — оборвал я разглагольствования моего друга.

— Хорошо, хорошо, не злись. Да! Будешь в Европе — заедь к де Жизору, поговори с ним о делах наших скорбных, а заодно и Виконта нашего проведай.

Лис наконец вышел, едва не пришибив дверью Шаконтона, который, прислонившись к стене, ждал окончания нашей беседы.

— Юноша, вас учили, что подслушивать за дверью некрасиво? — обратился к нему Рейнар.

— Что вы, милорд, — возмутился Александр. — Как я мог!?

— При помощи ушей, — Лис назидательно надвинул ему на нос бархатную шапочку с вышитым вепрем Нейвuros, пижонски украшившую макушку оруженосца, и поспешил прочь. Тот почтительно остановился на пороге и, поправляя головной убор, заговорщически спросил:

— Мессир Вальдар, а правда, что вы едете на континент?

— Ты же, Сэнди, не подслушиваешь! — удивился я.

— А я не подслушивал. Я догадался, — не краснея, парировал юный нахал.

— Ну, допустим, еду. Тебе-то что?

— А мне с вами можно? — робко поинтересовался Шаконтон.

— А лорд Джон отпустит? — с сомнением спросил я, мысленно прикидывая, что должность оруженосца

при моей особе после вербовки Виконта по сей день остается вакантной...

— Отпустит! — радостно подскочил юный искатель приключений. — С вами куда хочешь отпустит! Так я собираюсь побежал! — юноша дернулся к выходу.

— Э-э, мил друг, не так быстро. Разузнай-ка сперва, когда ближайший корабль на континент.

Шаконтон пожал плечами:

— А что тут узнавать? Через три дня эскадра Меркадье, назначенного коннетаблем во французские владения короны, выходит из Вулиджа.

— Что ж, хорошая компания.

Александр вновь сделал попытку выскочить за дверь. Я придержал его за рукав.

— Только, Сэнди, ради Бога, потише! Вовсе не нужно, чтобы о нашем отъезде знала вся округа. Не хватало еще, чтобы моя сестрица увязалась вслед за нами... — Я рефлекторно оглянулся.

Мой новоиспеченный оруженосец хлопнул себя по лбу.

— Да! Чуть не забыл. Я как раз только что видел госпожу баронессу...

Я внутренне напрягся, ожидая продолжения.

— И что ты ей сказал? — почему-то шепотом спросил я у слегка обескураженного Шаконтона.

— Ничего... Ее милость велела вам передать, что отправляется погостить в Кайер Урмарк к лорду Мерлину и его прелестной супруге.

Я вздохнул с искренним облегчением.

— Ну что ж, мы должны быть благодарны за это ее милости...

Что я всегда не любил в портах, так это запах... Никакие ветры дальних странствий не могут выдуть отсюда ароматы гниющей рыбы, сырых кож, дегтя, пота, словом, всего того, что является неотъемлемой частью начала морских путешествий. Дюжие грузчики, волокущие на своих спинах бочки, мешки и другую разнообразнейшую кладь, почтительно уступали дорогу брезгливо фыркавшему коню. Богато одетый всадник, восседавший на нем, судя по руке, прижатой к носу, невыносимо страдал. Причем, увы, не насморком...

Внезапно его, то есть мое, внимание было привлечено изрядным скоплением народа у дверей корчмы, над которыми красовалось потемневшее от времени изображение акулы, грызущей якорь. Толпа веселилась вовсю: оттуда то и дело доносились взрывы хохота и насмешливые возгласы, перемежаемые странным уханьем, напоминающим по тембру пароходные гудки. Заинтересовавшись происходящим, я подъехал поближе. Мое возвышенное положение позволило лицезреть забавную картинку. В кругу радовавшихся от души моряков, грузчиков, внезапно выздоровевших нищих калек и прочего портового сброда два здоровенных обнаженных по пояс толстяка со связанными за спиной руками что есть силы толкались животами, пытаясь выпихнуть противника из очерченного круга. Телеса силачей лоснились от жира, они пыхтели, рычали, изображая крайнюю степень озверения, чем приводили в неописуемый восторг почтенную публику. Пораженный зрелищем этого нетрадиционного единоборства, я, наклонившись, ловко выдернул из плотной толпы чумазого мальчишку лет двенадцати-тринадцати, усердно работавшего локтями в тщетной надежде пробиться в первые ряды. Подросток, вися в воздухе, казалось, не заметил внезапного неудобства, а, наоборот, обрадованный улучшением обзора, оглушительно заорал:

— Давай, Вилли!! Надери ему задницу! Я на тебя поставил целый пенс!

Держа мальчишку на вытянутой руке, я слегка встряхнул его, стремясь привлечь к себе малую толику его внимания. Малец удивленно вскинулся и, увидев, какому знатному рыцарю он попал в руки, тут же пустился в объяснения, захлебываясь от восторга и дергаясь, словно марионетка.

— Вон тот, толстый, — его рука метнулась вверх неописуемым жестом, — это наш Вилли из Вулиджа! Держись!! — опять завопил он. — А этот — Майк из Сэндвича. Он в прошлом году выиграл Кубок Пяти Портов! Так теперь он думает, что может справиться с нашим Вилли! — Мальчишка оглушительно засвистел. У меня тут же заложило уши.

— Эй, парень! — окликнул я фаната этого европейского эквивалента сумо. — Это очень занято, но ты мне лучше скажи, где найти начальника порта?

Абориген презрительно уставился на меня и после секундной паузы, утратив ко мне всяческий интерес, неопределенно махнул рукой в сторону:

— Там, в башне.

Я отпустил добровольного комментатора и, разворачивая коня, услышал неописуемый грохот, взрыв гомерического хохота и пронзительный вопль моего гида:

— А-а, слабак ты, Вилли!!

Хмыкнув, я пустил коня вскачь, размышляя о вреде увлечения азартными играми в столь юном возрасте. Миновав стражников, несущих караул у мрачного вида сооружения, бывшего скорее всего современником норманнского нашествия, я, придерживая меч, взобрался вверх по крутой лестнице в апартаменты начальника порта. Почтенного вида пожилой человек с массивной золотой цепью на груди поднялся мне навстречу, приветствуя знатного гостя.

— Чем могу служить, мессир?

— Друг мой, я был бы весьма вам благодарен, если бы мог получить от вас некоторые весьма интересующие меня сведения.

— Я весь внимание, — учтиво ответил рыцарь.

— Я хотел бы узнать, когда и на каком корабле отбыла из вашего порта ее высочество принцесса Арагона Лаура-Катарина Каталунская?

Мой собеседник подошел к стеллажу, набитому пухлыми книгами в засаленных кожаных переплетах, и взял одну из них.

— Та-ак, посмотрим, — открыв ее, он пальцем начал водить по записям, близоруко прищурившись. — Нашел. Вот, корабль «Элефант», зафрахтован наследницей Арагонского престола, направляется в Бордо, вышел из порта 13 апреля, то есть пять дней назад... Тьфу! — он трижды сплюнул через плечо. — Я еще советовал ей подождать выходить в море в этот день — дурная примета, но ее высочество очень торопились. Она заплатила капитану Грэхему двойную плату про-

тив обычной, чтобы он поспешил. Что еще?.. — начальник порта задумался. — Да, команду она не набирала. Вот все, что я могу вам сказать.

Да уж, новости были неутешительные, но это было примерно то, что я ожидал услышать.

— Благодарю вас, сэр, — я учтиво поклонился. — Вы мне очень помогли.

— Всегда к вашим услугам, милорд. — Рыцарь проводил меня до двери, где мы вновь любезно раскланялись.

* * *

...Эскадра Меркадье стройным рядом стояла у пирса, ожидая утреннего бриза, чтобы отправиться в путь. Погрузочные работы приближались к концу, лишь кое-где по сходням еще закатывали бочки со свежей пресной водой. Я направился к флагманской галере «Северный лев», возле которой на пирсе маячила заметная фигура Эдвара Жильбера Кайяра де Меркадье, следившего за ходом работ. Увидев меня, он замахал в воздухе огромными лапищами, напоминая железнодорожный семафор:

— Ну как?

— Корабль «Элефант», порт назначения — Бордо, пять дней тому назад, — пасмурно ответил я, спрыгивая с коня.

Меркадье участливо хлопнул меня по плечу, едва не сломав мне ключицу:

— Да ты не грусти, найдем мы ее, принцессу твою. Эй! — крикнул он одному из слуг, стоявших чуть поодаль. — Отведи коня господина рыцаря на корабль да гляди, устрой получше. Сам проверю! — коннетабль грозно показал кулак слуге.

— Идиот! — внезапно закричал он на какого-то грузчика. — Куда ты катишь эту бочку? Не туда! Извини, Вальдар, за этими мошенниками не уследишь. — Меркадье широкими шагами направился к провинившемуся грузчику, скавшемуся в предчувствии неминуемого наказания.

— Милорд! Милорд, — кто-то робко дернул меня за рукав. Я обернулся. Невзрачного вида человечек в

потрепанной одежде и с лицом, выдающим пристрастие к горячительным напиткам, настойчиво требовал внимания к себе.

— Чего тебе, милейший? — рассеянно глядя, как Меркадье пинает грузчика, спросил я.

Оборванец тяжко вздохнул.

— Милорд, только превратности судьбы, ввергшие меня в крайнюю бедность, вынуждают меня к вам обращаться. У меня восемь детей, жена умерла...

Я поморщился:

— Ну да, ну да, — достав из кошелька какую-то мелкую монетку, я протянул ее попрошайке.

Тот отпрянул:

— Что вы, милорд! Вы меня не так поняли! — человечек гордо выпрямился и сделал попытку запахнуться в драный плащ. — Я не нищий! Я ученый лекарь, последний ученик великого Авиценны.

Я попытался вспомнить, когда же умер сей достойный муж, и, по моим подсчетам, его последнему ученику было никак не меньше двухсот лет. Ну что ж, он неплохо выглядел для своих лет.

— ...Большую часть своей жизни я провел в дальних странствиях, посвяшая дни свои сбору драгоценных крупиц лекарского знания, — разливался соловьем последователь персидского лекаря. — Но теперь злосчастная судьба...

— Так чего вы хотите от меня? — перебил я попрошайку, понимая, что напоролся на профессионала.

— Я хотел бы продать вам средство от морской болезни! — торжественно произнес «лекарь» и извлек из-под плаща глиняный горшочек, обмотанный тряпкой. — Я нашел его рецепт в катакомбах египетских пирамид. Это тайное снадобье жрецов... Изиды!

Я, в изумлении вытаращив глаза, слушал образованного мерзавца. Тот, решив, что клиент вполне сошел с ума, весьма натурально пустил слезу и протянул мне свое сокровище.

— Вот, для себя хранил. Да, видно, не придется мне уже...

Я открыл горшочек, наполненный какой-то вязкой желтоватой мазью. В воздухе отчетливо распространялся ее привкус.

странился запах горчицы. С трудом подавив улыбку, я состроил подобающее слуха задумчивое выражение лица и спросил:

— А как им пользоваться?

— Едва вы почувствуете приближение дурноты, — пояснил мне высокоученый муж, — вам следует выйти на палубу, дабы приток свежего воздуха облегчил ваши страдания. А затем, окунув указующий и средний персты в сию чудодейственную мазь, поместить их поглубже в вашу сиятельную глотку. Проделывать сие надлежит, созерцая у борта бег волн. Всего один золотой, — вдохновенно завершил мошенник.

«Подобный труд должен быть оплачен, — подумал я, извлекая золотой и протягивая его смиренно стоящему любимцу Авиценны. — Какая энергия, какой полет фантазии!»

— Только для вас, — человечек протянул мне горшок, тщательно протерев его грязным рукавом. — Вы мне сразу понравились.

— А это что такое?! — загремел над моей головой рокочущий бас Меркалье. — Прочь отсюда, попрошайка.

— Спокойнее, Эд. Это почтенный человек. Он заработал свои деньги.

«Почтенный человек» проворно отскочил в сторону и стал пятиться, опасливо глядя на грозного гиганта.

— Что за дрянь ты у него купил? — презрительно сморшив нос, спросил Меркалье.

— Зря ты так. Отличная приправа к жареному мясу. Я дам тебе попробовать.

У портового медика, чутко прислушивавшегося к нашему разговору, хитро заблестели глаза. Похоже, моя реплика вдохновила его на новые идеи...

* * *

Уединившись в своей каюте, я рухнул на жесткую койку и начал мысленно прикидывать маршрут своего движения в Арагон, стараясь проложить его так, чтобы он проходил подальше от владений короля Филиппа-Августа. Не думаю, чтобы наша встреча доставила ему

особую радость, а уж мне — так и подавно. В отношении к моей скромной особе короли Англии и Франции были единодушны — они меня, мягко говоря, недолюбливали. Окажись я во власти одного из них, им бы не составило труда договориться, чтобы одна моя нога была здесь, а другая — там... А остальные части тела где-нибудь посередине, скажем, в Ла-Манше. Задумавшись над своей участью рыцаря печального обрата действия, я незаметно для себя перешел к воспоминаниям о вчерашнем ужине у графа Шейтмура.

С вежливым безразличием принял поток королевских милостей в виде замков, охотничьих угодий, титулов и крупных денежных сумм, граф Уолрен поспешил откланяться и удалился в милый его сердцу Тауэр. Вскоре, прямо накануне нашего отъезда, мы с Меркадье получили приглашение от «его светлости герцога Норфорка, графа Шейтмура и прочая, прочая» на званный ужин.

— Что-то я не слышал, — задумчиво произнес Меркадье, в роскошном лондонском поместье которого я жил эти дни, — чтобы Варрава устраивал пиры. Больше всего это напоминает военный совет. Извинись за меня, если я вдруг опоздаю, — обратился он ко мне. — Мало ли какие дела могут быть в порту.

Я, как наименее загруженный государственными делами, явился первым из приглашенных. Стол в кабинете канцлера Пурпурной палаты был накрыт на пятерых. В ожидании остальных гостей мы вежливо разговаривали с графом о моих дальнейших планах и внешней политике короля Джона. Услышав, что король положил на мое и Лисовское имя крупные суммы в банковской конторе Родерико ди Амальфи, Шейтмур хмыкнул и задумчиво произнес:

— Ну что ж, совсем не глупо с его стороны. Теперь, если его величество пожелает узнать, где находится в данный момент доблестный рыцарь Вальдар Камдил, ему будет несложно это сделать. Если вы, конечно, решите воспользоваться щедростью Джона Плантагенета, — граф вежливо улыбнулся.

Вскоре появился герцог Честер, облаченный в новенькое, с иголочки, одеяние коннетабля Англии, ши-

тое золотом и подбитое горностаем. Росселин лопался от гордости, учился счастьем и двигался с преувеличенной осторожностью. Демонстративно поправляя массивную золотую цепь с золотым медальоном, украшенным драгоценными камнями и чеканными мечами — символом его высокого положения, Шамберг с достоинством уселся за стол и поздоровался:

— Я счастлив приветствовать вас, милорд принц и милорд герцог!

— Здравствуй, Росс, — кинул я.

Шейтмур только молча поклонился, приветствуя своего собеседника.

Меркадье не заставил себя долго ждать. Он появился в дверях, пропахший дымом, шумный, большой, радующийся предстоящему путешествию на родину, и за столом моментально воцарилась непринужденная дружеская атмосфера. Росс, сразу же стряхнув с себя чужеродную английскую чопорность, громогласно объявил:

— Друзья! Мне рассказали пикантный случай! Графиня... мнэ- э... ну, скажем, Р. ... — и он стал рассказывать историю, содержание которой я не решаюсь приводить здесь из уважения к христианской добродетели. К тому же не все женщины одинаковы...

В самый разгар веселья дверь тихо отворилась, и в комнату вошла королева Джейн, закутанная в плащ. Честер умолк, не закончив фразы, да так и застыл с раскрытым ртом. Радостное ржание высшей английской аристократии смолкло как по мановению волшебной палочки.

— Добрый вечер, господа, — непринужденно произнесла леди Джейн. — Извините, я была вынуждена немного задержаться.

Меркадье смущенно стал прятать за спину выпачканные в смоле руки...

— Ну вот, все участники тайной вечери в сборе, — насмешливо произнес Варрава. — Умерьте свой пыл, герцог, — обратился он к Россу, гневно вскочившему при появлении королевы. — Смею вас уверить, все люди, собравшиеся здесь, — союзники, вне зависимости от того, как они относятся друг к другу. Приса-

живайтесь, ваше величество, — произнес Шейтмур, не вставая с места. — Нам предстоит обсудить дальнейшие совместные действия, если, конечно, среди нас нет желающих окончить дни свои на плахе.

Он обвел собравшихся немигающим взглядом.

— Я вижу, таковых нет. Что ж, это радует. Тогда, господа, и вы, ваше величество, нам стоит обсудить создавшуюся ситуацию и то, как нам необходимо действовать.

— Да что тут действовать?! — громыхнул Шамберг.

— Действовать, друг мой, всегда означает действовать, — мягким поучающим тоном заметил Шейтмур, — или вы думаете, что блестящие побрякушки, которые вы с такой гордостью носите, отобьют память у нашего дорогого короля? Или у вас самого плохо с памятью? Позвольте задать вам вопрос, чьи войска пару недель назад стояли под Венджерси?

— С тех пор много чего изменилось, — недовольно буркнул Росс, все еще не пришедший в себя от неожиданности.

— Милорд герцог, вы же не юнец, которому следует объяснять простейшие вещи. Где и когда законы мешали королям поступать так, как они находили нужным?

— Это верно, — усмехнулся Меркадье. — Джон не забудет нам своего унижения.

— Ерунда! — огрызнулся Честер, более из нежелания признать правоту своих собеседников, чем от уверенности в собственных словах. — Что он без нас может! Мы нужны ему!

Шейтмур утвердительно кивнул.

— В этом ты прав. Только благодаря тому, что на данный момент мы действительно ему нужны, сегодня я имею счастье видеть вас за этим столом. Но я подчеркиваю, мы нужны ему сейчас. Очевидно, будем еще нужны завтра, но очень и очень скоро наступит день, когда его величество перестанет в нас нуждаться. Не так ли, леди Джейн?

Молчавшая все это время королева медленно кивнула.

— Ну, это он пусть еще попробует! — на добродуш-

ном лице Меркадье появилась нехорошая ухмылка, обычно означавшая стремительно приближающийся конец намеченной жертвы. — У нас сила!

— О, можете не сомневаться. Если мы только дадим ему такую возможность — он непременно попробует. И, насколько я знаю короля Джона, вполне может быть, что успешно.

— Вы пытаетесь испугать нас, милорд? — сжимая кулаки, спросил Росс.

— Испугать? Вас? — Губы Джорджа Уолрена изогнулись в насмешливой улыбке. — Давно не слышал ничего глупее. Мой дорогой Честер, когда вы выезжаете на бой, как я заметил, вы надеваете прочную испанскую кольчугу. Однако толькольному идиоту придет в голову именовать вас из-за этого трусом. Это разумная предосторожность, не более того. Вот и то, о чем я говорю, также разумная предосторожность. Если мы хотим сохранить свои жизни и то положение, которое мы, по милости господней, имеем, то мы должны, если хотите, — он кивнул в сторону Шамберга, — мы вынуждены быть вместе и действовать совместными усилиями. Надеюсь, это более не нуждается в доказательствах?

Собравшиеся молча слушали речь канцлера.

— Отлично! — после минутной паузы продолжил он. — Если с этим вопросом все понятно, перейдем, пожалуй, к главному — что каждому из нас надлежит делать. Прежде всего вы, ваше величество, — Варрава галантно поклонился королеве. — Я должен сказать вам, леди Джейн, что восхищаюсь вами, как никогда не восхищался ни одной другой дамой. Не считите это за пустую куртуазность. Вы великая женщина! И я готов подтвердить свои слова под присягой даже на Страшном Суде. Я знаю, что вашему сыну, миледи, предстоит стать королем Британии...

В лазурных глазах Джейн неуловимой тенью мелькнуло удивление. Однако его заметил только я. А может быть, и Уолрен.

— Как по закону и подобает наследнику престола, — тихо произнесла она, благосклонным кивком благодаря Тауэрского Ворона за лестные слова в свой адрес.

— Ну да, конечно же, — не меняя тона, произнес наш «хлебосольный» хозяин. — Я беседовал с вашим астрологом, ваше величество. Незадолго до его смерти. Признаюсь, это была очень занятная беседа. Но извините, это к делу не относится. Надеюсь, что ваш сын унаследует ум и привлекательность матери, а также ловкость и отвагу отца. Уверен, если этому суждено случиться, — мы находимся в преддверии великого царствования.

Я с расслабленным видом созерцал золоченую резьбу, покрывавшую потолочные балки кабинета, с трудом подавляя в себе желание оглушить лорда Шейтмура чем-нибудь твердым и тяжелым. Однако, невзирая на тайные мои помыслы, он продолжал говорить, как и прежде, неторопливо и четко, словно чеканя каждое слово.

— ...И все же, миледи, прежде чем юный принц Эдуард сможет занять полагающееся ему по праву и его великим дарованиям трон, его подстерегает множество опасностей и невзгод. Нам с вами следует позаботиться о том, чтобы все эти неприятности существовали более в моем воображении, увы, привыкшем видеть угрозу даже в самых безобидных пустяках, чем наяву. А для этого, моя очаровательная королева, я должен стать вашим духовником и исповедником. Вы понимаете, о чем я говорю?

Леди Джейн вновь молча склонила голову.

— Вот и отлично, — произнес Варрава, усмехаясь. — Если вас смущает отсутствие у меня духовного звания, я попрошу вашего мужа даровать мне титул епископа Кентерберийского. Думаю, он мне не откажет.

Королева пристально глядела на Джорджа Уолрена, радостно смеявшегося собственной шутке, явно не видя повода для веселья. Смех стих, едва зазвучав.

— Вы со мной согласны, ваше величество? — уже абсолютно спокойно спросил новоиспеченный герцог Норfolk.

Супруга короля Джона медленно кивнула, не размыкая губ.

— Вот и прекрасно. Я знал, что мы с вами найдем общий язык. И еще, сударыня, поверьте мне, мое от-

ношение к вам проникнуто искренним преклонением и глубочайшим почтением. И все же я вынужден просить, более того, вынужден молить вас об одном. Не пытайтесь меня перехитрить.

Глаза Джейн вспыхнули затаенным огнем, но вслух она произнесла совсем другое.

— Простите, господа. Мне пора идти. Если никто не желает сказать что-либо, касающееся непосредственно меня, то я вынуждена оставить вас.

— Конечно же, ваше величество, — Шейтмур склонился в галантном поклоне. — Мои люди проводят вас.

Мы поднялись и последовали примеру хозяина, сопровождая куртуазным сгибанием спины уход королевы. Она улыбнулась одними губами и исчезла за дверью.

— Теперь вы, мессир Вальдар, — вкрадчивым тоном произнес лорд Уолрен, одаривая меня взглядом, подобным тому, которым молодой кот осчастливливает первую пойманную им мышь. — Вы, мой дорогой принц. Признаюсь, — он добродушно улыбнулся, — меня очень занимает ваш светлый образ. За месяцы вашего отсутствия я по крупицам, словно дивной красоты мозаичное панно, пытался воссоздать для себя картину вашей жизни. Поверьте, если когда-либо вам понадобится придворный биограф — лучше меня вам ни за что не сыскать.

— Благодарю вас, герцог, однако...

— Однако я вас сюда пригласил не затем, чтобы предложить вам свои услуги. Скорее наоборот. И хотя в вашем жизнеописании масса «белых пятен» и я с удовольствием бы побеседовал здесь с вами на самые разнообразные темы, но все же мы оставим удовлетворение моего любопытства до другого раза, а сейчас поговорим о другом.

— Благодарю вас, милорд, — слегка насмешливо бросил я. — Так чем же обязан я сегодняшнему вашему приглашению?

— Чем обязаны? — Варрава наполнил вином серебряный кубок, стоявший перед ним на столе, и залпом осушил его. — Ваше здоровье, господа! Обязаны вы своей феноменальной способности встречать в самые разнообразнейшие истории, которые, заметьте,

к вам лично никакого отношения не имеют. Правда, в конечном счете вы всегда побеждаете. Поверьте, эта черта в вас мне очень нравится. Говорят, — без всякого перехода продолжил он, — что вы вскоре намерены оставить Британию?

— Да, но в этом нет политического умысла. Исключительно личные дела.

— Я осведомлен об этом. Надеюсь, что имевшая место быть размолвка между вами и очаровательной каталунской принцессой окажется не более чем досадным недоразумением, о котором вам самим через некоторое время будет смешно вспоминать. Я вижу в вас, мой принц, будущего короля Арагона и спешу первым выразить вам свою радость по этому поводу. — Он замолчал, делая эффектную паузу перед деловой частью своей речи. — Однако мне почему-то кажется, что у вас тоже есть все основания принимать живеешее участие в судьбе юного принца Эдварда. Я не ошибаюсь?

— Допустим. Что из этого?

— Вы знаете, мой друг, с момента глупой и нелепой гибели короля Ричарда, коей вы были свидетелем, в Европе стало многое меняться и, увы, далеко не всегда в нашу пользу. Король Джон окончательно рассторился с императором, а посему королевство Аrelат, короной которого еще совсем недавно был венчан наш покойный друг и король, досталось младшему сыну императора Оттона — Иоганну Гессенскому. Но Бог с ним, с Аrelатом. В конце концов, это имперские земли, и нам нет до них дела. Хуже другое. Как стало известно мне из тайных источников, заслуживающих полного доверия, король Франции Филипп II Август, еще вчера клявшийся в непримиримой ненависти императору Оттону, сегодня ищет пути к заключению с ним мирного договора. Полагаю, что они найдут и дальше, образовав военный союз. Думаю, не нужно объяснять, чем это грозит Англии.

— Не стоит. Подобное положение дел развязывает руки французам, позволив Филиппу всеми силами удастить по французским владениям короны.

— Вы, как всегда, правы, — улыбнулся Шейтмур. — Поверьте, у меня и в мыслях нет сомневаться в полко-

водческом даре моего друга графа де Меркадье, но, как вы как-то метко заметили: «Лучшая победа — это несостоявшееся сражение». По-моему, на редкость мудрая мысль.

Я внимательно поглядел на своего собеседника. Не помню, когда я говорил эти слова, но фраза, без всякого сомнения, принадлежала мне.

— Не скрою, — продолжал Уолрен, — меня давно восхищали то изящество и ловкий расчет, которые вы неоднократно демонстрировали в своих действиях. Увы, мой принц, я не могу предложить вам ничего, достойного ваших превосходных качеств, но вместе с тем дело, по поводу которого я хотел бы посоветоваться с вами, имеет величайшее значение для нашей страны.

— Необходимо разрушить союз между Францией и империей, — констатировал я.

— О милорд! — с деланным восхищением воскликнул канцлер. — Господь наградил вас недюжинной проницательностью. Поверьте мне, ваше высочество, это дело архиважное. Мы все, весь народ Британии и, конечно же, в первую очередь ваш... — он внезапно умолк, — простите, я оговорился, наш будущий король, будем вам благодарны за этот подвиг!

Я подумал, что, кажется, еще не давал согласия на требуемую операцию, но отказываться, похоже, было уже поздно. Варрава мило улыбнулся, завершив беседу со мной фразой:

— Когда во Франции вам потребуется связаться со мной, сделайте это через вашего юного друга.

Произнеся ее, он тут же потерял ко мне всякий интерес, и дальнейшие слова были обращены к герцогу Честеру.

— Дружище Росс, надеюсь, ты не держишь на меня обиду за чересчур резкие слова, сорвавшиеся у меня с языка в пылу спора?

— А, пустое, — махнул рукой Шамберг.

— Вот и славно. Мне было бы очень больно обидеть тебя. Ты же знаешь, что среди всех лордов королевства друга, преданней меня, тебе не сыскать.

— Знаю, — проворчал Росс.

— И то, что все, о чем здесь говорится, делается только для нашей общей пользы, тоже знаешь?

Шамберг только вздохнул.

— Тогда слушай. Король наградил тебя герцогским титулом и мечами коннетабля, но это, увы, отнюдь не означает, что он хоть на миг стал доверять тому, кто недавно стучал копьем в ворота его замка. С этим необходимо бороться. Причем бороться решительно и непрестанно. Будь поближе к королю. Демонстрируй ему свою верность и преданность. Но не перегибай. Тебе ведь тоже вроде бы как следует опасаться короля. Джон знает, что как полководцу цена ему ноль. Даже тот маневр, которым он сбил с толку тебя и вас, мой принц, под Нейвуром, оказывается, присоветовала ему леди Джейн. Его величеству позарез нужен будет военачальник, на которого он мог бы положиться. Ты ему в самый раз.

Шейтмур замолчал, задумчиво поглаживая свои коротко стриженные волосы.

— Неплохо было бы устроить небольшую победоносную войну. Пожалуй, Шотландия для этого будет в самый раз.

— Опять проклятые горы! Черт бы их побрал! — тихо выругался Росс.

— Нет, в горы лезть не стоит. Глупое это занятие — гоняться рыцарям за головоногими дикарями по скалам и ущельям. Шотландцы сами нападут на нас. Я об этом позабочусь.

— И что дальше? — осведомился Шамберг.

— Дальше? Дальше лорд Невилл притащит их за собой в нужное место, где незваных гостей уже будешь ожидать ты. Поверь, ореол защитника Британии от нашествия тебе очень не повредит. Для нашего же дела он решительно необходим.

— А мне-то что делать? — внезапно вмешался Меркадье, дремавший после ухода королевы, положив голову на измазанные руки.

— Тебе? У тебя задачи не менее важные. Слушай внимательно. Если нашему другу мессиру Вальдару удастся расстроить переговоры Франции и империи, а я очень надеюсь, что ему это удастся, то скорее всего боевых действий у тебя не предвидится. Хотя возможно, что Филипп все-таки решится напасть, и, как мне представляется, в таком случае удар будет нанесен в

Лангедоке и, очень вероятно, под видом крестового похода. Впрочем, это только предположение. Папа Иннокентий III Лангедоком крайне недоволен, а король Франции после снятия интердикта¹ спешит выказать себя ревностным католиком. Ладно, посмотрим. Пока же, пользуясь тишиной, тебе следует тайно, но так, чтобы слух об этом дошел до Лондона, связаться с Артуром Бретонским и убедить его начать подготовку к высадке в Англии. О слухах можешь не беспокоиться, я их развею.

— А сам-то Артур здесь зачем? — недовольно бросил Росс.

— Артур? Абсолютно незачем! Но призрак этой высадки должен постоянно тревожить сон короля Джона. Да, и вот еще что. К вам непременно будут присыпаться всяческие лизоблюды: секретари, помощники, слуги, монахи — о каждом вам надлежит незамедлительно сообщать мне. Вот, на сегодня, кажется, и все. Надеюсь, для нас всех этот вечер не станет бесполезной тратой времени. И, как сказано в Экклесиасте: «Что бы ни стала делать твоя рука, делай это со всей мощью».

ГЛАВА 2

А может, и не стоит заходить на этот остров?..

Фернандо Магеллан

роснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Видимо, вчера, погруженный в свои мысли, я не заметил, как уснул. Не открывая глаз, я прислушался к своим ощущениям: плеск волн, довольно сильное покачивание корабля и мерные шлепки весел свидетельствовали о том, что эскадра уже вышла в море.

— Милорд! — услышал я чей-то испуганный мальчишеский голос. — Проснитесь, милорд, проснитесь ради Бога!

¹ Интердикт — папское наказание. Запрет священникам вести службы в землях, подвергнутых интердикту.

— Ну что еще такое? — недовольно пробормотал я, даже не потрудившись открыть глаза.

— Беда, милорд! Ваш оруженосец сошел с ума!

— Да? — я соизволил открыть глаза и удивленно приподнялся на локте. — И в чем это выражается?

Передо мной стоял вихрастый подросток лет четырнадцати, одетый в блио¹, со скакуном Меркадье, с абсолютно круглыми от испуга глазами.

«Видимо, кто-то из пажей Эда», — подумал я, затягивая штаны.

— Так что же он натворил? — повторил я свой вопрос.

Парнишка, захлебываясь от возбуждения, затараторил:

— Сначала он прыгал по палубе с двумя деревянными мечами. Потом начал кувыркаться, как обезьяна на ярмарке. Не выпуская мечей из рук! А теперь он стоит на корме на одной ноге и размахивает руками, — мальчишка нервно хихикнул.

— Быстро? — спросил я, затягивая пояс. Парень удивленно осекся.

— Д-да нет, не очень...

— Тогда нормально, — сказал я, успокаивающе кладя руку ему на плечо. — Пойдем посмотрим.

Мы выбрались на палубу. На корме галеры в лучах утреннего солнца эффектно вырисовывалась мускулистая фигура Сэнди, крутившая круги до-ин². Паж, семеня рядом со мной, ткнул пальцем в Александра и продолжил свой пылкий монолог:

— Вот, видите! Я к нему подхожу, спрашиваю: «Что ты делаешь?» А он стоит, — парнишка понизил голос до шепота. — Глаза закрыты, и под нос себе бормочет... «Я пришел в этот мир с пустыми руками и чистым сердцем. В помыслах моих нет жестокости. Но если дойдет до защиты чести и справедливости, сердце

¹ Блио — верхняя одежда; род кафтанов.

² До-ин — упражнение начальной ступени школ восточных единоборств, направленное на регулирование циркуляции энергии Ки.

мое будет подобно стали, а руки станут смертельным оружием»...

— Красиво излагает, — прокомментировал я.

Мы приблизились к моему оруженосцу. Заметив меня, он принял естественное положение на двух ногах и, выставив перед собой кулаки, поклонился. Мальчишка испуганно шарахнулся за мою спину и принялся бормотать «Отче наш».

— Чего это он? — заикаясь, произнес мальчишка.

Краем глаза я заметил еще нескольких испуганно заинтересованных зрителей из числа ограниченного бортами галеры контингента английских войск. Не имея ни малейшего желания добавить к своей репутации такой забавный штрих, как сумасшедший оруженосец, я решил реабилитировать Шаконтона в глазах почтенной публики.

— Чего? А вот чего! Эй, приятель! — позвал я одного из стоявших неподалеку копейщиков. — Поди сюда!

Солдат быстро подскочил ко мне. Остальные с интересом пододвинулись, предвкушая новое зрелище.

— Давно на службе? — задал я вопрос воину.

— Да уж семь лет, ваша милость.

— Это хорошо. Значит, копьем работать умеешь. Сможешь ты этого безоружного, скажем, достать?

Копейщик хмыкнул.

— Отчего ж не смочь? Смогу.

— Давай. Достанешь — получишь золотой.

В толпе раздались смешки. Воин обвел глазами своих приятелей и, широко улыбнувшись, перехватил копье поудобнее и двинулся на Шаконтона, терпеливо дожидавшегося своего противника. Когда первый раз острие копья мелькнуло в дюймс от обнаженной груди Сэнди, легко уклонившегося от стремительной атаки, воины изумленно ахнули. После того как это повторилось второй и третий раз, из толпы зрителей раздались улюлюканье и свист. Не на шутку разозленный копейщик, сделав ложный выпад, начал наносить коварный удар по дуге снизу вверх. Дальнейшее произошло так быстро, что, кроме меня, вряд ли кто-нибудь еще

успел понять, что, собственно, стряслось. Каким-то чудом копье перекочевало в руки моего оруженосца, вслед за чем, описав по сложной траектории дугу, захлестнуло горло нападавшего. Одновременно с этим колено Шаконтона врезалось в спину неудачливого вояки, обтянутую кожаной курткой. Тот рухнул на палубу, резко выдохнув от боли и неожиданности. Наконечник копья недвусмысленно уставился ему между глаз.

— Вставай, вставай, приятель! — весело крикнул я сконфуженному воину. — На, держи свой золотой, ты его честно заработал.

— Что, развлекаетесь? — раздался за моей спиной добродушный бас Меркадье. — Ловко это у тебя получается, малыш! — обратился он к польщенному Шаконтону. — А ну-ка, дай я попробую!

Он начал стягивать с себя котту¹.

— Постойте, граф! Мне нужно с вами обсудить важный вопрос...

Меркадье с неохотой одернул одежду и, тяжело вздохнув, пробурчал:

— Вечно ты не вовремя!

Тут как раз он был не прав. Лучше других зная, каков бывает Эд в рукопашной схватке, я поспешил спасти целостность молодого организма и репутацию моего оруженосца.

— Заканчивай, Сэнди, — бросил я через плечо и направился к Меркадье, в нетерпении ожидавшему меня у борта галеры, лихорадочно пытаясь сформулировать для себя то дело государственной важности, ради которого я посмел оторвать коннетабля английских владений во Франции от молодецкой забавы.

— Послушай, Эд, я хотел посоветоваться с тобой... Ты знаешь Францию лучше меня. Как, по-твоему, кто на сей день может там считаться лучшим полководцем?

Меркадье на минуту задумался.

¹ Котта — длинная накидка, вышитая геральдическими фигурами.

— Пожалуй, Симон де Монфор... д'Оннекур не-плох, но тугодум...

Не знаю, чем завершилась бы наша беседа, но тут рассуждения Эдварда Кайяра были прерваны звуком сигнальной трубы, раздавшимся с одной из дальних галер.

— Что там у них стряслось? — с тревогой произнес граф, всматриваясь в ту сторону, откуда донесся звук. — Сигнальщик, подай знак остановиться! — крикнул он.

Над морем вновь запела труба.

— Пусть пришлют вестового! — распорядился Меркалье.

Спустя четверть часа к борту галеры причалила небольшая лодка. Гонец, поклонившись, начал объяснять причину сигнала:

— Ваше сиятельство! Мы обнаружили остатки кораблекрушения.

— Ну и что? — недовольно спросил Меркалье. Посыльный, слегка стушевавшись, пояснил:

— Судно, судя по обломкам, английское, неф¹.

— Название удалось установить? — сурово сдвинув брови над переносицей, произнес Эд, кладя руку на эфес меча.

У меня нехорошо заныло между лопаток. Штормов в последние дни не было, а значит, скорее всего судно подверглось нападению. Был ли попавший в передрягу неф тем самым «Элефантом», увозившим на материк мою маленькую принцессу, или же кому-то из вечных морских бродяг Фортуна отказала во взаимности? «Сколько тонет их в этих водах, — отгонял я назойливую мысль, червем-древоточцем сверлившую мозг. — Почему именно «Элефант»?»

— Нет. Корабль пошел ко дну. На поверхности лишь какие-то бочки, обломок мачты, доски...

— Жаль, черт возьми! Жаль! Но делать нечего. Возвращайся к себе на корабль...

— Ваше сиятельство! На мачте обнаружен труп какого-то дворянина. По гербу не англичанин.

¹ Неф — корабль, использовавшийся как для военных, так и для торговых целей.

— Что на гербе? — глядя на меня, спросил Эдвар.

— В лазури — золотая ветвь.

— Солнечная ветвь, — прошептал я, облокачиваясь на стол, чтобы преодолеть внезапный приступ дурноты. — Брантасоль! Где он?!

— Ваше высочество... — произнес посыльный и замялся. — Труп пробыл в воде несколько дней. Рыбы, птицы... Лучше не смотреть на этого господина. Тем более, прежде чем привязать несчастного к мачте, его, похоже, долго мучили.

— Вот даже как! — огромные кулаки коннетабля с грохотом опустились на столешницу. — Ну хорошо же! Шакалы! Они у меня еще пройдутся по доске¹! Ты знал его? — обратился он ко мне, в бешенстве расхаживая по каюте.

— Совсем немного, — с трудом выдавил я, не в силах преодолеть какое-то странное оцепенение, овладевшее вдруг мной. Мне очень хотелось расплакаться от беспомощности, но слезы за последние годы, видимо, забывшие путь к глазам, кипели где-то в груди, на подступах к горлу, с каждым вдохом все больше и больше сжигая мой разум.

— Эй, очнись! — Меркадье с силой тряхнул меня за плечо. — Что такое?

— Это корабль Лауры, — одними губами произнес я.

— Арагонской принцессы? — Эд остановился, внимательно глядя на меня, словно ожидая, что я скажу ему, что это розыгрыш. — Капитана ко мне! Живо! — рявкнул он так, что сновавшие вокруг корабля чайки взмыли вверх по крутой дуге да так и остались там, опасаясь снизиться.

Шкипер флагмана появился столь стремительно, что последние раскаты голоса грозного коннетабля едва не сбили его с ног.

— Тебе известно о кораблекрушении? — Эдвар-Жиль смерил вошедшего долгим взглядом.

— Известно, милорд! — ответил тот, почтительно

¹ Ходить по доске — вид казни. Длинная доска (весло) выставлялась за борт, и казнимый с завязанными глазами шел по ней.

глядя на молодого гиганта, явно желавшего немедленно кого-нибудь растирзать.

— Как ты полагаешь, — стараясь говорить как можно спокойнее, задал вопрос Меркадье, — кто может здесь промышлять?!

Старый моряк задумчиво пожал плечами.

— Промышлять пиратством, ваше сиятельство, здесь дело обычное. Тут, поди, и не разберешь, кто купец или, скажем, рыбак, а кто — распоследний головорез. А чаще всего между первыми и вторыми и разницы-то особой нет. Но вот одно можно сказать наверняка: если этот корабль — дело рук кого-то из местных, то Сен-Маргетский Аббат об этом наверняка знает.

— Монах? — с презрительной миной кинул Эд, с малолетства, похоже, испытывавший к слугам господним гадливое отвращение.

Морской волк как-то странно ухмыльнулся и взъерошил седеющую шерсть на подбородке.

— С позволения вашего сиятельства, монах. Однако одному ему ведомо, какому богу он служит. Если вам, милорды, будет угодно, я расскажу его историю так, как сам ее слышал.

Меркадье с некоторым сомнением посмотрел на меня. Я уже полностью овладел своими эмоциями и готов был к действию, как когда-то было написано на гербе нашей доблестной части: «В любое время, в любом месте, любыми средствами». Мысли, выстроившиеся в ровные штурмовые колонны, рвались на приступ самой неразрешимой из проблем. Загвоздка была пока что лишь в одном — четко сформулировать цели и задачи.

Я вполне допускал, что нападение на «Элефант» было делом рук пиратов. Судя по тому, что тело несчастного рыцаря, возглавлявшего охрану Лауры, было зверски истерзано, наверняка не обошлось без них, но вместе с тем передо мной неотвязно, словно призрак сумасшедшего налогового инспектора, маячил светлый образ императора Оттона и его криворотого сынка. Последнего, правда, мне видеть никогда не доводилось, но услужливое воображение живо ри-

совало его средоточием всех возможных уродств и пороков.

Ободренный нашим молчанием, шкипер начал свое повествование.

— Значит, дело было так. Лет тридцать назад, еще при прежнем французском короле, когда тот только начал присоединять к своему домену земли графства Вермондуа, против него выступил один местный рыцарь, не пожелавший повиноваться Людовику. Звали его шевалье де Монмюзон, а может, и как иначе, до подлинно мне неизвестно. Уж и не знаю, как долго смог он держаться против королевских войск, а только в конце концов замок его взяли и, в назидание люду, сровняли с землей. Самому же рыцарю отсекли голову, руки и ноги, чтоб впредь неповадно было бунтовать.

Эд усмехнулся. Видимо, подобный метод убеждения мятежников был вполне ему по душе.

— А у этого шевалье было три сына. Старшего в ту пору в отчем доме не было, он уже сам заработал золотые шпоры и искал славы за тридевять земель. Средний, который в ту пору только вошел в пору мужества, в бою был рядом с отцом, но, увидев, что военная удача на стороне короля, доверил спасение своей жизни ногам скакуна и благополучно избежал расправы. Младшему же из братьев едва исполнилось десять лет, но на короля, ступавшего по его разоренному обиталищу, он глядел столь гордо и независимо, что Людовик повелел оставить ему жизнь и для смирения духа отправил на конюшню выносить конский навоз и чистить стойла. Клянусь святым Маргетом, переплывшим некогда Аквитанское море, стоя на каменной глыбе, чтобы вештать язычникам слово Божье, это была не лучшая мысль его величества. Как-то ночью, дождавшись, пока все остальные слуги уснут, мальчишка бежал, предварительно перебив поленом ноги королевских скакунов. Понятное дело, Людовик был в ярости. Беглена поймали и, прежде чем представить пред очи августейшего монарха, нещадно высекли на конюшне кнутом. Да так, что забили едва не до смерти. Ходить он недели, этак, две не мог. Когда же нако-

нец его притащили к Людовику, разгневанный батюшка нынешнего короля Филиппа велел сварить маленького разбойника в кипящем масле. На счастье приговоренного, как раз в тот день начинался светлый праздник Пасхи, и его величество в честь этого смилиостились и заменили казнь заточением в монастырь на Иль-Сен-Маргет, известный своим крайне суровым уставом.

Может быть, на том бы все и окончилось, и брат Клод, как теперь его звали, стал бы примерным слугой Божиим, но спустя десять лет после того, как маленький бунтарь впервые преклонил колени перед мощами святого Маргета, произошло следующее. Как-то утром в ворота монастыря, который, к слову сказать, возвышался на неприступной скале и был настоящей крепостью, постучалось несколько мокрых и оборванных мужчин, назвавшихся рыбаками, чудом спасшимися с разбившейся о камни барки. Святой Маргет, как известно, покровительствует морякам, к тому же, судя по выговору, все просившие действительно происходили из этих мест, так что просьба об убежище не вызвала и тени сомнений у святых отцов. Тем больше было их негодование, увы, бессильное, когда, едва дождавшись темноты, мнимые рыбаки перебили стражу у ворот и, открыв их, впустили в стены обители толпу отчаянных головорезов.

В очень скромом времени одни монахи были убиты, другие, невзирая на их священный сан, взяты в плен и на следующее же утро оказались прикованными к веслам на пиратской галере.

С этого дня стены обители стали надежным гнездом для шайки негодяев.

— Ну а этот-то, твой аббат? — недовольно рыкнул Меркадье, возвращая шкипера, в котором явно пропадал великий сказитель, к интересовавшему нас предмету. Слова коннетабля несколько обескуражили шкипера, тут только заметившего, что его сиятельство, слушая его, нетерпеливо барабанил пальцами по пергаменту, испещренному какими-то значками и рисунками, напоминающими экзерсисы ученика младших классов художественной школы. Ум проница-

тельный и искушенный в решении ребусов и загадочных рисунков в зрелом размышлении вполне мог бы заподозрить в нем карту Франции и прилегающих к ней вод.

— Прошу простить меня, милорды, — смущенно произнес капитан, решая, видимо, более не загружать наши головы живописанием всех перипетий жизни Сен-Маргетского Аббата. — Если вы позволите, я продолжу.

— Давай, — напутствовал его мой бывший оруженосец, — только говори по делу.

— Слушаюсь, ваше сиятельство, — поклонился рассказчик. — Я подхожу как раз к самому главному. Однако должен вам заметить...

Я тихо вздохнул.

— Ну да, ну да, — смешавшись, пробормотал он. — Так вот, значит. Пираты захватили монастырь, и велико же было удивление молодого священника, когда он узнал в вожаке негодяев своего среднего брата. Молитвы и посты единым духом вылетели из его шальной головы. Братья обнялись и последующие три года плечом к плечу сражались на палубах чужих кораблей, творя свой злодейский промысел.

И вот уже при нынешнем короле Филиппе к острову как-то подошли несколько боевых кораблей под флагом его величества. Взять пиратское пристанище штурмом командир этой эскадры решил не пробовать. И правильно. Крепость на острове поставил еще великий Цезарь, направляясь в Британию. Удобная, закрытая от штормов бухта делает остров прекрасной перевалочной базой...

— К делу! — рявкнул Эд.

— Да-да. Крепость отлично укреплена, а потому рыцарь, посланный королем покарать разбойников, решил прибегнуть к осаде. Он блокировал выход из бухты и, высадив часть своих солдат на берег, перекрыл единственную дорогу, ведущую от гавани к монастырю, тем самым отрезав осажденных от провинта и воды. Несколько раз пираты пробовали делать вылазки, но безуспешно. Их каждый раз отбрасывали назад с большими потерями. А спустя месяц продо-

вольствие в стенах цитадели было уже на исходе, и главарь пиратов — брат Клода — заговорил о сдаче. Но не тут-то было! Аббат Сен-Маргета, как раз в те дни и получивший это прозвище, выхватил меч и отсек голову своему брату, как будто это был какой-нибудь грязный сарацин. Потом, спрятав ее в мешок, он послал одного из своих верных людей с этим подарком к королевскому военачальнику, предлагая поутру сдать ему крепость в обмен на жизнь.

Утром, как и обещал «аббат», ворота обители были открыты, а на стенах толпились защитники, размахивая пустыми руками в знак сдачи.

Довольный полководец вместе со своей свитой начал подниматься вверх по дороге, выбрубленной в скалах, туда, где ждал его «аббат» Клод с ключами от Сен-Маргета. Одним словом, все было так, как и должно быть, вплоть до того момента, когда на башне цитадели запела боевая труба. Ворота сейчас же захлопнулись, а со скал на торжественную кавалькаду посыпались огромные камни и стрелы. В то же время корабли, дотоле спокойно стоявшие в гавани, начали один за другим выходить в море. Оказывается, ночью новый предводитель пиратов отобрал лучших из своих головорезов, на веревках спустил их вниз со скалы, и те, добравшись вплавь до кораблей, одолели вялое сопротивление сонных матросов и захватили их всех до единого.

— И что, никто не поднял тревогу? — недовольно произнес Эд, внимательно слушавший описание пиратской стратегии¹.

Шкипер пожал плечами.

— Никто не ожидал нападения на корабли. А если кто-то и пробовал подать сигнал на берег, то там в это время царило такое ликование, что никто просто не обратил на них внимания. В общем, как я уже сказал, корабли были захвачены, королевский полководец и многие другие рыцари убиты, прочие же ранены. Водушенные успехом, разбойники поспешили устроить вылазку, чтобы сделать свою победу полной.

¹ Стратегма — военная хитрость.

Впереди в кольчуге поверх сутаны с обнаженным мечом в руках бежал Клод де Монмюзон. Солдаты, остававшиеся на берегу, очень быстро поняли, что, отрезанные от кораблей, лишенные командования, они обречены на гибель, и потому поспешили сложить оружие. Впоследствии часть их перешла на сторону негодяев. Те же, кто не пожелал становиться пиратом, были проданы на невольничих рынках...

Услужливая память, словно фокусник, вытаскивающий туза из колоды, моментально нарисовала панораму рыночной площади Александрии после взлета с нее именного дракона двадцать третьего герцога Бедфордского.

— ...Когда же бой стих и Сен-Маргетский Аббат стал возвращаться в свое логово, он приблизился к мертвому королевскому полководцу...

— ...И узнал в нем своего старшего брата, — проговорил я в тон рассказчику.

— Да! Верно! Вы знали об этом? — недоумевающе поинтересовался капитан.

— Нет. Догадался, — ответил я. — Иначе зачем было бы в начале упоминать о братьях этого пирата?

Морской волк глубоко задумался.

— И верно!

— Послушайте, мой дорогой друг. Кто рассказал вам эту поучительную историю?

— Гарсю де Риберак, трубадур, возвращающийся ныне из Англии на родину.

— Трубадур, — хмыкнул Меркадье. — Ну, эти много чего расскажут.

— Гарсю утверждает, что провел в пленау у Сен-Маргетского Аббата больше года и только чудом спасся, бежав из крепости.

Мне невольно вспомнилась вывеска корчмы в порте Вулидж с акулой, грызущей якорь, и почему-то мучительно захотелось, чтобы на месте этой акулы был наш капитан.

— Так волоки его сюда! — неожиданно для себя рявкнул я.

Шкипер попятился.

— Постой, — поманил его пальцем Эд. — Ну-ка покажи, где этот самый остров.

Он повернулся к нашему собеседнику то, что с очень сильным допущением можно было именовать картой.

— Вот здесь, — едва взглянув на карту, кинул наш просоленный морской волк, тыкая пальцем в какую-то загогулину, которую я бы, наверное, по простоте душевной принял за чернильную каплю, ненароком сорвавшуюся с пера.

— Отлично! А теперь давай сюда своего певца. — Меркадье хлопнул ладонью по карте, накрывая остров и пол-Европы в придачу. — Значит, курс на Сен-Маргет!

Гарсьо де Риберак постучал в дверь нашей каюты вскоре после ухода капитана, но запах ароматических притираний, которыми он щедро умывал свое тело, травмировал мое слабое обоняние минуты за две до этого.

— Вы позволите? — спросил он. Голос его был тих и нежен. Кожа бела, золотистые локоны густы и шелковисты, а печальный взгляд голубых с поволокой глаз, мерцающих подобно двум сапфирам из-под длинных, слегка изогнутых ресниц, был томен, словно южная ночь. Словом, он принадлежал к той породе мужчин, которых хочется либо переодеть в женское платье, либо с ходу расквасить им нос.

Впрочем, не раз имея возможность убедиться в том, что внешность обманчива, я не торопился с физиономическими выводами.

— Позвольте, черт возьми, — громыхнул Эдвар, отрывая взгляд от карты. — Так это ты наплел сказок капитану о Сен-Маргетском Аббате?

— Я, ваше сиятельство. Только, видит Бог, это не сказки.

— Постой, — перебил я. — Дай-ка мне. Любезнейший, — обратился я к красавчику, удивленно взиравшему на нас. — Давай по порядку. Как ты попал в плен к пиратам?

— С позволения вашей милости, — трубадур испытывающе поглядел на меня, ожидая реакции на титулование. Он явно не знал, с кем его столкнула судьба, и, похоже, очень боялся попасть впросак.

Я молчал, ожидая продолжения рассказа.

— Вашего высочества, — недовольно поправил его коннетабль.

— О, извините, ваше высочество, я и в мыслях не имел...

— Мне повторить вопрос? — прервал я галантерейного певца, понимая, что сейчас мне на голову грозит излиться поток куртуазностей, подобный тропическому ливню.

— С позволения вашего высочества, покойный король Ричард, которому я имел высокую честь быть представленным, решив, видимо, сделать меня счастливейшим из смертных, в несказанной милости своей пригласил меня, недостойного вкушать счастье, коим он меня столь щедро и благосклонно одаривал, к своему блистательному двору; коему не было равных ни в Европе, ни в отдаленных землях Леванта, мужество рыцарей и прелесть дам которого затмевают все, ранее ведомое, дабы я, в меру скромного таланта моего, уладил мелодичным пением слух его благородных придворных...

Эд обхватил голову руками и, завыв, словно волк, мучимый запором, начал раскачиваться из стороны в сторону.

Поистине, все познается в сравнении. После такого паводка бессмысленных витиеватостей рассказ капитана казался лаконичным, как сводка новостей.

«Интересно, — подумал я. — Если бы я остался «войной милостью», может быть, он стал говорить менее напыщенно?»

— Выражайся проще! — воззвал я к христианскому милосердию пинта. — Король Ричард пригласил тебя приехать в Англию и петь там при дворе? Да или нет?

— Да, ваше высочество...

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Скорее всего дело обстояло не совсем так, как представлял себе вдохновенный пасынок Аполлона. Зная, как мало времени наш покойный друг Ричард проводил в Англии и помня его любовь к разного рода грубым забавам, можно предположить, что, отобрав самого вдохновенно-нудного из всех трубадуров Южной Франции, король попросту отоспал его в Лондон, при этом одним махом открыв прелестному гастролеру все двери коро-

левства и изрядно, я думаю, прибавив тем самым головной боли и несварения желудка диковатым английским баронам.

— Ты плыл на корабле, который захватили пираты?

— Точно так, мой принц. Вы представить себе не можете...

— Могу. Оставим это. Что ты делал в плену?

— Господь, не покидающий страждущих...

— Проще, черт возьми! Или я выкину тебя за борт и ты пойдешь во Францию пешком!

Любимец муз испуганно заморгал, порывисто хватая воздух ртом.

— Продолжим. Ты попал к Аббату?

Музыкант кивнул.

— Что ему от тебя было надо?

— Я играл ему и пел, — тихо выдавил он.

— Вот, уже лучше. Он что, любит музыку?

— О нет! Но этот пират изображает из себя большого сеньора. Его все еще именуют Аббатом, но он уж требует от своих гнусных разбойников, место которым...

— Э-э-э! Ты хорошо начал. Я знаю, где место гнусным разбойникам!

— Он требует, чтобы они звали этого грязного борова герцогом де Сен-Маргет.

— Понятно. Он уже сделал себе двор из всякого сброда?

— Вы говорите так, будто вам все ведомо наперед. Вы ясновидящий?

— Нет. Я просто видящий ясно. Итак, вы играли и пели.

— Да, ваше высочество. Каждую ночь этот мерзкий душегуб приводил с собой двух девиц из нескольких десятков, живших у него в плену, и устраивал с ними жуткую оргию, отвратительный вид которой вызывал к небесам об отмщении. А я был вынужден играть и петь для них.

У меня сильно колнуло сердце.

— Как ты бежал?

— Однажды совершенно случайно мне удалось увидеть потайную дверь, ведущую из спальни пирата в

подземный гrot. Там были спрятаны лодка, оружие, запас еды и золото. Очень много золота. В общем, все, что нужно для побега и дальнейшей безбедной жизни. Страх толкал меня на действие. Я вышел в море и, каждую секунду ожидая погони, греб что есть сил. На мое счастье, Господь во всеблагой милости своей сжалился надо мной и к исходу второго дня меня подобрал английский корабль. Вот и вся моя история.

— Ты должен будешь нам помочь, — тоном, не допускающим возражений, отрезал я. — Мне надо будет проникнуть туда. В спальню Аббата. Найдешь дорогу?

Трубадур широко открыл глаза и, побледнев, пристально уставился на меня. Я не шутил.

— Найду, ваше высочество, — прошептал он.

— Вот и чудесно! Эд, что там у тебя выходит?

Меркадье, решивший предохранить свое душевное здоровье от натиска высокого слога, все время допроса, сидя над своей картой, занимался какими-то непонятными исчислениями.

— Завтра до заката остров будет у нас на траверзе¹.

ГЛАВА 3

На любой ваш вопрос дадим мы
ответ:

У нас есть «максим», а у вас его нет!

*Английская солдатская песня
времен англо-бурской войны*

ль-Сен-Маргет темнел на горизонте, подобно огромной драконьей голове, выглядывающей из морской бездны. В зыбких весенних сумерках зубчатый гребень крепостной стены, венчавший поросшее редколесьем нагромождение гранитных скал, сливался с шипастым каменным хребтом, сползающим в море, придавая пейзажу вид мистический и жуткий.

— Один жонглер, в высшей мере заслуживающий доверия, — зашептал Гарсьо де Риберак, лежа на дне

¹ Траверз — направление на какой-либо предмет, перпендикулярное курсу корабля.

небольшой лодки, медленно дрейфовавшей в сторону острова, — рассказывал мне, что в незапамятные времена вся гряда этих островов, первым из которых является Сен-Маргет, была огромным крылатым змеем.

Трубадур словно читал мои мысли. После нашего вчерашнего знакомства он сильно изменился в лучшую сторону. Во всяком случае, теперь сей вдохновенный певец избегал перегружать свою речь изысканной бессмыслицей в галантном духе. Правда, пока что это удавалось ему с трудом, и он то и дело замолкал, подбирая слова и избегая витиеватостей.

— Этот змей, или, по-другому, Дракон, — продолжал он, — был совершеннейшим сосредоточием всяческой премудрости и всеми признанным отцом магического знания.

Я прислушался. Кажется, Оберон тоже как-то упоминал о драконе, обладавшем магическими способностями.

— ...У него был ученик. Человек. Совершеннейший из людей. Постигнув нелегкую науку магии и трансмутации¹, он странствовал по свету, делясь крупицами своего знания с жителями Ойкумены. И те становились сильнее, и смело открывались глаза их, и гордо глядели они на мир вокруг себя. Чем больше становилось таких смельчаков, тем меньше оставалось страха в сердцах племен и народов — тем скучнее становились жертвы, приносимые Дракону...

Трубадур вещал, самозабвенно прикрыв глаза, перейдя с шепота на негромкий напев. Похоже, брызги волн, беспокоившие его поначалу, сейчас потеряли для него всякое значение. Вот уже около часа мы медленно приближались к острову. Начинало темнеть, и скоро уже можно было налегать на весла. Пока же мы старались не высовывать носа из-за борта, лишь изредка макушка Сэнди, лежавшего у руля, на какую-то долю секунды появлялась над кормой.

— ...Тогда этот Дракон разъярился и в отместку за

¹ Трансмутация — переход одного вещества в другое. Один из основных предметов изучения в алхимии.

непокорство начал сжигать города и поселения своим пламенем. Не знаю, долго ли это продолжалось, но однажды, прилетев на высочайшую гору, где было его логово, он увидел, что вершина ее пылает жаром и подземный огонь сокращает его каменную твердыню. В неистовстве Дракон взмыл под небеса и, сжигая все на своем пути, полетел в эти края, где в кругу учеников жил тогда первый из людей, обладающий могуществом тайного знания. Ибо никто, кроме него, не мог вызвать возмущение стихийных духов, уничтожившее жилище змея. Где-то здесь тогда находился огромный остров, именуемый Островом Мудрых. Когда же величайший из земных магов, имя которого было Тотус...

«Гермес Тот», — про себя поправил я певца.

— ...узнал, что эта ужасная тварь приближается, он вызвал такую грозу, что молний в небе было больше, чем травы на земле. Пораженное в крыло, чудовище рухнуло в волны и, извиваясь от боли, полыхнуло огнем, опаляя благодатный остров, а поднимаемые им огромные волны прокатились по городам и поселкам его вслед за стеной бушующего пламени. Мало кто спасся в этот час. Но и им бы довелось расстаться с жизнью, ибо израненный Дракон еще продолжал биться в предсмертной муке, вздымая все новые и новые валы и изрыгая потоки пламени. И тогда Тотус, первый и могущественнейший из магов, которому были подвластны духи стихий, наложил великое заклятие на своего бывшего учителя и нынешнего врага.

Гарсю замолчал и задумался, переводя дух и делая эффектную паузу для выделения концовки своего повествования.

Я лежал, прижавшись к сырым доскам борта, вслушиваясь в плеск волн и рассеянно слушая негромкую речь трубадура. Легко было догадаться, чем закончится смертельная схватка чудовища и Тотуса-Гермеса, почему-то поселенного народным воображением на прародине его предков.

Сквозь сгущающиеся с каждой минутой сумерки все еще довольно четко виднелись очертания обрывистого утеса, напоминающего настороженно поднятое вверх драконье ухо. Что и говорить, в окаменев-

шем виде доисторическое страшилище выглядело более привлекательно, чем в живом, даже принимая во внимание его пиратское настоящее.

— Пора! — подал голос с кормы Сэнди, поднимаясь и поудобнее усаживаясь на шлюпочную банку¹. — С берега нас уже не увидеть. Куда править-то?

Наш проводник, бледность которого была заметна даже в сумерках, решил отложить завершение повести о славных деяниях повелителя стихий до лучшего раза и начал пристально вглядываться в горизонт. Я между тем спустил весла на воду и, стараясь плескать как можно меньше, стал грести к берегу.

— Вон туда, — трубадур указал пальцем на левую оконечность утеса, — там у основания большой камень. За ним что-то вроде бухточки. Она нам и нужна.

Спустя что-то около получаса мы были на месте. Вблизи драконье ухо оказалось более чем обитаемым. Глядя на десятки тысяч единиц пернатой живности, из которых чайки, на мой взгляд, отличались наибольшей молчаливостью, я невольно с грустью подумал, что доведись сегодня какому-нибудь могущественному магу снять заклятия с острова — чудовище бы оказалось не только колчекрыло, но и глуховато на одно ухо от многовековых птичьих воплей, висевших над этим местом.

Найдя указанный Гарсьо камень, мы действительно обнаружили малюсенькую бухточку, надежно прикрытую от буйства стихий. Правда, здесь едва могла развернуться наша лодка, но большего и не требовалось.

Найти «пожарный» выход из покоев пиратского преподобия не составило особого труда. Беглый певец, подобно большинству людей, имеющих дело с созданием и запоминанием больших текстов, обладал цепкой памятью.

Не могу сказать, что «тайная тропа», по которой нам предстояло проникнуть в глубь обороны нашего, надеюсь, еще не ведавшего о нападении противника, была удобна для передвижения. Нам вновь пришлось

¹ Банка — скамья в лодке.

улечься на дно лодки и, упираясь в борта ногами, буквально проталкивать вперед нашу посудину, отталкиваясь руками от низкого каменного свода. Наконец этот этап пути был пройден и мы достигли того места, где, как выражался Лис, «царь Кошеч над златом чахнет».

Злата здесь действительно оказалось вполне достаточно для полного зачахания. Конечно, после сокровищ, найденных нами в подземном хранилище Венджерси, наша с Шаконтоном психика была уже закалена настолько, что мы могли созерцать картину подобного изобилия без видимого ущерба для нее, но глаза Гарсю сверкали таким отраженным блеском и вся его фигура была полна такой гордости, что невольно создавалось впечатление, будто он демонстрирует собственную скромную коллекцию произведений искусства.

«Коллекция» была аккуратно упакована в плотные мешочки и небольшие сундучки, снабженные для удобства переноски ручками. Похоже, кто-то здесь всерьез задумывался о возможном отъезде. Рядом с золотым запасом Сен-Маргета располагались арсенал и небольшой продовольственный склад. Все это находилось в образцовом порядке, и, судя по тому, что на вбитых в потолок крюках висели свежие копченые окорока, посещение этого грота было едва ли не ежедневным делом для смиренного настоятеля здешнего аббатства.

— Кстати, очень любезно с его стороны, — кивнул я вверх, на вырубленную в скальной породе узкую лестницу, и отрезал увесистый ломоть от ближайшего окорока. — Сэнди, оглянись, будь добр. Клянусь гвоздями распятия, не может быть, чтобы любезный хозяин не оставил здесь хотя бы одну бутылочку вина.

Шаконтон с плохо скрытой укоризной поглядел на меня. Очевидно, по его мнению, мне следовало гордо запахнуться в плащ и, дико вращая глазами, ворваться в разбойничье логово, сокрушая врагов, словно кегли. До него явно доходили слухи о подобных выходках славного Ланселота и отважного Тристана. Возможно, тут певцы великих подвигов сих неугасимых светиль-

ников рыцарства и были правы. Крушить несметные полчища коварных врагов на голодный желудок куда сподручнее и веселее, чем после сытного ужина, но вот вести переговоры в то время, когда проснувшийся в тебе зверь злобно завывает от голода, — дело абсолютно пустое.

Сэнди пошарил взглядом, отыскивая что-либо покрепче плескавшейся невдалеке от нас воды. Это было несложно. Ящики с горячительными напитками стояли буквально в пяти шагах от него. Но едва булькающая вожделенной влагой бутыль очутилась в его руке, совсем рядом от нас послышался до боли знакомый звук звенящей кольчуги. Оставив мою жажду без законного утоления, доблестный оруженосец резко повернулся, обнажая меч.

Несколько отставший от нас Гарсьо спешил занять свое место в строю.

Я невольно забыл о бутылке, все еще сжимаемой Сэнди. Существа более нелепого мне давненько не доводилось видеть. Доспех, надетый поверх франтовского блюю пылкого трубадура, был бы, пожалуй, впору старине Россу, то есть несколько великоват мне. На Гарсьо же, чье теловычитание вообще не предполагало ношения одежды тяжелее шелковой, он выглядел просто угрожающе. Для здоровья певца. Тем не менее он старательно пытался не сутулиться под весом железной рубахи, немилосердно хлеставшей его по коленям при каждом шаге. Щит, шлем, меч — в общем, весь малый джентльменский набор бесстрашного воителя — отягощали и без того тягостную картину ратного использования этого неверного любимца муз. Клянусь своими золотыми шпорами, фотография нашего спутника, помещенная на обложке какого-нибудь журнала, могла бы сослужить хорошую службу активистам движения пацифистов, неумолимо свидетельствуя о нелепости всех этих аксессуаров мужской крутости.

— Ты это зачем? — едва не поперхнувшись, спросил я.

— Я иду с вами, милорд, — гордо произнес он, стараясь расправить согбенные кольчугой плечи, — я жажду отмщения!

Сэнди от такого известия как-то конвульсивно откупорил бутылку и нервно начал влиять ее содержимое в себя.

— Это ты хорошо придумал, — окончательно приходя в себя, произнес я. — Может быть, нам стоит подождать тебя здесь?

Однако, похоже, несмотря на вылезшую внезапно склонность к вендетте, этот бравый вояка не горел желанием возглавить, или, точнее, составить наш авангард. Он смущенно остановился, как-то странно сверля взглядом недоеденный мной кусок мяса.

Видимо, мысли о воинском братстве и благородной отваге, витавшие в набитой поэтическими бреднями голове трубадура, переживали в этот момент мучительную трансформацию, что, к моей радости, отрицательно влияло на его речевые способности.

— Ты согласен делать то, что я тебе прикажу, или мне тебя тут утопить, чтобы не путался под ногами? — спросил я, кровожадно откусывая очередной кусок мяса. Конечно, моя угроза стоила не более, чем угроза родителей продать на базаре свое любимоеshalovливое дитя. Но, похоже, месье де Риберак воспринял ее буквально.

Нервно моргнув раза три, он прошептал, выдавливая из себя каждое слово:

— Я... слушаю... вас... мессир.

— Вот так-то лучше, — ответил я, понимая, что пришло время действовать и обеденный перерыв, как это ни прискорбно, пора заканчивать. — Сними шлем и отдай его Сэнди.

Гарсьо моментально повиновался, и конический шлем, когда-то, видимо, украшавший бесшабашную голову какого-нибудь викинга, перешел в руки Шакктона.

— Сходи послушай, что там наверху. Знаешь, как этой штуковиной пользоваться? — обратился я к своему оруженосцу. — Если в комнате кто-нибудь есть, спускайся вниз. Если нет — кинь вниз камешек.

Александр молча кивнул. С этой минуты для него существовало только дело, ради которого мы сюда

пришли, и даже повестка на Страшный Суд не могла уже помешать ему довести его до конца.

Стремительно и тихо, как горный барс, почуявший добычу, юноша вознесся по ступеням к заветной двери. Через несколько минут вниз по ступенькам защелкал маленький осколок гранита.

— Вот и славно. Сделаем хозяину сюрприз.

— Милорд, — звеня при каждом движении своей необъятной кольчугой, осведомился наш трубадур, — а что делать мне?

— Тебе? Знаешь что, ступай набери доспехов, щитов и всяческой прочей бряцающей амуниции и волоки их наверх. Мне нужно следующее — когда я скажу: «Не делайте глупостей!», вся эта упряжь должна зазвенеть. Понял?

— О, конечно же...

— Прекрасно. Досчитаешь до ста и заканчивай перезвон.

— Я в точности исполню все, как вы говорите, ваше высочество. Мое сердце преисполнено гордости...

— Не сомневаюсь в тебе, мой друг! — я напутственно хлопнул трубадура по плечу.

Ждать пришлось довольно долго. То ли вечерняя трапеза, то ли благочестивая молитва удерживали отца-настоятеля от возвращения в стены опочивальни, где уже битых часа два дожидалась его пара закоренелых грешников, смиренно жаждущих перекинуться с ним словечком вдали от посторонних глаз.

За время нашего ожидания я успел хорошоенько рассмотреть спальный покой Сен-Маргетского Аббата. Он был не плох, совсем не плох, но безнадежно безвкусен. Обилие позолоты и шелковых драпировок соседствовало с гобеленами, которых тут было так много, что для того, чтобы развесить их все на стенах, большинство из них пришлось несколько присобрать. Но венцом царящей здесь неуемной роскоши было нечто, видимо, символизирующее парадный портрет достойного хозяина здешних мест. Главный герой сего нетленного шедевра величаво стоял на палубе своего флагмана, слегка возвышаясь над его мачтой, и при-

ветственным жестом вытягивал вперед руку, сжимающую меч. Вокруг в изысканных позах сутился народ, и плутовато выглядывающий из баражковидных облачков господь широко улыбался, воздавая должное своему неистовому слуге.

Сие творение кисти неизвестного автора было установлено на камине, как раз напротив многоспального ложа его преподобия, очевидно, для того, чтобы, проснувшись, он смог немедля вспомнить о том, какого рода обедню ему предстоит служить.

Наконец наше тягостное ожидание было вознаграждено, и, судя по раздававшемуся в коридоре смеху и радостному визгу «прихожанок», миг нашего свидания с преподобным пастырем приближался со скоростью нетвердой походки «святого отца».

Я показал Сэнди на факел и стоящую в углу бадью с водой. Он согласно кивнул головой. Пламя, зашипев, погасло. Только в камине негромко потрескивал разведененный нами огонь.

— Черт, как тут темно! — прогромыхал на пороге голос, который сложно было заподозрить в чтении псалмов и пении благодарственных молитв.

— Это вы точно подметили, ваше преподобие, — тоном, полным христианского смирения, произнес я.

Слабый сдавленный писк был аккомпанементом этих слов. Подружки Аббата с некоторой помощью Сэнди встретились лбами в потемках, отчего их возможность участвовать в предстоящей вечеринке временно свелась к нулю.

— Проклятие! Ты еще кто такой? — негодующе взревел бывший монах.

— Я призрак! Дух твоего убиенного брата. Какого, на выбор, решай сам.

— Задница дьявола! — возмутился хозяин, пытаясь схватить котту на груди Шаконтона. — У меня нет братьев! Нет и никогда не было. У меня шесть сестер!

Сэнди развернулся, руки его качнулись, словно ветви дерева на ветру, затем левая его ладонь тисками сомкнулась на запястье пирата, а правая врезалась ему в челюсть. Поворот. Тело рухнуло на пол.

— Сэнди, надеюсь, ты ничего ему не сломал?

Брат Клод застонал и, выплюнув пару выбитых зубов, попробовал сесть.

— Больно? — посочувствовал я. — Ну ничего. Это даже полезно. Отбивает охоту к чересчур резким и необдуманным движениям.

— Кто вы такие, черт возьми? — Аббат, болезненно морщась, начал разминать вывихнутую руку.

— Я — Вальдар Камдил, сьер де Камварон, а это мой оруженосец. Я желаю задать вам, ваше преподобие, несколько вопросов. И от того, как вы на них ответите, зависит, доживете ли вы до утра.

— Стоит мне только крикнуть... — начал было отставной священнослужитель.

— А вот кричать вам как раз не стоит, — я повысил голос так, чтобы меня было слышно за стеной. — Не делайте глупостей. Вы же понимаете, что я тоже пришел сюда не один?

Со стороны черного хода не раздалось ни звука.

«Этого еще не хватало! Мыши его там съели или со слухом у бедняги проблемы?» — забеспокоился я. Однако возможности проверить, что стряслось у оставленного нами в арьергарде месье де Риберака, не было никакой, поэтому я продолжал, невзирая на прокол со спецэффектами. — Будьте благоразумны. Я пришел поговорить с вами, а вы рветесь в драку, как какой-нибудь пьяный матрос. К тому же что вам до стражи? Я все равно успею отрубить вашу голову до того, как она сбежится. К тому же в миле отсюда эскадра с армией Меркадье. Надеюсь, это имя вам что-то говорит?

Аббат понимающе поглядел на клинок Катгабайла, голубоватым пламенем мерцающий в моей руке. Пожалуй, сомнений в искренности слов своего нежданного гостя у него не возникло.

— Камдил, Камдил?.. Не слышал о таком, — недовольно пробормотал он.

— Немудрено. У меня тоже не много знакомых в вашем кругу. Хотя... Вы знавали Ясона Кандалакиса?

Аббат как-то неопределенно хмыкнул.

— Да! Хороший был пират. Правда, последние месяцы о нем не слыхать.

— Умер, — скорбно произнес я. — Мне довелось быть последним, кто видел его живым.

— И что же с ним...

— Перед смертью бедняга бросался на меня с мечом.

Брат Клод еще раз внимательно поглядел на Катгабайл.

— Позвольте, я сяду, — наконец произнес он.

— Да, да, конечно! Сэнди, придвинь табурет его преосвященству. Или, может быть, лучше сказать, его светлости?

Пират взгромоздился на обитое пурпурным бархатом сиденье. Отблески пламени камина падали ему на лицо, и наконец-то я смог разглядеть своего собеседника получше.

Он был коренаст, широкоплеч и, безусловно, очень силен. Его поросшее обильной рыжей щетиной лицо, живописно украшенное шрамом, спускавшимся со лба, через нос к верхней губе, мало свидетельствовало о благочестии, пусть даже и показном.

— Итак, милорд, или как вы там изволите именоваться, чем обязан?

— Меня интересует корабль «Элефант».

— Так! — пират радостно хлопнул себя по колену здоровой левой рукой. — Я так и знал!

По-видимому, резкое движение доставило ему сильную боль. Он скривился и, бережно обхватив плечо, тихо выругался.

— А здорово он меня, — вновь обретя способность разговаривать, произнес Аббат.

— Это что! — пообещал я. — Он много таких фокусов знает. Так что лучше вернемся к «Элефанту».

— А что «Элефант»? Дней десять тому назад приплыл сюда один тип вислоносый, попросил захватить этот корабль. Деньги обещал неплохие, плюс вся добыча, что на корабле возьмем. Одно условие — девчонку, что на корабле плывет, отдать в подарок императору Оттону.

— Ну, а ты что? — спросил я, готовясь к самому худшему.

— Дуракам позволено делать глупости, — произнес Клод, — а мне...

За стеной послышался стук, лязг и бряцанье кольчуги.

— Это ваши там развлекаются? — настороженно спросил пират.

— А, это? Да. Ничего, сейчас утихомирятся.

Звуки действительно стихли.

— Я как узнал, что девчонка, которую захватить надо, — арагонская принцесса, сразу отказался. Не хватало мне хлопот с каталунцами. Император, он бог знает где, а эти, почитай, всегда рядом. Не ровен час, наваху в спину всадят, и ойкнуть не успеешь.

— Это правильно. А как насчет дураков?

— Дураки, милорд, племя неистребимое. Они всегда найдутся. Отсюда этот вислоносый поплыл на Иль-Кантен, там Мило Мясник сидит. У него два когга, вот он при случае и лютует. Он-то как раз и согласился.

— Хорошо, я тебе верю, — произнес я.

— А это, милорд, дело ваше. Я что знал, то сказал, — с деланным безразличием хмыкнул лжесвященник.

— А что дальше? Известно ли что-нибудь о пассажирах «Элефанта»?

— Мило вроде бы захватил там кучу девчонок, — неуверенно сказал Аббат. — Мои говорят, он хочет их продать.

«Лейб-курятник, — с неожиданной злостью подумал я. — Что ж, информация не абы какая, но лучше, чем ничего. Главное, заказчик ясен. Об остальном позаботимся. Как говорится: «В эту игру можно играть вдвоем». Для начала зайдем с «бубнового короля».

— Послушайте, Клод, — я вложил меч в ножны. — Я хочу поговорить с вами серьезно.

— Следует полагать, что до этого вы шутили? — Аббат скривил губы в ухмылке.

— Нет, но до этого я спрашивал, а теперь буду предлагать.

— Предлагать?

— Да. А потому, я прошу, слушайте меня внимательно. Это важно. Причем в первую очередь для вас.

Вы человек, соображающий быстро и по-деловому, а потому поймете, что в ряде вопросов наши интересы совпадают, и если мы достигнем согласия, каждая сторона останется в выигрыше.

— Я должен вам верить? — усмехнулся пират.

— Для начала мне придется поверить вам, — ответил я. — Скажите, господин Клод, что вы видите на картине, которая висит над камином?

— Черт побери, это я! — возмутился Аббат.

— Несомненно, — согласился я. — Прекрасное полотно. Но я о другом. Человек, который изображен на картине, — адмирал, лорд, герцог, если хотите, а отнюдь не пират, чья сила — до первой неудачи...

Глаза отпетого головореза вспыхнули живым интересом. Похоже, наживка со свистом устремилась в желудок клиента.

— ... Я был в вашем тайнике, Клод. Он делает честь вашей предусмотрительности. Но не станете же вы утверждать, что устроили его с единственной целью сбечать, когда дело станет худо? Я прав?

Это был риторический вопрос. Желание подняться над толпой круглыми буквами было написано на лбу Аббата, оно вопило из каждого вызолоченного угла, с каждого квадратного дюйма дурацкого портрета, украшавшего камин.

Пиратское преподобие смерил меня долгим взглядом, словно пытаясь догадаться, что у меня на уме, и кивнул, не сводя с меня своих серых глаз.

— Мы можем помочь друг другу, Клод, — тихо и медленно произнес я, заставляя собеседника напряженно вслушиваться в мои слова. — Вам нужно положение? Вы его получите. Даю вам в том слово.

— Что ж, у меня нет причин вам не верить. Ведь это вы в свое время освободили короля Ричарда? Потом заваруха в Англии? — Аббат вновь ухмыльнулся, его рассеченная губа приподнялась, обнажая в жутковатом оскале большой желтый клык. — Я вспомнил вас. Вы и вправду кажетесь человеком, держащим слово. Итак, что вы мне предлагаете?

— Вы получаете титул барона, увозите свои сокро-

вища плюс деньги, которые я намерен вам дать. За это я просил бы вас помочь мне в одном деле.

— Что я должен делать?

— Сколько будут стоить девушки с «Элефанта»?

— Тысячи три золотом. Все они молоды и красивы.

— Отлично. Я выпишу вам вексель на банкирский дом Амальфи. У вас нет сомнений в состоятельности этого дома?

— Нет.

— Вот и прекрасно. Вы получите пять тысяч в конторе Амальфи в Нанте. Затем вам следует выкупить девушек и доставить их в Арагон.

— Это можно, — задумчиво кивнул Аббат. — Что дальше?

— Дальше вы получите еще тысячу солидов в конторе Амальфи в Барселоне.

Монах присвистнул.

— Никогда еще не доводилось получать такие деньги за такие пустяки. Еще что-нибудь?

— Да, в общем, все. Кстати, Клод, вам не кажется, что этот, как там его, Мясник, перешел все границы, позволив себе взяться за дело, от которого вы отказались? Похоже, он хотел продемонстрировать свое небрежение?

Дальнейшие переговоры заняли еще минут пятнадцать, в течение которых я выписывал обещанные векселя и сорил комплиментами в адрес «радушного хозяина».

— Послушайте, милорд Вальдар, — задумчиво спросил Аббат, закрывая двери за мной и Сэнди. — Вы уверены, что Ясон Кондалакис мертв?

— Да уж мертвее не бывает.

— Спасибо! Это хорошая новость.

Мы вновь очутились на лестнице. Наш трубадур сидел внизу, освещенный слабым светом чадящего факела, самозабвенно погрузившись в чтение каких-то пергаментов, извлекаемых им из небольшого ларца, инкрустированного слоновой костью. Услышав наши шаги, он поднял голову и как-то непонимающе уставился на нас.

— Простите, мессир Вальдар. Я тут нашел, — он указал рукой на свитки. — Что, все уже кончилось?

— Нет, Гарсьо. Все только началось!

ГЛАВА 4

Каких исключений не сделаешь
для высокопоставленного клиента!
Ник Николс (Клетчатый)

одгоняемая попутным ветром и крепкими выражениями Меркалье, эскадра обогнула Бретань и, отправив в Нант несколько кораблей, неумолимо двигалась дальше на юг, к Бордо, где, по мнению Эда, должен был находиться главный лагерь его армии. Рассекая штевнем лазурные волны Атлантики, «Северный лев» стремительно приближался к Бискайскому заливу, спеша вонзить деревянные когти своих сходен в тело благословенной Франции.

— Значит, опять Оттон! — коннетабль яростно мерили шагами свою каюту. Измерения все время приводили к одному и тому же неутешительному результату: четыре шага в ширину и шесть в длину. — Даже не знаю, чем тебе помочь. Знаешь, что? Отбери себе из армии десятка три бойцов получше и езжай с ними в Арелат!

Я покачал головой.

— Незачем. Лимузен, Овернь, Жеводан — путь не близкий, и, заметь, это только земли Филиппа, а еще Пуату, Марш. Быть того не может, чтобы такой отряд не заметили. А мне сейчас воевать совсем не с руки. Я уж как-нибудь своими силами управлюсь.

Эд пожал плечами.

— Как знаешь. Если вдруг что понадобится — обращайся. Доберешься до императора, передай ему от меня привет. — Меркалье поднял кулак, наглядно демонстрируя величину привета. — Завтра я отправляю три нефа в Ла-Рошель с отрядом барона де Монтереля. Он окажет тебе всю возможную помощь. И да поможет нам Бог!

Вечно строящаяся, а потому пропахшая ароматами олифы, краски и древесины Ла-Рошель встречала английскую эскадру радостным возбуждением. В общем-то, английского в ней было одно название. Начиная от командира отряда барона Даймонда де Монтереля, чей замок находился в трех лье севернее города, и кончая самым последним обозником — все прибывшие сегодня из туманного Альбиона воители были уроженцами здешних мест. Пожалуй, за исключением меня и Сэнди.

Под радостные крики толпы, встречавшей родных и близких, нефы один за другим медленно и горделиво подходили к пирсу. Белые флаги их с алыми крестами и вымпела с золотыми леопардами Плантагенетов плескали в воздухе над головами толпящихся на палубе людей, словно стремясь проникнуть подальше в глубь Франции.

И вот наконец были отданы швартовы, спущены сходни, и, приветствуемый воплями восторга, ведя в поводу гнедого коня, на берег сошел командинший эскадрой барон де Монтерель. Вслед за ним в полном боевом облачении шествовал его знаменщик, неся развевающийся двухвостый штандарт с золотым львом в верте¹ и тремя перевернутыми полумесяцами под ним. Следом шли мы.

— Куда прикажете доставить? — пробасил дюжий темноволосый грузчик с родинкой на щеке, легко и непринужденно подхватывая наш отнюдь не легкий сундук.

— В гостиницу «Морской конь».

— Это в «Перстень», что ли?

Я удивленно взорвался на здоровяка. Не похоже, чтобы активные занятия физическим трудом фатально сказались на его слухе. Видимо, что-то было с моим французским.

— Парень, я сказал тебе «Морской конь». Знаешь такой, хвост рыбий, а голова лошадиная?

— Ну да! Только эта гостиница уже скоро год как называется «Перстень», — радостно принял объяс-

¹ Верт — зеленая эмаль.

нять грузчик. — С той поры, как ее обокрали. Ну что, господин рыцарь, нести или нет?

— Давай, — приободрил я парня, начавшего было терять интерес к чересчур болтливому клиенту. — «Перстень» так «Перстень».

Как я и предполагал, наш проводник не обманул. На месте старой вывески со странным земноводным гибридом нынче красовалась новая, изображавшая золотой перстень размером с хомут, украшенный крупным рубином под стать кольцу. Сияние, исходившее от камня, напоминало взрыв, такой, каким его рисуют в детских книжках. Сусального золота, которым оно было изображено, хватило бы на то, чтобы украсить средних размеров часовню.

«Похоже, дела здесь идут неплохо», — усмехнулся я.

Вывеска была не единственным новшеством в этом гостеприимном доме. Два крыла, пристроенных к главному зданию, наглядно свидетельствовали о правильности моих наблюдений.

— Пожалуйте, господин рыцарь! — грузчик толкнул плечом дубовую дверь и, стараясь никого не зацепить, боком втиснулся в помещение.

В зале было многолюдно и, похоже, весело. Пышнотелая блондинка, удобно пристроившаяся за стойкой, расточая вокруг себя сияние своей многообещающей улыбки, беззастенчиво пользовалась успехом в его финансовом эквиваленте. Подхватив брошенную мной монетку, грузчик поставил на пол сундук и, не останавливаясь, чтобы пропустить заработанную чарку, устремился в порт, надеясь найти новых клиентов.

Протолкавшись к стойке, над которой вальяжно возвышалась местная дива, я постучал солидом по прилавку, чтобы привлечь к себе ее внимание. Получив свою порцию улыбок, я перешел к делу.

— Мадемузель, мне нужен номер для меня и моего оруженосца.

— Прошу простить меня, господин рыцарь, но свободных номеров нет, — красавица с профессиональным огорчением раскинула руки в извинительном жесте.

— Да? А хозяин?

— Хозяин есть. Но он нынче открывает таверну у городских ворот, и до вечера его можно не ждать.

Такой оборот дела меня не устраивал аж ну никак. Мысль о том, что вновь придется тащить сундук к городским воротам и обратно, подстегнула мои дипломатические способности.

— Ай-яй-яй! — горестно вздохнул я, катая по стойке перед блондинкой золотой. — Мэтр Оливье наверняка будет крайне расстроен, когда узнает, что я заезжал, но вынужден был остановиться в другой гостинице, не дождавшись его...

Я демонстративно развернулся, собираясь уходить. Монетка, как бы сама собой выскоцившая из моих пальцев, покатилась и упала к ногам девушки. Не обращая на это внимания, я сделал первые два шага к двери.

— Постойте, милорд! — послышался за моей спиной мелодичный оклик. Я обернулся.

— Если вашей милости будет угодно, я пошлю одного из местных мальчишек к городским воротам, — девушка лучезарно улыбнулась мне. Явно в гостинице не каждый день останавливались люди, не обращавшие внимания на случайно оброненные золотые монеты.

— Как прикажете доложить? — кокетливо спросила барышня.

— Доложи просто, — ухмыляясь в усы, ответил я. — Приехал хозяин перстня.

В глазах барменши отразился свежевзбитый коктейль удивления и веселого неподдельного интереса.

— Уж не извольте сомневаться, будет исполнено, — почтительно отозвалась она. — Эй, Жак! Поди сюда! — крикнула местная топ-модель в полуоткрытую дверь кухни, из которой доносились весьма аппетитные запахи. — А пока не желаете ли перекусить?

— Да, пожалуйста, — я катнул ей пару денариев. — Что-нибудь действительно съедобное. И вина. У вас «Кленси» есть?

— Есть, ваша милость, — она сделала неопределенное движение, и смышеного вида бойкий юноша,

моментально материализовавшись перед нами, повел знатных гостей на белую половину.

Обслуживание в гостинице было поставлено из рук вон хорошо. Нам не пришлось ждать, пока, обсудив с прислугой все местные новости, гарсон подаст нам недожаренный бифштекс, мотивируя его «сырость» тем, что бифштекс должен быть с кровью. Наоборот, едва мы успели занять место за чисто выскобленным столом, как нам было уже что выпить и чем закусить.

— Я давно хотел вас спросить, мессир Вальдар, — Сэнди на секунду остановил движение своих мощных челюстей. — Вы не боитесь, что он вас обманет?

— Кто? — недоумевающе спросил я, разглядывая полуобглоданную гусиную ножку в своей руке. — Гусь? Или хозяин?

Шаконтон поперхнулся.

— Д-да нет же... Я говорю о Сен-Маргетском Аббате.

— Интересно, как ему это удастся? — возобновив обработку недоеденной ножки, флегматично заметил я. — Ты налей себе «Кленси», хорошее вино.

— Ну как же? — вскинулся мой оруженосец. — Ведь этот мерзавец получил такую огромную сумму! Целое состояние! Вы не боитесь, что он заберет деньги и сбежит?

— Ничуть. Он произвел на меня впечатление умного человека.

— А разве это не умно: получить деньги и сбежать? — в глазах юноши светилось искреннее непонимание логики моих поступков.

— Александр, ты меня огорчаешь, — я тяжело вздохнул, чтобы показать, насколько он меня огорчил. Сэнди посмотрел на меня исподлобья; выражение его глаз ничуть не изменилось. — Давай рассуждать вместе, — предложил я ему. — Пират получил расписки на шесть тысяч солидов. Верно?

— Верно, — буркнул Шаконтон.

— Пожелает он их получить? Несомненно. А захочет ли он ими делиться? — на мой риторический вопрос Сэнди криво усмехнулся. — Правильно, не захо-

чет. К тому же за первыми пятью тысячами ему придется бы плыть в Нант, где без девушек из свиты принцессы он будет встречен крайне недружелюбно; а уж поспеть к распродаже в срок ему не удастся при всем желании. Значит, скорее всего никакой распродажи и не будет. Наверняка его пиратское преподобие без лишних сантиментов открутит голову своему коллеге, а все, что удастся положить при этом в карман, непременно туда положит. Мне очень слабо верится, — наливая себе вина, продолжил я, — что брат Клод станет платить за девушек своими кровными денежками, уж очень это на него не похоже...

— Да, но если он вообще не станет никого выкупать? — со своей неизменной настойчивостью допытывался Сэнди. — Возьмет да и скроется? И поминай его как звали!

Я устало поднял глаза к потолку.

— Александр, я же уже говорил, что он производит впечатление умного человека. Посуди сам: ну скроется он со всей своей казнью. Допустим, что ему это удастся. Ну а дальше-то что? Не так уж много в Европе людей, имеющих за душой три-четыре десятка тысяч солидов. Аскетизм этому монаху, как мы имели возможность убедиться, далеко не присущ. Ты сам был в его спальне.

Шаконтон понимающе кивнул:

— Да уж...

— Найти его будет не так трудно, — продолжал я развивать свою мысль. — А в том, что мы можем внезапно нагрянуть к нему в гости, наш деловой партнер уже убедился воочию. Да и в конце концов, чем мы рискуем? Кредитом короля Джона?

Юноша не отвечал. Он пристально смотрел в глубь зала. Судя по выражению его глаз, последние фразы я произносил исключительно для услаждения собственного слуха.

— Эй, Сэнди! — тихонько позвал его я. — Ты там не заснул?

— Вон тот, мордатый, — произнес Шаконтон, шевеля одними губами и зверея на глазах, — следит за нами.

Я удивленно поднял бровь.

— А тебе не показалось? — Сэнди отрицательно покачал головой.

— Нет, милорд. Он крутился у стойки, а сейчас сидит за вашей спиной.

— Может, это кто-то из воздыхателей этой девицы? — предположил я.

— Да нет же! Я видел его на «Северном льве»! Он следит за нами от самой Англии. Можно я его убью? — кровожадно осведомился мой оруженосец.

— Ни в коем случае! — я положил ладонь на его сжавшийся кулак. — Если ты, конечно, не умеешь разговаривать с душами умерших. Сделай лицо попроще и опиши его.

Александр обиженно насупился.

— Он здоровый такой... Крепкий, видать, мужик. По повадкам — солдат.

— А волосы у него какие? Глаза, нос? — Сэнди недовольно запыхтел, пытаясь выразить словами свои физиономические наблюдения.

— Какие... Какие-какие! Обычные, как у всех. Небось не сеньор какой-нибудь.

Я крякнул от неожиданности.

— Ну ладно, разберемся. Ты давай, милый, кушай. Оно полезнее будет.

Парень бросил на меня угрюмый взгляд и приналег на фирменный салат этого заведения. Я скучающим взглядом обвел залу, убеждаясь, что за несколько дней нашего морского путешествия я тоже видел описанного Сэнди незнакомца, сидевшего за столиком у входа.

— Эй, милая! — позвал я блондинку за стойкой, моментально взорвавшуюся фейерверком улыбок. — Еще бутылочку «Кленси»!...

Не успел я завершить свою просьбу каким-тодежурным комплиментом, как дверь гостиницы распахнулась и на пороге возник запыхавшийся хозяин. Щеки мэтра Оливье раскраснелись от быстрой ходьбы, он улыбался во всю ширь своей круглой физиономии.

— Это вы, вы! — радостно завопил он и устремился прямо к нам, норовя по старой привычке упасть на

колени и облобызать мне руку. Я вовремя успел сделать шаг вперед, чтобы подхватить его под руки. Окрыленный моим дружеским объятием, хозяин обернулся и зычно заорал на всю гостиницу:

— Господа! Сегодня все пьют за счет заведения!

Надо заметить, что с прошлой нашей встречи мэтр Оливье набрал лишних фунтов двадцать, а его платье из дорогого сукна свидетельствовало о немалом достатке этого предприимчивого человека.

— Как я рад видеть вас вновь! Я стольким вам обязан, мессир Вальдар! Если бы не вы!.. — от избытка чувств он прижал пухлые лапки к груди, делая шаг назад. — Чем могу быть вам полезен?

— Мы только с корабля, нам нужна комната на день-два. Ваша красотка, — я кивнул на барменшу, с восторгом наблюдавшую нашу трогательную встречу, — говорит, что все номера уже заняты.

— О, что вы! — хозяин в притворном ужасе завел глаза к небу. — Вайолет просто не знала, кто к нам пожаловал. Ваша комната всегда в вашем распоряжении. С того памятного дня мы никому ее не сдаем, — он хитро подмигнул мне.

— Отлично. Сэнди, сходи на корабль, распорядись, чтобы наших лошадей привели в эту гостиницу. А лучше проследи сам.

— Жак,несите вещи господина рыцаря наверх! — раздался возглас мэтра Оливье.

Заметив, как меня передернуло при воспоминании об этом ужасном случае, хозяин заговорщицки наклонился ко мне и зашептал на ухо:

— На самом деле его зовут Арчимбаунт. Но с тех самых пор всех слуг в «Перстне» зовут Жаками. Эй, Вайолет! Принеси-ка сюда бутылочку моего! Попробуйте, милорд, с моего личного виноградника.

— Непременно, милейший Оливье. Я чрезвычайно тронут вашей заботой.

— Ну что вы! Я вам стольким обязан... После того, как по вашему распоряжению сюда вернули все похищенное, а особенно после того, как стала известна история, произшедшая с несчастным Жаком, ни один вор под страхом смерти не согласится сунуть свой нос

в мою гостиницу. Мы стали лучшим заведением в городе! — хозяина просто распирало от гордости. — Как вы слышали, я открыл сегодня еще одну корчму у городских ворот...

Понимая, что добродушный Оливье может еще долго рассуждать об успехах новой экономической политики, я вежливо прервал его:

— Да-да. Сердечно рад за вас. Возможно, мне понадобится ваша помощь.

Хозяин гостиницы насторожился.

— Чем могу вам быть полезен, милорд?

— Сейчас мне надо будет выйти. Некий мужчина последует за мной. После того, как мы окажемся на заднем дворе, заприте дверь. Откроете, когда я поступу вот так, — я тихо побарабанил пальцами по столику. — Запомнили?

— Да, ваша милость, — неуверенно отозвался мой собеседник. На его лбу выступили мелкие бисеринки пота. — А-а-а... Это не повредит престижу заведения?

— Не беспокойтесь. Максимум, что может быть, — этому джентльмену станет худо, и он вынужден будет переночевать в моем номере. Вы поняли? — Мэтр согласно наклонил голову и направился к стойке, рядом с которой виднелась дверь черного хода. Посидев еще немного за столом, я встал и сделал вид, что мне нужно срочно отлучиться из залы по делу, совершенно не терпящему отлагательств. Закрывая за собой дверь, ведущую на задний двор, я убедился, что здоровяк, следивший за нами, воровато оглянувшись по сторонам, направился вслед за мной.

«Не профессионал, — подумал я. — Профи бы подождал, пока я буду возвращаться обратно».

Я встал у стены за дверью, сняв кожаный ремешок, в обычное время выполнявший на перевязи моего меча чисто декоративные функции. Через пару мгновений дверь скрипнула и в образовавшейся щели показалась лохматая голова моего преследователя. Голова начала тревожно озираться в поисках моей персоны. Не дав громиле насладиться в полной мере изысканным пейзажем заднего двора, я в ту же секунду

ду схватил его за лохмы на макушке и что есть силы приложил незадачливого браво¹ об каменную стену.

Свет померк в его глазах, и из обмякшей правой руки со звоном выпал кривой абордажный кинжал. Я втащил его на задворки и услышал, как добросовестный мэтр Оливье задвигает засов на двери. С той ловкостью, с которой улыбающийся продавец в супермаркете упаковывает рождественский подарок, я отработанным движением увязал этого типа и с большим, признаться, трудом подтащил его тушу к сточной канаве, благодаря при этом Господа за свое слабое обоняние. Отпустив пленнику пару увесистых пощечин, я стал наблюдать, как он приходит в себя. Наемник дернулся головой, тут же убедившись, что ременная петля, которой было схвачено его горло, не позволяет ему делать резких движений, тихо застонал и выругался сквозь зубы:

— О-о, дерньмо!

— Ты прав, как никогда, дружок! — отозвался я на него не очень приличную реплику. — Может, объяснишь, чего ради тебя понесло вслед за мной с этакой железякой в руке?

Поза с руками и ногами, туго стянутыми за спиной, позволяла моему собеседнику безболезненно разве что моргать. Поэтому, изобразив на лице крайнюю степень невинности и испуга, он захлопал глазами и начал гнусно канючить, давя на жалость:

— Не убивайте меня! Простите меня, господин рыцарь, я бедный человек, мне нужен был только ваш кошелек!

— Эту песню я знаю: папа умер, мама умер... Тебя что, мой кошелек еще в Англии заворожил, что ты сюда за ним притащился?! — бешено сверкая глазами и всем своим видом изображая озверевшего феодала, громыхнул я.

— Да не-ет, я из этих мест, благородный сеньор, — плаксиво заголосил верзила, делая попытку порвать ремешок из кордовской кожи. — Я местный, семья го-

¹ Браво — в Италии: буквально — «смельчак», в обиходной речи — обозначение наемного убийцы.

лодает... — при этих словах петля нестерпимо впилась ему в горло так, что он побагровел.

— Прекрати дергаться, дурак! Сам себя удавишь! Местный, говоришь? Да ни один местный вор не будет воровать в этой гостинице! Единственный, который решился на это, умер страшной смертью: постарел за одну ночь лет на восемьдесят. Ты будешь вторым. Твоя смерть будет не менее ужасна: я утоплю тебя в нужнике, — я угрожающе отвел ногу, словно готовясь столкнуть наглеца в канаву. Ужас отразился на лице моего незадачливого преследователя.

— Нет! Не убивайте! Я сделаю все, что вы прикажете, милорд!

— Кто тебя послал, ублюдок? — тихим шипящим голосом спросил не на шутку перетрусиившего громилу.

— Человек от короля! — несчастный затараторил так быстро, насколько позволяла ему петля, стягивающая шею. — Я был солдатом короля Джона. После разгрома при Гастингсе спас свою шкуру, укрылся с парой дружков в кустах. Месяца два жили грабежом, а потом, ближе к зиме, схватили нас — и в железную клетку. Дружки мои быстро ноги протянули, а я, видите, на свою беду, выжил. Приговорили меня к колесованию. Я уж приготовился Богу душу отдать, а за день до казни приходит ко мне какой-то человек в плаческом капюшоне и говорит: дескать, хочешь жить? Король тебя помилует, еще и денег даст, а моя, мол, вся работа — где-нибудь вашу милость втихую прирезать. Ну, я и согласился... Терять-то нечего.

— Как видишь, терять всегда есть что... Почему же именно тебя выбрали, чтобы мою милость укокошить? — задумчиво спросил я.

— А у меня память на лица всегда хорошая была. Я тюремщику как-то рассказал, что видел, как милорда Вальдара Камдила под Гастингсом из стога вытаскивали. Он еще смеялся очень...

— Ладно, с тобой все ясно. Значит, так. Будешь делать, что я тебе говорю, — и жизнь свою глупую сохранишь, и деньги получишь. А нет, так и деньги тебе больше ни к чему.

— Конечно, конечно, милорд! Все сделаю! — с собачьей преданностью нервно зашептал парень. — Только не топите!

— Живи, — я сделал эффектную паузу. — Пока... До ночи здесь полежишь, подумаешь. Потом за тобой придут. Все понял?

— Понял... — уныло отозвался он.

— Ну тогда приятного отдыха, — я направился обратно к двери, подобрав по дороге оброненный наемником нож.

Забарабанив в филенку условным стуком, я подождал, пока хозяин откроет дверь, и, положив руку ему на плечо, зашептал:

— Дружище Оливье! Там, возле сточной канавы, лежит крепко связанный тип. Несколько минут назад он пытался выпустить мне кишки, — толстяк испуганно зажал свой рот рукой. — Не волнуйтесь, — успокоил я его. — Как видите, со мной все в порядке. Но плохо то, что это не простой разбойник с большой дороги. Его наняли мои враги — люди, должен вам сказать, очень могущественные. — Мэтр понимающе закивал, бледнея на глазах.

— Я знаю вас как человека храброго и преданного моего друга, — продолжил я психологическую обработку своего предполагаемого союзника.

— Конеч-ч-чно! — выдавил польщенный Оливье, клацая зубами.

— Когда стемнеет, этого негодяя надо незаметно перетащить в холодный погреб. У вас есть пустой холодный погреб?

— Есть! — с готовностью ответил хозяин, лучась бойскаутским энтузиазмом. — Мы храним там соленья на зиму.

— Вот и прекрасно. На зиму — это хорошо. Дальше. Возьмите этот джупон¹, — я протянул ему свою накидку. — Сходите на городскую бойню и, накрыв ею кабана, заколите его. Для верности нанесите три четверя удара. Когда появится корабль, идущий в Анг-

¹ Джупон — льняная накидка с изображением геральдической эмблемы владельца, надевавшаяся поверх доспеха.

лию, вручите мою одежду прикурку, который пока пусть посидит у вас в подвале. Отдайте ему также вот эти двадцать денариев — чтобы не сдох с голоду, пока доберется до Лондона. Остальное, я полагаю, он придумает сам. Да, и проследите, чтобы он не сбежал и отплыл на корабле, — дружески хлопая по плечу раздувшегося от гордости хозяина гостиницы, я, понизив голос, добавил: — Я ведь могу на вас положиться, мой славный Оливье?

— О-о! Да-а-а! Можете не сомневаться, я сделаю все, чтобы помочь вам! — мэтр гордо расправил покатые плечи, отчего фланандское сукно, обтягивающее их, отчетливо затрещало. Не успел я разомкнуть дружеских объятий, как в залу гостиницы буквально влетел очередной мальчишка, носивший кодовое имя Жак, истощно вопя:

— Милорд! Милорд! Там, на площади... — он едва перевел дух.

— Ну что еще? — встревоженно спросил я.

— Там бьют вашего оруженосца!

ГЛАВА 5

Ну что, вздуем друг дружку?
Тру-ля-ля и Тра-ля-ля.

первую минуту мне показалось, что я ослышался. Светлый образ Сэнди мало вязался с глаголом «бьют».

— Что ты несешь?! — я схватил мальчишку за плечи и с силой встрихнул его несколько раз, чтобы он слегка поостыл. — Еще раз: кто кого бьет? — переспросил я мальца.

— Там! Там на площади... они дерутся! Пойдемте скорее! — паренек, не слыша моих вопросов, взахлеб делился впечатлениями. — Он его ка-ак даст ногой! А он упал, как вскочит, и давай кулаками!.. И в глаз!

Я понял, что добиться вразумительных объяснений, кто кому дал в глаз, мне не удастся даже под угрозой расправы.

— Ладно, веди, — я схватил парнишку за рукав и потащил к выходу. Тот, выскочив на улицу, со всех ног кинулся к ратушной площади, предвкушая продолжение щекочущего нервы зрелища. Время от времени он оборачивался, чтобы убедиться, что я следую за ним, и выкрикивал на бегу:

— Это там! Сэр рыцарь, это там!

Я быстрым шагом следовал за мальчиком, стараясь соблюсти хоть какую-то видимость приличия — ведь, право слово, не подобает опоясанному рыцарю мчаться за гостиничным мальчишкой глазеть на уличную драку! Однако, хоть я и был весьма высокого мнения о боевых качествах моего оруженосца, тревога за него заставляла меня двигаться несколько быстрее, чём принято.

Поворачивая за угол ратуши и уже слыша возбужденные крики толпы, собравшейся на площади, я чуть было не столкнулся со здоровенным детиной, с понурым видом хромавшим в сторону порта. Память на лица у меня всегда была хорошая, и я без труда узнал в нем того самого грузчика с приметной родинкой на щеке, совсем недавно с такой легкостью тащившего наш неподъемный сундук. Выглядел парень весьма плачевно: судя по внезапной хромоте и роскошному синяку на скуле, он уже успел по мере сил поучаствовать в потасовке на площади, так веселившей горожан.

— Эй, приятель! — окликнул я его. — Что там происходит?

Грузчик с трудом приоткрыл рот, пытаясь что-то мне ответить... Похоже, беднягу приложил кто-то весьма профессионально — с дикцией у него были явные проблемы.

— Са-ы-ыр... гк... беруна... — произнес он какое-то магическое заклинание и захромал дальше. Судя по тому, что вокруг никаких метаморфоз не произошло, он просто честно пытался ответить на мой вопрос.

Обогнув ратушу и выйдя на площадь, я наконец понял, что означали эти слова. Во всем своем крикливом великолепии на ней расположился бродячий цирк шапито. В самом центре городской площади раски-

нулся красно-белый шатер, усыпанный звездами из жестяного золота и обшитый яркими лентами, колокольцами и бубенцами, звеневшими от дуновения ветра. Вокруг шатра полукругом были расставлены четыре железные клетки, составлявшие передвижной зверинец бродячего цирка, перед которыми плотной толпой теснились зрители. Над цирковой палаткой возвышался шест с закрепленной на нем малюсенькой площадкой, на которой выделявал фантастические кульбиты какой-то нелепого вида паяц в несусветном желто-фиолетовом балахоне, с огненно-рыжей шевелюрой, с традиционной намалеванной улыбкой и красивым носом.

— Почтеннейшая публика! — кричал он, делая сальто в воздухе и становясь на руки. — Всего один день в Ла-Рошели! Проездом из Венеции в Париж! Фантастическое представление! Любимый цирк пресвитера Иоанна¹ и герцога Мавританского²! Посетите знаменитый цирк Бельруна — великого мага и неуязвимого бойца.

Слушая этот рекламный ролик и дивясь про себя цветистым оборотам речи зазывалы, я, энергично расталкивая локтями городской люд, неуклонно приближался к импровизированному ристалищу, устроенному прямо за шатром. Толпа в этом месте была наиболее плотной и шумной.

— Настоящие бои без правил! Непобедимый Бельрун против любого желающего! Никаких заказных боев. Всего за несколько денье всякий может лично убедиться в крепости кулаков участников поединка! — раздавались вопли клоуна, вновь ставшего в нормальное положение на своей площадке.

Наконец мне удалось занять позицию, позволявшую наблюдать поединок. Что и говорить, за этот бой не жалко было отдать несколько денье! Каждому из поединщиков попался крепкий орешек. Посередине вытоптанного «ринга», заметно пошатываясь, бродили

¹ Пресвитель Иоанн — мифологический персонаж, считалось, что его государство находится где-то в Малой Азии и представляет собой огромную могущественную державу.

² Герцогство Мавританское — никогда не существовало.

два измочаленных субъекта в порванной одежде, покрытые пылью, синяками и ссадинами, в одном из которых я не без труда узнал своего оруженосца. Оба «непобедимых бойца» были украшены одинаковыми фингалами под правым глазом, отчего их лица приобрели черты некоего родственного сходства. Противник Сэнди, видимо, тот самый неуязвимый Бельрун, вяло рвался в ближний бой; Шаконтон сомнамбулически отшатывался, предпочитая сохранять дистанцию. Циркач бил ногами, мой ученик встречал их ударами кулаков. Видимо, подобный обмен любезностями длился уже достаточно долгое время. Веселье в толпе достигло критической отметки; зрители бились друг с другом об заклад, кто из драчунов упадет первым.

Полюбовавшись некоторое время на эти «бои без правил», я решил, что мой оруженосец мне еще пригодится живым и боеспособным, и закричал грозным голосом:

— Сэнди!!! Я тебя куда посыпал?!

Услышав мой окрик, Шаконтон обернулся, пытаясь обнаружить источник звука в толпе. В тот же миг кулак Бельруна, нацеленный ему в челюсть, задев его по щеке, скользнул мимо. Это был последний удар в поединке. Вложив в него все оставшиеся силы, соперник Сэнди по инерции начал падать, увлекая за собой еле державшегося на ногах Шаконтона. Подняв тучу пыли, поединщики с грацией мешков, набитых зерном, повалились на землю. Толпа взмыла, и крики радости и разочарования слились в единодушный вопль. Однако этот шум не мог заставить бойцов подняться. Судя по всему, нынешнее горизонтальное положение их вполне устраивало. Народ начал было разочарованно разбрдаться, но быстро сориентировавшийся за зывала, пританцовывающий на шесте, подлил новую порцию масла в огонь обывательского интереса.

— А вот, спешите видеть! Непревзойденная наездница Аридель, женщина-кентавр! Совсем ребенком она была похищена скифами, проезжавшими через ее родную деревню в далекой Гиперборее, и была выкуплена царицей амазонок!

Горожане, раскрыв рот, благоговейно внимали

этой чепухе, а наглый шут продолжал распинаться на своем насесте.

— Десять лет она провела в царстве легендарных амазонок, пока искусство ее не достигло такого совершенства, что сама царица амазонок, признавая ее превосходство, изгнала ее из страны, боясь потерять свой трон! Спешите видеть — девушка-амазонка, приемная дочь царицы Ипполиты!

Полог шатра распахнулся, и оттуда выскочила хрупкая темноволосая девушка. Сделав сальто, она остановилась и издала пронзительный свист, заставивший толпу опешить. Из палатки вынеслась красивая белоснежная лошадка, покрытая ярко-алой попоной, и помчалась по кругу. Дождавшись, пока кобылица поравняется с ней, девушка одним движением взлетела ей на круп и, выпрямившись, широко развела руки.

Толпа, привлеченная новым невиданным зрелищем, повалила любоваться «амазонкой». Я остался один возле тел, распростертых на земле у моих ног. Подойдя поближе к непобедимым бойцам, я склонился над ними и, критически оглядев моего оруженосца, стал укоризненно вычитывать ему:

— Сэнди, мерзавец ты этакий! Ты что ж это вытворяешь? Тебя в порт за лошадьми посылали или драться на потеху толпе? Эй, тулово, ты меня слышишь?

Александер, дотоле не подававший признаков жизни, лениво открыл менее пострадавший глаз и с явным непониманием уставился на меня. Ободренный его вниманием, я продолжал морализировать:

— На кого ты похож?! Господи, ты — оруженосец благородного рыцаря, одного из самых известных рыцарей в Европе... Куда ж мы с тобой в таком виде покажемся? — На лице Сэнди появилась благодушная растерянная улыбка. Судя по всему, он сейчас находился на вершине блаженства.

— Не оруженосец, а посмешище! Тебя родная мать не узнает! — прикрикнул я на него...

«А ведь не узнает... — мелькнуло у меня в голове. — И меня бы не узнала». Внезапно мозаика мыслей и событий последних дней сложилась в весьма забавную картинку. Бродячий цирк — это то, что мне нужно!

Когда королю Джону презентуют мой окровавленный джупон с недвусмысленными прорехами в спине, он наверняка не поверит глазам своим и, зная повадки хозяина одежки, обязательно решит проверить факт убийства. Значит, пошлет в Ла-Рошель своего соглядатая, и, может быть, не одного... А значит, мне следует исчезнуть. И чем бесследнее, тем лучше. А кому, позвольте спросить, придет в голову бредовая мысль искать благородного рыцаря Вальдара Камдила, сыра де Камварона, вестфольдского принца... и так далее, и тому подобное, в возке бродячего цирка шапито?! Только мне, поскольку именно там я и собираюсь продолжить свое путешествие по Франции! Окрыленный этой гениальной идеей, я оставил в покое блаженно-невменяемого Сэнди валяться на земле, бросив ему:

— Когда очухаешься, немедленно в гостиницу! — и приступил к начальному этапу исполнения своего коварного плана. Присев на корточки перед Бельруном, я обратился к нему с напыщенной тирадой:

— Маэстро! Вы видите перед собой искреннего почитателя вашего таланта!

Это была наглая ложь: глаза циркача были закрыты, и видеть он ничего и никого не мог. Не дождавшись реакции на свои слова, я произнес уже с куда меньшей патетикой:

— У меня к вам есть деловое предложение. — Бельрун моментально пришел в себя и смерил меня внимательным оценивающим взглядом.

— Я слушаю вас, — прошептал он, осторожно пытаясь подняться.

— После того, как позвонят к вечерне, я жду вас в таверне у городских ворот. Угощение за мой счет, — произнес я, понимая, что человек в таком состоянии вряд ли способен к разумному ведению дел. Циркач слабо кивнул и, поморщившись, начал медленно вставать на ноги.

— Хорошо, значит, договорились, — я махнул на прощание рукой и направился к ратуше. Перед отъездом мне предстояло еще несколько дел, от успеха которых зависел результат всей операции. И в первую

очередь я должен был посетить наместника Пуату, барона Даймона де Монтереля.

Его милость имел репутацию человека весьма умного и обходительного. В течение последних четырех лет он с неизменным успехом сражался бок о бок с Малышом Эдом. Обладая чудесным свойством всегда появляться со своим отрядом в нужное время и в нужном месте, он снискал себе славу опытного полководца и полное и безоговорочное уважение солдат. Барон был несколькими годами моложе меня, и хотя вовсе не выглядел, подобно Меркадье или Россу, могучим воином, а имел телосложение скорее хрупкое, однако слыл далеко не безопасным противником. Впрочем, я никогда не слышал, чтобы он был зачинщиком хотя бы одного поединка на многочисленных турнирах.

Де Монтерель принял меня в своих апартаментах с изысканной учтивостью: за несколько дней общения на корабле между нами установились приятельские отношения.

— Дорогой Вальдар, как хорошо, что вы пришли! Мне как раз доставили одну занятную заморскую диковинку! — радушно приветствовал меня барон. — Представляете, ее везли из самого Леванта! А туда — из еще более далекого Хинда¹, — брови Даймона приподнялись, показывая всю степень восхищения его пред неизведанными чудесами Востока.

— Милейший барон, я к вам по неотложному делу, — попробовал я приостановить безудержный натиск французского гостеприимства, но, как вы сами понимаете, мне это не удалось. Мог бы и не пробовать.

— Все дела потом! Какие могут быть дела в обеденный час? Сначала вы должны попробовать сей дивный напиток! — барон хлопнул в ладоши, и в комнату торжественно вплыл слуга, несущий поднос, покрытый белым покрывалом. Поклонившись, он бережно поставил свою ношу на стол перед нами и тихо вышел.

— Представьте себе, это настой из листьев некоего экзотического растения, произрастающего в Хинде, — заговорщицким тоном объяснил мне де Монтерель,

¹ Хинд — точнее, Хинди — Индия.

снимая покрывало и беря в руки серебряный чеканный кувшинчик тонкой работы, выполненный в форме оскаленного льва. Хвост этого дивного животного, подымаясь к голове, образовывал ручку, а из пасти, судя по всему, надлежало изливаться содержимому львиного чрева.

— Хм, остроумное устройство, — похвалил я изящную вещицу. Хозяин порозовел от удовольствия.

— Мне ее привезли из Византии. Если хотите, — воодушевился он, — я вам покажу свою коллекцию...

— После, дорогой барон, — решительно возразил я.

— Ну, как хотите. — Даймонд начал разливать по чашечкам буроватую жидкость. Над чашечками поднялся пар, и в воздухе отчетливо запахло шампунем...

— Этот напиток изготовлен по тайному рецепту... Говорят, что в него идут только кончики листьев, которые собирают самые прекрасные девушки Хинда ранним утром, сразу после восхода солнца, будучи совершенно обнаженными... Восхитительное, должно быть, зрелище, — мечтательно вздохнул барон де Монтерель.

Понимая, что меня сейчас вполне могут угостить пикантными подробностями охоты на слонов в штате Пенджаб, я вежливо отхлебнул чудесный напиток. По вкусу он напоминал лежалый «Пиквик», ароматизированный Бог знает какой дрянью. Такой чай я не любил больше всего... Изобразив на своем лице должный восторг, я задумчиво посмотрел в потолок и автоматически спросил:

— Извините, Даймонд, а что, сахара у вас нет?

Барон удивленно воззрился на меня:

— Что, разве сей напиток надлежит пить с сахаром? Немедленно прикажу подать. У меня есть чудный сахар. Мне его привезли из Гранады. Сейчас я расскажу вам, как его добывают: в далеких пещерах...

Я внутренне взмыл.

— Дорогой барон, у меня к вам дело... — в сотый раз напомнил я о цели своего визита.

— Дело? Какое дело? — с неохотой отвлекся от своего рассказа мой собеседник.

— Очень важное. От него зависит моя жизнь или смерть.

...И я рассказал как можно более кратко барону де Монтерелю всю историю моих похождений, начиная от освобождения короля Ричарда и заканчивая сегодняшней встречей с наемным убийцей.

— ...Поэтому, мой друг, мне нужна ваша помощь.

— Все, что в моих силах, — отозвался заинтригованный барон.

— Сегодня ночью я исчезну из города. Мой конь, мои вещи останутся на месте. У меня большая просьба к вам: организуйте поиски. По возможности громкие, но безрезультатные. И распустите слух, что меня убили. Это все, что от вас потребуется.

— Хорошо... — задумчиво теребя ухоженную бородку, произнес Даймонд. — Куда вы намерены двигаться в действительности? Ведь если я не скажу Меркадье, что вы живы и здоровы, он перевернет вверх дном всю Францию, а заодно и Англию.

«Логично, — с запоздалым испугом подумал я. — Это я как-то упустил из виду. Молодец барон!»

— Мне нужно встретиться с императором Оттоном. Поэтому я буду двигаться в сторону границы.

— В сторону границы... — барон забарабанил пальцами по столику. — Очень неопределенно... Скорее всего император должен сейчас пребывать в Аrelате. Он, видите ли, намерен короновать своего сына, младший Вальдар. Значит, он либо в Гренобле, либо в Женеве... Скорее всего в Женеве... И даже если его там пока нет, то, вероятнее всего, вскорости там будет.

— Благодарю вас, Даймонд, — с искренним чувством произнес я, подымаясь и собираясь уходить. — Вы мне очень помогли. Но откуда вам все это известно?

Барон хитро улыбнулся, вновь напуская на себя сибаритский тон.

— Видите ли, мой дорогой мессир Вальдар, я с юных лет люблю всякие изящные и необычные вещи. Купцы привозят мне их со всех концов света. А купцы в своих путешествиях видят гораздо больше, чем мы, сидящие на одном месте. Желаю вам удачи! — провожая меня до двери, негромко произнес он. — Надеюсь, по возвращении я услышу рассказ о ваших новых подвигах.

Я учтиво поклонился и покинул гостеприимный кров.

Дав хозяину гостиницы подробные инструкции насчет того, как надлежит ему себя вести после моего «тайного» исчезновения, и выслушав от доброго мэтра Оливье очередную порцию заверений в вечной преданности, я велел Сэнди хорошенько выпастися и под утро явиться к цирку Бельруна.

Новая таверна мэтра Оливье, открытая сегодня днем, была расположена у самых городских ворот, там, где улица резко поворачивала вправо и начинала дальше петлять вплоть до ратушной площади. Таким образом, путник, въезжавший в город, первым делом натыкался взглядом на яркую вывеску, изображавшую широко улыбающуюся физиономию добрая-хозяина. Чуть ниже этого незамысловатого портрета красовалась надпись: «Привет, дружище!» Выезжая из города, путешественник видел таверну с другой стороны. Открытая дверь заведения недвусмысленно напоминала прохожему, что, пожалуй, перед дальней дорогой не плохо бы перекусить. Над дверью тоже красовалась вывеска с пресветлым лицом мэтра Оливье, но уже изрядно погрустневшим. Надпись под ним гласила: «До встречи, дружище!» Не думаю, чтобы в городе нашлось много грамотеев, способных прочитать текст вывески, но тем не менее, коммерческий успех этой ресторации, на мой взгляд, был обеспечен.

Побродив по городу, я убедился, что любезнейший король Джон пока что решил ограничиться одним охотником за скальпами, и с заметным облегчением направился к «Дружищу». Именно так уже именовали таверну многочисленные любители дармовой выпивки, которая в честь открытия выставлялась сегодня всем страждущим избавления от жажды.

Придя к месту встречи на час раньше назначенного срока, я застал плавно затухающее веселье и поздних клиентов, напряженно обдумывающих дальний маршрут своего движения. Несмотря на обилие горячительных напитков, в зале было безмятежно спокойно. Человек шесть городских стражников, судя по всему, сменившихся с поста у ворот, чинно резались в карты, попутно следя за порядком в тавerne.

Стоявший за стойкой молодой толстяк бойко и споро наполнял вином глиняные кружки, успевая при этом обмениваться шуточками с подвыпившими посетителями. Не надо было быть Натом Пинкертоном, чтобы отметить поразительное сходство бармена с физиономией, украшавшей вывеску. Одно лишь было непонятно: то ли художник, ее малевавший, скинул лет десять почтенному мэтру Оливье, то ли, работая «на вырост», прибавил лет десять этому парню.

Увидев мой перстень, он кивнул и осведомился, чем может быть полезен. Я объяснил ему, что мне нужно. Он молча указал мне на небольшую дверку под лестницей.

Малюсенькая комната за ней — пять шагов в длину и три в ширину, видимо, предназначалась для отдыха прислуги. Лежанка, бочонок, заменяющий стол, пара табуретов — вот все, что составляло ее внутреннее убранство. Меня это вполне устраивало. Тем более что ужин, поданный в эти скромные апартаменты, вполне скрашивал убогость ее обстановки.

Бельрун появился едва ли не вместе с ударом колокола. Я слышал, как задвигаются за ним засовы на дверях таверны, а вслед за этим негромкий голос достойного продолжателя дела мэтра Оливье, направлявший циркача ко мне.

Через минуту он сидел напротив меня, откинув на плечи темный капюшон, дотоле закрывавший его лицо. Судя по многочисленным следам дневного поединка, его самочувствие оставляло желать много лучшего, но тем не менее ему все же удавалось держать улыбку и вести себя весьма непринужденно.

— Итак, господин рыцарь, — произнес он, осушая кубок с вином и принимаясь за холодную закуску. — Какое у вас ко мне дело?

Я решил, что лишние велеречия только осложнят нашу беседу, а потому сразу перешел к сути.

— Месье Бельрун, — произнес я, наливая вино в опустевшие кубки, — мне необходимо поступить в ваш цирк.

— Да?! — мой собеседник на секунду прекратил есть и изучающе поглядел на меня. — В качестве кого?

— В качестве бойца.

Не сводя с меня внимательных насмешливых глаз, хозяин цирка поднял бокал.

— Ваше здоровье, господин рыцарь. Послушайте, что я вам скажу. Мне многое довелось повидать в этой жизни, и я отлично понимаю, что то, о чем вы меня просите, не блажь. Я не стану спрашивать, зачем вам это нужно. Вы это наверняка знаете, а мне знать не обязательно. Я хочу спросить вас, понимаете ли вы, куда идете?

Я утвердительно кивнул.

— Хлеб циркача черств и горек, а уж циркового бойца и подавно. Мои артисты получают один день за день дороги, три за выступление и пять в дни праздников...

— Это меня не интересует. В случае, если мы с вами договоримся, они будут получать солид в день и так далее. Плюс оплата провианта на труппу и зверинец.

Глаза Бельруна, дотоле светившиеся состраданием, выразили неподдельный интерес.

— И что вы за это хотите?

— Мне нужно, чтобы цирк пересек Францию и благополучно добрался до Аrelата. Как вы сами знаете, по пути достаточно крупных городов, чтобы иметь неплохие сборы. Единственное условие — как можно меньше задержек в пути...

— Понятно, — перебил меня циркач. — То, что вы говорите, меня вполне устраивает. Остается всего лишь один вопрос. Поймите меня правильно, господин рыцарь. Я более чем уверен, что доблестью вы равны Роланду, а воинским искусством Ланселоту. Но отчего вы решили, что сможете справиться с ремеслом циркового бойца?

— Сегодня на площади вы имели дело с моим оруженосцем, — пожав плечами, ответил я.

— Это тот стриженый парень, которого следовало бы бить в грудь тараном, чтобы свалить с ног?

— Именно он, — польщенный таким своеобразным комплиментом, подтвердил я.

— Из него получится отличный боец, но пока что слабоват. Слишком много думает об атаке и почти совсем забывает о защите.

Я невольно усмехнулся. Судя по исходу сегодняшнего боя, подобные оценки выглядели несколько комично, и вместе с тем они вполне соответствовали действительности.

— ...Так вот, возвращаясь к вам, господин рыцарь. Если вы желаете поступить в труппу, я вынужден просить вас вначале пройти небольшое испытание. Вы согласны? — как-то странно-насмешливо глядя на меня, произнес он.

— Согласен.

Выпустив нас через черный ход, сын мэтра Оливье пожелал нам удачи и стал громыхать ключами, запирая на ночь свое заведение. До ратушной площади, где располагался бродячий цирк, мы добрались без приключений, если, конечно, не считать таковыми течканавы, в которые мы несколько раз едва не угодили, пробираясь впотьмах по кривой немощеной улице. Шатер был уже сложен и в разобранном виде погружен на две повозки. Еще две повозки занимали клетки зверинца. Вокруг не было видно ни души, площадь казалась вымершей, а потому голос, раздавшийся из ближайшего возка при нашем приближении, прозвучал как-то неестественно громко.

— Кто там? — спросил певучий девичий голос.

— Все нормально, Эжени. Это я и со мной мой приятель. Принеси-ка сюда пару факелов да разбуди Железного Ролло! Скажи, что он мне нужен.

Аридель — женщина-кентавр, в узком кругу носившая прелестное французское имя Эжени, — появилась из своего возка, держа в руках факелы и огниво. Еще через пару минут из соседнего возка, стоявшего чуть дальше от нас, выбрался детинушка, предназначенный либо для подтверждения моей профпригодности, либо, при худшем повороте дела, для доведения меня до полной непригодности к чему бы то ни было.

— Эй, крепыш! — обратился Бельрун к сонно моргавшему верзиле, пытавшемуся сообразить, чего ради его подняли в такой поздний час. — Намни-ка бока этому господину. Но только так, смотри, чтобы он остался жив!

Сегодня днем мне не довелось видеть выступление этого тяжелоатлета. Решив, видимо, восполнить этот

пробел, он подхватил лежавший на земле металлический прут и, хищно оскалившись, начал двигаться на меня, попутно наматывая железяку на кулак наподобие кастета.

Подойдя ко мне почти вплотную, он взревел, отбросил свою игрушку, очевидно, желая отвлечь этим нехитрым маневром мое внимание, и, сграбастав одной рукой котту у меня на груди, начал отводить руку для сокрушительного удара. Без сомнения, доведись этому силачу нанести его, мои надежды устроиться на работу в цирк рассеялись бы как дым. Разве что, может быть, на роль полного идиота. Но удара не последовало.

Коротким серпообразным движением кинув руку к голове соперника, я направил большой палец в ямочку за мочкой уха, туда, где по господнему проекту крепилась нижняя челюсть.

Железный Ролло вытаращил глаза, отпустил руки и рухнул наземь.

— Обморок, — констатировал Бельрун, подходя к лежавшему без движения атлету. — Что и говорить, убедительно. Весьма впечатляет. Но никуда не годится. Ну да ладно. Это не беда. В дороге всему научим. Считайте, что вы зачислены.

ГЛАВА 6

— Крибле! Крабле! Бумс!!
Магическое заклинание

два рассвело, цирк Бельруна... или, точнее, уже наш цирк, выехал за ворота Лароши. Полусонные стражники у подъемного моста проводили наш кортеж добродушными шутками и приглашениями заезжать еще. Грациозная Эжени, гарцевавшая на своей белоснежной лошадке, легко поднялась в седле и, стоя на одной ноге, послала солдатам воздушный поцелуй, чем вызвала бурю восторга у моментально воспрянувших воителей. Повозки наши одна за другой выкатили на дорогу, ведущую в Ангулем. В сам Ангу-

лем мы заезжать не собирались, но переправиться через Шаронту в другом месте с нашим грузом было бы весьма затруднительно. Где-то на дистанции двух полетов стрелы от крепости начинался лес, что было весьма кстати, так как погода для конца апреля в этих местах стояла более чем теплая. Глобальное потепление, наблюдавшееся в это время, заставляло цвети вишню в середине весны на широте Лондона, так что во Франции, лежавшей много южнее, жара к полудню становилась совершенно нестерпимой. Хорошо расчищенная дорога мягко ложилась под колеса возков, избавляя путников от постоянной пытки ухабами. Вообще же дороги Франции в то время по моим (да и не только моим) наблюдениям, по праву могли считаться лучшими дорогами христианского мира. Как было принято говорить, «кортеж невесты здесь мог проехать, не зацепив повозки с мертвецом». Правда, места для бродячего цирка между ними не оставалось, но, к счастью для нас, мы пока что не встретили ни одного, ни другого.

Погода стояла чудесная, и, да простят меня читатели за расхожую банальность, в лесу вовсю щебетали, пели, чирикали и издавали другие не поддающиеся определению звуки разнообразнейшие представители царства пернатых. На флагманской повозке восседали мы с моим работодателем, державшим в руках вожжи. Рукава его одежи были закатаны по локоть, что позволяло видеть пару отличных метательных ножей, закрепленных ремешками у него на предплечьях. Лицо циркача, густо намазанное какой-то остро пахнущей мазью, напоминало маску.

— Пойми, дружище Вальдар, — вещал мой наставник циркового мастерства, удобно развалившись на своем месте. — То, чем занимаемся мы, совсем не похоже на то, что демонстрировал ты. Оно, конечно, полезно уметь положить такого дуболома вроде Жано...

— Кого-кого? — переспросил я.

— Железного Ролло, — поморщившись, поправился Бельрун. — Никак не могу привыкнуть к этим дурацким прозвищам! Цирк я приобрел недавно, месяца два назад. Да, кстати, — он кивнул на вторую повозку,

катившую за нами, — клоуна зовут Люка Руж. Это тоже прозвище, но как его зовут по-настоящему, я не знаю, да здесь этим особенно и не принято интересоваться. Аридель, как ты уже слышал, зовут Эжени, родом она из Энейкура, что в Бретани, и никаких скифов, как ты сам понимаешь, в глаза не видела, — он весело рассмеялся. — Кстати, ты не знаешь, где живут эти скифы?

— Они уже давно не живут, — автоматически ответил я.

Брови Бельруна полезли вверх, отчего лоб его пошел забавными морщинами.

— Да?! Экая беда с ними приключилась? Ну да ничего, — не дав мне возможности исправить его «прокол», отозвался он. — Думаю, кроме тебя, об этом никто и не знает. Родители у нее были цирковые, — продолжал знакомить меня с биографией моих теперешних собратьев по ремеслу Бельрун. — Дед — циркач, отец — превосходный наездник... Вот и она — с малолетства в седле.

— А Ролло? — спросил я, оглядываясь на могучую фигуру силача, угрюмо правившего второй повозкой.

— А-а, — слегка пренебрежительно протянул директор цирка. — Этого мы месяц назад в какой-то дыре подобрали. Силы у него на двух медведей хватит, а вот умишком Бог не наградил. В общем, подковы гнет, лошадей подымает... Портит все. На прошлой неделе ударом кулака вола хозяйствского на ферме убил — еле разобрались! С сыном хозяина поспорил, дубина.

— Бельрун, как я понимаю, это тоже прозвище? — поинтересовался я.

Циркач расплылся в симпатичной открытой улыбке, и я подумал, что он гораздо моложе, чем выглядит на первый взгляд.

— Когда я родился, мой отец, который, кстати, был королевским сержантом¹, — с гордостью произ-

¹ Королевский сержант — в средние века не имело никакого отношения к воинскому чину, а означало должностное лицо низового происхождения, посыпаемое королем для выполнения поручений административного характера.

нес он, — решил, как водилось у нас в старь, по рунам определить мою судьбу. Да-да, не удивляйся, — заметив мою реакцию, усмехнулся мой собеседник. — У нас в Нормандии до сих пор принято советоваться с рунами в ответственных случаях, что не мешает нам быть добрыми христианами. Так вот, когда отец вытащил подряд три добрые руны — Тейвас, Райдо и Феод¹, он воскликнул: «Бель рун!»² С тех пор я верю в свою счастливую звезду, и, надо сказать, пока что это предсказание меня не подводило. На самом деле мое имя — Винсент Шадри, — он шутливо поклонился.

Да, кстати! — заметил Бельрун-Винсент. — Вам бы тоже следовало подыскать себе какое-нибудь цирковое имя. Не станем же мы объявлять вас, как «благородный рыцарь из Ла-Рошели»?

— Придумаю что-нибудь по ходу дела, — задумчиво отозвался я. В голову пока не лезло ничего лучшего, чем Мистер Икс или Черный Плащ.

— Но вернемся к вашей роли, — продолжал Бельрун. — Драться вам в основном предстоит с горожанами, среди которых зачастую встречаются весьма сильные и здоровые парни. Однако умелые бойцы среди них встречаются очень редко. Я потому и оруженосцу вашему едва не продул, — кивнул он на третью повозку, которой правил невозмутимый Сэнди, — что вначале неосторожно позволил ему нанести мне пару ударов в голову. А удары у него, я думаю, вы сами знаете какие, — Бельрун осторожно потрогал уже желтеющий синяк под глазом. — Ты пойми, — вновь переходя на «ты», вразумлял меня мой «сенсей». — Нам платят за зрелище, за бой, а не за победу. Конечно, иногда и стоит какого-нибудь верзилу уложить наземь одним ударом. Но если это повторится раза два-три — никто и денье не заплатит, чтобы посмотреть на такие бои.

¹ Тейвас — руна Тюра; при гадании означает путь воина, доблесть, энергию и победу. Райдо — езда, удачные путешествия, хороший совет. Феод — руна благополучия и финансовых приобретений, стабильного положения.

² Бель рун! — прекрасные руны (фр.).

Я тяжело вздохнул. Долгие годы упорных занятий различными видами воинских искусств глубоко укоренили в моем сознании мысль, что бой не надо вести. Его надо прекращать — быстро и окончательно, не давая противнику пользоваться его техническим арсеналом. Этому учил меня великий патриарх школы Джоу И мастер Ю Сен Чу, этому я обучал своих учеников и в форте Норич, и в Институте.

«Да... Попробуем справиться с рефлексами. Хотя одному Богу известно, что из этого выйдет», — с сомнением подумалось мне.

— Вот смотри! — неожиданно прервал мои невеселые размышления голос Бельруна. — Тпру!! — он дернул вожжи, и я чуть не нырнул с повозки головой вперед. — Эй, Жано! — позвал силача Бельрун. — Иди сюда! Сейчас драться будем.

Парень спрыгнул с повозки и, подойдя к нам, вопросительно уставился на хозяина.

— Стань-ка против господина рыцаря, — приказал ему Винсент. Железный Ролло неохотно стащил с себя застиранную тунику и бросил на меня подозрительный взгляд.

— Да ты не бойся! — успокоил его Бельрун. — Он тебя больше пальцем не тронет. Господин рыцарь, я вас прошу, — от души веселился он. — Пальцем Ролло больше не трогайте. Вот видишь, при тебе прошу.

Я встал напротив атлета. Опасливо глядя на меня и поигрывая своей более чем рельефной мускулатурой, Жан картино отвел назад правую руку для удара. За то время, пока тянулся этот удар, можно было сыграть партию в блиц-шахматы... Я ушел «волной» вниз, мой левый кулак врезался в то место, где находится печень, а правая на подъеме таранила его челюсть. Противник мой сдавленно охнул, отступил пару шагов назад и, покачиваясь, обиженно уставился на меня.

— Нет, — раздался решительный возглас Бельруна. — Уже лучше, но никуда не пойдет. Представь себе: ты приезжаешь в какой-нибудь город. Там вот этакий Пьер или Антуан — первый парень, любимец женщин, гроза мужчин. А ты его вот так вот, на «раздва-три», превращаешь в мешок с потрохами... Смо-

три! — он ловко спрыгнул наземь. — Ну что, Жано? Ты там еще жив?

Парень страдальчески поморщился, потрогав челюсть.

— Жив, — прогудел он, и это было его первое слово с момента нашего знакомства. Винсент, слегка раскачиваясь, подошел к гиганту.

— Ну что ж, давай бей. А ты смотри внимательно и запоминай, — бросил он мне. Правая рука Жано вновь потянулась назад и вскоре вернулась обратно, выкидывая огромный кулак. Внимательно следя за происходящим и имея большой опыт в подобного рода переделках, я заметил, что удар, направленный в лицо Бельруну, не достиг цели. Тот попросту повернул голову в момент удара, пуская кулак вскользь. Но результат выглядел потрясающе! Словно выброшенный из катапульты, мсье Шадри отлетел в сторону и, перевернувшись, вновь встал на ноги. Второй удар был направлен ему в солнечное сплетение. Винсент повис на руке своего противника, словно плащ; но я уже не сомневался, что Жано снова не причинил ему ни малейшего вреда. После трех подобных фокусов картина покачивающейся от усталости циркач легким движением ноги подцепил голень своего неуклюжего противника и тут же ткнул его локтем в грудь. Оправдывая свое прозвище «Железный», силач с невообразимым грохотом рухнул на дорогу.

— Вот так! Але-оп! — Бельрун поднял обе руки вверх и поклонился немногочисленной публике, теряя к неподвижному противнику всяческий интерес.

«Шоссон¹», — отметил я про себя. — Интересно, откуда эта школа ведома простому циркачу?»

В придорожных кустах послышался сильный треск, с каждой секундой удаляющийся все дальше. Бельрун моментально насторожился:

¹ Шоссон — шоссон и сават — старинные французские виды единоборств. Время возникновения XVII—XVIII века, однако техника, присущая этим видам, встречается уже в период раннего средневековья. Оба стиля изобилуют ударами ногами на нижнем и среднем уровне.

— Люка! — крикнул он. — Посмотри, что там происходит!

Клоун, уже расставшийся со своим нелепым носом и рыжей шевелюрой, как и следовало ожидать, оказавшейся париком, соскочил с воза и с ловкостью заправского акробата взобрался, а точнее взлетел на ближайшее дерево.

— По-моему, мы вспугнули разбойничью засаду, — прокричал он. — Хорошо улепетывают.

— Да? — на лице Бельруна появилось забавное выражение. — Вот видишь, бесплатные выступления тоже приносят пользу!

Люка Руж начал спускаться с дерева.

— Однако, в путь! К полудню мы должны быть у реки, иначе паром уйдет без нас, а следующий — только вечером.

Все заняли свои места на повозках, и наш кортеж двинулся в дорогу. Часа три мы занимали друг друга всевозможными байками из кочевой жизни, когда наконец Бельрун предложил остановиться и перекусить:

— До Шаронты-то еще полчаса езды, так что мы наверняка успеваем, — добавил он.

Эжени и Люка принялись хлопотать над походными припасами, отправив Жано за дровами.

— Да! — Винсент оценивающе посмотрел на меня. — Господин рыцарь, вам лучше бы понадежнее припрятать ваше боевое снаряжение, а особенно — оружие.

Он был абсолютно прав. Меч и кольчуга — не самые обычные вещи в реквизите бродячего цирка. А уж тем более — такой меч...

— Куда же я их спрячу? — обеспокоенно спросил я, оглядывая наш караван.

— Ну, об этом можно не беспокоиться, — хитро подмигнул мне хозяин труппы. — Мне тут приходится время от времени перевозить кое-какие грузы из Франции в империю так, чтобы это не бросалось в глаза сборщикам пограничной пошлины.

— Контрабанда? — понимающе кивнул я.

— Мне многим приходилось заниматься последние двадцать лет. — Бельрун пожал плечами. — Но это к делу не относится. Пойдемте.

Он подошел к повозке, на которой громоздились две внушительных размеров клетки. В одной из них, мельтеша пятнистой шкурой, нервно расхаживал леопард. Завидев нас, зверь прижал усатую морду к толстым прутьям и заурчал.

— Сейчас, глупая. Сейчас тебя накормят, — пообещал ей Винсент. — Люка! Не забудьте накормить зверей! Бросьте этой обжоре конины.

Существо, сидевшее в следующей клетке, почуяв наше приближение, поднялось с пола, и я с удивлением понял, что вижу перед собой одного из представителей вымирающего племени гоблинов. Этот, правда, казался постарше, чем Гул, да и принадлежал, видимо, к другому роду. Он был более коренастый, и шерсть, покрывающая густым слоем его тело, была седой, а не бурой, как у Гула. Гоблин недовольно покосился на нас и выдал серию уже знакомых мне скрежещущих звуков.

— У-у! Что, пришли? Уставились, идиоты! Марышку себе нашли... А это еще что за недоумок? — Гоблин неодобрительно глянул на меня. — Таскаются тут разные... Жрать бы лучше принесли! — не особенно удивившись; «услышал» я речь страшилища.

— Иди, Краки, погуляй! — Бельрун открыл клетку, делая гоблину приглашающие движения руками. — Вылезь, вылезь.

— Краки! Сам ты «Краки»! Тагур я, сколько раз повторять! — бурчал возмущенный тем, что его потревожили, нелюдь. — Тагур, сын Хола! А, что им говорить, тупые они тут все!

Хозяин потрепал его по загривку.

— Ты его не бойся, — успокоил он меня. — Он не злой, видимость одна. Только глупый. Тварь бессловесная, что возьмешь! Иди, Краки.

— Сам-то ты сильно умен! — немедленно отреагировал гоблин.

— Его зовут Тагур, сын Хола... — глядя ему вслед, сообщил я Бельруну.

— Вот как? — Месье Шадри окинул меня удивленным взглядом. — Ты понимаешь, о чем эта тварюга лопочет?

— Так, немножко, — поскромничал я.

— Это хорошо! С этим мы обязательно придумаем какой-нибудь трюк. — Он засунул руки в глубь опустевшей клетки и, нащупав что-то, ведомое ему лишь одному, с некоторой натугой потянул на себя. Покрытая соломой и обрывком какой-то шкуры лежанка страшилища медленно поднялась, открывая вместительный тайник. Катгабайл, обернутый для сохранности в плащ, доспех, щит, рыцарская цепь и золотые шпоры — все перекочевало в чрево потайного ящика.

— Вот, кажется, и все, — произнес я.

— Угу. — Бельрун скептически оглядел меня. — А кинжал?

Я обнажил висевший на поясе клинок, ловя полированной сталью солнечный луч.

— Может, оставить? — с сомнением возразил я. — Мало ли что в дороге может случиться?

— Это правильно! Это верно! — усмехнулся циркач. — Во Франции у всех добрых горожан на поясе висят клинки работы мастера Эльсано. У них, знаете ли, так принято. — Он щелкнул ногтем по костыльному кресту в двойном круге, инкрустированному на пяте клинка¹.

— Ты знаешь эту марку? — мое удивление было искренне и неподдельно. Подобное оружие в Европе можно было встретить крайне редко. Цена любого из таких клинков колебалась от стоимости хорошей фермы до цены небольшого замка.

— Да, — небрежно откликнулся Винсент. — Когда я был знаменщиком у барона Этьена де Фьербуа, мне довелось побывать в Толедо в новой мастерской великого оружейника. Кладите кинжал, господин рыцарь, здесь его никто не тронет. Я подберу вам оружие по-проще. Вот так-то будет лучше. Хотя стойте! — Бельрун хлопнул себя по лбу. — Эй, Сэнди, приятель! Волоки сюда свое добро.

Шаконтон вопросительно взглянул на меня и, по-

¹ Пята клинка — небольшая незаточенная площадка под гардой, где обычно помещалось клеймо мастера.

лучив подтверждение приказа, сбежал к повозке и быстро вернулся с небольшим тороком¹.

Хозяин шапито стал принимать у него скарб и складывать в тот же тайник.

— А это еще что? — слегка удивился Бельрун, держа в руках изящную резную шкатулочку, наличие которой мало вязалось с характером и профессией Сэнди.

— Пергаменты... — мой оруженосец слегка смущился.

— Пергаменты? О, мсье грамотей! — Винсент склонился в шутливом поклоне.

— Откуда у тебя это? — беря в руки шкатулку, спросил я Александера.

— Да это Гарсьо на острове тогда нашел, у Аббата, — объяснил он. — Стишки разные он себе забрал, а это у меня осталось. Он меня еще обещал буквам научить, да не успел.

— Ну-ка, ну-ка, — полюбопытствовал я, вытаскивая первый свиток. — ...Сего дня, 12 июля 1154 года, продано сукна Сен-Маргетской обители на пошиву сутан две тысячи локтей по 3 гро за локоть... Гм, памятный сувенир, — прокомментировал я. — А это что? Расписки... счета... О, вексель! Можно будет получить. Кто тут у нас? Камилл де Фьербуа! — я сунул пергамент под нос Бельруну. — Знавал такого?

Тот страдальчески наморщил лоб:

— По-моему, это дедушка моего бывшего сеньора...

— Ха! Вполне может быть: датировано 1138 годом. На, получишь при случае. — Я отдал вексель Бельруну. — А это уже интересно... — я вытащил следующий свиток, на котором были начертаны какие-то странные значки: квадратики, черточки с точками, лесенки и прочая чепуха. — Так. Что здесь зашифровано, я пока не знаю, а вот печать эту мне уже встречать приходилось.

Винсент сунулся посмотреть на печать и озадаченно поскреб затылок:

¹ Торок — дорожный мешок, приторачиваемый к седлу.

— Не знаю такой. Что это за чудовище? — спросил он, указывая на изображение, оттиснутое на воске. Существо и впрямь было странным и вызывало сомнения в здравом уме художника: человеческое тело, заканчивающееся ногами в виде змей, венчала голова с человеческим лицом и петушиным гребнем.

— Это абраксас¹. Эмблема одного моего старого знакомого. Надо будет, кстати, при случае к нему завернуть...

Замаскировав тайник, Бельрун свистнул, подзывая гоблина, который не замедлил вернуться, бурча на ходу:

— Ну вот, идиоты, свистят... Как будто сам не приду! Всю охоту испортили...

— Залазь, Краки. Погулял, и хватит. — Бельрун закрыл клетку.

Мы быстренько перекусили и двинулись в путь. Через полчаса наш цирк рядом с другими повозками стоял в толпе на берегу, ожидающей парома через Шаронту.

Четверо угрюмого вида мужиков устало сбросили на берег деревянные сходни, и возы один за другим стали тяжело въезжать на паром. Пересчитав наши повозки и получив плату за перевоз, паромщики тяжело налегли на длинные шесты, и, оттолкнувшись от берега, мы медленно заскользили по зеленовато-голубым водам Шаронты.

— Сегодня до Лиможа не доедем, — задумчиво произнес Бельрун, глядя на дюжих паромщиков, с настугои вращающих ворот. — Я тут по дороге знаю одно славное местечко, там можно будет остановиться. Думаю, представления сегодня не предвидится. Кстати, господин рыцарь, ты придумал уже себе новый титул?

— Ох, как-то ничего в голову не лезет, — вздохнул я, утирая тыльной стороной руки пот со лба.

— Ну, это дело поправимое, — продолжая созер-

¹ Абраксас — мифическое существо, выглядящее вышеописанным образом. В природе не встречается. Его изображение использовалось в качестве тайной печати тамплиеров.

цать речной пейзаж, оптимистично заявил Винсент Шадри. Ролло, слушавший наш разговор, поспешил внести дельное предложение.

— Давайте назовем вас Бешеный Вепрь!

Я поморщился. Этого только мне не хватало. Уж лучше сразу — Истеричный Боров!

— Нет, — неодобрительно отозвался Бельрун. — Ну какой же он бешеный? Он вполне спокойный. Может, лучше Волкодавом?

— Нет-нет!! — запротестовал я. — Только не это!

Знавал я одного телохранителя с таким прозвищем — тот по улице не мог пройти, чтоб не нарваться на драку. Я задумчиво взялся рукой за подбородок.

— А может... — Винсент посмотрел на меня, глаза его радостно округлились, и он с каким-то глумливым выражением лица произнес трагическим шепотом: — Я знаю! Тебя будут звать Черная Рука!

— Почему это вдруг Черная Рука? — обалдело спросил я.

— Да ты на руки свои посмотри! — Бельрун весело расхохотался.

Я посмотрел. Спорить было бесполезно — руки были действительно черные. Как выражался Лис, «самый что ни на есть медицинский факт». Скорее всего я их основательно вымазал в дегте, помогая закатывать наши возы на паром.

— Эй, Эжени! — позвал девушку развеселившийся хозяин цирка. Она моментально высунула из возка свое миловидное лицо.

— Что, Винсент?

— Позаботься-ка о реквизите для нашего нового поединника. Я думаю, черная маска ему очень пойдет. Погляди, не правда ли, хорош?

Эжени прыснула и скрылась за пологом.

— Ну что ж... — вздохнул я. — Черная Рука, так Черная Рука...

Более идиотского имени не сыскать, наверное, и в самом пошленьком вестерне из коллекции Мишеля Дюнуара, но, во всяком случае, маска в моем деле тоже не повредит.

«Одна радость — Лиса рядом нет!» — подумал я и горестно улыбнулся.

Наконец паром пересек широкую реку и причалил к берегу. Процедура спуска возов на дорогу благополучно повторилась в обратной последовательности, и наш табор вновь покатил по дороге, вызывая улыбки у встречных крестьян. Солнце медленно, но уверенно клонилось к закату.

— Любезнейший мой мессир Черная Рука! — обратился ко мне Бельрун, сидевший рядом и осматривавший до этого прищуренными глазами пустынную дорогу. — Я вынужден вас кое о чем предупредить. Хозяин, у которого мы будем ночевать, — добрейшей души человек. Радушнее, приветливее и рассеяннее его мне не доводилось встречать нигде и никогда. Однако у него есть один существенный недостаток — он решил полностью посвятить себя научным изысканиям в области алхимии. Уж и не знаю, как это ему удается, но он до сих пор жив. Мне довелось некоторое время быть у него учеником, — Винсент с какой-то странной смесью восторга и неодобрения поднял глаза к небу и покачал головой. — Могу вас заверить, с ним всегда есть о чем поговорить, хотя не всегда есть что покушать. Но! — Шадри строго посмотрел на меня. — Я видел, вы тоже подвержены пороку грамотности, поэтому заклинаю вас! Не упоминайте при нем слов «философия», «философ», «философский камень» и других в том же духе. А уж тем более — имен античных авторов, особенно Аристотеля!

Я в который раз подивился разнообразию и широте познаний этого неунывающего искателя приключений.

— Вы были учеником алхимика? — полюбопытствовал я.

— Да! — небрежно ответил Бельрун. — После того, как перестал быть послушником в монастыре святого Гриффита.

— И что же заставило вас расстаться с этим чудесным человеком?

Бельрун мечтательно усмехнулся.

— Тут вышла вот какая история... Ферма Трезэс-

сар, которой нынче владеет сей почтеннейший учёный муж, досталась ему от отца. А тому — от деда, и дальше, дальше... В общем, в этих краях никто никогда и слыхом не слыхивал, чтобы ею когда-либо владел кто другой. Однако как раз в тот год, когда я набирался премудрости у своего друга (зовут его Мэттью Мишо, хотя он предпочитает величать себя Деметриусом), некий мсье, владеющий поместьем по соседству, предъявил в графский суд Ангулема документ, из которого следовало, что отец нашего алхимика держал свои земли от его отца. Это была сущая нелепица, но, как вы сами понимаете, графский суд незамедлительно вынес традиционно справедливый приговор: либо вернуть ферму, либо выплатить арендную плату за все прошедшие годы — 25 солидов.

Я присвистнул. Обычная история.

— ...Милейший Деметриус готов был впасть в отчаяние, — продолжал Бельрун. — Но я взялся помочь ему в этом деле. Мой друг, мессир де Фьербуа, ставший тогда уже сен-гриффитским аббатом, одолжил мне деньги сроком на месяц. Все же осталось, что мне было нужно, у меня было под рукой: жезл королевского сержанта, который оставил мне отец...

— А разве жезл не подлежит возврату? — удивился я.

— Подлежит. Но случилось так, что этот остался у меня, — безразлично глядя куда-то вперед, ответил Бельрун. — Так вот, соответствующее случаю одеяние, пара приятелей из городской стражи, хитрый горшочек — и мой план был готов к исполнению.

— А что еще за хитрый горшочек? — спросил я, понимая, что у меня есть шанс набраться премудрости в этой поездке.

— Обычный глиняный горшочек, совсем небольшой. Только внутри перегородка. В одной части горшочка была обычная вода. А вторую я наполнил белым эликсиrom магистерия.

— Чем-чем? — переспросил я рассказчика.

— Ваша милость! — укоризненно уставился на меня Винсент. — Такую простейшую вещь знает любой шко-

ляр! Белый эликсир магистерия, в отличие от красного, превращает любые металлы в серебро.

— А красный, стало быть, в золото? — догадался я.— А что, они уже получены?

— Не совсем, — замялся Бельрун. — Обработанный этим эликсиром металл действительно становится серебряным, но не весь, а только сверху. К тому же это серебро быстро темнело...

Я смутно припомнил какие-то похожие химические опыты, которые демонстрировала нам в Итоне леди Эйлин Трубецкая, но вызвать в памяти формулу белого эликсира магистерия все-таки не смог. Месте Шадри между тем продолжал.

— Мэттью отнес этому негодяю деньги, и тот снисходительно сообщил ему, что срок следующего платежа — ровно через год. Я выждал несколько дней и как-то под вечер явился со своими друзьями в дом этой скотины, убей меня не помню, как его звали... и потребовал, как водится, приютить нас на ночь. За ужином речь пошла о поручении, данном мне королем. Я поведал изумленному хозяину о том, что в последнее время в стране объявилось множество фальшивых солидов, сработанных из так называемого алхимического золота, и что его величество крайне обеспокоен таким вопиющим преступлением и потому послал меня арестовать всех, кто причастен к этому делу. После чего я выложил на каминную решетку два самых что ни на есть настоящих солида и, капнув на них «роверочным королевским эликсиром» из разных отделов горшочка, дал ему возможность убедиться, что одна монета — действительно золотая, а другая, ставшая на его глазах серебристой, — поддельная. Этот придурок сам притащил мне все свои золотые монеты. Треть из них оказалась фальшивыми. Я их тут же реквизировал.

— Почему только треть? — давясь от смеха, спросил я.

— Эликсира больше не хватило, — честно признался Бельрун. — Изрядно перетрусивший хозяин спросил, куда я направляюсь дальше? Это было то, что

нужно. Я тут же назвал ему ферму Мэттью Мишо. «На которой, по слухам, изготавливается это алхимическое золото», — добавил я. И тут же, сделав страшное лицо, вскричал: «Ба! Да это же ваша ферма!» И, не давая опомниться мерзавцу, грозно приказал своим приятелям-стражникам: «Хватайте его! Вот он, главный фальшивомонетчик!» Представляя себе кипящий котел, в котором ему предстояло вариться, тот едва не помер со страха.

— И что было дальше? — заинтересованно спросил я.

Шадри вздохнул:

— Слаб человек. Каюсь, совершил должностное преступление: взял от этого горе-феодала еще двадцать золотых мзды и подсказал ему, как выкрутиться. Мы пригласили городского нотариуса и составили документ, по которому выходило, что на ферму Трезэссар сей господин не претендует, предъявленные им в суд бумаги были ему подброшены, за истинность их он поручиться не может.

— Браво! — я восхищенно зааплодировал. Находчивый циркач приподнялся, раскланиваясь.

— Правда, вскоре после этого случая мне пришлось скрыться из этих мест, — вздохнул он. — Ребята, напившись в таверне, разболтали об этой истории всему Ангулему.

— А сейчас не боишься, что тебя ищут?

Шадри усмехнулся.

— Н-но! — хлестнул он лошадей. — Пять лет прошло, все уже, поди, забыли... Сейчас за поворотом — ферма...

Эти слова были прерваны оглушительным грохотом. Заржали и шарахнулись кони. Более всего это напоминало взрыв гаубичного снаряда.

Я заорал:

— Ложись! — и рефлекторно сиганул в кювет. Краем глаза я увидел, как Бельрун, Шаконтон и Люка в охапку с Эжени последовали моему идиотскому примеру. И только Железный Ролло, намертво зажав в руках вожжи, с выпученными глазами и вставшими дыбом волосами остался на своем посту.

ГЛАВА 7

Плод познания был червив...

Адам

анонада продолжалась. За первым сильным взрывом последовала серия более мелких, сопровождаемых хлопками, напоминающими выстрелы. Кусок черепицы, со свистом пролетев над нашим убежищем, врезался в дорогу.

— Черт возьми! Это в Трэзессаре! — завопил Бельрун, выскачивая из канавы и бросаясь напрямик через лес. Первым моим движением было схватиться за рукоять меча, обычно находившегося у бедра, однако, вовремя вспомнив, что Катгабайл покоится в тайнике, я, выругавшись, побежал вслед за Бельруном.

— И я! — послышался за спиной возмущенный вопль Шаконтона и треск выламываемого дерева.

Наша команда мчалась напрямик по лесу, не разбирая дороги, перепрыгивая через змеящиеся в траве корни и круша на ходу подлесок. Преодолев полосу препятствий за рекордное время, мы очутились лицом к лицу с тем, что еще минут десять назад могло смело именоваться фермой Трэзессар. Из-за высокой каменной изгороди выбивались языки пламени, обломки разрушенной кровли валялись в радиусе сорока ярдов, дощатые ворота были буквально сметены, и ограда торжественно зияла пустым провалом входа. Над всем этим апокалиптическим пейзажем стелился ядовитый желто-бурый дым с резким запахом аммиака и еще Бог знает какой дряни.

— Я знал, что эти чертовы опыты не доведут его до добра! — воскликнул Бельрун, устремляясь во двор. — Мэттью! Мэттью! Почтенный Деметриус, ты где, черт бы тебя побрал! — закричал он.

Со стороны давно пустующего загона для свиней послышались кашель и сдавленное оханье. Обветшивший от времени заборчик загона был проломлен аккуратно посередине, и звуки, доносившиеся из-за него, не оставляли сомнений в том, что снарядом, причи-

нившим эти разрушения, и был почтеннейший алхимик. Мы стремглав бросились к полуразрушенной загородке, и нашему взору представились сперва два деревянных башмака, торчащих из дыры, а затем и вся закопченная фигура горе-ученого, распростертая на земле. Одежда на нем была изрядно поношена и давно не стирана. Он лежал, широко раскинув руки, среди обломков трухлявых досок, с закрытыми глазами и что-то тихо бормотал себе под нос.

Бельрун, наклонившись над своим бывшим учителем, осторожно потрогал его за рукав.

— Эй! Мастер¹ Деметриус, очнитесь!

Тот слабо пошевелился и произнес чуть громче:

— Получилось!...

Тихо застонав, он приоткрыл глаза и, увидев склонившегося над ним Бельруна, слабо улыбнулся и произнес:

— А... Это ты, Винсент? Извини, мне нечем угостить тебя сегодня... Но ты видел, как это было! Просто потрясающе... — прошептал он и потерял сознание.

— Господин рыцарь! Сэнди! — обеспокоенно запричтит Бельрун. — Отнесите его на поляну! Я тут сейчас... Господи, как это делалось?

Циркач в лихорадочной задумчивости поскреб свои густые курчавые волосы.

— А! Вспомнил! — он начал выкрикивать какие-то малопонятные слова и, размахивая руками, закружился по двору. Мы вытащили алхимика за ограду горящей фермы и, уложив его на траву, начали приводить в чувство. Через несколько минут Бельрун присоединился к нам.

— Ташите его в возок! Сейчас начнется, — крикнул он нам.

И тут началось. Огромная иссиня-черная туча материализовалась как бы из ниоткуда прямо над нами. Небо раскололось зигзагом молний, и оглушительный раскат грома, последовавший за ней, заставил наших лошадей испуганно прядать ушами. Мы быстренько подхватили очнувшегося от грохота Деметриуса и по-

¹ Мастер — в средние века почтительное обращение.

волокли его в возок, пару минут назад подъехавший к ферме. Едва мы успели укрыться под навесом, как крупные капли дождя забарабанили по крыше повозки. Вся труппа, собравшись в первом возке, с интересом разглядывала занятную фигуру алхимика, который горделиво возлежал на свернутом шатре.

— Мой дорогой учитель! — с почтительной насмешливостью обратился Бельрун к Мэттью Мишо. — Поведайте нам, непосвященным, что за несчастье тут приключилось?

— Винсент, мой мальчик! — алхимик сделал попытку приподняться, но тут же, болезненно сморщившись, вернулся в исходное положение. — Ты называешь это несчастьем?! Это же победа! Быть может, величайшая победа в моей жизни! — ученый обвел присутствующих горящим от радости взором.

— Да? — удивился Бельрун. — Последний раз я видел подобную же победу, когда сеньор де Фьербуа штурмовал один сарацинский замок в Гранаде.

Эжени в углу тихонько захихикала.

Мэттью укоризненно посмотрел на своего меркантильного ученика.

— Ты уподобляешься тупоумным невеждам, которые, блуждая в потьмах, не видят за деревьями леса! Для которых блеск солида дороже света истины!

Бельрун как-то неопределенно хмыкнул и, высунувшись из повозки, вполголоса проговорил:

— Господи, ну почему я не узнал тогда у этого недоучки-мага, как останавливается дождь?

Ливень хлестал по округе, сбивая пламя над фермой и делая дорогу непролазной.

— Слушай же и восхищайся! — торжественно объявил премудрый Деметриус, горделиво обведя аудиторию взглядом. — Три года тому назад, когда я работал над получением красного эликсира магистериума, меня вдруг озарило!.. — Алхимик запальчиво хлопнул себя рукой по лбу, но тут же, охнув, скривился и продолжал более спокойно: — Созидательной энергии первичной стихии Огня — вот чего недостает моему эликсиру! Да! Но как передать эту стихию в сосуд, на-

полненный жидкостью? — Деметриус выжидательно оглядел артистов.

Озадаченный Бельрун пожал плечами, выражая тем самым общее мнение. Удовлетворившись созерцанием наших неумытых физиономий и эффектным зрелищем отвисшей челюсти Ролло, ученый муж радостно продолжал:

— И тут я вспомнил, что в старинном труде Квinta Куруция Руфа «О жизни и деятельности Александра Великого» упоминается, что люди Хинда встречали его войско, метая посредством огня стрелы с крепостных стен. Заметь, «метали стрелы посредством огня». Это было то, что нужно! Я начал искать. Долгие годы я потратил на поиски рецепта этого чудесного зелья. Аполлоний Тианский, Беймирам, Гасси-Аббас, Альмансор — все эти величайшие умы упоминают о нем. Для проведения экспериментов и покупки книг я истратил все имеющиеся деньги, но не прекращал поисков...

— Как?! — страдальчески перебил своего наставника Бельрун. — Все пятьдесят солидов? И те, что я оставлял вам?

— Ну да... — недоуменно воззрился этот чудак на Винсента. — Я думаю, ты простишь меня, мой мальчик... Ведь я был так близок к открытию! И потом, что значат презренные деньги, когда речь идет о торжестве человеческого духа над материей, — назидательно поды托жил алхимик.

— Ну да, конечно... — обреченно согласился циркач. — Но без этих денег торжество мне почему-то кажется неполным.

Деметриус возмущенно фыркнул:

— Не неси чушь! Так вот, сегодня мне удалось найти окончательный рецепт! Ты сам был свидетелем тому, какая энергия скрыта в этом порошке!

Я смутно начал догадываться, какой именно эликсир изобрел незадачливый алхимик. Его счастье, что ему удалось остаться в живых по завершении опыта. Мэттью Мишо, расстегнув тощий кошелек на поясе, благоговейно достал оттуда кусок пергамента и сунул его Бельруну. Краем глаза я разглядел на нем кривое

подобие запятой, внутри которой располагались два непонятных мне значка, соединенных стрелкой

— А-а, «Мельница, которая все перемалывает», — медленно произнес Винсент, — или, по-другому, царь всех солей... И древесный уголь или зола? Высшее и низшее? Это гениально!

Польщенный похвалой алхимик радостно улыбнулся.

— А я что говорил! Когда я получил сей субстрат, я решил добавить в него огненную сущность. Для этого одну порцию его я разложил на железном противне и поставил на огонь.

Я в ужасе закрыл глаза. Когда-то, еще в младших классах колледжа, мой одноклассник решил подогреть немного бертолетовой соли на сковороде и посмотреть, что из этого получится... Результаты были сходны.

— И много у вас было этого чудесного порошка? — спросил я.

— Несколько горшков, — отозвался ученый. Я понял, откуда взялась канонада.

— Представь себе, какое разочарование меня постигло! — неожиданно воскликнул Деметриус. — Мне не удалось воочию наблюдать процесс насыщения чудесного состава огненной энергией! Я как раз вышел во двор по нужде...

Алхимик, казалось, был искренне раздосадован своим отсутствием в эпицентре взрыва.

— Но ничего! В первом же городе я непременно повторю эксперимент. — Последняя фраза великого экспериментатора была встречена всеобщим молчанием.

— Это знамение, — робким басистым шепотом прервал тишину из своего угла Ролло, испуганно созерцающий алхимика. — Все мы сгорим в этом нечистом пламени. Недаром говорил наш кюре, что близок последний день, — мрачно завершил он.

— Господи, погляди на этого тушицу! — воздел руки вверх Деметриус. — Какое невежество! Мое открытие — шаг к будущему могуществу человека.

Люка, хмуро молчавший все это время, неожиданно произнес:

— Земля — всего лишь игрушка в лапах Дьявола, и мнимое могущество человека — одна из его козней.

— Не надо, Люка, — взяла его за руку Эжени. — Видишь, господин алхимик очень устал. Давайте я лучше принесу вам поесть.

Клоун исподлобья глянул на обеспокоенную девушку, став при этом неуловимо похожим на большого черного ворона.

«А они — престранная пара, — мелькнуло у меня в голове. — Надо будет приглядеться к этому Люка поближе».

— Я говорю правду, — угрюмо буркнул он, вырывая руку у Эжени.

Между тем почтенный Деметриус стал озадаченно озираться по сторонам. На его лице появилось недоуменное растерянное выражение. Казалось, он только сейчас осознал, что сидит в какой-то повозке и окружают его почти сплошь незнакомые личности.

— Винсент, кто все эти люди? — искренне удивляясь результату своих наблюдений, он обвел глазами наше пестрое общество.

— Милейший Деметриус! Это — лучшие циркачи во всей Франции, — Бельрун широким жестом за правского конферансье обвел присутствующих. — Позвольте представить вам их. Железный Ролло! Способен завязать железный прут в узел за то же время, за которое булочник сворачивает крендель! Силен, как бык!

Жано, польщенный похвалой, расправил плечи и кивнул.

— Умен так же! — завершил свою блиц-характеристику Бельрун. — Непобедимый боец по прозвищу Черная Рука!

Винсент округлил глаза и с деланным ужасом продолжал:

— Способен убить человека одним пальцем! Каждый раз перед выступлением мне на коленях приходится умолять не делать этого... Его ученик Сэнди, по совместительству — наш возница. Аридель, женщина-

кентавр, приемная дочь царицы Ипполиты, — голос Винсента заметно потеплел. — Родом из Энейкура, звать Эжени. Чудесная девушка и непревзойденная наездница!

Эжени слегка порозовела и приветливо улыбнулась алхимику, благосклонно слушавшему представление Бельруна.

— Рядом с ней — Люка Руж. Человек-птица, человек-паук! Может все! Самый веселый клоун на площасти и самый грустный человек вне ее...

Деметриус, вспомнив о хороших манерах, привстал и вежливо поклонился.

— Приветствую вас, господа! Но, Винсент, что ты делаешь среди этих добрых людей?

— Я? Всего понемножку, — он ловко обвел рукой вокруг головы магистра алхимии и, продемонстрировав собравшимся куриное яйцо, протянул его своему учителю, удивленно вскинувшему брови. Эжени радостно зааплодировала фокусу. — Угощайтесь. Вареное.

— Как?! — опешил ученый Деметриус. — Ты, воочию узревший свет истины, — бродячий циркач?

— Я иду своим путем, учитель, — немного грустно усмехнулся Бельрун. — Вы же знаете, мне нагадано стать графом и ближайшим советником короля... Пока же все мои владения — вот этот цирк. И я не знаю, буду ли я счастлив более, если действительно стану сеньором.

Дождь тем временем уже кончился, и мы вылезли из относительно теплой повозки на абсолютно раскисшую дорогу. Зябко поеживаясь и поминая всуе имя Господа нашего и магическое искусство Бельруна, мы стали вталкивать крепко увязшие в грязи повозки во двор фермы. Напирая плечом на борт воза, засевшего по ступицы колес, я спросил пыхтящего рядом Винсента:

— Кстати, дружище, где ты выучился всем этим магическим премудростям? Был учеником у мага?

— Не-ет! — кряхтя, отозвался он. — Я это заклинание у одного мага-недоучки в кабаке в кости выиграл.

В конце концов наши старания увенчались успехом — возы разместились во дворе, а мы за неимением более подходящего помещения нашли себе приют в давно пустовавших конюшнях — самом теплом и сухом углу руин Трэзэссара.

— Поезжайте с нами, любезный Деметриус, — услышал я голос Винсента Шадри, устраиваясь поудобнее в стойле на ночь. — Что вам тут делать?

— Я должен продолжать свои изыскания! — упрямо возражал Мэттью.

— Вот и хорошо! В скором времени мне предстоит стать графом, и я сделаю вас придворным алхимиком.

«Веселенькая компания подбирается», — подумал я и услышал сварливый голос научного деятеля:

— Я никуда не поеду без своих коллекций!

— Ладно, ладно, — умиротворяюще отвечал Бельрун. — Это утром...

Решив, что подслушивать задушевную беседу двух старых друзей не входит в число рыцарских добродетелей, я вздохнул и, не смущаясь поздним часом, вызвал Виконта по мыслесвязи.

— О, Капитан!! — изумленно откликнулся мой бывший оруженосец. — А я уж думал, ты меня совсем забыл.

— Прям-таки! — отозвался я. — Тебя забудешь.

— Я к тебе было сунулся тогда, в Англии, после подписания Хартии, да меня Лис удержал. Сказал, что ты в своих путешествиях головой слегка повредился... Ты там как? — заботливо спросил Виконт.

— Спасибо, уже выздоровел. Твоими молитвами, — не успел я начать свои расспросы, как Кристиан, радуясь возможности поболтать с понимающим человеком, задал деловой вопрос.

— Как там у вас погода?

— Стараниями моего нового приятеля Бельруна над фермой Трэзэссар только что прошел дождь, — как на исповеди признался я.

— Французское название... — задумчиво произнес Вик. — Это где?

— Насколько я знаю, в полудне пути от Лиможа.

— О! Так ты во Франции? — обрадовался Кристиан де Монгийе. — И Лис с тобой?

— Лис в отпуске, — флегматично отозвался я. — Со мной бродячий цирк.

На том конце канала связи раздалось молодецкое «ГЫ-ГЫ».

— Ты думаешь, это адекватная замена? — пошутил Виконт.

— Ладно, Кристиан, — перейдя на деловой тон, прервал я поток юношеского острословия. — Шутки в сторону. Я здесь по делу. Пусть это тебе покажется странным, но даже по заданию Института.

— И я хочу по заданию в цирк! — веселился агент-стаци. — А еще лучше — в стриптиз-бар!

— Ты невыносим, — обреченно вздохнул я. — Расскажи лучше, что у тебя тут делается?

— Да что делается? Все в порядке. Кормят хорошо. Работать заставляют мало. Возможностей всяческих уйма. Всю жизнь мечтал о такой работе.

— Поподробнее, если можно.

— Вчера на ужин подавали...

Это было возмутительно! Характер недавнего стажера портился прямо на глазах. Воистину отсутствие временного привода в чувство пагубно сказывалось на его неокрепшей психике.

— Послушай, — со скрытой угрозой пообещал я.

— В программу моего турне по Франции входит посещение твоего шефа. Клянусь своими золотыми шпорами, я уговорю его посадить тебя на диету вплоть до Рождества Христова!

Ответом мне было гробовое молчание.

— Капитан! — после долгой паузы пробурчал Вик. — Какой ты нудный! Чего тебе надо?

— Вы сейчас обретаетесь в Париже?

Крис хмыкнул.

— Нужен нам тот Париж! Мы совершаляем инспекционную поездку по командорствам с целью поднятия боевого духа доблестного тамплиерского рыцарства. Сейчас мы в Невере, а дальше подадимся на юг к морю. Там в мае, говорят, хорошо! Ты не помнишь, Монте-Карло уже построили или еще нет?

— Нет еще, — разочаровал я его. — Не отвлекайся. Вы по дороге в Клермон заезжаете?

— А как же! Во-первых, там у нас тамплиерская вотчина имеется, а во-вторых, сеньор тамошний, Эблес Клермонтский, де Жизору добный друг. Тот его к заговору привлечь желает.

— Он снова плетет заговор?

— Не без того! Теперь вот Артура Бретонского обхаживает.

— Шейтмур об этом знает? — встревоженно поинтересовался я.

— Непременно. У меня с ним связь каждую неделю, — отозвался секретный агент английской разведки.

— Понятно. Значит, действуем следующим образом. Я с цирком вскоре буду в Клермоне. Сделай так, чтобы, когда я приеду, де Жизор был там. Я горю страстным желанием его лицезреть.

— Сделай, сделай, — недовольно пробормотал Крис. — Как я это сделаю?

— Это уж твоя забота.

— Вот так всегда, — вздохнул де Монгийе.

— Да, вот еще что! — вспомнил я. — Мне тут в руки попалась какая-то шифровка с абраксасом...

— Это наша! — с профессиональной гордостью отозвался Вик. — Что хорошего пишут?

— Ну откуда же я знаю? Как раз собирался попросить тебя передать пергамент Шейтмуру для расшифровки.

— А что за шифр? — заинтересовался Крис.

— Какие-то уголки, квадратики, точки...

— Тоже мне, шифр! — пренебрежительно фыркнул Виконт. — Я им тут каждый день всяческие письма пишу. В общем, слушай, Кэп: система элементарная. Берешь пергамент, рисуешь на нем решеточку, вроде той, что для игры в крестики-нолики, только подлиннее...

— Что значит подлиннее? — с недовольством спросил я.

— Так, чтобы в каждой клетке спокойно помещалось по три буквы, — нетерпеливо пояснил он. —

Дальше вписываешь в решетку латинский алфавит, в конце вместо 27-й буквы ставишь запятую. Это понятно?

— Понятно, понятно. Продолжай.

— Потом на место буквы при письме ставим точку...

— А вот это я что-то не совсем понимаю, — раздраженно буркнул я.

— О Господи! Так же все просто! Ну смотри, — Виконт пустился в разъяснения, — получаем кусок таблички, такой себе угол... рисуем три точки. Если нужно написать букву А — этот угол и самую дальнюю точку, Б — тот же угол и точку посередине. Ясно?

Мне было жаль расстраивать нашего бывшего стажера своей тупостью, но из его пространных объяснений я понял очень немногое.

— Слушай, Крис. Если ты у нас такой грамотный, какого черта мне полощешь мозги своими разъяснениями. Сам и прочитай! — я поднялся со своей подстилки, приблизился к укрепленному над входом фаллу и, развернув пергамент, включил картинку.

— О, пасторальный пейзажик, — увидев стойла, прокомментировал Виконт. — Бычки, коровки, пастушки... Пастушки есть? Ты здесь как, надолго поселился?

— Не перенимай замашки Лиса, тоже мне, агент «два ноля». Молод еще. Давай читай.

Де Монгийе углубился в чтение депеши. Ждать пришлось недолго.

— В общем, тут смысл такой: «Оказывать подателю сего всяческую поддержку, кормить, поить, давать лошадей и так далее, содействовать выполнению вверенного данному лицу поручения всеми имеющимися средствами. Подписано в замке Ренн-ле-Шато, год 1189, великий иерарх граф де Родез».

— Это что, предшественник Жизора? — все еще не веря в такую удачу, уточнил я.

— Он самый, — заверил меня Виконт. — Хороший пропуск, бессрочный. Ладно, жду тебя в гости.

— Буду непременно. Удачи. — Я вырубил связь.

ГЛАВА 8

Беря на себя миссию правосудия, где-нибудь да нарушишь закон.

Принц Флоризель

икий шорох в соседнем стойле разбудил меня. Конюшня уже была пуста, и сквозь щели покосившейся двери пробивались солнечные лучи. Я поднялся, отряхивая солому, и с наслаждением потянулся. Дверь приоткрылась, и молодая наездница, грациозно впорхнув в помещение, направилась к своим вещам. Увидев, что я уже встал, она приветливо улыбнулась мне и произнесла:

— Доброе утро, господин рыцарь. Завтрак скоро будет готов.

— Доброе утро, Эжени, — поклонился я.

Утро стояло солнечное, и только грязь на дороге напоминала о вчерашнем ненастье. В дальнем конце двора эффектно разминался Сэнди. Черноволосый Люка и мальчишка-возничий восхищенно наблюдали за ним. По двору со стороны руин лаборатории разносился недовольный голос почтенного Деметриуса:

— Убирай эту балку! Да не эту, а вот ту! Нет, убирай лучше обе!

Послышался сильный треск, и кусок кровли, еще каким-то чудом державшийся на стене дома, рухнул вниз. Из пролома в стене, чихая и ругаясь, выбрался алхимик, сопровождаемый обнаженным по пояс силачом Жано.

— Ну вот, кто тебя просил трогать эту балку! Теперь уж мы точно не доберемся до подвала, — брюзжал ученый.

— Я, это... того... сейчас уберу, — смущенно оправдывался гигант.

— Ничего нельзя поручить! — Деметриус хлопнул себя по бокам, подняв облако известковой пыли. — Ладно, убирай, только быстро. Винсент, где тебя носит? — переключил он свое благосклонное внимание

на директора цирка, как раз в этот момент появившегося из фургона с десятком ножей в руках. Мэттью уставился на оружие и сварливо произнес:

— Зачем тебе столько ножей? Ты что, разбойник с большой дороги?

Бельрун, как обычно, находившийся в отличном настроении, быстро оглядел двор и, увидев Эжени, наблюдавшую за этой сценой из дверей конюшни, подмигнул ей. Девушка согласно улыбнулась. Винсент сделал зверское лицо и, поудобнее перехватив три ножа, метнул их один за другим в дверь, около которой стояла наездница.

— Зачем? Да вот зачем! — лезвия воткнулись в двух дюймах от головы наездницы, которая лишь безмятежно улыбнулась.

— Не смей обижать бедную девочку! — возмущенно закричал потрясенный алхимик. — Я тебя что, этому учили? Нет, Винсент, я окончательно обдумал твое предложение, — без всякого перехода заявил он. — Я не могу ехать с тобой. Это непристойно. И я был бы благодарен тебе, если бы ты довез меня до моего старинного друга, отца Доминика. Помнишь его?

— Конечно, помню, — немного огорченно ответил Бельрун. — Он, кажется, жил в часовне, что близ Laши?

— Он и теперь там живет. Он, я думаю, не откажется временно приютить меня, — подходя к своему бывшему ученику, произнес Деметриус. — Да и тебе, кажется, не мешало бы исповедоваться...

Циркач пожал плечами.

— Что ж, как знаете, мэтр. Тогда позавтракаем — и в путь.

В этот момент к нашей группе подошел измазанный пылью и копотью Ролло и с гордостью сообщил:

— Ваша ученость, я крышку погреба-то открыл уже, что дальше делать?

Алхимик оживился и рысью бросился к разрушеному дому.

— Ничего не трогай! Я сам!

Уже через минуту оттуда послышался его крик:

— Эй, Жано, куда ты подевался, бездельник!

…Покончив с завтраком, мы погрузили на флагманскую повозку открытыe в ходе спасательных работ коллекции лекарственных растений, книг и уцелевших реактивов великого подвижника; и уже через час, вытолкав из грязи фургоны, добрались до сухой дороги.

— Вот. Вот глядите сюда, юноша, — дернув за рукав камизы, требовательно окликнул меня ученый Деметриус, сидевший внутри нашего экипажа и сортировавший свои ботанические сокровища. — Вы мне кажетесь не лишенным ума, а потому глядите сюда скорее.

«Давненько меня никто не называл юношой, не лишенным ума», — с иронией подумал я. Впрочем, юношой, лишенным ума, меня не называли тоже. Если это обращение было вполне понятно в устах Джона Нейвура, качавшего некогда на коленях малолетнего Камдильчика, то Мэттью Мишо, будучи старше меня лет на двенадцать-пятнадцать, явно преувеличивал нашу разницу в возрасте.

— Внимательно слушайте, что я говорю, и используйте каждое мгновение, дабы открывать для себя новые знания. Держитесь общества людей мудрых и понимающих в жизни, — наставлял меня премудрый Деметриус. — Учитесь, и тогда вы не умрете бродячим циркачом.

При последних словах Бельрун, дотоле невозмутимо правивший повозкой, весело фыркнул.

— Не обращайте внимания на моего шалопая-ученика, — раздраженно блеснув воспаленными глазками из-под кустистых бровей, заметил алхимик.

— Вот! — он сделал указующий жест в сторону своей зеленой аптеки, живописно разложенной по всей внутренней поверхности фургона. Свежая рубаха, насищенно натянутая заботливым Бельруном на его тщедушный торс, запарусила на ветру. — Такой коллекции вы не увидите больше нигде. Здесь, наверное, есть все, что измыслила природа для того, чтобы вернуть здоровье человеку и тварям, живущим рядом с ним. Вот, например, — без всякого предупреждения выхватив из кучи холщовых мешочеков один, он сунул

его прямо мне под нос так, что я едва успел отшатнуться. — Алиссум! Растение весьма редкое и полезное. Не забудьте принять его, когда вас укусит бешеная собака.

Он отбросил в сторону мешочек, теряя к нему всяческий интерес, и схватил пучок корешков с острым запахом, перевязанных ниткой.

— Валериана! — торжественно объявил Деметриус. — Название сего могущественного растения уже само свидетельствует о его назначении, ибо в переводе с благородной латыни означает *valere* — быть здоровым. Ах, да! Вот оно! Винсент, мальчик мой, — алхимик бесцеремонно ухватил нашего возницу за плечо. — Я уж не знаю, где ты и этот ваш стриженый ученик на четвертой повозке заработали такие ужасные синяки, но у меня есть отличное средство!

Он выхватил пучок подувядшей травы и стал угрохающе размахивать им над головой несчастного Бельруна.

— Это резеда! Однако недаром по-латыни *resedo* значит «исцелять»! Стоит приложить ее к синяку, как он быстро пройдет. На вот, держи, — укоризненно протянул алхимик лекарство своему ученику, упорно не желавшему присоединиться к нашей научной беседе. — Оно растет у тебя под ногами, а ты даже не знаешь, какую пользу можно извлечь из этого растения...

В течение последующих часов мы узнали много нового: о том, что скабиоза превосходно лечит чесотку; что диковинное растение конский хвост ни в коем случае нельзя добавлять в сено, а уж тем более, упаси Господи, есть его самому, ибо случатся ужасные судороги; что трава святого Иоанна — вещь, безусловно, необычайно полезная для заживления ран, лечения желудочной хвори и еще 97 болезней, но пить ее настой мужчинам надо весьма умеренно... и так далее, и так далее¹. Словоизлияния ученого мужа прервал звук рога, донесшийся откуда-то из глубины леса.

¹ Скабиоза — растение, используемое в средние века для лечения язв (*lat. scabies* — чесотка). Конский хвост — народное название полевого хвоща. Трава св. Иоанна — название зверобоя в средние века (в Англии — трава св. Джона).

— Охотится кто-то, — небрежно пояснил Бельрун. Я согласно кивнул.

— Что? А? Вы это о чем? Ах, да! — алхимик более всего сейчас напоминал взъерошенную неясность, которой во время еды пожелали «приятного аппетита». Полуседые пепельные волосы в беспорядке топорчились, карие глаза удивленно округлились. Видимо, неожиданный звук прервал течение его мыслей по иному руслу, и, отставив в сторону гербарий, он схватил короб с химикатами... Я опасливо покосился на мысль Мишо.

— Скажите, почтеннейший Деметриус, — задал я вопрос, мучивший меня с момента нашего неожиданного знакомства. — Вам никогда не приходила в голову мысль, что ваши изыскания опасны, и причем опасны не только для вас, но и для всего человеческого рода?

— Как вы сказали, юноша? — выходя из состояния самосозерцания, воскликнул алхимик. — Опасны?! Эти слова выдают в вас глупого невежду! Огонь, на котором вам жарят дичь, и вода, в которой вы совершаете омовение, — не менее опасны. Но еще никто не жаловался на то, что на этом свете существуют огонь или вода!

— Но если вы, высокоученый муж, едва не погибли в результате своего опыта, то что можно говорить о простых смертных, чьи знания несоизмеримо малы в сравнении с вашими? — задал я каверзно-витиеватый вопрос.

— А вы не совсем глупы, — обнадежил меня польщенный ученый. — Все дело в том, что я сейчас нахожусь лишь в начале пути; мои исследования огненного зелья во многом несовершены... Но верьте мне, — алхимик мечтательно закрыл глаза, — придет тот час, когда мое открытие облагодетельствует человечество!

«Да уж», — горько усмехнулся я, неизвестно почему вспоминая вдруг огненный вал, накрывший наш батальон «коммандос» при высадке на Жарль-Жар.

— В ходе своих исследований, юноша, — Деметриус внезапно посерезнел, — я сделал величайший вывод. Человек есть существо, наполненное творчес-

кой энергией, которая во многом предопределяет его жизнь.

Он ненадолго замолчал. Я с некоторым удивлением начал прислушиваться.

— Со времен райского сада в человеке заложена жажда познания нового... Жажда сия неутолима. Человеку постоянно нужно менять что-то вокруг себя, творить новые сущности, создавать новые вещи, искать, ошибаться и находить. Но при всем этом, ежечасно меняя что-то вокруг себя, человек, желая того или нет, меняется сам. И это изменение, в свою очередь, ведет его на путь новых деяний. Я назвал это Законом Единорога.

— Почему именно единорога? — несказанно удивился я, припомнив свою встречу с этими сказочными существами в лесах Германии. Алхимик горделиво выпрямился и, воздев палец, изъеденный реактивами, вверх, важно произнес:

— Я много лет посвятил изучению природы этого зверя!

— Да? И что же?

— По моему глубочайшему убеждению, сие животное существовать не может. Ему нет места среди других.

— Как это существовать не может? — возмутился я. — Да я сам наблюдал единорогов!

— И не вы один! — непонятно чему обрадовался естествоиспытатель. — У меня есть сотни заслуживающих внимания свидетельств об этом удивительном существе.

— Но вы противоречите сами себе, почтенный Деметриус, — я был окончательно сбит с толку.

Ученый хитро улыбнулся и, наклонив голову набок, произнес:

— Когда вы, скажем, делаете игрушечную лодочку из коры дерева, что у вас получится?

— Лодочка, — хмыкнул я.

— Да! Конечно же! — мой простой ответ почему-то привел алхимика в неописуемый восторг. — Но не наполнит ли это вашу душу радостью?

— Пожалуй, наполнит... — все еще слабо понимая, к чему ведет высокоученый муж, отозвался я.

— Значит, можно сказать, что, каким-то образом изменяя мир вокруг, вы тем самым изменяете и себя самого? — вкрадчиво осведомился он. Я автоматически кивнул. — Но так же верно и обратное! Изменяясь внутренне, в душе, вы изменяете мир! А поскольку душа есть искра Божьего пламени...

При этих словах я невольно вздрогнул и стал слушать философа с фермы Трэзэссар более внимательно.

— ...То души, собранные воедино, способны возжечь огонь новой жизни, преобразующий грубую материю в нечто живое. Единорог есть воплощенная человеческая мысль, воплощенное чаянье — тяга к свету, чистоте и надежда на лучшее. Он одновременно пребывает в мире эфирном и материальном. Теперь вы понимаете меня? — возбужденно дергая меня за несчастную камизу, завопил вошедший в раж ученый.

Бельрун обеспокоенно оглянулся.

— Учитель, у вас все в порядке? — с тревогой в голосе спросил он.

Не обращая внимания на этот вопрос, Деметриус продолжал вдохновенно излагать свою теорию. Ему явно надо было выговориться — годы одиночества, проведенные на ферме, давали себя знать.

— Человек в своем творении подобен Богу! И сие есть величайшая тайна алхимической науки. Золото, драгоценности — все это ерунда! — Деметриус сделал широкий пренебрежительный жест, как бы сметая груды золота и драгоценностей со светлого пути всего человечества. — Это незначительные шаги к познанию Величайшего. Ибо только открытие тайны творческой энергии человеческой души есть истинное Великое Деяние. И любая деятельность на сем поприще есть благо.

Алхимик застыл на секунду в античной позе и, неожиданно подаввшись вперед, внушительно изрек:

— Как говорит на эту тему великомуздрый Аристотель...

Спина Бельруна конвульсивно вздрогнула, он попытался что-то сказать, но было уже поздно...

— Если блаженство есть деятельность, сообразная с добродетелью, то, конечно, сообразная с важнейшей

добродетелью, а это присуще лучшей части души. Будь то разум или иное что, естественно правящее по природе нами и ведущее нас и разумеющее прекрасное и божественное — потому ли, что оно само божественной природы или же самое богоподобное, что у нас есть; во всяком случае, деятельность этой части, сообразная с ее добродетелью, и будет составлять совершеннейшее блаженство!..

Последствия этой тирады были воистину неожиданными и лишний раз подтверждали теорию Мэттью Мишо о творческом воздействии человеческой мысли на окружающую действительность. Лошадь, запряженная в нашу повозку, дернулась вперед, и Бельрун, находящийся на грани нервного срыва, изо всех сил натянул вожжи. Несчастное животное, видимо, бывшее сторонницей Гераклита, выразило полнейшее несогласие с такой постановкой вопроса, отчего наш возок тут же устремился в придорожную канаву, на ходу теряя колесо.

— Ну я же просил, никаких разговоров об Аристотеле! — раздраженно воскликнул Винсент Шадри, показываясь из кювета и чем-то неуловимо напоминая в этот момент мельника.

Тучи белой пыли, поднятые повозкой, медленно осели, обнажая все то плачевное положение, в котором оказался наш экипаж.

— Эй, Жано, Люка! — позвал Бельрун, отряхиваясь и укоризненно глядя на меня. Циркачи, видевшие наше крушение, уже спешили на выручку.

— М-да, — удрученно сказал Винсент после нескольких попыток поднять из канавы громадный возок. — Без рычагов не обойтись. Жано, возьми-ка топор да сходи выруби в лесу четыре крепких шеста. А мы пока разгрузим возок.

Мы уже закончили заново складывать рассыпавшийся во время аварии гербарий алхимика, а силача Ролло все еще не было.

— Где его носит? — сердился Бельрун. — Такого за смертью посыпать, а не за шестами.

Спустя несколько мгновений до наших ушей до-

несся громкий треск, и на дорогу впереди нас, хватая воздух ртом, выскоцил Жано.

— Там!.. — задыхаясь, завопил он. — Там он! Он там висит!

— Кто висит? Говори толком! — крикнул Бельрун, что есть силы встяжнув бледного как полотно гиганта. Жано, казалось, был напуган не на шутку. Трясущимися губами он пролепетал что-то вроде:

— Он... там, в глубине леса... висит мертвец. Не ходите туда! — закричал он, увидев, что мы с Сэнди устремились в указанном им направлении. — Это нечистое место!

Винсент с размаху отпустил звонкую оплеуху силачу.

— Приди в чувство, неженка! Люка, оставайся здесь, если что — зови. Мы сейчас. Эй, господин рыцарь, куда это вы без меня? — крикнул он и бросился за нами вдогонку.

...Мертвец висел, растянутый веревкой между двух деревьев. Действительно, зрелище было жуткое. Несожиданно выскочив на небольшую полянку, мы застыли, не смея сказать ни слова. Венчик седых волос вокруг тонзуры выдавал в убитом монаха. Убит он был зверски... Голова несчастного свешивалась на грудь, в которой страшной ямой чернела огромная дыра на месте сердца... Бурая запекшаяся кровь покрывала все его обнаженное тело.

— Это брат Доминик! — потрясенно прошептал Бельрун, подходя к мученику и приподымая его голову. — Господи, кто же его так! Святой жизни ведь был человек.

Он вытащил кинжал и начал перерезать веревки под негодующее карканье воронов, переполошенных нашим появлением.

— Похоронить его надо, как подобает. Да кто же осмелился-то? — по щекам Бельруна текли слезы.

Шаконтон, все еще не совсем прия в себя, перекрестился и трясущимися руками начал помогать Винсенту снимать тело священника.

...Перед моими глазами отчетливо всплыла картина четырехлетней давности. Убийство агента-отшель-

ника разительно напоминало теперешнюю расправу над беззащитным монахом. Ярость и неотмщенная кровь взвывали к действию.

Я начал обходить полянку, внимательно осматривая каждый дюйм. Не пройдя и десяти шагов, я наткнулся еще на один труп. Труп собаки, лежащий под кустом орешника...

На шее у нее красовалась веревка, но, судя по позе, убита она была иначе — кто-то сломал ей позвоночник ударом тяжелой палки.

— Винсент! — крикнул я. — У святого отца была собака?

— Собака? — утирая слезы, удивился он. — Не было... По крайней мере несколько лет назад.

Бельрун подошел ко мне и, увидев мертвое животное, странно насторожился.

— Постой, постой... Мертвая собака, рог... И земля под ногами мертвеца разрыта... Здесь искали мандрагору. Проклятые чернокнижники! Нельзя оставлять подобное деяние безнаказанным! — Винсент начал лихорадочно озираться. — Судя по всему, убили его не так давно... Следы должны были непременно остаться!

Мы возобновили поиски и буквально через несколько ярдов наткнулись на бурье пятна крови, упавшей на траву и листья.

— А вот и они, — зло произнес Бельрун. Сейчас он более всего был похож на волка, почувствовавшего добычу. От его обычной веселости не осталось и следа.

— Сэнди! — резко крикнул он. — Беги обратно, расскажи Люка, что здесь случилось. Вели ему ждать. Потом бери гоблина и волоки его сюда. Понял? Да, и прихвати мечи господина рыцаря и свой. Возможно, они нам сегодня понадобятся.

Шаконтон просительно поглядел на меня, как бы умоляя разрешить ему участвовать в нашей охоте.

— Действуй! — коротко бросил я. Когда за спиной моего оруженосца сомкнулись ветви подлеска, Бельрун, сидевший на корточках над окровавленным телом отца Доминика, тихо произнес:

— В который раз я слышу о подобных вещах... Люди сошли с ума. Воистину, наступил век Иуды. Мо-

жет, прав Жано, и всем нам пора готовиться к концу света? И опять эта мандрагора! — он стукнул кулаком по разрытой земле.

— А почему именно здесь? И почему собака? — спросил я, подходя к Винсенту.

— По поверьям этих поклонников Сатаны, сок мандрагоры дает им возможность видеть воочию свое-го повелителя. А вырастает это растение, как известно, там, где упало семя повешенного... Чтобы извлечь этот корень из земли, необходимо к стеблю привязать собаку и, описывая около растения круг, идти все время лицом на запад, трубя при этом в рог, покуда собака не вытащит мандрагору.

— Зачем трубить в рог? — пораженный столь странным обрядом, спросил я.

— Говорят, при этом растение издает ужасающие вопли.

— Не думаю, чтобы те, кто расправился с несчастным монахом, особо обращали внимание на чьи-то вопли, — сумрачно отозвался я.

Послышался шум, и на поляну выскочил запыхавшийся Сэнди, волокущий за собой недовольного гоблина.

— Да куда ж ты меня тащишь, дубина стоеросовая! — возмущался он. — Навернуть бы тебя сейчас, да жалко, померешь ведь...

— Вот, притащил, — отрапортовал серьезный Сэнди, вручая мне меч.

— Кого эти недоумки тут убили? — услышал я возмущенный рык гоблина. — Э-э, да это, похоже, не они... Вот же дурацкая манера убивать друг друга!

— Послушай, Тагур, — подойдя к страшилищу, заговорил Бельрун, сразу забывая легкомысленное «Краки». — Нам нужно найти убийцу этого старика. Ты нам поможешь? Вы говорите, господин рыцарь, он нас понимает? — переспросил Винсент у меня. Я кротко кивнул.

— Ты можешь взять след, Тагур?

Гоблин покрутил уродливой головой, оглядывая поляну, и презрительно хмыкнул:

— След! Да здесь дорога, а не след! Бегите за мной

и не отставайте, — обратился Тагур непосредственно ко мне, срываюсь с места.

Сказать «не отставайте» было значительно проще, чем сделать. Мы мчались по лесу, стараясь не упустить из виду спину гоблина, с фантастической быстротой и ловкостью лавировавшего между деревьями, и рубины в рукояти моего клинка пылали, предвкушая праведный бой. Наконец лес кончился, и прямо перед нами показалась небольшая часовня, возвышающаяся на холме.

— Тагур, стой! — едва успел я удержать гоблина, устремившегося к часовне. Мы остановились и залегли в густом кустарнике.

Неподалеку от нас раздалось испуганное ржание — стреноженные лошади, пасшиеся неподалеку, видимо, почуяли гоблина.

— Хорошенькое дело, — заметил я. — У какой-то плохонькой часовенки в лесу — сразу три чистокровных ирландских жеребца¹!

Бельрун, разбирающийся в лошадях не хуже меня, согласно кивнул.

— Ты лучше туда посмотри! — указал он на кавалькаду из четырех всадников, неспешно подъезжающих к часовне. Кони, сбруя и дорогая одежда неоспоримо свидетельствовали о знатности приезжих.

— Кто-нибудь из них тебе известен? — спросил я, вглядываясь в наездников, гарцующих около часовни.

— Ну, троих я никогда в глаза не видел, а вот предводитель их мне известен. Это виконт Адемар Лиможский.

— Вот так дела! Ему-то что здесь нужно? — удивился я.

— То, что и остальным. Если это то, о чем я думаю, то все начнется с наступлением темноты.

— Черная месса?..

— Именно!

— Что ж, — зло пробормотал я, — подождем до вечера. Пусть сберутся.

¹ Ирландские жеребцы — так называемая северная порода — крупные, выносливые и очень сильные лошади. Высоко ценились рыцарями в средние века.

И они собирались.

...Сквозь узкие стрельчатые окна часовни пробивался слабый свет смоляных факелов. На залитом кровью алтаре лежала совершенно нагая девица, живот и грудь которой были разрисованы магическими знаками. Опрокинутое распятие было растоптано и водружено на навозную кучу, красовавшуюся посреди церкви.

— Хозяин! Хозяин! — бешено заорали собравшиеся, выплясывая в неистовом хороводе вокруг алтаря. — Приди к нам. Мы призываешь тебя!

Из часовни послышался грохот, напоминающий взрыв, все вокруг заволокло серным дымом, и, сопровождаемый «сатанинским хохотом», раздававшимся неизвестно откуда, около алтаря возник крупный мускулистый мужчина, обряженный в маску, изображавшую голову черного козла. Кроме этой маски и свисающей с его плеч наподобие плаща козлиной шкуры, на нем не было ничего. Положив одну руку на лоно возлежавшей перед ним девушки, он воздел другую вверх, выставляя рогами указательный палец и мизинец, и заговорил.

— Привет вам, дети мои!

Толпа ответила ему нестройным шумом и самозабвенно затянула «Отче наш» наоборот. Дождавшись, когда шум стих, козлоголовый продолжал:

— Все ли вы верите в силу мою?

— Все! — закричали в церкви. — Все! Верим! Един ты, и никто, кроме как ты!

— Истинно вам вешаю! Люцифер, светоносный князь, победил! Дрожит небесный чертог беспомощного и никчемного Яхве от проклятий, несущихся к его качающемуся трону. Дрожит пламенный меч в дланях архангела Михаила! Ибо мы есть сила!

— Сила! — загудела переполненная церковь.

— Отринем прочь трусливое милосердие. Проклятие ему! Посевший зерна смирения да пожнет ярмо!

Гул ликования был ответом на его слова.

— Причаститесь от даров моих! — истошно вопил рогатый оратор. Два обнаженных прислужника, один с серебряным блюдом, другой с чашей, начали обхо-

дить залу. Не надо было быть анатомом, чтобы определить, что буроватая масса, лежавшая на подносе, была искрошенным сердцем, жидкость же, наполнявшая чашу, более всего напоминала кровь.

— Утолите голод и жажду свою! — разносилось под крышей. — Се плоть и кровь!..

— Винсент, — прошептал я Бельруну, притаившемуся возле окна часовни. — Подопри дверь, чтобы ни одна скотина не смогла открыть. Сэнди, тащи солому. Да побыстрее. Тагур, будь добр, волоки сюда хворост. Ну что ж, эти ублюдки говорят о силе? В эту игру можно играть вдвоем. — Я достал из сапога огниво. — Нет такой силы, против которой не нашлась другая сила!

ГЛАВА 9

Свет есть отсутствие тьмы;
Тьма есть отсутствие света...
Таким образом, тьма и свет —
лишь частные случаи тени.

Гермес Трисмегист

глядел на пламя костра — на извивающуюся в диком танце саламандру, а перед моими глазами все еще плясал яростный огонь, пожирающий деревянные стены часовни, слышался треск рушающихся перекрытий, вопли умирающих людей, взывающих к Господу... И подкатывал комок к горлу при воспоминании о черных руинах и жутком запахе горелого мяса... Я знал, что этот запах теперь будет преследовать меня до конца дней.

Наверное, я старею... Видимо, так и подкрадывает старость. С того самого часа, когда в подземелье замка Венджерси возник этот чертов посох, а может быть, еще раньше — тогда, в чертоге Оберона, — я, кажется, почувствовал, что что-то безвозвратно ушло и необратимо изменилось. Интересно, где-то теперь Мерлин с его новым посохом и Оберон с магической скрижалью?

Невеселые мысли уносились вверх, как искры костра, вспыхивая и пропадая в ночном небе. Я зябко поежился, кутаясь в плащ. «Господи, почему же так пусто и одиноко? Как же получилось, что, пробыв здесь так недолго, я успел возбудить к себе суеверный ужас и ненависть множества людей, стоявших как против меня, так и на моей стороне. А друзей? Друзей я тоже нашел. Даже родственников...» — я горько усмехнулся, вспоминая свою неугомонную сестричку. «Две женщины говорили, что любят меня, быть может, две самые прекрасные женщины Европы... Одна из них предала меня ради будущего нашего ребенка и трона Англии; вторая по моей вине сейчас в беде», — о худшем не хотелось и думать. «Удастся ли мне помочь ей? Для того, чтобы освободить Лауру, я окружил себя людьми, которых, возможно, мне придется принести в жертву ради своей любви... Какое я имею на это право? Бр-р-р! Что ж так мерзко и холодно? И существует ли вообще у кого-либо право распоряжаться человеческими жизнями? Ради глаз прекрасной дамы, ради креста и веры, ради нужд государства...» — вопросы висели в воздухе, как стая хищных птиц, и я знал, что никто и никогда не даст на них ответа.

«Сколько людей шло за мной! Стал ли кто-нибудь из них счастлив? Не знаю... По крайней мере уж точно не коннетабль Честер. Господи, сколько людей убил, но никогда не было так муторно и страшно, как сейчас... Всю жизнь свою шел путем чести, всю жизнь благородным оружием утверждал добро против зла, но само добро сделал ли я кому-нибудь? Где те, кому я сделал добро?»

Мне почему-то вспомнился Инельмо, беспомощный, беззлобный, наивный человек, который погиб глупейшей смертью... Кто знает, не потребуй я от него «великой жертвы» тогда в замке Трифель ради того, чтобы выполнить задание Института, кто знает, быть может, он был бы сейчас жив... Я в бессильной ярости ткнул носком сапога торчавшее из костра полено, и в небо поднялся сноп искр.

За моей спиной послышались тихие шаги. Я обер-

нулся, вглядываясь в ночной мрак. Глаза слезились от дыма, да и от костра в темноте трудно было что-либо разглядеть.

— Да спите, я покараулю... — бросил я.

— Это я, Сэнди, — раздался голос моего оруженосца, и он вошел в круг света, очерченный пламенем костра.

— Разрешите, я с вами тут посижу. Мне что-то не спится...

Я поглядел в его широко открытые глаза. В них, отражаясь, играли языки огня. Казалось, пожар часовни все еще отражался в них... Я зажмурился и помотал головой, чтобы отогнать навязчивое видение.

— Садись, — коротко ответил я.

Некоторое время мы сидели молча, по очереди лениво шевеля уголья обугленной веткой.

— Богоугодное дело мы с вами сегодня сделали, — неожиданно произнес Шаконтон, и в тоне у него слышался то ли вопрос, то ли утверждение. Я вздрогнул.

— Оставь Господа в покое, Сэнди. У него свои заботы, у нас свои. После того, как он создал нас такими, как мы есть, ничего он больше не делал и не сделает для нас. И все, что делаем мы, ему, в общем-то, тоже безразлично.

Я посмотрел на оторопевшего Сэнди.

— Вы еретик? — испуганно прошептал он.

— Наверное, — пожал плечами я. — Какое это имеет значение?..

— Мне кажется, в последнее время все вокруг сошли с ума, — неожиданно тихо сказал Шаконтон. — Леди Джейн постоянно твердит о грядущей Великой Битве; Мерлин утверждает, что Спаситель никогда не был Богом; Люка говорит, что Земля есть царство Дьявола, а люди созданы из морской грязи. Все совсем не так, как учил меня наш капеллан брат Ансельм... Как же тогда Свет, Царствие Божие, спасение души? Или все это ложь, и мы давно живем в аду, и нет никакого рая? — глаза Сэнди были полны неизъяснимой мукой, которая бывает в час пробуждения души.

— Один кесарийский мудрец сказал: «Добро есть зло, не сумевшее осуществиться. И тот, кто говорит

вам — это добро, а это зло, — лжец. Ибо одному Господу ведомо, какими путями шествует истина». Понимаешь, Сэнди, все значительно сложнее, чем объяснил тебе брат Ансельм, — как можно мягче начал объяснять я юноше. — Спаситель утверждает, что царствие Божие внутри нас, церковники же толкуют о том, что ключи от него висят на поясе святого Петра. Спаситель призывает к действию, а они говорят о молитве.

— Но ведь искренняя молитва... — попробовал возразить Александр.

— Господь дал тебе голову, чтобы мыслить, — прервал я его. — Сердце, чтобы чувствовать, и душу, чтобы соотносить свои действия с промыслом Божиим. О чём же ты еще хочешь просить Господа? О крыльях, чтобы летать под небесами? О жабрах, чтобы плыть под водой? Или о хвосте, чтобы отгонять мух?

Сэнди изумленно вскинулся.

— Запомни, мой мальчик. Каждому воздается по делам его. И то «добро», которое мы сегодня совершили, скорее всего имеет обратную сторону.

— Но ведь они были поклонниками дьявола?! — опешил мой оруженосец.

— Дьявола? Они зверски убили ни в чем не повинного старика, делавшего добро всей округе, и это единственное преступление, которое я за ними знаю, — жестко произнес я. — Ну, Адемар Лиможский еще повинен в измене своему сюзерену королю Ричарду, но это меня не касается. А дьявол? Подумай сам — церковь проповедует умерщвление плоти, воздержание и пост; она утверждает, что добровольная аскеза угодна Господу. Нормальному же человеку куда больше нравится вкусно есть, заниматься любовью и носить шелк вместо дерюги, чем всячески терзать себя в угоду кому бы то ни было. И если Бог — это аскеза, то что же тогда дьявол? — задал я провокационный вопрос Шаконтону, глядевшему на меня во все глаза. — Нормальная жизнь. Я больше чем уверен, что единицы из тех, кто бесчинствовал в часовне, были истинными дьяволопоклонниками...

— А как же тогда... — начал было Сэнди, но тут из темноты послышался негромкий рык гоблина.

— Разговариваете? — услышал я хриплый голос Тагура. Мой оруженосец от неожиданности подскочил, но, увидев гоблина, бесшумно появившегося у костра, чертыхнулся и сел на свое место. Насколько я успел заметить, в ночное время Бельрун всегда выпускал Краки, если цирк останавливался не в стенах города. Старый гоблин был надежной охраной как от дикого зверя, так и от непрошеного гостя.

— Садись погрейся, — предложил я.

Тагур уселся, жутковато поблескивая черными глазами.

— Милорд, вы что, действительно понимаете это страшилище? — спросил у меня Сэнди.

— На себя бы посмотрел, придурок, — не замедлил огрызнуться гоблин. — Тоже мне, красавчик!

Я криво усмехнулся. Переводить это Сэнди, пожалуй, не стоило. Я ограничился лишь коротким кивком. Тагур покосился на меня и заинтересованно спросил:

— А и вправду, откуда ты знаешь нашу речь? Ты случайно не оборотень?

— Он самый, — отозвался я, стараясь не пугать своего оруженосца.

— Я так и думал. Тогда понятно, — заворчал Тагур. — Что, после церкви не спится?

— Не спится...

Сэнди, беспокойно ерзавший все это время, наконец не выдержал и спросил:

— Что эта тварь там рычит?

— Не называй его тварью, Александр! — крикнул я на юношу. — Он прекрасно понимает все, что ты говоришь. К тому же он раз в десять старше тебя и опытнее. Так что, будь добр, называй его Тагур.

— Ой, извините... — приподнялся Сэнди, моментально переходя на «вы». — Я и не знал...

— То-то же, не знал... — гоблин тяжело вздохнул. — Вечно вы, люди, все делаете, ничего толком не зная. Как с начала времен повелось, так до сих пор вы ни-чуть и не изменились.

— А ты помнишь те времена, Тагур? — несколько удивленно спросил я.

— У нас память передается от родителей к детям. Мы помним все, что происходило с нашими предками.

— О чём он? — поинтересовался Сэнди.

Я взял на себя роль переводчика, по ходу дела убирая нелестные эпитеты, которыми то и дело награждал род человеческий умудренный жизнью гоблин.

— …В давние времена люди были совсем дикими. Ничего не умели! Ни охотиться толком, ни огня развести... Уж не знаю, чего в голову эльфам взбрело их учить уму-разуму, только, по мне, это им все равно на пользу не пошло, — гоблин поскреб когтистой лапой за ухом. — То есть огонь они, конечно, разводить научились... ну, там, железо плавить, зверье всякое бить, нелепые каменные жилища строить... Да только все впустую — как были недоумки, так и остались. Не понимаю я вас, людей!

Тагур наморщил в мыслительном усилии лоб, отчего стал еще более привлекателен для продюсера фильмов ужасов.

— В те времена, когда любая дикая собака представляла для вашего племени серьезную опасность, мы, гоблины, считая вас своими младшими неразумными братьями, — при этих словах Сэнди как-то странно покосился на рассказчика, но ничего не сказал, — взяли на себя защиту вас от всякого хищного зверя. Долгое время опекали неблагодарных людей, защищали их... И что из этого получилось? — Тагур возмущенно уставился на меня. Я дипломатично промолчал, ожидая продолжения.

— Когда эльфы научили ваших предков метать стрелы и махать железными мечами, мы сразу стали дикими чудовищами, угрожающими людям. Они вытесняли нас из наших лесов и горных пещер и страшно досадовали, когда кого-нибудь из их храбрых вояк настигали наши клыки или когти, — гоблин совсем поник, сумрачно глядя в костер.

— В этом наши судьбы схожи, — задумчиво произ-

нес я. — Много лет тому назад, когда я приносил рыцарский обет защищать слабых и обездоленных, мне и в голову не приходило, как воспримут они мою защиту. За долгие годы странствий я почувствовал это на собственной шкуре: сначала они готовы плясать от радости и объявлять тебя героем, потом твое присутствие начинает их раздражать, поскольку является ежечасным напоминанием о собственной слабости; и если ты не поспешишь расстаться с ними в этот момент, то заканчивается это тем, что тебя обвиняют во всех бедах.

— Не понимаю я вас, людей... — в который раз повторил Тагур. — Гоблины по своей природе хищники. В давние времена клыкастые тигры не решалисьходить по той же тропе, по которой ходили мы! Но за все это время ни разу ни один гоблин не убил своего со-племенника. Вы же, похоже, занимаетесь только этим... — он вздохнул и, не простившись, поднялся от костра и беззвучно растворился в ночном лесу.

— Иди спать, Сэнди, — обратился я к своему оруженосцу, явно перегруженному впечатлениями за эти сутки. — Не хватало еще завтра вытаскивать твою повозку из придорожной канавы.

Шаконтон пожелал мне спокойной ночи, что было воспринято мной как неуместная шутка, и, пошатываясь, побрел к своему возку.

Заснуть я так и не смог... Пение птиц, разбудившее Бельруна, звучало для меня подобно колыбельной. Всклокоченная голова директора цирка показалась из-под полога нашей повозки, живописно украшенная соломой и веточками.

— Ты что, так тут и просидел всю ночь? — удивленно вытаращился на меня Винсент, с трудом про-правивший глаза. Видимо, ему сегодня тоже не особо сладко спалось... — С ума сошел! Тебе же днем в Ли-може выступать! У тебя же сегодня твоя первая дра-ка! — Бельрун заявил это так, как будто мне предстояло вручение «Оскара» за лучшую мужскую роль, а я прожег дыру в своем парадном смокинге.

— Если бы первая... — пробормотал я, поднима-

ясь. Затекшие за ночь конечности совсем отказывались слушаться.

— Учи, если проиграешь, — шутливо пригрозил мне Винсент, — я не заплачу тебе ни одного денье из тех, которые ты мне уже дал! Быстро в повозку спать! — грозно сдвинув брови, командовал Бельрун, и я, подчиняясь грубому произволу начальства, полез на освободившееся спальное место.

Проспав несколько часов беспробудно, как сурок в зимней спячке, я был разбужен к полудню криком Бельруна над самым моим ухом:

— Эй, Черная Рука! Выходи на смертный бой! — я открыл глаза, судорожно пытаясь сообразить, придется ли мне схватиться с неведомым противником, прямо соскочив с повозки, или же у меня будет несколько минут, чтобы размяться.

— На вот, примеряй обновки. Эжени все утро стяралась, — протянул мне Винсент какие-то черные тряпочки, когда я выкатился из возка. — Вот — на руки, вот это — на голову. Смотри не перепутай, — напутствовал меня мсье Шадри. — Однако не торопись, у нас еще есть время. До Лиможа полчаса езды.

Я протер глаза и, окончательно проснувшись, увидел, что цирк стоит на холме, в стороне от дороги, пропуская какой-то длинный караван, тянувшийся к городским воротам, а Эжени в стороне колдует над котелками с какой-то аппетитно пахнущей снедью.

Покончив с водными процедурами и разминкой, я сделал попытку войти в образ, напялив на себя аксессуары сценического костюма.

— Ну как? — неуверенно спросил я, становясь в боевую стойку. В маске моментально стало жарко, перчатки с широкими крагами мешали и хлопали по предплечьям при каждом движении, в общем, чувствовал я себя полным идиотом. Я не видел себя со стороны, но, по моим представлениям, я более всего походил на Бэтмена с купированными ушами. На мое счастье, без реактивного двигателя за спиной и дурацкого плаща, переделанного из старого папиного зонтика.

— Ну как? — повторил я вопрос.

— Устрашающе, — с деланной серьезностью отвечал Бельрун. — Уж и не знаю, найдется ли в Лиможе смельчак, дерзнувший принять твой вызов. — Я скрипился от такой двусмысленной похвалы, но делать было нечего...

— А по-моему, здорово! — выразил искреннее восхищение подошедший Ролло. — Как настоящий боец! — воскликнул он, наматывая на руку железную цепь и рывком разрывая ее, словно кусок бечевки. — Мне бы так...

— Мальчики! Пора завтракать! — позвала нас Эже-ни, и это была первая приятная новость за сегодняшний день.

...Площадь Лиможа была полна народа по случаю воскресенья и ярмарки, так что наше прибытие было принято на «ура». Веселые добродушные стражники пообещали помериться силами с нашим бойцом, то бишь со мной, как только они сменятся с поста. Городской люд плотной толпой сопровождал нас до самой площади, а верткие мальчишки так и норовили влезть чуть ли не в клетки, дразнили зверей и потешались над ужимками вновь порыжевшего Люка. Мы быстро поставили шатер и начали готовиться к представлению.

Почтенный Деметриус, находившийся в подавленном настроении со вчерашнего дня, забился в самый темный угол повозки и, обхватив руками острые колени, задумчиво глядел в одну точку. На предложение Бельруна вылезти наружу и посмотреть на представление он обиделся и лишь прошептал:

— Как ты можешь? После того, что случилось вчера...

— Такова жизнь, — пожал плечами Винсент Шадри. — И сам Господь не сделал бы для отца Доминика больше, чем мы.

Алхимик ничего не ответил и только отвернулся...

Представление шло своим ходом. Над шатром на своем неизменном шесте кувыркался и шутил рыжий клоун; приемная дочь царицы амазонок выделявала опаснейшие трюки на своей белой лошадке под восхищенный рев толпы; Бельрун метал ножи и показывал

замысловатые фокусы, когда я вдруг услышал, как Люка оглушительно завопил на всю площадь:

— А вот великий боец Черная Рука! Ударом руки валит быка!

— Ну что ж, господин рыцарь, — услышал я напутственные слова Бельруна. — Вперед, твой выход. Этого можешь сделать без особых церемоний — он приезжий, какой-то купеческий охранник...

Я поспешил напялить свое чернорукое снаряжение и, разведя руки в приветственном жесте, выскочил на арену. В первую минуту я был оглушен ревом толпы, подбадривавшей меня и моего противника — здоровенного мускулистого дядьку, угрюмо смотревшего на меня.

— Султан Саладин обещал отсыпать сто золотых тому, кто победит знаменитую Черную Руку, но до сих пор никто еще не сумел получить эти деньги. Пробуйте, и, быть может, удача улыбнется вам! — заливался Люка, выплясывая на своем настене.

Купеческий охранник вразвалочку начал приближаться ко мне, меряя мою фигуру настороженным взглядом. Я услышал за своей спиной нервный шепот Бельруна.

— Только ж смотри, не с одного удара! — Но его предупреждения были излишни. Судя по той ленивой грации уверенного в себе хищника, с которой двигался мой противник, у него был богатый опыт уличной драки. Я сложил руки перед грудью и слегка поклонился, приветствуя его. В ту же секунду он продемонстрировал ложную атаку правой рукой и со всего размаха бросил кулак левой мне в голову. Со стороны, видимо, казалось, что он попал мне в плечо. Со стороны, опять же, удар выглядел куда как эффектно. Уж, во всяком случае, куда эффектнее, чем мое короткое движение в сторону его бицепса. Что ж, со стороны, конечно, виднее. Но только я и мой противник знали, как моментально онемела его атакующая рука. Второй удар не заставил себя долго ждать — детина, разозлившись не на шутку, потерял всякую осторожность и попробовал разнести мое лицо прямым ударом. И очень удивился, когда, пронесясь пушечным ядром мимо

меня, получил ускоряющий пинок чуть пониже спины и уткнулся носом в пыль городской площади. Толпа радостно взвыла. Охранник угрюмо поднялся и танком попер на меня.

— Все! — вновь услышал я шепот Винсента. — Этого можешь положить.

— Раз... два... три!.. — получив апперкот, несчастный растянулся на земле. Рефери был не нужен. Таким ударом я отправлял в глубокий нокаут и более опасных противников. Приятели поверженного бойца подхватили его под руки и утащили с ристалища.

За первым боем последовало еще несколько, из которых этот был, пожалуй, самым тяжелым, хотя и не самым длинным. Саладин, буде он еще жив, мог бы спокойно ставить на меня еще сто золотых. Пока что его деньги были в полной безопасности.

Народ искренне радовался милому сердцу зрелищу, с удовольствием наблюдая со стороны, как кто-то другой зарабатывает синяки и шишки. Меня поразило обилие женщин и детей, причем, что самое удивительное, созерцание боев временно ликвидировало все словесные различия — богатые блио и котты соседствовали с драными, грязными камизами¹, а то и просто с лохмотьями.

Уложив очередного противника, я торжествующе воздел руки к небу, обходя круг по ристалищу.

— Мама, мама! Я, когда вырасту, тоже буду такой сильный? — услышал я звонкий мальчишеский голосок и, обернувшись, увидел стоящую в первом ряду богато одетую, красивую, величественную женщину, держащую за руки двоих мальчуганов. Вокруг дамы с детьми находилось несколько кавалеров и пара охранников. Один из них, желая, видимо, отличиться перед знатной дамой, шагнул вперед и, потрепав по голове ее младшего сына, сказал:

— Ты будешь сильнее, Луи. Разрешите мне попробовать, госпожа!

«Ну, тебя-то я положу быстро и красиво», — поду-

¹ К а м и з а — нижняя простая туника с цельнокроенными рукавами.

мал я, критически оглядывая светского шаркуна, выходящего в круг. Происходившее дальше более всего напоминало какую-то потешную игру. Бедолага летал по ристалищу, не получая при этом никаких тяжелых повреждений, но гордость мешала ему признать свое поражение, вновь и вновь толкая его на безнадежные атаки.

Внезапно я боковым зрением увидел группу всадников, проталкивающихся сквозь толпу. Увы, их лица не вызывали предположений о хороших вестях...

— Прочь! Прочь с дороги! — закричал один из них, видимо, старший. — Прекратите представление! Все расходитесь!

Постепенно на площади воцарилась относительная тишина. Пробившись к даме с детьми, внезапно побледневшей, гонец соскочил с коня и преклонил перед ней колено.

— Ваша милость!.. — запинаясь, начал он. — Случилось ужасное несчастье...

— Адемар?! — прошептала женщина, бледнея, как мрамор, и хватая ничего не успевших понять сыновей за руки, словно ища в них опоры. Слуга поднял на нее глаза, но, не выдержав взгляда несчастной, низко опустил голову и совсем тихо произнес:

— Да... Ваш муж погиб. Возвращаясь с охоты, он завернулся к вечерне в часовню святого Северина, близ Лаше. Ночью там случился пожар... Все погибли... — плечи гонца вздрогнули. — Мы нашли коней возле пепелища...

Виконтесса выпрямилась, стараясь из последних сил соблюсти достоинство.

— Проводите меня в замок, — прошептала она и, гордо повернувшись, рухнула на руки успевших подхватить ее спутников.

Я не успел ни о чем подумать, как появление еще одного гонца на взмыленном коне привлекло всеобщее внимание.

— Где виконт Лиможский? — едва не падая из седла от усталости, крикнул всадник.

— Погиб вчера вечером, — ответил ему один из кавалеров.

— Проклятие! — выругался гонец. — Где его супруга?

— Мадам Аделаида без сознания... А что произошло?

— Третьего дня наш государь Филипп II Август погиб на охоте, сорвавшись со скалы... Да здравствует новый король Людовик!

На площади воцарилось гробовое молчание. Люди, пораженные совпадением двух смертей, суеверно крестились. Очнувшийся стражник, принесший весть о гибели виконта, крикнул:

— Расходитесь! По всей стране траур. А вы, фигляры, — он посмотрел на Бельруна, — прочь отсюда!

ГЛАВА 10

Есть женщины...

А. Н. Некрасов

черт бы побрал эту охоту! — Бельрун натянул вожжи. — Н-но! Пошла, родимая!

Наши четыре возка резво выкатили за ворота погруженного в траур Лиможа.

— Ну какой дурак охотится в апреле! — нахмурив брови, с досадой произнес Бельрун, когда мы, подымая пыль, стремительным аллюром мчались по дороге. — То есть я, конечно, ничего не говорю о нашем покойном короле, мир праху его... Ему, конечно, виднее, когда зверю подобает выводить детенышней, а когда нагуливать жир... Но теперь из-за этого целый месяц нам играть не придется! — он со злостью хлестнул лошадь по спине.

— Эй, Винсент, поаккуратнее! — попытался успокоить я разозленного владельца цирка. — Придержи коня, мы уже намного оторвались от всех возможных погонь.

Бельрун недовольно покосился на меня, но, увидев, насколько мы обогнали остальные повозки, все же прекратил дикую скачку и, тяжело вздохнув, произнес: — А в общем-то, ты прав... Куда нам теперь

спешить? Считай, месяц никаких выступлений не будет. Проклятие! Май — самый выгодный сезон!

Некоторое время мы ехали молча, и Бельрун переживал личную драму внутри себя. Однако долго он не выдержал и спустя минуту гневно изрек:

— А все этот король Ричард!

Я изумленно взорвался на своего спутника:

— Что Ричард? Он-то тут при чем?!

— Да это ж он пристрастил его величество к охоте в любое время года и суток — день ли, ночь, все ему было без разницы, — как нечто само собой разумеющееся, изрек Бельрун.

— А это ты откуда знаешь? — все еще не прия в себя от изумления, спросил я.

— Так я ж еще до того, как у барона де Фьербуа служил, был в королевской охоте доезжачим.

— Чего ж ушел? Место, поди, теплое? — поинтересовался я.

Винсент ностальгически вздохнул.

— А! Молодой был, глупый. Вмешался в «большой политик». Все ж о графской короне предсказанной мечтал... Ну и вляпался сдуру — взялся записочки от нашей юной королевы принцу Джону Безземельному возить...

От неожиданности я буквально подскочил на повозке.

— Кому возить?!

— Джону Плантагенету, — удивляясь моей неосведомленности, повторил Бельрун и добавил мечтательно: — Красивая она тогда была — аж дух захватывало... Да и он тоже. Одно слово, аквитанские корни...

С трудом переварив эту неожиданную информацию, я выдавил из себя риторический вопрос:

— Они что, знакомы?

— Шутить изволите? — в свою очередь, изумился Винсент. — Они ж родственники! И воспитывались вместе при дворе Элинор Аквитанской, когда та уже перебралась во Францию. А что у них роман в юности был, так это, почитай, всем известно. Все ее злоключения от этого романа. Что и говорить, не повезло на-

шой доброй королеве... — загрустил вдруг Бельрун. — Это ж надо, такая красивая и такая несчастная!

Я не стал говорить Винсенту, что это обычная судьба большинства очень красивых женщин, а лишь приготовился слушать. Судя по всему, мой товарищ по цирковому ремеслу готов был угостить меня очередной историей из цикла «Когда я был...».

— ...Да, красива она была необыкновенно. Что и говорить — шестнадцатилетняя графиня, выросшая на юге Франции, в благословенной Аквитании... Эх, да что там! — Бельрун мечтательно вздохнул. — Каштановые волосы с медным отливом, лукавые карие глаза, брови вразлет... Улыбка, от которой таяли самые суровые воины... И характер у нее был веселый, смешливый и добрый. Все ее очень любили за приветливость и добрый нрав. Никогда слуг не обижала — каждого знала по имени и все старалась чем-то порадовать. Ну и понятно, все в нее влюблены были — от поваренка на кухне до первых пэров королевства. — Винсент улыбнулся, видимо, вспоминая красавицу графиню, и я поразился, каким юношеским восторгом в этот момент сияло его лицо.

— А она только улыбалась всем да книжки читала...

— Похвально! — неожиданно отозвался из глубины повозки Деметриус, дотоле упорно отмалчивавшийся. — Учение есть свет!

Бельрун как-то неопределенно хмыкнул.

— Оно, конечно, похвально, да графиня Элеонора, видать, не те книжки читала. Весь мир для нее тогда казался как будто вышедшим из этих книжек. Все эти трубадурские штучки с клиjasами и эреками¹ вбили ей в голову, что на земле должна существовать только великкая любовь, и никак иначе. Как сейчас вижу ее сидящую в саду с какой-то книгой... Пока читает — глаза лучатся счастьем, так что на колени перед ней от восторга упасть хочется; а оторвется от строк — и все, погасла, взгляд печален...

¹ Клиjas, Эрек — герои эпических поэм XII — XIII вв. Кретьена де Труа, жившего при дворе Генриха Шампанского.

Я с возрастающим удивлением слушал эту романтическую повесть. Признаться, мне как-то было невыгодно и странно наблюдать подобное искреннее проявление чувств у такого закоренелого авантюриста, каким я знал Бельруна. И мне все больше и больше нравился этот необыкновенный человек.

Между тем Винсент продолжал:

— Когда батюшка нашей красавицы Генрих Шампанский просвatal ее за нашего короля, очень она убивалась, но против воли отца идти не решилась... А тому только хотелось поближе к трону стать, никак первый пэр, на коронации над головой Филиппа корону держал. А теперь еще и зять короля!

— Эй! Привал будем сегодня делать? — раздался с третьей повозки недовольный голос Железного Ролло.

— Будем, будем, — мгновенно возвращаясь с небес на землю, отозвался Бельрун. — Вот до Оверни доедем и сделаем.

— Да это ж сколько еще ехать! — басовито возмутился голодный Жано.

— Эжени! — обернувшись, крикнул Винсент. — Дай этому проглоту кусок солонины, а то он, чего доброго, съест лошадь. Так вот, — продолжал мой собеседник. — Дочку-то свою Генрих Шампанский замуж выдал, да только насчет короля он сильно прополсался. Этот молодой лев к тому времени вкус власти уже вполне почувствовал и ни с кем ею делиться не желал.

— И что же?

— А что? — непонимающе посмотрел на меня Бельрун. — Как водится, подняли восстание. Генрих и братец его Тибо. Но зятек-то с ними не возился — восстание подавил, зачинщиков в Фор Л' Эвек¹ упек. Вот тут Элеоноре пришлось несладко: почитай, вся родня в мятеже участвовала. Тут король и велел ее отослать домой, потому как жениться-то он на ней женился, да особой любви между ними не было — это все видели. Он бы, может, и рад, да королева все о

¹ Фор Л'Эвек — одна из крупнейших королевских тюрем средневековой Франции.

другом грезила, — Бельрун с досадой стукнул кулаком себя по колену. Помолчав немного, он продолжал уже более спокойно:

— И вот однажды утром перед окнами королевского замка разыгралось диковинное представление: юная королева в одной исподней рубахе с четками в руках и распущенными волосами, окруженная огромной толпой парижан, молила о своем помиловании. И все собравшиеся вокруг нее молили о том же. Король, понятное дело, смилиостивился, — горько усмехнулся Винсент. — Не больно-то ему хотелось настраивать против себя жителей столицы... Но никогда всерьез не помышлял о прощении. Через год она родила ему сына, нынешнего короля Людовика VIII, но только спальню королевы Филипп посещал куда реже, чем альковы придворных дам. Элеонора совсем загрустила — ведь она была совсем еще юна и к тому же страшно доверчива и неопытна. Ну и, естественно, наделала глупостей, в одной из которых я имел возможность участвовать, — Бельрун иронично приподнял над головой свою шапочку, украшенную совиным пером, и слегка поклонился. — Мне было тогда всего семнадцать лет, — как бы извиняясь, добавил он.

— Королева, тоскуя, поддалась романтическому настроению и написала своему сердечному другу принцу Джону, который в это время пребывал в Анжере. Уж не знаю, сколько писем и кем, кроме меня, было туда передано, а только по дороге в Анжу, когда я отвозил Джону Плантагенету записку в третий раз, на меня напали какие-то незнакомцы с лилиями на коттах, и мне едва удалось унести ноги. Нетрудно было догадаться, что королю было известно об этой переписке с самого ее начала. А вскоре по Франции пополз слухов, что, мол, королева — ведьма и околовдовала короля. Но я-то знал природу этого «колдовства»!

...А чуть позже король повелел заточить свою супругу в монастырь. То есть народу он повелел объявить, что такова была ее собственная воля. Филипп Август и папе Клименту III в Рим то же самое написал.

— Откуда тебе это известно, дружище? — спросил я этого всезнайку.

Винсент пожал плечами.

— Я же у барона де Фьербуа знаменщиком был. А значит, и собутыльником, — Бельрун со значением поднял палец вверх. — А тот был королевским сокольничим. Он мне много чего рассказывал. Так вот, написал он в Рим, стал хлопотать о разводе... Папа Климент, который короля Филиппа к крестовому походу хотел привлечь, согласился, но при условии, что развод произойдет после возвращения Филиппа из Святой Земли. Ну, об участии короля в крестовом походе вам, конечно же, известно.

Я кивнул. Боевые действия, которые вел в Леванте король Франции, в лучшем случае можно было охарактеризовать как дремотные. А уж после гибели от рук ассасинов любимца Филиппа II маркиза Конрада Монферратского он и совсем велел свернуть свой лагерь и возвращаться домой.

— ...Когда же его величество вернулся из Святой Земли, так и не снискав себе героических лавров, — продолжал Бельрун, — как раз и начался невообразимый скандал по поводу его развода. Оказывается, его святейшество получил письмо от бедной нашей королевы. По счастью, ей удалось передать его с верным человеком из того монастыря, в котором она томилась. В письме она отрицала свое желание принять постриг и слезно молила папу о защите. Однако к тому времени король успел подыскать ей замену — дочь тирольского князя Агнессу.

— И что, она того стоила? — спросил я.

— Да Бог его знает, — равнодушно пожал плечами Бельрун. — Говорят, хороша... а только вряд ли она могла стоить нашей королевы. Филипп уговорил архиепископа Шартрского обвенчать его, невзирая на то, что согласия на этот брак из Рима так и не поступило...

— В опасные игры играл его величество! — хмыкнул я.

— Опасные — не то слово... Ты же слышал про ин тердикт?

Я слышал. Для начала, мне помнится, папа римский отлучил епископа Шартрского от сана и потребовал от короля расторжения незаконного брака и возвращения первой супруги ко двору. Но, видать, эта Агнесса времени зря не теряла — Филипп Август наотрез отказался подчиниться папской воле. Тогда заместитель Привратника грохнул тяжелой артиллерией — объявил в стране интердикт «за грехи его величества короля Франции».

— Страшное было время... — Винсент зябко передернул плечами. — Бр-р-р! На Грэвской площади собрался весь люд, который смог прийти. В полнейшей тишине двенадцать епископов, одетых в черное, с чадящими факелами в руках стояли по обе стороны папского легата, объявлявшего потрясенному народу, что за грехи короля эта земля отлучается от церкви до тех пор, пока монарх не раскается. Священникам было запрещено проводить службу, отпевать, крестить, венчать как простых людей, так и знатных... Никто не мог ни умереть, ни родиться, ни жениться, ни замолить грехи по законам Божиим... На площади поднялся страшный вой — кричали женщины, дети, взрослые мужчины плакали, не стесняясь слез.

А тут еще и император вмешался. Точнее, дядюшка его, нынешний император. Будто ждал, что все так и будет. Почитай, только папский легат в Париже объявил интердикт, а он уже заявляет, что готов поддержать оружием гнев его святейшества. Тому, понятно, это только на руку было. Иначе это оружие могло против него самого повернуться. — Бельрун печально усмехнулся. — В общем, так вот и получилось, что крепкая задница тирольской красотки стоила короне Бургундии и Невера, вошедших нынче в королевство Аrelат, куда мы с вами нынче направляемся. Правда, король наш тоже без дела не сидел. Покуда его бывший дружок Ричард Английский в императорской тюрьме от ратных дел своих отдыхал, он от здешних его владений порядочные куски отгрыз. Да только тут же и подавился. Когда какой-то смельчак Анжуйца¹

¹ А нжуэц — Ричард Львиное Сердце, происходивший из рода графов Анжуйских.

из-под носа у старого волка стащил, тут-то настоящий цирк и начался...

История, которую рассказывал сейчас мой спутник, мне была известна. Я лишь слегка усмехнулся, услышав лестные слова в свой адрес и, промолчав, рассеянно продолжал слушать его негромкую речь. Мы делали что-то около трех лье¹ в час, не останавливаясь и пропуская по борту мелкие городки и замки графства Марш.

— ...Они быстро тогда договорились. Новый император сделал Арелат ленным владением Ричарда, и попал наш Филипп, словно мышь в котел. Куда ни кинься — везде Львиное Сердце. Тут нашему королю не до женских прелестей стало. Того и гляди, короны лишишься. Пошел он на попятный. Агнессу обратно в Тироль отослал, а она, к слову сказать, как раз на сносях была. Так и умерла, бедняжка, не разрешившись от бремени. — Винсент вздохнул. Какой ни была несчастная дочь тирольского князя, она ничем не заслужила такой судьбы. Ее любовь к своему мужу и рыцарю была возвышенна и чиста. Судя по тому, как сражался за свое право быть любимым король Франции, он тоже был счастлив со своей незаконной супругой. Но... Всемогущее «Но». Законы политического пасьянса не берут в расчет чувства королей и дам.

— ...Филипп смирился. Он вернулся в лоно церкви, прося отпущения грехов, как смиренный грешник, возвратил из монастыря ко двору нашу добрую королеву... Да видать, не отпустил ей Господь женского счастья. Меньше двух лет прожила она после этого с его величеством. И вот — вдова! — он укоризненно покачал головой, словно осуждая небеса за такую злую шутку.

Я абсолютно не был уверен, что жизнь с Филиппом Августом являлась для королевы Элеоноры семейным счастьем, но мне было искренне жаль всех участников этой печальной истории. Однако мысль о том, что все это слишком похоже на рыцарский роман, чтобы быть правдой, не давала мне покоя. То

¹ Лье — 4 км.

есть политические расклады этого «шансон де жест»¹ мне были как раз понятны... Более того, я почти не сомневался в том, что несчастная Агнесса Тирольская появилась при дворе французского короля с ведома и по прямому указанию Лейтонбурга. Но что во всем этом деле не давало мне покоя, так это злосчастная переписка королевы с Джоном Плантагенетом. Понятное дело, стены монастыря не способствовали оживленному сообщению юной шампанской красавицы и английского принца, но зато я вполне мог представить, как в этом заточении романтическая королева могла создать в своем воображении величественный идеал любви из предмета своих детских грез. Стало быть, сейчас она любит короля Джона больше, чем прежде, и все ее надежды на то самое «женское счастье», которого она была лишена десять лет, заключены именно в нем — в короле Англии. А значит, должна существовать тайная связь... Веселенький раскладец!

Получалось так, что вся эта любовно-политическая интрига, плетущаяся вокруг французского трона, вплотную касалась и меня.

«Новые совпадения! А чему удивляться?» — подумал я, неожиданно остро чувствуя, как колотится в тakt езде перстень Мерлина, спрятанный в кожаной ладанке у меня на груди.

«Если очередной разменной фигурой в этой хитроумной игре сильных мира сего предстоит стать королеве Джейн, то маленькому принцу Эдуарду, первому наследнику английского престола из рода Камдилов, угрожает более чем реальная опасность», — внутренне похолодев, осознал я. Мне очень захотелось немедля раздвоиться и мчаться одновременно в двух противоположных направлениях — в Англию и в Аrelат. Или же иметь возможность возникать то тут, то там безо всякого предупреждения, подобно старине Мерлину.

Да уж, задачка... Нужно было срочно что-то предпринимать, вот только кто бы мне сказал, что. Информации, что называется, «никакой и того меньше». Хотя... Некий банк данных у меня имелся, и, по моим

¹ «Шансон де жест» — одна из средневековых французских эпических поэм; песнь о героических действиях.

расчетам, он, как и я, направлялся сейчас в Клермон. Я активизировал мыслесвязь.

— Капитан вызывает Виконта! — передал я. В ту же секунду я увидел широкое лезвие меча, летящего мне прямо в голову. Резко развернувшись и пропуская клинок мимо себя, я едва не сбил плечом Бельруна, в поэтической задумчивости правившего нашей повозкой.

— Эй! Осторожнее! — изумленно закричал он. — Ты чего?

— Овод... — попробовал оправдаться я, — укусил...

Винсент смерил меня недоверчивым взглядом, но воздержался от комментариев. Я уже успел сообразить, что Виконт, видимо, увлеченными фехтовальными упражнениями, включил картинку, забыв врубить звук. Между тем клинок Кристиана плашмя опустился на плечо противника около основания шеи, демонстрируя финальный удар, и мой бывший стажер соизволил уделить мне чуточку своего внимания.

— Да, Капитан, слушаю тебя!

— Это правильно. Слушай внимательно. Мне нужна вся имеющаяся в распоряжении де Жизора информация по поводу королевы Элеоноры Французской, особенно относительно переписки ее с английским монархом.

— Каким из них? — поинтересовался Виконт.

— С королевой Елизаветой II, оболтус! — взорвался я. — Конечно, с нынешним — королем Джоном!

— А что читать чужие письма нехорошо, ты знаешь? — язвительно спросил меня Крис.

— Я знаю. Но, может быть, де Жизор не знает, — парировал я его колкость.

— Ладно. Спрошу у шефа, — благосклонно пообещал мне мой «стаци». Я не успел найти подходящего места, куда бы его стоило послать за такое заявление, как на том конце послышался чей-то крик: «Ангард!»¹, и связь отключилась.

— Стой! Сто-о-ой!! — радостно закричал ехавший за нами Ролло. — Лошадь расковалась!

¹ Ангард — защищайся (*фр.*).

Винсент от неожиданности резко дернул вожжи, и наша повозка затормозила посреди дороги. Я внутренне подобрался, настороженно осматривая местность и ожидая очередных дорожных неприятностей. Однако меня ожидало разочарование — вокруг простирались зеленеющие поля, высоко стоящее в безоблачном небе солнце освещало идиллический пейзаж центральной Франции, далеко впереди виднелись шпили какого-то замка, и, что совсем отрадно, вокруг не было ни единой живой души. Бельрун между тем забрался внутрь повозки и, разбудив алхимика, мирно дремавшего на свернутом шатре, начал рыться в цирковом скарбе.

— Что ты там ишьешь? — услышал я недовольный голос Деметриуса. — Стоит мне только задуматься о высших материях, как ты лезешь со своими глупостями!

— Мэттью, мне всего лишь нужно найти мехи от походной кузни — лошадь у Жано расковалась. Подвиньтесь и уберите свои склянки отсюда, а то я их не нареком перебью!

— Осторожнее, неуч! — прикрикнул почтенный Деметриус гневно. — Не рассыпь семена! Это клещевина, иначе — *Ricinus communis*! Мне ее привезли из дальних стран! Когда вы наконец объедитесь какой-нибудь гадостью, мне нечем будет избавить вас от боли, терзающей ваше ненасытное брюхо!

Пропустив мимо ушей возмущенные прогнозы своего учителя, Винсент наконец откопал необходимый инструмент и поспешил направиться к третьей повозке, возле которой переминался с ноги на ногу в ожидании своей участи голодный Жано.

— А можно... — нерешительно произнес он, — пока мы будем лошадь перековывать, Эже́ни сделает чего-нибудь поесть?

Бельрун насмешливо покосился на Железного Ролло и крикнул Эже́ни:

— Дай ему чего-нибудь поесть, а то Жано урчанием своего желудка перепугает наших лошадей. Кстати, — обратился он к радостно просиявшему силачу. — Мой железный друг, ты там еще не все подковы переломал? Нет? Тогда тащи сюда то, что осталось.

— Да что ты, все лошадь да лошадь, — угрюмо прополосил силач. — Я и так уже от голода совсем ослаб.

Подковав лошадь и наскоро перекусив, мы вновь двинулись в путь, стремясь наверстать потерянное время. И когда в начавших уже сгущаться сумерках вдали замаячили каменные зубцы пограничной бастиды¹, возвышающейся на высоком конусовидном холме, Бельрун облегченно вздохнул.

— Ну вот и Овернь. Слава Богу, эту ночь переночуем по-людски. В лье отсюда есть замечательный постоянный двор, именуемый «Серебряное стремя». Надеюсь, с ним-то ничего не случилось.

Заплатив положенную дорожную пошлину, мы въехали на территорию графства.

— Счастливого пути! — напутствовал нас коренастый седоватый стражник, с явной благожелательностью осматривавший наши возки. — Вот только представления у нас запрещены, — развел он руками и пояснил: — Король умер.

Наши возки покатались дальше.

— Эх, пропала гастроль! — вновь опечалился Бельрун.

— Да пустяки, не расстраивайся, — попытался утешить его я. — Денег хватает... А там доедем до Арелата, можно будет и представление устроить — там-то ведь траура нет.

— Ха! — скептически посмотрел на меня циркач. — Траура там, конечно, нет. Но и денег тоже.

— Как так? — удивился я.

— А вот так! Вначале все хорошо было, на территории Арелата и интердикт не действовал, и товары из империи шли без пошлины... Зато потом такая свистопляска началась, простому люду только держись! — повествовал Винсент. — Сначала король Ричард высосал его, как мозговую косточку, а потом у императора что-то с Константинополем не заладилось... Говорят, у него там всю военную добычу из-под носа увели.

У меня нехорошо ёкнуло сердце. Встречаться с

¹ Бастида — отдельно стоящая сторожевая башня.

Лейтонбургом без особой нужды мне не стоило. Увы, такая нужда как раз была.

— Так что теперь вот что мы заработаем в этом Арелате, — Бельрун продемонстрировал мне выразительный кукиш.

— Да-а... Бывает же... — лицемерно протянул я, чувствуя некоторую вину перед Винсентом за постигшие Арелат экономические трудности.

Уже вечерело, когда мы, изрядно устав в дороге, наконец-то добрались до знакомого Бельруну постоялого двора. «Серебряное стремя» действительно производило впечатление весьма добропорядочного заведения: крепкая ограда, чисто выметенный двор, красивая и со вкусом нарисованная вывеска — все говорило о властной и умелой хозяйской руке.

— А, это ты, Бельрун! — приветствовал нас кряжистый сторож, отворявший ворота. — Давненько тебя не было видно. Заходи, Мадо будет рада.

— Люка, Жано, Сэнди! Распрягайте лошадей, отводите на конюшню и присоединяйтесь к нам, — распорядился Винсент, шагая рядом со мной через широкий двор.

— Мадо — это хозяйка, — пояснил он, делая руками волнообразные движения в воздухе, очевидно, показывающие габариты этой матроны. — Ты б ее видел. Уверяю, тебя ждет приятный сюрприз.

Я внутренне содрогнулся. Мы подошли к добротной двери харчевни, за которой слышались смех и звонкий молодой голос, рассказывающий какую-то историю.

— И высокий суд графства Овернь, — услышали мы слова, вещаемые самым серьезным тоном, — приговорил всех гусениц собраться в одном месте для полного их уничтожения.

— И что же? — прозвучал вопрос.

— Господь явил милость к тварям своим и спас их, обратив в мотыльков!

Раздался громовой взрыв хохота. Мы с Бельруном переглянулись.

— Похоже, здесь весело, — резонно предположил он и толкнул дверь.

Первое, что мы увидели, едва переступив порог, был длинный стол из дубовых тесин, за которым восседала шумная разношерстная компания, с обожанием глядевшая на худощавого молодого человека в монашеском одеянии. Священнослужитель поднял кубок и провозгласил:

— Так выпьем же за всеблагость Господню!

Сидевший рядом с ним длинноволосый мужчина радостно схватился за стоящую перед ним чашу, но, заметив нас, медленно поставил ее на столешницу. Его худощавое лицо с зелеными лукавыми глазами и перебитым носом, вследствие жизненных передряг имевшим форму латинской буквы «S», странно сморщилось и приобрело выражение крайнего удивления. Пока я соображал, что к чему, он поднялся и, демонстративно оглядев меня с ног до головы, отчетливо произнес:

— Господи! Мессир, вы ли это? Что это еще за пошлое францисканство¹!

ГЛАВА 11

Входите смело, здесь тоже есть боги!

Гераклит

оспода, позвольте вам представить... — не дав мне опомниться, торжественно разведя руки, начал было сей глумливо ухмыляющийся субъект в пыльном костюме менестреля.

— Лис, придержи язык! — передал я, спешно включая мыслесвязь. — Меня здесь называют боец Черная Рука.

Лис автоматически продолжил свою тираду, выдав на-гора мой новый титул, и тут же, запнувшись на полуслове, ошелело переспросил:

¹ Францисканцы — католический монашеский орден святого Франциска Ассизского, проповедовавший добровольное отречение от богатств и святую нищету.

— Так?! Я ничего не путаю?

Я поклонился, лихорадочно обдумывая, каким образом замять создавшуюся неловкость. На мое счастье, подмога не заставила долго ждать.

— О-ла-ла! — блондинистая пышногрудая хозяйка, слегка покачивая широкими бедрами, стремительно выплыла из-за стойки и устремилась к двери. — Бельрун! Негодник! Ты где это пропадал!

— Все хорошо, Мадлен! — произнес Винсент, отступая на шаг и открывая объятия, в которые немедля угодила хозяйка «Серебряного стремени». — Ведь я же вернулся.

Без каких бы то ни было преувеличений эту уважаемую даму можно было назвать весьма привлекательной, может быть, даже обольстительной, но рядом с циркачом она смотрелась несколько громоздко, ибо и ростом, и объемом превосходила будущего «королевского советника» раза этак в полтора.

— Как здоровье господина Мербефа? — парировал Винсент радостную тираду мадам Мадлен.

— Злюка! — поджала губы хозяйка. — Он умер год назад.

Диалог явно касался вещей, о сути которых мне можно было только догадываться, а потому, воспользовавшись всеобщим разбрodom и шатанием, я ухватил Лиса за рукав и потащил во двор «подышать вечерней прохладой».

— Ты давно здесь ошиваешься? — мой первый вопрос после радостных рукопожатий и хлопанья по плечу звучал, пожалуй, слишком сурово.

— С утра, — признался Рейнар. — Узнал позавчера у Виконта, что ты направляешься в Клермон, вот и решил перехватить тебя по дороге. Так сказать, сюрприз! Надеюсь, ты-то хоть рад меня видеть? — как-то вдруг грустнея, спросил он.

— Что за глупый вопрос? Конечно, рад!

— И славно. А там, — он неопределенно махнул рукой куда-то вдаль, — были не рады. Ну да ладно. Забудем. Проехали. — Рейнар криво усмехнулся. — Зато я теперь сюда надолго. Может быть, даже насовсем.

— Что такое? — не понял я.

— Да, в общем-то, ерунда. Домой мне возвращаться некуда, а из Британского королевства я, как это по-приличней сказать, выслан, с присвоением очередного воинского звания *persona non grata*¹.

— Ну что ты еще натворил? — произнес я, прекрасно понимая, что для того, чтобы добиться подобного вердикта, сотруднику нашей Конторы нужно совершить что-то уж совсем из ряда вон выходящее.

— Капитан, не рви душу! Что бы я ни сделал — оно все там, а я — здесь. Спасибо Расселу, уважил боевого товарища, а то бы ты меня шиш тут увидел. Ну ты-то мне рад? — вновь переспросил он.

— Рад. Не то слово, рад, — отозвался я. — Но что случилось?

— Ладно. Оставим мои прегрешения исповедникам. Что у тебя тут творится? Поведай мне, так сказать, в порядке дележа ценным опытом, как тебе удалось докатиться до жизни такой? Ты проигрался в дым или это новые проделки Шейтмура?

— Ни то и ни другое, — успокоил его я.

— Уже легче. Так что же тогда?

— Во-первых... Даже не знаю, что во-первых...

— А ты начни с того, что действительно главное.

— Хорошо. Император таки захватил Лауру.

— Не ходите, дети, в Африку гулять, — усмехнулся мой напарник.

— Ты это о чем?

— Так, к слову пришлось. Цитата.

— Сейчас она где-то в Арелате. Точнее, скорее всего в Арелате. Сведений о ней у меня, к сожалению, — ноль! Одни догадки. Там вскоре должны короновать Йогана Гессенского. Ну, помнишь, младший сын императора?

— У тебя устарелые сведения. Три дня тому назад его уже короновали. Но ход твоих мыслей мне понятен. Если косорылый отпрыск Лейтонбурга нынче выился в арелатские короли, то где еще быть нашей бедной девочке?

— Верно, — мрачно подтвердил я.

¹ *Persona non grata* — нежелательное лицо (лат.).

— Что ж, направление движения мне понятно.
А все эти конспиративные штучки с переодеванием?

— Знаешь, когда купцы в лавках, видя мой герб, говорят: «О, вон скачет доблестный рыцарь Вальдар Камдил, освободивший покойного короля Ричарда, победивший короля Джона и обхитривший императора!» — это называется славой. Так вот. Я не стремлюсь к посмертной славе.

Лис покачал головой.

— Командир, ты как хочешь, но, по-моему, у тебя в гостях Манечка-Величка.

— Кто? — переспросил я.

— Мания величия, а может, мания преследования. Или обе вместе. В любом случае, это не ко мне, это к психиатру.

— Спасибо за совет. Но тут есть один нюанс. В Ларошели некий порочного вида субъект порывался на-делать дырок в моем организме. Не то чтобы у него были со мной личные счеты, но это, так сказать, входило в его должностные обязанности.

— Мир праху его. — Рейнар молитвенно сложил руки перед грудью.

— Ничуть. Я полагаю, с ним не случилось ничего опаснее насморка. Я передал с ним в Англию презент в виде моего окровавленного одеяния. Надеюсь, это придаст королю Джону энергии и оптимизма для решения государственных проблем.

— Понятно, — гайренский менестрель состроил трагическую мину и смахнул воображаемую слезинку. — Порезали, значит, Вальдарку. Эх! Жаль. Хороший был мужик. Я бы даже сказал, апостол прикладного гуманизма. Или прикладного? Точно не помню...

Похоже, мысль о моей безвременной кончине изрядно потешала д'Орбиньяка. Наконец, освободив меня, «во цвете лет ушедшего», от необходимости выслушивать каскад его черного юмора, он прервал прощальное слово и резонно спросил:

— А дурацкое прозвище зачем?

— Это что! — гордо сообщил я. — У меня еще есть маска того же цвета, что и прозвище, и перчатки...

— Из того же материала, — завершил мою фразу Лис. — А какого рожна все это, извините, надо?

— Вот тут-то мы подходим ко второму номеру нашей обязательной программы. Ты не забыл, что Рас-сель просил нас как-нибудь на досуге разобраться с империей?

Рейнар скептически хмыкнул.

— Я не забыл. Мне его светлость двадцать третий герцог Бедфордский на эту тему чуть тонзуре не проел. Я так понимаю, что у тебя в связи с похищением Лауры как раз наступило время досуга?

— Правильно понимаешь. Так вот. Известного тебе благородного рыцаря наш старый знакомый Оттон при первой же личной встрече, если его, конечно, паралич не разобьет от радости свидания, скорее всего повелит живьем замуровать в стену. А циркового бойца, глядишь, и не заметит. Ну, а поскольку встретиться мне с ним все равно надо, то пусть лучше это произойдет тогда, когда я этого захочу.

— Ну-ну. А империю ты при этом как разваливать будешь? При помощи дрессированных собачек? — похоже, эта мысль привела Лиса в восторг. Мне оставалось только развести руками.

— Пока не знаю. Но в нашем деле есть еще пункты «три» и «четыре».

— О Господи! — мой друг воздел руки к ночному небу. — Когда ты все это успел? Меня не было что-то около двух недель. Даже меньше. Когда я уезжал, для того, чтобы оторвать тебя от ложа печали, нужно было, рискуя жизнью, чуть ли не ползком...

— Лис, чего ты сутишься? Дела эти нам все равно делать придется. Так что дыши глубже. Итак, дело первое: сорвать переговоры между Францией и Империей.

— ...А второе — насадить мусульманство в Исландии.

— Ты не прав, — я грустно вздохнул. — Но, в общем-то, это скорее мое личное дело.

— А Лаура? — Рейнар положил руку мне на плечо. — Капитан, твои личные дела с некоторых пор так сильно переплелись с делами службы, что я, например, не

возьмусь определить, где кончаются одни и начинаются другие. Знаешь, что? Мы будем делать то, что почитаем должным, и, как говорится: «Бог, храня корабли, да помилует нас!» Пошли выпьем. Нас, поди, уже захдались.

— ...Ну, битие кнутом собак, проспавших вора, это дело обычное, — донеслось до нашего слуха, едва мы вновь очутились в доме гостеприимной Мадо. Угар радостной встречи уже спал, и теперь вся честная компания, включавшая в себя уже и приезжих циркачей, сидела вокруг стола, слушая рассказы Бельруна и веселого, разбитного монашка в черной сутане бенедиктинца.

— Это кто? — шепотом осведомился я у вошедшего вместе со мной Рейнара.

— Брат Жан из Везеле, — ответил он. — Мы встретились с ним вчера в одной деревушке, жители которой, похоже, так и не сподобились придумать ей название. Веселый брат увещевал поселян, когда те вознамерились забить камнями свою молодую односельчанку за то, что та была красива.

— И что же?

Лис безмятежно почесал затылок и пояснил:

— Брат Жан доказывал им, что красота не есть несомненный признак дьявольского происхождения, а я подкреплял его слова нескими аргументами. Помоему, проповедь удалась на славу! — он расплылся в самодовольной улыбке. — Это нас очень сблизило, — закончил Рейнар, с приязнью оглядывая продолжавшего свое повествование монаха.

— ...Однажды в Понтины мне довелось слышать о местном судье, который со всей суровостью, подобающей его положению, приговорил к повешению свинью... — за столом послышался дружный смех. Мы подошли поближе, ловя суть рассказа. Брат Жан, сохранив полнейшую серьезность на лице, продолжал описывать курьезный случай:

— Вы зря смеетесь! Она совершила тягчайшее преступление, пожрав своих детей! — он сстроил гневную и осуждающую физиономию. Честная компания вновь покатилась с хохоту.

— Правда, — помолчав, добавил святой отец, — насколько я могу судить, сам господин судья за свой век съел куда больше пороссят! Но так уж, видно, повелось в миру: что сходит с рук пастырям, не прощается свиньям, — завершил под всеобщие смешки брат Жан.

— И что, несчастную свинку действительно повесили? — раздался мелодичный девичий голосок где-то из-за спины бенедиктинца. Совсем молоденькая девушка робко глядела огромными серыми глазами на собравшихся.

— Это та самая «ведьма», которую мы отбили... то есть отговорили в этой чертовой дыре, — шепнул мне Лис. — Ну не гады? На такую красоту руки свои грязные подняли. Поотбивал бы уродам их дурацкие головы, — он грустно вздохнул. — Святой отец отговорил.

Девушка действительно была несказанно хороша. Тонкое, бледное личико, обрамленное длинными черными волосами, на котором кротко светились каким-то внутренним светом глаза, создавало впечатление такой беззащитности, что это наводило на мысль, что это обман и дело без нечистого не обошлось. «Да уж, — подумал я, — немудрено, что односельчане ее хотели забить камнями...»

Монах между тем с нежностью посмотрел на свою подопечную, видимо, не зная, что сказать.

— Так ведь всегда так, барышня, — подал голос дородный купец в добротном, но уже изрядно пропыленном плаще. — Я уже почитай лет двадцать странствую, а никогда еще не видел, чтобы бедную тварь, будь то человек или свинья, когда-то миловали.

— Но ведь это несправедливо! — упрямо отзвалась она.

— Несправедливо? — горько ухмыльнулся Бель run. — Почему несправедливо? Просто для тебя справедливо жить, а для того, кто наверху, справедливо жить за счет тебя... У всех разная справедливость! И чем ближе к трону сидишь, тем твоя справедливость справедливее.

— Так ведь испокон веков, — пробасил Ролло в наступившей вдруг тишине, — крестьянам кормить, мо-

нахам молить, рыцарям воевать, королю повелевать...
Так Господь Бог устроил.

— Да ну?! — неподдельно удивился брат Жан. — Что-то я не припоминаю, чтобы Адам щеголял в золотой короне, а его дети гарцевали на украшенных драгоценными попонами жеребцах. Да и царь Давид вроде как был возвышен из пастухов...

Я молча слушал крамольные речи, раздававшиеся в таверне, понимая, что отчасти они есть прямое следствие недавно снятого интердикта и смутного времени, а отчасти...

— В древние времена, — продолжал монах, — славнейший из наших королей Карл Великий, которому доподлинно было известно, что есть истинная справедливость...

При этих словах мы с Лисом понимающе переглянулись, как древние авгуры¹.

— ...Учредил настоящий суд. Такой, какому подобает ему быть на самом деле.

Я, кажется, начал догадываться, о чем намерен рассказать своим зачарованным слушателям этот грамотей в рясе. Правда, Фемы (так назывались подобные суды) были так же далеки от описываемого идеала, как духовенство от духовного оркестра.

— ...Суды эти, — понизив голос до громкого шепота, вещал брат Жан, — вершили свои дела тайно, сверяя решения не с богатством и знатностью подсудимого, а лишь с кодексом законов великого короля Карла, благословленных его братом — папой римским Львом III². Никто не может укрыться от этого праведного суда, будь он последний подпасок или же сам император!

— Так уж и император! — недоверчиво протянул кто-то из присутствующих.

— Никто! — значительно подняв указательный палец, подтвердил святой отец. — Фрайграф, верша-

¹ Авгуры — жреческая каста, гадавшая по полету птиц.

² На самом деле Лев III никогда не был братом Карла Великого. Однако легенда, утверждавшая их родство, была широко распространена в средние века.

щий суд, поручает двум своим шефенам¹ вручить вызов на суд лично обвиняемому или же кому-то из его ближайших родственников. И мало кто посмел ослушаться этого вызова. Те же дерзкие, кто все же пре-небрег властью этого суда, понесли суровую кару за свое ослушание. Их захватывали врасплох и с завязанными глазами приводили на судилище. Обвинение, подтвержденное клятвой трех шефенов, не допускает уже никакого оправдания со стороны обвиняемого. Их приговор всегда гласит одно — смерть! — монах обвел пронзительным взглядом потрясенно молчавших слушателей и продолжал: — Тех же, кто пробует отсидеться за стенами своих замков, уповая на силу оружия, находят либо удавленными веревкой в собственной постели, либо повешенными... И только кинжал, воткнутый рядом, показывает, чьих рук это дело.

В полнейшей тишине послышался сдавленный то-ненький всхлип. Спасенная «ведьма», дрожа как осиновый лист, словно за ней уже гналась дюжина шефенов, испуганно смотрела во все глаза на рассказчика, ставшего вдруг необычайно суровым.

— Иди-ка, Орин, спать! Что это ты, брат Жан, рассказываешь на ночь такие страшные сказки? — с некоторой укоризной глядя на своего друга, поспешил разрядить обстановку Лис. — Ну-ну, успокойся, дитя! Тебе действительно пора спать. Я думаю, на сегодняшний день тебе и без того достаточно страхов.

Напуганная Орин поднялась и, робко поклонившись на прощание, удалилась в свою комнату, сопровождаемая могучей Мадлен, на фоне которой она смотрелась совсем крохой.

— Да не слушай ты этих трепачей! — донеслись до нас утешения доброй хозяйки. — Для тебя-то это все внове, а я здесь такого наслушалась... Они же все выдумывают!

— И брат Жан? — недоверчиво и, как мне показалось, с обидой в голосе спросила Орин.

— Не знаю уж, чей он там брат, а только одно тебе скажу: мужикам верить нельзя!

¹ Шефен — помощник главы Фем.

За столом послышались добродушные смешки.

— Тише вы, оглашенные! — прикрикнула, оборачиваясь и грозя внушительным кулаком, хозяйка. — А то враз велю факела тушить!

— Эй, Ролло, — услышал я издевательский шепоток Бельруна. — Куда уставился? Гляди, шею свернешь.

Жано, действительно все это время не сводивший восхищенно-телячьих глаз с дородной фигуры хозяинки «Серебряного стремени», густо покраснел и отвернулся к двери.

— А никто и не смотрит... — пробурчал он.

— Да-а... — со вздохом протянул один из трех крестьян, сидевших на дальнем конце стола, видимо, местных. — У нас таких законов не дождешься... Вон, в прошлом году неурожай был, все на корню высохло, так хлеб в нашем монастыре по сто су за сетье прода-вали. А еще святые отцы! На них ни суда, ни закона!

— Э-эх! Что хотят, то и творят! — продолжал сокрушаться крестьянин. — Иной раз и не поймешь, кто прожорливее — священники или сеньоры... Вас-то я в виду не имею, — поспешно начал оправдываться поселянин. — По вас сразу видать, что вы человек доб-рый и благочестивый. Сейчас такие монахи — ред-кость, нынче каждый норовит урвать себе побольше.

— Я видел в Прованссе священнослужителей, до-бровольно отказывающихся от богатых одежд и золота и ведущих праведный образ жизни, посвящая себя добрым делам и истинному служению Господу, — вмешался в разговор купец.

Крестьяне недоверчиво переглянулись между со-бой, решая, воспринимать это как очередную дорож-ную байку или же запомнить для себя на всякий слу-чай.

— Они именуют себя катарами, то есть «чистыми», — продолжал купец. — Чудные они люди, я вам скажу. Тварей земных у них вообще запрещено убивать. По-сему питаются они одними злаками и рыбой, ходят в рубище, босиком, проповедуют слово Божье и к день-гам не прикасаются.

За столом кто-то громко фыркнул.

— Чудно ты говоришь, почтеннейший! — недовер-

чиво произнес второй крестьянин. — Где ж это такое слыхано, чтоб монахи не грабили, не обжирались и не распутничали!

— Все захохотали, дивясь купеческой небылице.

— Он говорит правду! Не смейте! — неожиданно громко крикнул Люка и грохнул кулаком по столу. От неожиданности все замолчали, недоуменно уставившись на разгневанного циркача. — Все это истинная правда! Не смейте злословить о святых людях...

— Это ваш? — тихо спросил меня Лис. Я кивнул.

— Капитан, ты делаешь успехи. Компания катара — это как раз то, что нужно для конспирации.

Эжени, внезапно побледневшая, вскочила со своего места и, ухватив своего любимого за руку, потянула его из-за стола.

— Люка, у меня разболелась голова! Я очень устала... Пойдем! Простите нас, господа!

Я пораженно наблюдал эту сцену, наконец-то осознав явный факт, который так долго находился у меня перед глазами: Люка был альбигойцем!

— Оставь, Эжени, — вырывался он. — Истинно вам говорю, только очистившиеся спасутся! — прокричал он с лестницы.

— Мессир Вальдар, — все так же тихо произнес мой верный напарник, оглядывая толпу, потрясенно застывшую за столом. — А ты уверен, что нам еще не пора уносить отсюда ноги?

— Не уверен, — честно ответил я. — Но, похоже, Бельрун знает этот дом много лучше нас и с хозяйкой у него приятельские отношения... Будем надеяться...

— Это тот кудрявый, что ли? — прервал меня Лис, рассматривая Винсента Шадри, с помрачневшим лицом вертящего в пальцах нож. — Да я готов спорить, что по нему самому в десятке графств петля плачет!

— Ты на редкость проницателен. Но у меня есть основания полагать, что эта несчастная изойдет от слез прежде, чем они встретятся.

— Ладно, поверю тебе на слово, — вздохнул Лис.

— А и то, — медленно произнес один из сидевших за столом крестьян. — Раньше, говорят, от монахов польза была. Чудеса творили, хвори исцеляли, людей кормили. Не то что теперь! Помнится, отец Руперт

рассказывал, как святой Бернард сто мешков зерна для своей паствы из воздуха создал. Или вот, скажем, воду в вино превратить, — мечтательно завершил он, сбиваясь с первоначальной возвышенной мысли.

— Воду в вино? — почтеннейший Деметриус, самозабвенно отдававший должное прелестям оверньской кухни, отодвинул в сторону пульярку с артишоками и встал, вытирая жирные руки о подол. — Поверьте мне, друзья мои, нет таких чудес, суть которых не могла бы познать наука! Вот смотрите!

Он выскочил из-за стола и резвой рысью выбежал за дверь, так и не объяснив недоумевающей публике, куда же она должна смотреть. Однако отсутствие его длилось недолго. Спустя несколько минут мэтр Мишо вновь появился в зале с ковшом воды в руках.

— Прошу вас, — он с достоинством поставил емкость на столешницу, — прошу вас всех убедиться, что перед вами чистейшая вода.

Заинтересованная публика сгрудилась вокруг чаши. Надо было быть Фомой Неверующим, чтобы усомниться в истинности его слов.

— Итак, вы сами видите, что это вода, — достаточный исследователь метаморфоз и трансмутаций торжествующе развел руками и жестом заправского фокусника подхватил вместительную глиняную чашку.

— Надеюсь, никто не сомневается, что она пуста?

Лис тяжело вздохнул.

— Мессир, как там тебя, Черная Рука! Сделай одолжение! Я тебя умоляю, скажи мне, что это не алхимик! — он страдальчески поглядел на меня.

Между тем Деметриус поставил кружку на стол и начал медленно наливать в нее воду. Жидкость приобрела пурпурный цвет.

— Скажи мне, Вальдар, ты собирал эту команду по всей Франции? Или тебе по-прежнему везет? — Рейнан, казалось, был потрясен.

— Угадал, — усмехнувшись, ответил я. — Мне по-прежнему везет. Почти как утопленнику.

— Есть еще какие-нибудь домашние заготовки, или все же ограничимся этим? — умоляющее поинтересовался мой напарник.

Я не успел ответить. Чаша, наполненная великолепной пурпурной жидкостью, стояла посреди стола, притягивая к себе всеобщее внимание и гипнотизируя.

— Ну хватит, хватит. Засиделись, — зазвучало грудное контральто хозяйки нашего гостеприимного крова. — Время тушить огни. Эй, Бельрун, возьми со стола эту гадость и вылей ее немедля в отхожее место. Время спать, господа. А ты, здоровяк, помоги мне здесь убраться, — она подозвала к себе Железного Ролло, который, несколько робея, начал приближаться к ней, не сводя преданных глаз с выдающегося бюста.

— Господи, — зашептал свою вечернюю молитву д'Орбиньяк, поднимаясь вверх по широкой деревянной лестнице, украшенной резными перилами. — Я надеюсь, что у тебя нет ничего лично против нас. Дай нам возможность проснуться завтра такими же живыми, здоровыми и свободными, как мы засыпаем сегодня. И да будет на то воля твоя. Аминь.

ГЛАВА 12

Если на небе есть ангелы, я надеюсь, что небесное воинство организовано по принципу мафии.

Уинстон Найлз Румфорд

наступило утро. Голосистый шантеклер¹ во всю мощь своей луженой глотки прямо под окном спальни объявил начало трудового дня.

— Надеюсь, тебя подадут нам сегодня в бульоне, — злобно пробормотал я, не открывая глаз. Вставать не хотелось, но сна уже не было. Снаружи доносились обычные мирные звуки просыпающегося сельского двора: скрип колодезного ворота, мычание волов и кудахтанье нашего будущего завтрака. К этому пасторальному шуму примешивались отрывистые

¹ Шантеклер — петух (*фр.*).

команды, издаваемые Лисом, как всегда, с утра бодрым и полным творческих сил. Никогда я не мог понять, как нормальный человек может добровольно вставать в такую рань...

— Локоть опусти! Я тебе говорю, локоть опусти! — разорялся во дворе Лис. — Хочешь, чтобы в схватке руку сломали?

«Сэнди тиранит, — догадался я. — Хотя это еще вопрос, кто кого тиранит...»

Я лежал в постели, вслушиваясь в окружающие звуки, включая рецепторную систему и мужественно готовясь к подъему.

— Эй, Жано! — раздался прямо под дверью бодрый голос Бельруна. — Что ты сегодня с утра сонный, как осенняя муха? Что, на перине не спалось?

— Мы, это... с хозяйкой всю ночь... — послышался неторопливый ответ. Кажется, Ролло сегодня соображал еще медленнее, чем обычно. В воздухе повисло предгрозовое молчание.

— Что вы с хозяйкой всю ночь? — с тенью угрозы в голосе переспросил Бельрун.

— Разговаривали... — закончил фразу Жано.

— Что-что?! — искренне изумился Винсент. — О чём?

— О жизни... — мечтательно вздохнув, пробасил Ролло.

— Да... — философски изрек владелец цирка после некоторой паузы. — Значит, сегодня тебе тяжелую работу поручать нельзя. Ты, должно быть, изрядно устал после такого непосильного труда. Насколько я тебя успел узнать, самой длинной твоей фразой было: «Ах, как же я хочу есть!» Кстати, иди распорядись о завтраке, мы скоро выезжаем.

Послышался тяжкий вздох и удаляющиеся по коридору шаги влюбленного слона. В дверь постучали.

— Эгей, мастер Черная Рука, просыпайтесь!

— Входи, Бельрун, я не сплю, — произнес я, сядясь на кровати.

— Вы слышали, у нас в труппе завелся оратор, — входя в комнату, жизнерадостно сообщил мне Винсент. — Железный Цицерон! Никогда не подозревал за

Жано таких способностей... Ну да ладно. Я к тебе по хозяйственному вопросу.

— Что случилось? — одеваясь, спросил я.

— Да ничего не случилось. Овса лошадям купить надо, — успокоил меня Бельрун.

— Сейчас, — я полез развязывать кошелек.

— Что, у нас опять отбирают деньги? — послышался возмущенный голос Лиса за моей спиной.

«Начинается!» — с досадой подумал я.

— Куда ты солид даешь? У тебя что, меньше монет при себе не бывает? — брюзжал мой экономный товарищ.

— Не бывает, — я продемонстрировал ему содержимое мешочка. Лис присвистнул и тут же потребовал:

— Вот что. Сдавай-ка кассу, теперь деньгами буду распоряжаться я. А то до Арелата с твоими барскими замашками мы не доедем!

— Я так понимаю, — произнес Винсент Шадри, настороженно глядя на хозяйственного Лиса, — это новый артист нашего цирка?

— Да, это великий артист оригинального жанра, — не замедлил отозваться я, мстительно глядя на Лиса.

— Он способен перетаскивать мешки с песком при помощи языка. В хорошем настроении он даже способен перекидывать их через крепостную стену.

Лис бросил на меня уничтожающий взгляд и, присавившись, гордо изрек:

— Чтобы я, знаменитый гайренский менестрель, опустился до бродячего цирка?!

На лице Бельруна появилось вопросительно-изумленное выражение.

— Погодите-погодите... Как же это я сразу не подумал? Ведь вчера вечером вас за столом называли Рейнар?

Я, понимая, что из-за лисовской гасконской гордости мое инкогнито, стойко державшееся последние дни, летело ко всем чертям, с грустью ожидал продолжения. И оно не заставило себя ждать.

— О! Конечно! Какой я дурак! — Бельрун хлопнул

себя ладонью по лбу. — Вы — Рейнар Л'Арсо д'Орбис-
ньяк! Я очень люблю ваши песни, особенно вот эту:

Как ныне сбирается герцог Ожье
Отмстить сарацинским шакалам... —

запел он на мотив, и отдаленно не напоминающий тот, на который Лис впервые исполнил этот блестящий перевод с русского в ратуше Трифеля.

— Я очень рад встрече с вами! — мсье Шадри подскочил к слегка ошарашенному своей популярностью на «исторической родине» гайренскому соловью и затряс его руку в дружеском рукопожатии. Внезапно он, пораженный какой-то новой мыслью, выпустил ладонь глупо улыбавшегося Лиса и уставился на меня.

— Тогда, выходит, вы... — циркач замолчал, подошел к полуоткрытой двери и, выглянув за нее, проверил, не подслушивает ли нас кто. — Вы — Вальдар Камдил, — подытожил он, радуясь собственной догадливости.

Я церемонно поклонился.

— Честь имею.

— А я-то, болван! Еще рассказывал вам о ваших же собственных похождениях! — неожиданно весело рассмеялся Бельрун. — Вот это да! Я не очень много приправил? — все еще улыбаясь, спросил он.

— Самую малость, — отозвался я.

— Ну, — потирая руки в каком-то радостном возбуждении, проговорил Винсент. — Теперь-то я от вас ни на шаг — и в огонь, и в воду!

— Откуда такой порыв? — мрачно спросил Лис, видимо, чувствовавший себя слегка виноватым в том, что мы «засветились». Бельрун хитро поглядел сначала на него, а потом на меня.

— Насколько мне известно, все люди, сопутствующие вам в недавнем прошлом, в конце концов становились коннетаблями: герцог Честер — в Англии, граф де Меркадье — здесь... Я думаю, меч коннетабля при новом короле Людовике мне будет вполне по руке! Во всяком случае, по древности и знатности рода оно подобает мне более, чем кому-нибудь в этом королевстве! — Винсент задрал кверху и без того курносый нос,

изображая на своем хитром лице высокомерное презрение и спесь. — Вперед, мои рыцари! Прогоните этих презренных циркачей! — закричал он, простирая вперед руку. — Нам не подобает... Что нам, кстати, не подобает? — скосил он хитрый глаз в сторону Лиса.

— Оставаться на этом постоялом дворе, — ответил я. — А особенно после вчерашнего. Не хватало нам еще проблем со святыми отцами. Как говорят на родине Рейнара, язык до инквизиции доведет!

Бельрун мгновенно перестал паясничать и, посеревшев, произнес:

— Да уж... Ладно, надеюсь, Жано с Мадлен уже договорились до завтрака... Только и вы поспешите — до часа третьего мы должны выехать¹.

Наскоро позавтракав, мы, стараясь не привлекать ничьего внимания, запрягли свои повозки, готовясь покинуть «Серебряное стремя». Во двор вышли брат Жан и семенящая по пятам его маленькая воспитанница. За спиной священника болтался тощий узелок, в руках он держал толстую суковатую палку.

— А, Орин, Жан! Доброе утро! — приветливо по здоровался с ними Лис. — Вы уже отправляетесь дальше?

— Да, дорога длинная, — отозвался брат Жан. — А с этаким скороходом далеко не уйдешь.

Орин смущенно улыбнулась, взмахнув пушистыми ресницами.

— А то, может, с нами? — вопросительно взглянув на меня, спросил Рейнар.

— Да нет, — пожав плечами, вежливо ответил монах. — Мы на юг, в Лангедок. Во Франции последнее время становится душно. Вот если подвезете до развилки на Орийяк, будем очень благодарны. Правда, Орин?

¹ В средние века день делился по церковным службам (так называемый старый римский календарь), не имеющим ничего общего с современным времязчислением. Полночь соответствовала утрене; 3 часа ночи — хвалитны; 6 утра — первый час; 9 часов — час третий; полдень — час шестой; 3 часа дня — час девятый; вечерня начиналась в 6 вечера, и надвечерие соответствовало 9 часам вечера.

— Да-да, конечно, — как-то испуганно поспешила подтвердить девушка.

— Тогда залазьте во второй возок, — предложил Бельрун. — Таким хорошенъким гостям у нас всегда рады! — Орин моментально спряталась за спину усмехнувшегося Жана, опасливо глядя на корчащего ей рожи гоблина.

— Жано!! Где тебя опять носит? — закричал Бельрун, глядя на пустующее место возницы на третьем фургоне.

— Сейчас! — послышался откуда-то его могучий бас. — Иду!

Бельрун нервно забарабанил пальцами по голени-щу сапога.

— А он не кусается? — услышали мы робкий вопрос Орин, все еще завороженно разглядывавшей от души резвящегося Тагура.

— Нет, девочка!! — голосом царя Ирода зарычал Лис, видимо, вполне разделяющий чувства гоблина. — Он не кусается, он съедает целиком!

Девушка ойкнула и мгновенно спряталась в возке. Со стороны кухни наконец появился запыхавшийся Ролло, нежно прижимающий к груди объемистый короб, из которого доносился аппетитный запах свежей сдобы.

— Это мне... то есть нам, — с сожалением поправился силач. — В дорогу...

Мы все-таки выехали со двора, и дорога Оверни вновь запылила под колесами бродячего цирка Бельруна...

В полдень мы уже добрались до развилки, на которой должны были рас прощаться с нашими новыми знакомыми. За несколько часов, которые мы путешествовали вместе, с возка позади нас доносились обрывки оживленной беседы высокоученого Деметриуса, ироничного брата Жана и колкости Лиса, гарцевавшего рядом с повозкой. Несколько раз мы даже слышали серебристый смех нашей маленькой гостьи, которая, по-видимому, постепенно начинала привыкать, что ее здесь не обидят, и охотно слушала необычные разговоры.

— Почему именно на юг? — возмущался Деметриус, с приязнью поглядывая на смущенную Орин. — Такая понятливая девушка! Я охотно взял бы ее в ученицы. Зачем вам ехать в какой-то Лангедок? Мало ли что в дороге может случиться? — напал он на улыбающегося Жана. — Поверьте мне, Тулузский двор — совсем не место для такой умной девушки!

— Это верно, — вмешался Люка, стоявший рядом с нами. — Поеzdjайте лучше в Альби, брат Жан. Ибо оттуда исходит нынче духовный свет.

— Мы непременно последуем вашему совету, — отозвался монах. — Сейчас на юг стремятся все, кто еще не отвык мыслить. После отмены интердикта святые отцы так рьяно бросились сжигать все то, что они считают ересью, что скоро небо Франции станет черным от смрадного дыма... — Он тяжело вздохнул. — Да что говорить, если сама королева решила нести бремя своего вдовства именно там. Сейчас она направляется в Тулузу вместе со своим двором и юным королем.

Я удивленно взглянул на Лиса. Я понимал, что особой любви между Филиппом-Августом и его несчастной женой не существовало, но отправиться на первой неделе траура в блистательную Тулузу, к куртуазнейшему двору Раймунда VI... Воистину, эта женщина спешила жить!

— Прощайте, друзья! — поднял руку брат Жан. — Даст Бог, свидимся! Пойдем, Орин.

— Постой, постой! — остановил их д'Орбиньяк, загораживая дорогу конем. — Вот, возьми, — он протянул монаху экспроприированный у меня мешочек, в котором, по моим подсчетам, оставалось еще что-то около тридцати солидов. — Купи себе какую-нибудь другую одежду. Не думаю, чтобы в Альби особенно жаловали монахов.

Брат Жан принял дар моего щедрого друга и, улыбаясь открытой обаятельной улыбкой, осенил его крестным знамением.

— Сын мой, все, что дано от чистого сердца и для благого дела, воздастся тебе сторицей.

— Аминь! — завершил Лис. — Н-но! — он тронул

шпорами коня. Мы быстро расселись на свои места, и наша кавалькада тронулась в путь.

— Э-эй! — донеслось до нас. — Рейнар! Ты что, с ума сошел? — брат Жан растерянно глядел вовслед удаляющейся процессии. — Куда нам такие деньги? Вернись немедля!

— Приданое Орин! — крикнул довольный Лис и, уставившись на меня, задумчиво спросил: — Кстати, мессир, а у нас еще есть деньги? А то мне командировочных выдали только до встречи с вами...

Я только хмыкнул.

— Есть, — успокоил я своего экономного друга. Я никогда не обладал его бережливостью, поэтому всегда брал избыточное количество золотых кружочков.

Оставшаяся часть пути прошла на удивление мирно. Я рассказывал Лису о происшествиях предыдущих дней, и мы вместе пытались найти хоть какое-то рациональное зерно в куче информации, имевшейся у нас на сегодняшний день.

— Кстати, Вальдар, — переходя на мыслесвязь, обратился ко мне Рейнар. — Ты так и не обнаружил ничего относящегося к пресловутой Книге?

— В общем-то, нет...

— Это не есть хорошо, — опечалился Лис. — «Это есть отвратительно и безобразно», как выражается Отпрыск.

— Ты его видел? — с отвращением спросил я.

— Его не увидишь! Он сейчас кричит на всех углах о бессмыслиности экспедиции и о безнравственном поведении ее начальника.

— Я к нему тоже хорошо отношусь, — холодно отозвался я.

— Думаю, его это порадует. Но копает он, в общем-то, не под нас, а под Рассела. Напечатал в институтском ежегоднике гнусненький научный трудик, в котором усиленно проталкивает мысль о том, что Книга — это исключительно плод твоей больной фантазии, народных суеверий и Расселовых амбиций.

— А Рассел что? — без особого интереса спросил я.

— Ты что, его плохо знаешь? — удивленно воз-

зрился на меня Лис. — Приkleил ему кликуху «инквизитор», теперь его никто всерьез не воспринимает. Найти бы эту Книгу да ка-ак навернуть ею Отпрыска по его лысой башке! — внезапно пылко произнес Лис.

— Давай пока ограничимся первой частью, — задумчиво произнес я. — Впрочем, я уверен, что если это суждено, то она нас найдет сама.

— Стой! — услышали мы грубый окрик.

Высунувшись из повозки, я увидел небольшой отряд конных аршеров, преграждавший нам дорогу.

— Не знаю, как Книга, а неприятности нас, помоему, уже нашли, — пробурчал Лис.

— Вы не встречали на этой дороге молодого бенедиктинского монаха, именуемого брат Жан, или брат Гуг — Невидимый Епископ Галеардский? — грозно спросил начальник отряда. — Этот отступник распространяет ересь и подлежит суду инквизиции. С ним могла быть девчонка и нахальный верзила с посохом и мандолой.

Я искоса взглянул на Лиса: на его лице читалось приветливое недоумение.

— Ну, отвечайте, циркачи! — рявкнул стражник.

— Епископа? — раздался простодушный голос Бельруна, приобретшего внезапно чисто оверньское произношение. Куда подевалась его природная живость и смышенность! На лице Винсента читалось полнейшее непонимание вопроса и искреннее желание помочь. — Не-е... епископов никаких не видели! Да и как же его увидишь, когда ваша милость сами изволят говорить, что он невидимый? — Бельрун глуповато приоткрыл рот и захлопал ресницами. — Нет, епископов не видели, — обстоятельно повторил он. — А вот, помню, шла селянка с гусем, жирный еще такой гусь, все из корзины норовил вылезти. Оно и понятно, какая живая тварь в корзине сидеть пожелает... Дальше три воза с сеном... — и Бельрун начал, загибая пальцы, честно и подробно перечислять все, встреченное нами на пути. Через пять минут стражники, не выдержавшие и трех лье его эпопеи, осыпая нас проклятиями, двинулись дальше.

— А! — заорал им вслед хитрец. — Вспомнил, вспомнил! Были монахи!

— Ну? — вновь приобретая интерес, остановил коня предводитель.

— Как же, ваша милость! Были, — угодливо кланяясь, сообщил Винсент. — Все в белом и человек пятьдесят...

— Тыфу! — в сердцах плюнул командир. — Ты что же, цистерианца от бенедиктинца отличить не можешь, деревенщина?

— Так мы что, мы люди маленькие... — согнувшись в бублик и давясь от хохота, лепетал Бельрун.

— С дороги, олух! — выкрикнул начальник отряда, пуская коня в галоп. — Они, верно, пошли другой дорогой!

Обдав нас тучами пыли, аршеры проскаакали мимо и вскоре скрылись. Бельрун, утирая пыль с довольной физиономии, произнес вослед:

— Ну не всем же быть такими умными, как вы, ваша милость...

Клермон встречал гостей неторопливыми зеваками на улицах и будничной суетой многочисленных лавок на Рю де Шато. Новые городские стены, начатые при Рене II Оверньском, отце нынешнего графа, радовали глаз свежей кладкой. Наши возки остановились у старых ворот Сен-Бенуа в небольшой гостинице, носившей то же название, что и ворота. Тяжеловесной романской архитектуры старая башня, между каменных глыб которой кустиками зеленела трава, давно уже потеряла свое фортификационное значение и теперь была занята под купеческие склады. Поэтому близ нашего двора постоянно бурлила деловая жизнь города.

Приготовив все необходимое для предстоящего визита к де Жизору, я отпустил Лиса и Сэнди в лавку готового платья и вызвал Виконта.

— Как там дела, Крис?

— Дела? Придешь — увидишь. Задачку ты мне задал — ой-ой-ой.

— Вик, не тяни! Ты что-нибудь нашел?

— Нашел, Капитан. Ты будешь смеяться, но переписка действительно существует.

— Что там? — нетерпеливо спросил я.

— О, можешь не сомневаться, много интересного.

Секретарь его величества в свободное время, видимо, подрабатывает у моего шефа. В его тайном архиве обнаружились черновики семи писем королевы Элеоноры королю Джону. Я скопировал их для тебя и Шейтмура.

— Прекрасно, дружище! Они у тебя?

— Ни в коем случае! Капитан, я еще не все взял от этой жизни. С тем же успехом можно таскать за пазухой змею. Зайди в таверну «Яблоко феи», то есть теперь она называется «Образ святой Екатерины». Хозяина зовут Перрон. Скажи ему, что тебе нужны счета для господина Лану.

— Молодец, мой мальчик. Общение с Варравой не прошло для тебя даром. Растешь на глазах. Благодарю за службу! До связи.

Лис ворвался в мою комнату, подобно ветру перемен, сметая на пути убогую мебель. Он был в прекрасном расположении духа и полон энергии. Огромный сверток, зажимаемый им под мышкой, невольно наводил на мысль о состоявшемся налете на ближайший оптовый склад. Мне почему-то слабо верилось, что мой финансовый директор мог вот так вот запросто потратить уйму денег на покупку одежды. «Интернационал», который в этот момент насвистывал мой друг, также свидетельствовал об экспроприации экс-проприаторов, на которые он был непревзойденный мастер.

— Ну что, командир, разбомбим фраеров удачных?! — Лис хищно улыбнулся, разворачивая передо мной обновки. — Как тебе шмотье?

Одежда, принесенная Рейнаром, была превосходна, что еще раз подтверждало мое предположение о незаконном ее приобретении.

— Ну? — угрожающе спросил я. — Где ты все это взял?

— Приобрел, — с нескрываемым цинизмом в голосе отозвался гайренский менестрель.

— Можно поподробней??

— Никаких проблем. Поспорил с одним купцом, что он не устоит на ногах после моей пощечины.

Я только тяжело вздохнул. Как мне и думалось, без мошенничества здесь не обошлось. Энкавэдистская «лодочка», которую Сережа скромно величал пощечиной, в его исполнении отправляла человека в глубокий обморок без малейших шансов на иной исход.

— На вот, — Рейнар протянул мне плотный темный плащ, один из тех, которые носят состоятельные горожане и купцы, путешествующие по своим коммерческим нуждам. — Надень, — посоветовал он. — Было бы очень странно, если бы в эту комнату вошел бедно одетый циркач, а вышел знатный рыцарь.

Не спорю, рекомендация была вполне верной, и я не замедлил последовать ей.

— Да, кстати! Лис, одолжи-ка мне ту цацку, которую ты носишь на шее в память о погибшем «родственнике», — я протянул руку. Рейнар, лицемерно всхлипнув, стащил через голову медальон, позаимствованный им у Барентона.

— Держи, от сердца отрываю. Не забудь вернуть обратно. Думаешь использовать вместо пропуска? — поинтересовался он.

— Ну что ты, — оскорбился я, демонстрируя отбракованный де Рибераком тамплиерский свиток. — У нас есть установленного образца — с подписью и печатью. Эта штуковина для охоты на крупного зверя. Ладно, пошли. Где Сэнди?

— Внизу, — сказал Лис, затягивая потуже пояс. — С лошадьми ждет.

— А лошади откуда?

Рейнар недоумевающе уставился на меня.

— Ну я же сказал: с купцом поспорил!

— ...Добрые горожане! Обратите ко мне свой благосклонный взор, посмотрите, как изувечен я в боях за Гроб Господень. Честно проливал я свою кровь под знаменем нашего короля, и вот теперь у меня нет денег на то, чтобы купить себе хлеба. Подайте же кто

сколько может бывшему солдату! — рыжий детина на костыле, с пустым правым рукавом слезно просил милостию у старых ворот. — Помогите ветерану битвы при Арсуфе! — выкрикнул он, когда я проходил мимо. Вздохнув, я бросил ему солид и, невзирая на негодующую реакцию Лиса, зашагал дальше.

Как и ожидалось, оттиснутый на печати моего пропуска абраксас произвел должное впечатление на орденскую стражу у входа в командорство тамплиеров. Кивнув на требование провести меня к де Жизору, начальник караула повел меня длинным крытым коридором в массивную белую башню, на которой красовался выложенный красным кирпичом костыльный крест. Апартаменты, занимаемые верховным иерархом, были обставлены на удивление скромно: стол, три табурета, сундук, покрытый беленым полотном, и оружие, развешанное на стене, — вот все, что составляло убранство кабинета одного из могущественнейших людей Европы.

— Итак, кто вы и зачем желали меня видеть? — скороговоркой произнес де Жизор, входя в комнату и скрупульто отвечая на мой поклон.

— Прошу простить меня, ваша милость, но до времени я вынужден скрыть свое имя... — Брови моего собеседника приподнялись, лицо приобрело сухое и желчное выражение.

— Могу только сказать, что я опоясанный рыцарь хорошего рода, — не обращая внимания на реакцию собеседника, продолжил я.

Старик начал бесцеремонно разглядывать меня — видимо, ему еще не приходилось сталкиваться с подобной наглостью...

— Что же касается дел, то у меня их к вам несколько.

— Что ж, говорите, — все так же неприветливо предложил мне де Жизор.

— Первое дело довольно печально: я вынужден сообщить последнюю волю умершего в заточении Гуга де Мерналя. — При звуке этого имени грозный старец вздрогнул и стал сверлить меня пронизывающим взглядом.

- Где и как он умер? — строго спросил он.
- В застенках замка Трифель пять лет назад, — отвечал я, бестрепетно выдерживая этот взгляд.
- Где же вы были все это время?
- Я пожал плечами.
- Я ждал приказа от своего сеньора, когда мне встретиться с вами.
- И кто же ваш сеньор?
- Об этом чуть после, — нагло ответил я, блефуя во все тяжкие.
- Де Жизор помрачнел еще больше:
- Послушайте, господин рыцарь, если вы хотите мне что-либо сообщить, говорите толком! Я не люблю тайн!
- Вот как? — я позволил себе в голосе легкую иронию. — Мне почему-то казалось, что как раз наоборот. Но к делу. Граф де Мерналь просил передать вам следующее. Первое: «Сухая ветвь не плодоносит», и второе: «Вы можете зажечь новую свечу в зале шестнадцати светилен».

Ги де Жизор отвернулся и, сделав несколько шагов, подошел к узкой бойнице, через которую проникал скромный свет.

- Бедный, бедный Гуго...
- Потом, повернувшись ко мне, он неожиданно спросил:
- Вы знаете, что означают эти слова?
- Конечно, — уверенно солгал я, глядя в глаза противнику. Это была кристально-чистая ложь, ибо если насчет всяческих сухих ветвей и пылких ростков я, может быть, и имел еще некие предположения, то вот относительно некоего зала и его осветительных приборов в количестве шестнадцати штук у меня никаких версий не было.

— Сухая ветвь — это потомство Лейтонбурга и Матильды Плантагенет. Ведь именно для этого вы посыпали несчастного Гуго к императорскому дядюшке? — полуувопросительно-полуутвердительно сообщил я своему собеседнику, уже с явно недоуменным интересом меня изучавшему. — Кстати, мой высокородный сеньор был очень этим недоволен.

Глаза де Жизора стремительно изменили первона-
чальные очертания.

— О ком вы, черт побери, говорите? — вспылил он.

— О единственном избранном, — ответил я, макси-
мально ужесточая тон. — Вы знаете это не хуже, чем я.

Де Жизор потер рукой виски, несколько бледнея,
но не утрачивая самообладания.

— Вы говорите о вещах, о которых вам знать не
надлежит!

— Отнюдь, — я выложил на стол перед ним сви-
ток, подписанный его предшественником. Де Жизор
схватил пергамент и, быстро пробежав глазами за-
шифрованный текст, задумчиво произнес:

— Так, значит, старик все-таки вел свою игру...
Хорошо, но это ничего не значит. Я и сам могу напи-
сать дюжину подобных документов. У вас какое-то
поручение ко мне от вашего господина? — сухо спро-
сил он.

Я кивнул.

— Почему же он сам не пожелал разговаривать о
столь важном деле?

Я криво усмехнулся:

— Потому же, почему вам не доверял тот, чье
место вы унаследовали...

Честно говоря, я был потрясен последствиями
своих слов.

— Подите прочь! Грязный мошенник, как вы смее-
те! — Ги де Жизор побледнел от бешенства, с трудом
удерживаясь от того, чтобы схватиться за меч. — Что
вы знаете о том, как я был вынужден поступать в свое
время!

— Смею! — холодно прервал его я. — Ибо выпол-
няю приказ своего сеньора. Вначале вы вели перегово-
ры с королем Ричардом, весьма вам, кстати, благово-
лившим и даже подарившим вам Кипр в знак своей
благосклонности... Потом вы послали де Мерналя, —
не реагируя на новую вспышку гнева великого иерар-
ха, продолжал я, — искать ему преемников среди па-
щенков Лейтонбурга. Одновременно вы вели перего-
воры с принцем Джоном Плантагенетом, подстрекая
его к убийству своего брата и захвату короны...

Де Жизор, потрясенный моей осведомленностью и наглостью, видимо, решив все-таки применить оружие, сделал попытку броситься на меня.

— Молчать! — невпопад рявкнул я, продолжая наращивать прессинг.

Суровый старик обессиленно рухнул на табурет.

— Вам напомнить ночную беседу на кладбище Ноттингема? — грозно спросил я. — Или разговор с королем Джоном у Лондонских ворот вас ничему не научил? Умерьте свою гордыню! — нанес я последний удар совсем сбитому с толку де Жизору.

— Чего вы от меня хотите? — собравшись с силами, негромко спросил меня иерарх.

— Я лично от вас ничего не хочу, — спел я оригинальную боевую песнь. — Я лишь выполняю то, что угодно ему!

И медальон на золотой цепочке, извлеченный из моего кошеля, закачался перед глазами Ги де Жизора. Это была та самая соломинка, переломившая спину слону. Верховный иерарх Церкви Святого Грааля почтительно преклонил колена перед медальоном.

— Свершилось! — сухими губами прошептал он, благоговейно созерцая священную реликвию. — Передайте нашему господину, — подымаясь с колен, с достоинством произнес де Жизор, — изъявления нашей преданности. Скажите, что мы с нетерпением ждем, когда прямой наследник вселенского трона займет место, подобающее ему по праву рождения. Не могли бы вы назвать мне его имя, дабы я смог возвестить о радости пришествия наследника Сына Божьего всех наших братьев?

— Увы, нет, — печально вздохнул я, отрицательно качая головой. — Я не уполномочен делать это. Уверен, что близок день, когда он без опасений сможет встретиться с вами...

В глубине души мне было весьма неловко так беззастенчиво обманывать почтенного старца, но что делать — у меня не было иного способа добиться безусловного повиновения и помочи тамплиеров. И не столько их мечей, сколько разведки...

— Прошу простить мою неучтивость, — добавил я.

— Да, конечно... Со своей стороны, также приношу извинения за вспышку гнева, которой вы были свидетелем, — со вздохом ответствовал старец. Мы пожали друг другу руки в знак примирения.

— Наш господин, скорбя о безвременной гибели его сиятельства графа де Мерналя, велел просить вас передать мне его полномочия, — с деловым видом заявил я.

Ги де Жизор испытующе посмотрел на меня.

— Ну что ж, вы кажетесь мне достойной кандидатурой. Тем более что это совпадает с волей самого де Мерналя.

Вот это было для меня новостью! Я никогда и не предполагал, что в той белиберде про шестнадцать светилен сумасшедший призрак объявил меня своим преемником...

— Как же мне объявить вас остальным нашим братьям? — поинтересовался он.

— Я полагаю, вы знаете мое имя, — медленно произнес я. — Меня именуют Вальдар Камдил, сьер де Камварон, носящий сеньяль Верная Рука.

— Верная Рука... — потрясенно повторил старый тамплиер.

— К вашим услугам, — я церемонно поклонился.

— Хорошо. Документы, подтверждающие ваше звание, будут готовы сегодня вечером. Если вы окажете мне честь отужинать с нами, я буду рад вручить вам их в присутствии кавалеров нашего ордена.

— Благодарю вас. Я несомненно буду. Также был бы весьма благодарен, если бы вы снабдили меня всеми имеющимися сведениями относительно переговоров между Францией и Германией. — Закончив на этой учитвой просьбе свой ударно-штурмовой визит, я еще раз поклонился и поспешил ретироваться, чтобы избегнуть дальнейших расспросов.

Послав Сэнди в «Образ святой Екатерины», мы с Лисом, оживленно обсуждая результаты моей вылазки в тыл врага, приближались к нашей гостинице. Неожиданно мы услышали отчаянный крик Эжени, со всех ног мчавшейся нам навстречу.

— Господин рыцарь, вы не видели Бельруна?

Девушка была бледна и сильно напугана.

— Что случилось?! — холода, спросил я, хватая ее за плечи. Эжени тут же расплакалась, и сквозь ее всхлипы я разобрал:

— Монахи... увели... Деметриуса!

ГЛАВА 13

Я один из Единых Синедрионов
и Явных Монголов Внутреннего
Храма.

Джейф Питерс

ты?! Где был ты? — бушевал Бельрун, бегая по периметру нашей небольшой комнатки, в центре которой, подобно античной статуе олицетворенного отчаяния, возвышался провинившийся Жано. — Я оставил тебя следить за тем, чтобы ничего не случилось! Я велел тебе не спускать с него глаз! — Бельрун подскочил к морально уничтоженному Ролло, которому сейчас явно хотелось сделаться размером с мышь и ускользнуть от разъяренного начальства. — С кем ты на этот раз раз-го-варивал?! — ядовито осведомился Винсент.

— Я... я... — чуть слышно оправдывался атлет. — Я только к писцу отошел, за угол... там лавка... письмо написать. — Железный Ролло малиново покраснел и по-детски захлопал ресницами. Казалось, он сейчас расплачется. — Мадлен...

— А-а, да что с тобой разговаривать! — рыкнул на него Бельрун. — Влюбленный мальчишка! Эжени, тащи сюда мои ножи!

Маленькая наездница, тихонько всхлипывавшая в углу, с готовностью бросилась выполнять команду.

— Постой-ка, милая. Сядь. Успеется с ножами. Винсент, возьми себя в руки, — я отошел от окна, возле которого наблюдал всю эту сцену, и загородил собой дверь. — Послушай, — продолжал я успокаивать Бельруна, — здесь надо взяться по-другому. Силой тут ни-

чего не добьешься... Даже если нам удастся перебить всю охрану, не потеряв при этом никого из своих и освободить Мэттью, то дальше нам лучше всего будет обернуться в небесных птиц и улететь во владения султана. Это инквизиция, друг мой, и шутить с ней не стоит.

Эжени, — обратился я к утиравшей кулаком слезы девушки. — Расскажи, как все было. Сядь, Бельрун! — я слегка прикрикнул на дернувшегося к Ролло Винсента. — Успокойся и послушай, сейчас придумаем, как нам твоего алхимика вытащить.

— Они зашли в таверну... Троє монахов в коричневых рясах собирали подаяние на постройку нового храма, — начала рассказывать Эжени. — Ролло как раз к писцу пошел, Люка к колеснику — за новым колесом для возка... — по лицу Эжени было видно, что она благодарит небо за отлучку любимого, в противном случае нам бы пришлось сейчас думать, как вытаскивать их обоих. — Ну а мэтр Деметриус в углу за кружечкой пива сидел, над каким-то пергаментом думал... — в глазах девушки вновь заблестели слезинки, — монахи к нему со своей чашей подошли, а он им возьми да скажи, что, дескать, лучше эти деньги истратить на всякую науку и лечение людей.

— Это все, что он сказал монахам? — предполагая худшее, спросил я.

Эжени грустно покачала головой.

— Нет... Он еще говорил, что никакие храмы и во все не нужны.

У меня ёкнуло сердце. Одних этих слов было вполне достаточно, чтобы развлечь местное население небольшим аутодафе¹.

— Один монах нахмурился так и говорит: «Как же не нужны? Ведь храм есть дом Божий», — продолжала Эжени. — А наш Деметриус вскочил и устроил им целую проповедь. Весь мир, говорит, есть дом Господень. Всевышний слишком велик и не поместится ни в одном храме, даже если все богатыи мира отдадут свое золото до последней монетки на его постройку.

¹ Аутодафе — публичная казнь за преступления перед церковью.

И что только путь... — девушка запнулась, пытаясь вспомнить слова алхимика, — искания и духовного просветления... есть истинно путь Божий...

— И что дальше? — спросил я, догадываясь, что именно было дальше.

— Монахи вроде как отошли, а один за двери выскочил и побежал куда-то... Все люди стали быстро расходиться из таверны, я кинулась к господину Мишо и говорю: «Вам бы лучше отсюда уходить, а то не ровен час, вас схватят». А он только отмахнулся и сказал... — Эжени наморщила лоб, стараясь воспроизвести мудреный ответ ученого. — «Мои слова есть несомненная истина, и я не... почитаю себя несчастным, когда за истину стражду!» — одним словом выпалила наездница, явно запомнившая лишь звучание, а не смысл этой фразы. — Ну, я ничего сделать не успела, как в зал ввалились стражники, которых привел этот поганец, и почтенного Деметриуса у-увели-и-и! — вновь расплакалась девушка. Люка молча обнял ее, и она зарыдала, уткнувшись в его плечо.

В наступившей тишине неожиданно раздался глухой звук ножа, вогнанного в столешницу.

— Проклятие! — выругался Бельрун. — Господи, ну почему ты не наградил всяких умников талантом держать язык за зубами!

— Винсент, слушай меня внимательно. Поступим так, — я обвел взглядом нашу штурмовую бригаду. — Для начала нам надо выяснить, где содержится Деметриус и что с ним стало. Поэтому проведем разведку боем, — неожиданно вырвалось у меня.

— Ладно, — сказал Лис, отлепляясь от стены и подхватывая свой неизменный посох. — Я так понимаю, этим боем буду я?

— Абсолютно верно. Твои задачи: первое — узнатъ, где тут их паучье логово; второе — отлови кого-нибудь из этих долгополых...

— И?.. — послышалось у меня в голове.

— И залюби его наповал, — передал я по мыслесвязи, — но не насмерть!

— ...Прояви к нему искреннее внимание, уважение, внеси посильную лепту в строительство храма...

«Да не жлобись, — добавил я по мыслесвязи, — памятник архитектуры все-таки».

— А нам-то что делать? — спросил Бельрун. — Я понимаю, что твой друг узнает, где сидит Деметриус, а дальше что?

Я посмотрел на бледного от возбуждения циркача, который сейчас растерял всю свою обычную веселость.

— К святым отцам пойду я. У меня есть все основания полагать, что нашего разговорчивого друга я у них смогу отобрать без особого шума. Единственное что, — я посмотрел на Люка. — Ты сможешь в темноте взобраться по каменной стене?

— Я вырос в горах, — пожал плечами тот.

— Тогда, если будет возможность, необходимо передать Деметриусу, чтобы он перед святыми отцами не разлагольствовал и на все вопросы отвечал, что подлежит только орденскому суду тамплиеров.

— Хорошо. Как стемнеет, ваш друг покажет мне окно камеры, где он содергится, и я позабочусь об этом, — серьезно ответил Люка Руж.

— Если он, конечно, не в подземелье, — пробурчал Винсент.

— На все воля Божья... Дальше. К утру цирк должен быть готов отправиться в путь. Как только откроют ворота, мы покинем город. Рейнар, — обратился я к своему напарнику. — Ты задержишься. Погляди, чтобы за нами следом никто не увязался. Если вдруг что — действуй по обстоятельствам.

Лис молча кивнул и направился к двери. Не успел он до нее дойти, как раздался быстрый стук, вслед за которым она распахнулась, и в комнату стремительно вошел Сэнди. Лис выскользнул в коридор, бросив на ходу:

— Ну, не скучайте тут без меня.

— Принес? — коротко спросил я.

— Да, милорд, вот они, — Александер протянул мне сверток, замотанный в материю. — Здесь что-то произошло? — настороженно спросил он, оглядывая лица окружающих.

— Да, Сэнди. Большие неприятности, — мрачно

произнес я, разматывая ткань. — Алхимика схватила святая инквизиция.

— Та-ак... — Шаконтон нахмурился и положил руку на рукоять меча. — Мы идем его выручать?

Я подошел к своему оруженосцу и похлопал его по плечу.

— Несомненно. Но не сейчас, а ночью, ближе к утру. А сейчас мы возвращаемся к де Жизору, чтобы разжиться кое-чем, открывающим двери любой темницы.

— ...Эй, Капитан! — услышал я по мыслесвязи.

— Что у тебя еще, Сережа? — устало спросил я своего напарника, настроение у которого, казалось, резко улучшилось.

— Мне кажется, мы с тобой сегодня продешевили!

— Ты это о чем? — не понял я.

— О твоих тамплиерских похождениях. Тебя не в иерархи надо было зачислять, а сразу в святые!

— Лис, ты еще вроде и напиться толком не успел, а уже несешь чушь! — рассердился я.

— Ну это ты зря, — обиделся мой друг. — Демонстрирую: первое чудо святого Вальдара, — Лис начал комментировать, словно цитируя Жития Святых: — Шел как-то святой Вальдар по Клермону... Шел, значит, как обычно, вокруг себя сияние испускал... Гм, ладно... Вдруг видит — сидит у ворот увечный воитель, проливавший кровь свою за веру Христову, за Гроб Господень. Сидит, значит, воитель и льет горькие слезы, ибо руки у него нет, ноги у него нет, есть хочется, а нечего. И наполнилось тут состраданием и христианской любовью к ближнему сердце этого святого человека! — с надрывом взвыл Лис.

— Прекрати! Нашел время ерничать! — окончательно выйдя из себя, заорал я по мыслесвязи.

— Нет уж, ты послушай... Красиво ж получается! Значится, сердце у этого дурака наполнилось... и бросил он в нищего... Вы подумали, камень? — голосом ведущего ток-шоу осведомился Лис. — Не-ет! Он кинул этому попрошайке солид! Он всегда солидами бросается, у него меньше нету! И что же? — истерично завопил Рейнар, когда я уже намеревался отключить звук. — Случилось чудо! Возрадуйтесь, христиане! На,

чудотворец, гляди, — он включил картинку, и я тут же увидел знакомого мне рыжего верзилу, еще сегодня утром так убедительно изображавшего инвалидность. Однако сейчас полная комплектность его конечностей не вызывала ни малейших сомнений. В данный момент он веселился от души в компании мужей с темным прошлым и тяжелым настоящим и девиц легкого поведения и прошлым того же оттенка.

— М-да, — вздохнул я. — Ну и что? Таким изуверским способом ты хотел мне продемонстрировать, что я неправильно распоряжаюсь нашими деньгами? Так я это и так знаю.

— Нет, друг мой, ты не понял, — с ласковой интонацией в голосе пропел Лис. — На мой взгляд, это одно из твоих наиболее удачных вложений капитала за последние несколько лет.

Я начал вглядываться в свое удачное вложение капитала, хлеставшее вино из внушительной плетеной бутыли, но ожидаемых Лисом дивидендов рассмотреть не смог.

— Эй, Ла Гриз Барбье, расскажи-ка еще что-нибудь о крестовом походе! — крикнул один из дружков рыжего ветерана.

Компания за столом заметно оживилась.

— Ла Гриз Барбье, — повторил Лис, — значит Огнебородый. А не устроить ли нам гран-маскарад со всплывшим невинноутопленным Барбароссой, жаждущим расквитаться со своим коварным братом?

— За что? — все еще тормозя, спросил я.

— За незаконный захват престола и поругание вольностей народных! — торжествующе заключил Лис.

— Да какой может быть Барбаросса! — возмутился я. — Он же старше Лейтонбурга лет на десять, а этого рыжего — лет на двадцать пять!

— Капитан, ты с ума сошел, — начал вразумлять меня мой неугомонный друг. — Да кто его в Арелате видел? И потом, тебе нужен развал империи? Почему бы не начать с народного восстания а-ля Пугачев?

Я призадумался. Признаться, подобная мысль как-то не приходила мне в голову. Однако обдумывать ее у меня не было ни времени, ни желания.

— Надо связаться с Базой, — деловито продолжал

мой напарник. — Пусть наши люди распустят слухов, что, мол, Фридрих Барбаросса не утонул, выжил, все эти годы скитался по империи, смотря на страдания народные. А теперь несет волю и справедливость в массы...

— О! Вот и прекрасно. Ты этим и займись, — радостно отозвался я.

— Тебя там, конечно, больше любят... — в голосе Рейнара слышалось сомнение. — Ну да ладно. Прошу разрешения на вербовку!

— Разрешаю! — скомандовал я и с удовольствием отключил связь.

Обед у де Жизора, как и ожидалось, прошел в теплой, дружеской обстановке. К полуночи я вернулся к друзьям, нетерпеливо меня ожидающим, уже имея на руках бумаги и одеяние комтура тамплиеров.

— Ничего себе цирковой наряд, — присвистнул Лис, обходя вокруг меня, как вокруг рождественской елки. От него отчетливо и сильно разило спиртным, но, как обычно, мой друг был возмутительно трезв.

— Как твои успехи? — предварил я волну комментариев, готовую сорваться у него с языка.

— Грандиозно. Завтра я приступаю к обучению императорским замашкам этого рыжего мошенника. Заметь, за три денье в сутки! — на лице Рейнара светилось торжество истинного скупердяя.

— У нас с Люка ничего не вышло, — мрачно сообщил из своего угла Бельрун. — Деметриус сидит в подземелье, ждет приезда какого-то отца Годвина... Будь он неладен! Так что предупредить его, сам понимаешь, не получится. — Он с надеждой посмотрел на меня.

— Плохо, конечно, — задумчиво отозвался я, — но попробуем обойтись и без этого. С отправкой все готово?

Винсент кивнул.

— Отлично, — произнес я. — Ждите нас у ворот. Если к утру не появимся, значит...

— Работы у нас прибавится, — завершил фразу Рейнар.

Винсент пытливо посмотрел мне в глаза и еще раз переспросил:

— Вы уверены, Вальдар, что вам не нужна помощь?

— Надеюсь, что мы управимся сами.

— Тогда до встречи у ворот, — Винсент коротко кивнул и вышел.

Едва за Бельруном закрылась дверь, Лис подошел ко мне и, энергично потирая руки, сказал:

— Ну что, Капитан? Пока есть время перед атакой, может, изобразишь мне небольшую политинформацию? Так сказать, по итогам дня.

— Это сколько угодно, — с готовностью отозвался я. — Первое: как и предполагал наш проницательный друг Шейтмур, переговоры между Францией и империей действительно идут. Причем со стороны империи их ведет наш старый знакомый — граф Карл-Дитрих фон Брайбернау.

Лис подскочил от неожиданности:

— Он что, очухался? Что ж, я искренне рад. Капитан, надеюсь, ты понимаешь, что теперь на эти переговоры носа тебе совать не следует?

Я улыбнулся:

— Напротив. Именно это я и собираюсь сделать...

Рейнар недвусмысленно покрутил пальцем у виска, намекая на некое умственное расстройство, но, к моей вящей радости, промолчал.

— Ты не прав, — укорил я своего категоричного друга. — Мне есть что ему сказать.

— А ты уверен, что Брайбернау будет с тобой разговаривать? — с сомнением спросил он.

— Если он аналог де Наваллона, а мне почему-то кажется, что это именно так, то будет.

— И что же ты желаешь ему поведать? — деловито спросил Лис.

— Да есть тут кое-что... — ответил я, доставая из кошеля копии писем королевы Элеоноры. — Вот, читай... от сих и до сих.

Я протянул ему одно из писем. Он быстро пробежал глазами указанный абзац.

— «...И все испытания, которые тяжкий рок определил на нашу долю, мы вытерпим с любовью в сердце и с именем Божиим на устах...» Капитан, что ты мне подсунул? Это же какой-то женский роман! — возмутился я.

тился лишенный слезливой сентиментальности Рейнар.

— Ты дальше читай, — ткнул я Лиса обратно в пергамент. Тот возмущенно фыркнул, но выполнил мою просьбу.

— Ладно... «Я благодарю небеса за то воздаяние, которым им было угодно вознаградить меня за десять лет неволи». Это что, королевская записочка, насколько я понимаю? — догадался Лис. — Это она о чем?

— А здесь дальше сказано. Читай, читай, не отвлекайся.

— «Я верю, что близок тот день, когда короны Плантагенетов и Капетингов объединятся на голове нашего сына...» Это ж какую голову надо иметь! — восхитился Рейнар. На его лице пропустило легкое недоумение. — Постой, постой. Это какого такого сына? Людовика, что ли?

Я пожал плечами. Насколько мне было известно, других детей у Элеоноры не было.

— Да! — продолжал шевалье д'Орбиньяк. — Это серьезно. Я так полагаю, рогатость есть неотъемлемое качество здешних венценосцев.

— Погоди, — попробовал остановить я своего не в меру развеселившегося друга. — Может быть, она имеет в виду совсем другой вариант...

— Ты, кстати, возьми это на заметку, — от души развлекался мой напарник. — Ты ж у нас вроде как претендент на арагонский трон!

Попирание Лисом норм средневековой морали со стороны напоминало чечетку.

— Да прекрати ты свои дурацкие остроты! — не выдержав, громыхнул я. — У нас мало времени.

— А что я? Я ж ничего такого в виду не имею...

— И правильно. Не думаю, чтобы Оттону очень понравилось, что французская королева, ведя переговоры о союзе с империей, одновременно договаривается о брачном союзе с ее заклятым врагом.

— А я не думаю, — в тон моим глубокомысленным рассуждениям заметил мой друг, — что Вальдара Камдилу очень понравилось, что французская королева, ведя переговоры о коронах для своего сына, пытается отнять одну из них у его собственного.

— Лис, — нахмурился я. — Перестань наконец молоть чушь. Короны — дело наживное. Дело совсем в другом. Эдуард официально объявлен наследником престола. Для того, чтобы лишить крон-принца этого статуса, его надо убить!!

Сережа моментально посерезнел.

— Извини. Я об этом не подумал. Но там же Джейн, Шейтмур, Честер... Невилл, наконец. Маловероятно, чтобы они это допустили.

— Маловероятно. Но это не последнее письмо. А в последнем говорится, что ее величество рада тому согласию, которое существует между ней и королем Джоном, и просит назначить ей день приезда в Англию!

— То есть, — медленно произнес Лис, — ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что Шейтмур был, как всегда, прав. Джон спит и видит отправить на эшафот всех участников осады Венджерси. Ну и в первую очередь, конечно, свою «любимую супругу».

— Да, ей в такой ситуации хуже всего, — проговорил Рейнар. — То, что в Джоне она больше всего любит его корону, его величеству известно, то, что она коварна, как змея, так это кому, как не ему, знать? Где бы он сейчас был без ее коварства? Это, кстати, тоже особой любви к ней младшенькому Плантагенету не добавляет. И вдобавок ко всему принц Эдуард, который принц-то принц, да только не того рода. С другой же стороны — нежная и трепетная Элеонора. — Лис воздел очи вверх, становясь чем-то до безобразия похожим на одного из тех мускулистых придурков, которых так щедро изображают на обложках дешевых женских романов. — Она ждала его все эти годы. От звонка до звонка. Правда, похоже, десять лет на нарах слегка поубавили у нее романтизма. Теперь эта королева в законе действует вполне практично. У тебя уже есть какие-то наметки на этот счет? — спросил он.

— Есть, — кивнул я. — Слушай внимательно. Твоя игра известна. Берешь ЛжеФридриха и ломишься в Аредат. никаких серьезных эксцессов быть не должно. Штурмы и победоносные походы нам не нужны. Главное — побольше шума. Ну, сказку свою ты по-

мнишь. Брат — заговорщик. Выплыл, спасся. Фемы не забудь приплести. В общем, народная правда.

— «Земля и Воля», «Черный Передел» — завершил Лис этот длинный ряд. — Я свою партию знаю. Лучше расскажи, чем ты в это время будешь заниматься?

— Для начала я двинусь в Лион.

— Зачем?

— Там проходят переговоры, — пояснил я. — Конечно, переписка, обнаруженная нами, в корне меняет весь политический расклад. Гибель Филиппа II Августа автоматически снимает проблемы на границах. Но вместе с тем любовная идиллия Джона и Элеоноры выводит из игры нашего друга Меркадье. А это нам совсем не с руки. Так что мне необходимо встретиться с Брайбернау.

— Рискованно, — задумчиво бросил мой напарник. — Ему тебя любить не за что.

— Это уж верно. Но я для подобных чувств предпочитаю представительниц женского пола. Как говорится, исключительно деловая встречка.

— А если он, — д'Орбиньянк провел большим пальцем поперек шеи, — не поймет этого?

Вопрос был чисто риторическим. Если граф фон Брайбернау предпочтет сначала припомнить мои прегрешения четырехлетней давности, а уж потом выслушивать мой пылкий монолог, боюсь, у меня могли бы возникнуть проблемы, и немалые.

— Полагаю, поймет. Мне кажется, я смогу его в этом убедить.

— Ну смотри, — с сомнением отозвался Сережа. — Тебе виднее. Что дальше?

— Следующим ходом я полагаю встретиться с императором тет-а-тет.

— Ты вроде не производишь впечатления смертельно больного, — внимательно глядя на меня, медленно произнес Рейнар. — К чему такой изощренно зверский способ самоубийства? Помнится, мы не так давно что-то говорили насчет вмурывания в стену?

— Было дело. Но с императором мне встретиться надо. Только, как уже было сказано, на моих условиях.

— И ты надеешься...

— Я надеюсь, что Карл-Дитрих сможет организовать мне такую встречу.

— Капитан, пойми меня правильно. Я ничего не хочу сказать о нашей работе, а только то, что говоришь ты, — чистой воды авантюризм, — вздохнул мой напарник.

— Может быть. Другого способа я не вижу. Мне нужен Оттон! Он наверняка знает, где Лаура. Это раз. Через него можно попробовать надавить на Джона. Это два.

— Надавить на Джона?

— Несомненно. Смотри сам. Что получает Оттон, если романтическая страсть короля Джона и королевы Элеоноры закончится свадебным пиром?

— Англо-французскую империю, — догадался Лис.

— Верно. Можешь мне поверить, в его планы это не входит. Если мы срываем переговоры с Францией, продемонстрировав словор нашей венценосной парочки, то вполне можем пообещать лояльное отношение Англии к империи при условии действий через королеву Джейн.

— Бр-р! — нахмурился Сережа. — Голова уже раскалывается от этой чертовой политики! Короли, королевы, принцы, магистры... Что им всем не живется? Такого же наплетут — вовек не распутаешь! — возмутился он.

Я вздохнул. Он, несомненно, был прав. Так жить было невозможно. Создавая невидимую паутину интриг, опутывающую весь досягаемый мир, и неизбежно сам вплетаясь в эту коварную сеть, любой из участников всеобщей тайной войны погибал в ней вернее, чем от яда или удара кинжалом. Смерть его была обусловлена самим существованием в условиях, несocomместимых с жизнью. Власть, словно наркотик, попавший однажды в кровь человека, толкала его на новые и новые преступления, постепенно выжигая в нем все чувства, кроме одного — жажды новой и новой власти. И сколько бы ни клялись мы, присвоившие себе право распоряжаться чужими жизнями, в благородстве своих помыслов и чистоте чувств — все мы были поражены этим сладким смертельным ядом.

— Ну что, вершитель судеб, — горько усмехнулся

Лис. — Еще какие-нибудь свежие мысли по мировому переделу у тебя есть?

— Нет. Детали по ходу действия.

— Вот и слава Богу! — д'Орбиньяк картинно осенил себя крестным знамением. — А то пора уже наше научное светило из кичи¹ вынимать.

...Стражник, сонная физиономия которого показалась в зарешеченном окошке тюремной калитки, нервно икнул, увидев перед собой хмурого и явно крайне раздраженного комтура тамплиеров. Угрюмого вида оруженосец за его спиной тоже не походил на аллегорию доброго утра.

— Входите, ваша милость. Простите, что так долго.— Карабульный склонился в поклоне, стараясь не накликать гнева высокого гостя на свои седины.

— Есть ли кто из отцов-инквизиторов? — чуть помолчав, произнес рыцарь.

— Отец Годвин, ваша милость, — поспешил отвечать привратник. — С вашего позволения, я проведу вас.

— Не стоит. Просто расскажи, где его искать.

— На второй этаж и дверь направо, — пояснил страж. — Он беседует с еретиком, которого схватили нынче в городе.

«Беседует, — подумал комтур. — Это что-то новенькое в инквизиторской практике. Но, может быть, это и к лучшему».

— Не закрывай, — кинул он через плечо охраннику, засуетившемуся с засовом. — Мы скоро вернемся.

Тут рыцарь говорил правду, он действительно не собирался задерживаться в этой башне, однако это была не вся правда. В нескольких шагах от входа в тюрьму, в кроне старого дерева, уже успевшего покрыться густой зеленой листвой, сидел высокий худой мужчина, внимательно наблюдавший за дубовой калиткой, в которую недавно вошел тамплиер со своим оруженосцем. Посох, который таинственный мужчина сжимал в руках, несколько не вязался с возвышенным положением, в данный момент им занимаемым. Одна-

¹ Кича — тюрьма (жарг.).

ко, похоже, у наблюдателя были все основания не расставаться с ним...

— Нормально, Лис, — передал я по мыслесвязи. — Дверь открыта. Стражник около нее один. Боеспособность ниже среднего. Сонный, как осенняя муха.

— Порядок. Понял тебя, Капитан. Где алхимик?

— Сейчас увидим. Консьерж сказал, что он беседует со следователем.

— Что делает?!

— Беседует!

Между тем, проследовав указанным стражником маршрутом, мы очутились перед неплотно закрытой дверью, из-за которой доносился вкрадчивый голос:

— ...Но разве не сказал Спаситель: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают»!¹

— Послушайте, брат Годвин, — раздался из-за двери до боли знакомый высокий голос Деметриуса. — Вы производите впечатление человека умного, а говорите такую ерунду.

«Самоубийца», — обреченно вздохнул я.

— Сии строки необходимо толковать в их высоком аллегорическом смысле! Бог — это жизнь, цветение, радость. Дьявол же — смерть и тлен. Отложившиеся от Бога, то есть умершие сухие ветви, уже сами, поскольку они мертвы, а следовательно принадлежат Дьяволу, несут в себе этот всепожирающий огонь. Это же так просто и очевидно! Так что ваши дурацкие костры здесь совершенно ни при чем! — неисправимый спорщик на миг замолк, и я явственно услышал скрип пера, скользящего по пергаменту.

«Самоубийца», — вновь повторил я и скомандовал Сэнди:

— Вперед.

Дверь распахнулась, скрипя несмазанными петлями. Комната, в которую мы попали, была невелика, убого обставлена и, несмотря на теплую погоду, изрядно натоплена. Несколько факелов давали доста-

¹ Евангелие от Иоанна. Гл.15, ст.6.

точно света для работы писца, усердно фиксировавшего откровения нашего доморощенного теософа.

Следователь в коричневой сутане, сшитой аккурат на его тощую фигуру, недовольно оглянулся, но, увидев на вошедшем регалии комтура могущественнейшего из католических орденов, подался назад, словно ожидал удара.

Темные глазки его на узком хорьем лице вспыхнули непониманием и злобой. Мой визит его явно не радовал.

— Мне нужен алхимик Мэттью Мишо, — без всякого намека на любезность надменно произнес я.

— Как, господин... — начал было Деметриус, близоруко вглядываясь в знакомый контур моего лица.

Звонкая оплеуха сбила его с ног, лишая сознания и не давая тем самым возможности изложить свою версию происходящего.

— Забирай его, Александр! — приказал я.

— Но позвольте, — возмущенно начал брат Годвин, — по какому праву!

Вечная как мир идиотская манера судейских, будь то светских или церковных, докапываться до корней права, сослужила ему плохую службу. Нимало не смущаясь воплями следователя, Шаконтон подхватил бедного ученого за шиворот и, вскинув на плечо, поволок вниз.

— Что все это значит?! — продолжал кипятиться монах. — Он еретик. Он обвиняется...

— Сюда! — скомандовал я, протягивая руку.

— Что сюда? — опешил Годвин.

— Ваши записи! — я сделал шаг к столу, нависая над сидевшим за ним инквизитором. Изрядно перетрусивший писарь послушно протянул мне пергамент. — Вот, получите. Постановление о передаче алхимика Мэттью Мишо орденскому суду рыцарей Соломонова Храма.

Сказать по правде, я лично подписал этот документ минут двадцать назад, но какое это имело значение?

Папским указом орден тамплиеров, как и соседствующие с ними иоанниты, был выведен из-под юрисдикции светских и церковных судов. Брат Годвин знал

это не хуже меня. Он заскрипел зубами и, не разворачивая, скомкал пергамент.

— Тамплиеры... — злобно прошипел он мне вслед. Я не стал выслушивать все эпитеты, уготованные жалким судейским столь почтенному рыцарскому ордену.

На улице уже начинало светать. Ласточки, радостно пища, носились в утреннем небе... Я с удовольствием вдохнул свежий воздух. Вид моего оруженосца, сидевшего в седле, через которое было перекинуто тело еще не очухавшегося алхимика, радовал глаз.

— Молодец, Капитан! — раздался веселый голос Лиса по мыслесвязи. — Три минуты двенадцать секунд. В своем роде рекорд.

— А теперь к воротам, Сэнди, — приказал я, пришпоривая коня. — И очень быстро!

ГЛАВА 14

Эх, один на один бы, но свора есть свора... Что ж, пяток покалечу — и надо бежать!

Из песен гайренского менестреля.

егкая облачность, внушавшая некоторые надежды на спасение от полуденной жары, рассеялась без следа, и мы в полной мере могли ощутить всю прелест путешествия по весенней Франции. Закончились равнины центральной части, и дорога петляла теперь среди лесистых холмов альпийского взгорья. Вдали, подобно горбатому носу спящего великана, темнела покрытая лесом вершина Мон-Дор. Поля за Клермоном сменились рощами, радовавшими глаз цветением сирени, белевшей среди зелени. Я, как, впрочем, и все остальные члены труппы, находился в прекрасном расположении духа, за исключением виновника нашего вчерашнего приключения. Выехав из Клермона на рассвете, мы быстро и без особых происшествий катили в направлении Лиона, все более и более приближаясь к цели. Лис, отстававший от нас

приблизительно на час, заверил меня, что святые отцы всецело поглощены кусанием локтей, и поэтому пуститься на поиски мифического Вальтера де Берсака, подписавшего приказ о передаче злостного еретика ненавистным тамплиерам, у них нет никакой возможности. По крайней мере, если данная мысль внезапно пришла сейчас в их бритомакушечные головы, то единственное, что оставалось на долю господ инквизиторов, — это посыпать проклятия в наш адрес.

— Да... — покачивая головой и ухмыляясь, изрек Бельрун. — Вот никогда не думал, что у меня в цирке будет выступить комтур тамплиеров! Да уж...

— Прибавь к этому еще и вестфольдского принца, — усмехнулся я. Настроение было безоблачным, цели — ясными, друзья — верными, кони — быстрыми... И удачная авантюра, проведенная сегодня ночью, располагала к таким физиологическим реакциям организма, как широкий разворот плеч и высокое поднятие головы.

Наш возок в очередной раз подскочил на каком-то камушке, и из угла фургона, традиционно занимаемого высокоученым алхимиком, донесся его обиженный голос:

— Нет, ну как вы могли!

Винсент, которому эта песня уже успела изрядно надоест, закатил глаза, но мужественно промолчал.

— Ударить по лицу почтенного человека, к тому же намного старше вас... А я-то считал вас приличным юношей! — продолжал разоряться Деметриус. — Это просто неслыханно! Войти не поздоровавшись и сразу, без всяких объяснений, бить по лицу! — Алхимик высунался из-за кожаного полога и возмущенно дернул меня за плечо. — Вы меня слышите?

Я терпеливо внимал обличительной речи ученого, который с момента своего прихода в чувство в кругу друзей непрестанно пытался убедить меня в неразумности моего поступка. Признаться, я уже готов был с ним согласиться.

— Нет, я просто уверен, что вам необходимо преподать уроки хороших манер. Не знаю, где и чему вас учили, но у вас непременно возникнут серьезные трудности в общении с людьми, если вы небросите

этую манеру пускать в ход кулаки там, где можно решить дело при помощи разумных слов! — не унимался оскорбленный в лучших чувствах алхимик.

— Мэтр Мишо, о каких манерах вы говорите?! — вступил за меня Бельрун. — Это же инквизиция! Они же вас...

Деметриус, не дав договорить своему бывшему ученику, взорвался новой гневной тирадой:

— Ну и что, что инквизиция? Да, и там полно болванов и нахалов вроде тех, что утащили меня в этот мерзкий подвал, полный крыс... Терпеть не могу этих отвратительных тварей! — алхимик сморщил длинный нос. — И вот наконец, когда среди этих олухов находится один образованный человек, способный тебя выслушать и понять, врывается этот дикарь, — разгневанный ученый с досадой дернул меня за рукав и закончил своим традиционным: — И бьет меня по лицу!

Бельрун, выведенный из терпения, завопил в свою очередь:

— Да поймите, Мэттью, это был ваш следователь! Уверен, эта гнида отправила на костер или на каторгу десятки людей после таких вот умных разговоров!

— Не говори чушь! — уже немного спокойнее, но так же упрямо отозвался Мэттью Мишо. — Это бредни! Не может мыслящий человек опуститься до такого. Да, он заблуждался, но я бы непременно убедил его... А, да что с вами разговаривать! — он обиженно шмыгнул носом и скрылся в повозке.

Я устало вздохнул. Освободить такого человека было куда как проще, чем объяснить ему, зачем мы это сделали. Бельрун сочувствуяще похлопал меня по плечу:

— Ничего, дружище Вальдар. Зато к концу поездки у вас будут отличные манеры.

Я грустно улыбнулся в ответ.

— Мессир Черная Рука, — щурясь на солнце, бесшабашно бросил Винсент, — мы уже приближаемся к границе Арелата, послезавтра мы будем в Лионе... Не хотите поделиться своими дальнейшими планами? Хотелось бы знать, какие еще приключения нас ожидают... — он дружески улыбнулся мне.

— Да, в общем-то, ничего особенного, — я досадливо махнул рукой. — Сплошная политика.

— Да? — живо прореагировал мой друг. — И против кого?

— Почему — против? — удивился я.

— Как я успел убедиться за свою жизнь, политика никогда не бывает за, а только против, — многозначительно ответил он.

Честно сказать, я не нашел, чем возразить на это мудрое изречение. Поэтому, решив не напускать туману, честно признался:

— Против Лейтонбурга. Но для начала мне надо сорвать его переговоры с Францией.

Бельрун удивленно присвистнул и задал закономерный вопрос:

— А зачем?

Действительно, объяснить французу, зачем срывать мирные переговоры с угрожающей его стране империей, было делом непростым... Я просто выложил ему весь имеющийся у меня политический расклад, посвящая сообразительного циркача в хитросплетение европейских интриг. Бельрун, внимательно меня слушавший, задал очередной вопрос:

— Но если вы говорите, наша королева ведет одновременно переговоры с английским королем, то договора с немцами все равно не будет?

Я печально покачал головой.

— Важно не только что, но и когда... Кроме того, Лейтонбургу этот мир сейчас позарез необходим. Ему свой фланг обезопасить надо, чтобы с силами собраться... Франции от этого мира пользы не будет, даже наоборот, — продолжал я. — Потому что как только император вновь окрепнет, он о ней непременно вспомнит. А если Оттон узнает, а он узнает обязательно, об англо-французском союзе, то мир закончится, едва успев начаться. Так что злобная ругань в данном случае лучше хорошей драки.

— Ну хорошо, — немного помолчав, отозвался Бельрун. — Но не станешь же ты уверять, что поперся в таком виде через всю Францию, чтобы поучаствовать в какой-то политической интриге? Зачем тебе нужен император Оттон? — Винсент посмотрел на меня своими ореховыми глазами, от которых, казалось, ничего не могло ускользнуть.

— Он похитил мою невесту, — откровенно признался я. — Ее зовут Лаура-Катарина, она арагонская принцесса... И что печальнее всего, я ее люблю.

— Бедная империя... — покачал головой Бельрун. — Я так и думал. Не станет человек идти на такие жертвы ради какой-то политики! — торжествующе закончил он. — Ну что ж, Лейтонбург, так Лейтонбург. Вытащим мы твою красавицу. Верно я говорю?

— Верно, — поддержал его я.

...Дорога белой бесконечной лентой ползла с холма на холм, солнце пекло весьма ощутимо, и нас совсем разморило.

— Слава Богу, скоро уже начнет смеркаться... — устало стирая грязный пот со лба, сказал Бельрун. — А то уже сил нет терпеть эту жару...

Я согласно кивнул. Внезапно прямо над нами пронеслась быстрая тень какой-то птицы.

— Эй, а это что такое? — удивился Винсент.

Я высунулся из фургона как можно дальше и принялся крутить головой в поисках наглого хищника.

— Да это ловчий сокол! — я разглядел птицу с бубенцами на лапах, делавшую круги над возком.

— Этого только нам не хватало! — занервничал Бельрун. — Не ровен час, хозяин заявится. А ну, кыш! — Он стащил с головы круглую шапочку, прикрывавшую макушку от солнца, и изо всех сил замахал ею в воздухе. — Кыш, тварь пернатая!

Не обращая внимания на наши протестующие крики, сокол опустился на верх фургона, намертво вцепившись в него когтями.

— Ну что ты будешь делать! — Бельрун с досадой хлопнул шапочкой себя об колено. — Уходи! Кыш! Лети отсюда!

Птица угрожающе защелкала клювом, но и не подумала улетать с удобного места.

— Ну я же говорил тебе, Ренье, что мой сокол никогда не возвращается без добычи! — раздался звучный мужской голос, и к нашему возку подскакали несколько всадников в охотничьих дублетах¹.

¹ Разновидность верхней одежды.

— И все же, Гераунт, он плохой охотник, — возразил один из них, широкоплечий, светловолосый молодой человек в щегольской шапочке с фазаным пером.— Кому нужна цирковая повозка? Уж лучше б он сел на круп вон той лошадки! — неприятно засмеявшись, он указал на Эжени, по обыкновению ехавшую верхом рядом со второй повозкой.

— Которой из них? — осведомился здоровяк с багровым лицом, слывший, видимо, завзятым острословом в этой компании. Сборище ценителей тонкого юмора и конской красоты радостно заржало. Девушка вспыхнула, но, не растерявшись, тут же парировала:

— Судя по ржанию, жеребцов здесь значительно больше, чем всадников!

Тот, кого называли Ренье, красуясь на великолепном караковом скакуне, подъехал поближе к Эжени и, белозубо улыбнувшись, нахально смерил ее оценивающим взором:

— О-ля-ля! Язычок у нее острый, как бритва! Мадемуазель, я вижу, вы знаете толк в жеребцах? Может быть, — не обращая никакого внимания на мрачно приподнимающегося с облучка Люка, продолжал он свою куртуазную речь, — вы скажете, каким из них вы отдаете предпочтение?

— Блондинам или брюнетам? — кокетливо вставил белобрысый сопляк.

— Тем, которые подкованы, — отбрила наглеца девушка.

— Браво! — восхликал черноволосый Ренье, склоняясь в седле перед ней в иронично-учтивом поклоне.— Ловкий удар! Ну что ж, господа артисты, — подъезжая к нам и опять расплываясь в приятной располагающей улыбке, обратился к нам кавалер. — Раз уж мой сокол избрал вас своей добычей, то извольте следовать за мной в мой замок. Я, маркиз Гераунт де Бонфлери, приглашаю вас дать у меня представление.

— Премного благодарны, — осторожно начал Бель run, которому явно не нравились взгляды, которые бросали на Эжени молодые повесы. — Да только как

же быть с трауром, объявленным по всей стране? Королевские герольды строго-настрого объявили...

— А, пустое! — трогая поводья, бросил через плечо маркиз. — Королеве слишком нужно мое знамя в предстоящем походе, чтобы она обращала внимание на такие мелочи! Никаких возражений! — нахмурился он, прерывая хотевшего еще что-то сказать Винсента. — Я хорошо заплачу! Ты ведь наверняка сейчас не при деньгах из-за траура.

Сзади послышался шум приближающейся кавалькады всадников.

— О! А вот и наша свита, — констатировал наш гостеприимный любитель циркового искусства. — Едем! — крикнул он.

— Ладно, едем, — пробурчал себе под нос Бельрун. — Черти б вас взяли...

Он высунулся из повозки, махнув рукой нашим возницам, погрозил кулаком Люка и, взяв вожжи, пробормотал:

— Сколько раз уже говорил Эжени, чтобы в возке сидела и не высовывалась! Были ведь уже неприятности! Ничего, может, обойдется.

При слове «неприятности» я вызвал Лиса.

— Прямо спину держи! Что ты сидишь на коне, как куль с соломой?! Прямо, говорю! Ты император или чучело гороховое?!

Лис дрессировал новоявленного Барбароссу, накануне обучая его пристойным манерам.

— О, привет, Капитан! — радостно отозвался он. — Ого, вы там что, участвуете в соколиной охоте? — спросил мой напарник, увидев ехавшего впереди сокольничего с хищной птицей на рукавице.

— Да, Лис. Только в качестве добычи, — мрачно сострил я. — Нас весьма настойчиво пригласили выступать в замок Бонфлери. Может, обойдется, а может, и нет... Поэтому будь наготове.

— Понял, выдвигаюсь, — моментально посеребрел Лис. — Ежели что — свисти, буду поблизости.

Спустя некоторое время мы доехали до развилки, и наш почетный авангард повернул влево.

— Сюда, господа паяцы, — приветливо поманил нас маркиз де Бонфлери. — Замок совсем недалеко.

— Да-а... — задумчиво протянул Бельрун. — Придется выступать. А вот тебе-то что делать? Будешь быть по-настоящему — порубят, поддашься — забьют...

Ни первая, ни вторая перспектива меня особо не радовали.

— Ты уж придумай что-нибудь, — с надеждой посмотрел на меня Винсент.

— Угу, — буркнул я. **А** что мне, собственно, оставалось?

Замок Бонфлери¹ действительно оправдывал свое название: гордые башни, крепкие стены... Ну и все такое в том же духе. Он был отстроен, видимо, совсем недавно на месте старого римского укрепления — кое-где проглядывала старая кладка из монолитного римского бетона, давно забытого в королевстве франков.

— Добро пожаловать! — улыбающийся хозяин пропустил свою свиту и, стоя на подъемном мосту, сделал широкий приглашающий жест рукой. — Поверьте, здесь любят и ценят искусство! — сказал он, плотоядно глядя на Эжени.

...Выступление шло своим чередом: в обширном внутреннем дворе замка вольготно разместились все. Благородное общество рыцарей, высоко ценивших искусство, сидело на крытой галерее, окружавшей двор, рьяно выпивая и закусывая. Багроволицый здоровяк усиленно развлекал друзей непристойными историями и туповатыми шуточками. Друзья адекватно реагировали дружным гоготом, причем непристойность первых и громкость последнего возрастали прямо пропорционально количеству выпитого спиртного.

Красивое лицо маркиза Гераунта, с хищным ястребиным носом и холодными черными глазами, не предвещало ничего хорошего. Белобрысый щенок, находившийся в замке, как я понял, на положении высокого гостя, пялил глаза на Эжени, время от времени отпуская остроты в адрес хорошенъкой наездницы.

— Знаешь, что, Вальдар, — улучив момент, тихо прошептал мне бледный Бельрун. — Не похоже, чтобы нас отсюда собирались выпускать... — он посмотрел

¹ Прекрасный цветок (фр.).

на оранжевое солнце, клонившееся к закату. — Скоро сумерки, к надвечерию поднимут мост, и тогда... Так что придется тебе, наверное, драться всерьез. Чем больше ты их свалишь, тем нам работы меньше будет, ежели что...

— Эй, циркач! — блондинистый юнец, тряхнув длинными волосами, указал пальцем на меня. — А почему это ваш хваленый боец сидит без дела? Или у него задница приросла к твоему паршивому возу?

Рыцари захочотали, а мальчишка, довольный своей шуткой, поднялся с места, гордо расправив широкие плечи, и шагнул вперед.

— Сядьте, благородный Ренье, — притормозил его маркиз де Бонфлери. — Не подобает племяннику графа де Монфора драться с простолюдинами! Эй, Гастон! Покажи этому хваленному борцу, как надо драться!

«Так вот о каком походе идет речь! — внезапно догадался я. — Эк куда нас занесло — прямо в лапы соратников Симона де Монфора!»

— Давай, покажи ему, Гастон! — взвизгнул кто-то из конец упившихся гостей.

И Гастон показал. Видит Бог, я ничего не имел против этого улыбающегося детины с пудовыми кулаками, но эти самые кулаки в решающий момент вполне могли проломить голову Люка, Сэнди, Жано... поэтому спустя минуту он со сломанным коленом и выбитой челюстью валялся на земле и недоуменно смотрел на меня, все еще пытаясь подняться. Я отвернулся и направился к своему возу.

— Э-э, нет, так не пойдет! — разозленный неудачей своего слуги, Гераунт поднялся и закричал: — Жак! Поди сюда, живо!

Жак, превышавший габаритами своего собрата почти в полтора раза, вразвалочку двинулся на меня... Его постигла та же судьба, с разницей лишь в характере тяжких телесных повреждений.

— Ну хватит! —протрезвевший от неожиданных впечатлений квадратный племянник Симона де Монфора тяжело начал спускаться с галереи.

— А он хорош... — в наступившей тишине задумчиво проговорил хозяин замка, убрав с хищного лица

свою неизменную обаятельную улыбочку. — Настоящий боец. Против такого не стыдно выйти.

Парень стал напротив, слегка согнув колени, и, выставив вперед правую руку для захвата, пошел на меня. Я «отдал» ему плечо. Его пальцы крепко вцепились в мою дельтавидную мышцу, но тут моя левая рука, описав полную окружность, проскользнула под его локтем, намерто зафиксировав конечность противника. Племянник басовито взывал от боли, однако тут же смолк, поскольку удар кулака, обрушившийся сверху на его челюсть, отправил рыцаря в глубокий нокаут. Общество разразилось возмущенными криками, кое-кто, пошатываясь, уже ломился отомстить за оскорбление высокого гостя, когда с надвратной башни раздался крик дозорного:

— Ваше сиятельство! Возы от бондаря!

— Открывай! — распорядился маркиз. — Ладно, пора заканчивать представление!

Услышав ту интонацию, с которой были произнесены эти слова, мы инстинктивно сгрудились вокруг Эжени. Маркиз сейчас вовсе не походил на того весельчака и любезника, которым хотел казаться на дороге.

— Эй вы, фигляры! Идите, вас накормят на кухне. А благородной дочери царицы Ипполиты, — его губы скривились в язвительной усмешке, — не место среди грязных циркачей. Сегодня она будет ужинать в подобающем ей обществе! — последние слова светского хама потонули во всеобщем громовом хохоте.

— Ташите ее сюда! — закричал он.

— Алле! — прозвучал голос Бельруна. Видимо, этот сигнал был хорошо знаком Эжени, ибо она моментально взвилась на свою лошадку и, развернув ее к воротам, пустила вскачь. Два стражника попробовали было вцепиться в поводья, но тут же рухнули наземь. Кинжалы, которые Бельрун имел обыкновение носить на запястьях, вонзились им в спины.

— Уходи! — крикнул Винсент. На галерее возникло оживленное движение: хватание за мечи, ругань и толкотня. Благородное общество в едином порыве ринулось бить несговорчивых артистов. Эжени дала

шпоры своему скакуну, и мы с чистой совестью и искренним воодушевлением приняли участие в этой молодецкой забаве. Во дворе становилось весело. Отобрав у вовремя подоспевших стражников пару мечей, я стал у спуска с лестницы и начал крутить классическую фрезу¹. Сзади меня примостился Сэнди с трофеиной же алебардой, резко ограничивая возможность подхода нежелательных гостей с фланга и с тыла. Несмотря на изрядное количество алкоголя, бродившее в рыцарских головах, превращаться в фарш не хотелось никому. Посему бравые вояки сгрудились внушительно-беспорядочной кучей у лестницы, время от времени пытаясь прощупать своими клинками круг стремительно вращающейся стали. Остальная компания продолжала давать представление, но несколько иного рода. Как оказалось, на этот случай у Бельруна и Жано был заготовлен чудный парный номер: Винсент, приняв очередного стражника, точным броском гандболиста кидал его в руки Железного Ролло, который движениями гончара, старательно месящего глину, лепил из противника нечто, уже совершенно несообразное с человеческим обликом. Люка, плясавший вокруг этого тандема, ловко уворачиваясь от ударов, способных уложить его в единый миг, с потрясающим искусством орудовал длинным шестом.

— А ну всем стоять! — раздался бешеный крик, в котором не осталось уже ничего человеческого.

Хозяин замка стоял под галереей и крепко держал бледную Эжени, приставив к ее горлу клинок. Неподалеку билась в конвульсиях белоснежная лошадка с подрубленными передними ногами... Я оглянулся назад и увидел, как в арку ворот неторопливо втягивалась повозка, запряженная парой волов, вслед за которой виднелась череда других.

«Бочки!» — догадался я. Слишком поздно догадался... Видимо, Эжени не успела проскользнуть в ворота, и лошадь, на всем скаку столкнувшись с неожиданным препятствием, понесла, не разбирай дороги. Чем

¹ Фреза — прием работы с двумя мечами, когда один из них следует за другим, образуя полный круг.

и не замедлил воспользоваться маркиз де Бонфлери, сиганувший вниз прямо с галереи... «Черт! О черт!» — мысленно выругался я.

— Стоять, — хрипло повторил маркиз. — Если кто-нибудь двинется, я перережу горло этой потаскуже!

«Ну и что теперь прикажете делать? — подумал я, медленно опуская мечи. — Сцена из американского боевика... Положить оружие на землю и, вдумчиво глядя в глаза взбесившемуся феодалу, завести проповедь на тему: «Послушай, не нервничай, дружище, давай лучше поговорим»? У Стивена Сигала такие номера, помнится, проходили...» Насчет себя я сильно сомневался.

Между тем мужественный Гераунт, нежно осклабившись, убрал меч от горла перепуганной не на шутку Эжени и торжествующе произнес:

— Ну что, быдло? Навоевались? Скоро мы вас всех, фигляров и трубадуров, вздернем на одной веереке! — глаза его, напитые кровью, горели непримиримой ненавистью.

— Ладно. Вот этих, — он указал на циркачей и Сэнди, — в подземелье. С ними мы завтра с утра позабавимся. И как именно — будет зависеть от тебя, красотка! — маркиз потрепал девушку по щеке. — А этого бойца вздернуть над воротами! — радостно прошипел он. — Эй, вы двое! Отведите его к воротам. Девчонку — в башню. На закуску! Мы ведь еще не ужинали.

И Гераунт де Бонфлери сотоварищи залился счастливым торжествующим смехом.

Двое крепких стражников в кожаных колетах крепко схватили меня под руки и поволокли к воротам. Волы последней повозки, как раз в этот момент торжественно вступавшие под каменные своды ворот, синхронно повернули свои флегматичные морды, недоуменно глядя на меня.

«Удивительно негостеприимное время... — философски размышлял я, глядя, как уводят Эжени и моих друзей: «В Германской империи меня приговорили к сожжению... В Англии — к усекновению головы... Во Франции какой-то самодур-маркиз решил меня повесить... Дикие нравы! Ладно. Попробуем разубедить его».

— Маркиз де Бонфлери! — разворачивая вместе с собой стражников, выкрикнул я. — Вы невежда и мерзавец, недостойный носить рыцарские шпоры! — один из солдат, перелетев через мою ногу, врезался лбом в каменную стену, при этом наконечник перехваченное мною копья вонзился в грудь второго.

— Я вернусь, недоносок! — бросил я на ходу, вскачивая на воз, груженный пустыми бочками. Возница попробовал было рефлекторно подняться, сжимая в руке кнут, не столько желая меня остановить, сколько от испуга. Удар кулака отбросил его с дороги, не причинив ему особого вреда. Оскользываясь на крутых боках бочек, я налетел на еще одного стражника, собиравшегося запереть ворота. Не успев ничего понять, он полетел в наполненный водой ров. На этом мое логичное, с точки зрения благородного рыцарства, бегство заканчивалось. Вскочив опять на повозку, я прорвался в глубину пирамиды из бочек, изрядно измазавшись в смоле, и с трудом протиснулся в одну из них. Таким образом я вернулся обратно во двор замка, правда, лишенный способности что-либо видеть.

— Эй! Окатите его водой! — услышал я крик прямо над головой. Во дворе стоял изрядный шум, поднятый моим внезапным исчезновением. Раздался плеск выливаемой воды и стон возницы. Видимо, падая на землю, бедняга изрядно ушибся.

— Где он? — рычал маркиз.

— Прыгнул в ров, наверное, ваше сиятельство... — неуверенно предположил кто-то.

— Да нет же, это не он, это стражник... — раздался еще чей-то голос.

— Проклятие! Этот хам ухитрился сбежать! — разозялся маркиз. — Ну ничего, завтра мы обыщем всю округу, и тогда он будет молить, чтобы я его вздернул. Ладно, — немного успокоившись, распорядился он. — Уберите отсюда эти чертовы возы! Друзья, нас ждет приятный ужин, черт побери!

Я услышал уже опротивевший мне взрыв здорового мужского хохота. «Чертовы возы» тихо двинулись с места.

— Лис! — немедленно врубил я связь, сознавая, что времени у нас в обрез. — Ты где?!

— Багира, я уже лезу! — услышал я. — Решил, понимаешь, срезать угол, да немного запутал. Но стены уже вижу! — бодро утешил меня мой напарник.

— Поспеши, у нас крупные неприятности, — я сжато поведал о постигших нас злоключениях.

— Хреново, но справимся. Держись, Капитан! — Лис запнулся. — Кстати, а ты где? — спросил он, осматривая моими глазами просмоленные стены временного убежища.

— В бочке, — неохотно признался я.

— Хо! Тоже мне, князь Гвидон! А как насчет «вышиб дно и вышел вон»?

— Рановато пока...

— Ну, надеюсь, бросать тебя в бездну вод пока не собираются? — спросил Рейнар.

— Надеюсь, нет...

Воз остановился.

— Открывай! — услышал я. Загремели отпиравые засовы... — Кати!

И я, чувствуя себя, словно белье в стиральной машине, покатился в бочке куда-то вниз, в темноту...

ГЛАВА 15

Не пей, Иванушка! Козленочек станешь!

Сестрица Аленушка

вот наконец бочка скатилась вниз и, глухо ударившись о какую-то невидимую преграду, остановилась. Однако моя несчастная голова все еще продолжала вращение, невзирая ни на что.

«Чертова смола! Ну кто надоумил их смолить бочки, в которые потом наливают вино?! А я-то думал все время, что за странное жжение во рту». С трудом отлепляясь от просмоленного дерева, я, охая и чертыхаясь, выбрался наружу. Картина, открывшаяся моим

глазам, была абсолютно безрадостна: снаружи было так же темно, как и внутри бочонка.

— Куда это меня закатило? — спросил я непроглядную тьму и, ощупывая дорогу руками, попытался двинуться туда, откуда, как мне казалось, прикатилась бочка. Первый же мой шаг окончился неудачей — поскользнувшись на крутом боку какого-то бочонка, я с грохотом и проклятиями растянулся на полу. Что, в общем-то, спасло меня от крупных неприятностей: над моей головой тут же пронеслась деревянная емкость литров этак на пятьсот. Во всяком случае, судя по тому звуку, с каким она врезалась в стену. Давая себе бесполезные обещания впредь быть осторожнее, я выкарабкался из своего «убежища» и на четвереньках продолжил путь наверх.

— Куда вы смотрите? У вас что, глаз нет? Вы меня чуть не раздавили! — раздался недовольный писклявый голосок, и в следующий же миг из-под моей руки выскоцило какое-то небольшое мохнатое существо. От неожиданности я резко отпрянул в сторону, тем самым спровоцировав спуск новой бочечной лавины.

— Вы что, убить меня собирались? — едва затих шум падающей тары, вновь возмущенно завопил тот же самый голосок. — Так вам это не удастся.

— Прошу простить меня... — сконфуженно произнес я. — К своему стыду, я должен признаться, что не вижу ни вас, ни вообще чего бы то ни было.

— Эх, люди, люди... — уже несколько смягчившись, произнесло существо. — Ничего-то вы не видите, ничего-то вы не умеете. Ладно, — раздался едва слышный щелчок, и в двух футах над моей головой в воздухе повис слабый голубоватый огонек.

— Так видно? — спросил неизвестный благодетель.

— Да, благодарю вас, — отозвался я и начал осматриваться вокруг. Вокруг были стены и все те же бочки: большие, маленькие, средние... В общем, на любой вкус. Как я уже успел догадаться, конечным пунктом назначения груза моей триумфальной колесницы оказался подвал. Поднявшись на ноги и стараясь не вызывать больше обвалов, я добрался до двери. Огонек странулся с места и последовал за мной.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил я.

Подергав дверь, я убедился в том, что, как и весь замок, вход в подвал был сделан добротно и на века. Выбить такую дверь мог только какой-нибудь Конан — Разрушитель Птичьих Гнезд, да и то только в кино. Я беспомощно оглянулся, ища хоть что-нибудь, что могло бы мне помочь.

— А что вы, собственно говоря, здесь делаете? — услышал я знакомый голосок где-то позади.

— Простите... — произнес я. — Вы не могли бы показаться? Мысль, что я разговариваю с бочонком, приводит меня в уныние.

Послышался тихий смешок, и из темного угла на свет выступил поросший коричневой шерстью старичик ростом не более семи дюймов, облаченный в пострапанный красный жилет с золотыми розами рода де Бонфлери, достающий ему до пяток.

«Брауни! — догадался я. — Впрочем, здесь их наверняка называют как-то иначе».

— Приветствуя тебя, благородный хранитель дома! — поклонился я.

— Приятно иметь дело с учтивым молодым человеком, — расплылся в улыбке домовой, или, вернее, замковый. — А то вот молодому хозяину как-то показался, так этот неуч кольчужной перчаткой запустил. Правда, у него в ту же ночь мыши перину съели... Господи, как они давились! — блаженно улыбнулся старичик, которому, видно, давненько ни с кем не приходилось перекинуться словцом. — Так все же, что вы тут делаете?

— Да вот, хотел друзей освободить, а сам попался, — грустно ответил я, усаживаясь на порожек перед дверью.

— А-а, так это вы там во дворе шумели! — глазки замкового грозно сверкнули. — Небось опять этот идиот надрался? Вечно они напытятся и крушат все кругом, а мне потом убирать... Одни убытки! Какой же это дому хозяин, когда он себе ладу дать не может! — разошелся он. — Дымоходы еще при его отце чистили, крыша на второй башне протекает, бочки эти... Вы по-

смотрите, как они тут навалены! Их ежели по уму сложить, так полподвала можно было бы освободить!

— Да, я вас понимаю... — протянул я, догадываясь, что поток обвинений в хозяйственной безалаберности маркиза де Бонфлери может литься бесконечно. Старичок смолк и, поддернув сползающую жилетку, грустно продолжил: — В деревню хочу податься, к внуку... Злые они, хозяева, обижают. Уйду я от них. На той неделе совсем было собрался уходить, да привидения отговорили...

— Привидения? — передернув плечами, спросил я. Не то чтобы я их боялся, но вот не любил. Видимо, еще с детских лет, когда в родовом замке моих предков беспокойное привидение какой-то прапрапрабабушки шастало ночами по дому, яростно перелистывая все имеющиеся книги, начиная от Библии и кончая журналами комиксов... Старушка, как гласило предание, искала рецепт вечной молодости, которым она по рассеянности заложила какой-то куртуазный роман.

— Да их тут полно! — доверительно сообщил мне хранитель замка. — Пара предков этого лоботряса: Болдуин Веселый и Гуго Мрачный. Один ходит, все время смеется, другой — только глазами зыркает...

«Славная парочка», — мелькнуло у меня в голове.

— Есть еще римский легионер, которого с поста забыли сменить, — продолжал он. — Так и стоит с полуночи до утра.

— А... не могли бы вы мне помочь отсюда выбраться? — неожиданно прервал я краткую характеристику видового разнообразия местной призрачной фауны. Замковый замолчал и внимательно взглянул на дверь.

— Помочь? Это вряд ли... Но попробуем.

Он подошел к нижней из трех длинных железных петель и, что-то бубня себе под нос, приставил к ней мохнатые лапки. Шляпки гвоздей слегка зашевелились и вылезли наружу примерно на полдюйма.

— Фух! — старичок уселся на порожке, утирая пот со лба. — Нет, больше не могу. Хладное железо, знаете, колдовству подвержено слабо. Вот ежели чего другого, так это пожалуйста. А то взяли моду — артистов

обижать! — существо хлопнуло ладошкой по деревянному настилу. — Нет, точно уйду.

«Ладно, подожду Лиса, — подумал я. — Он уже должен быть где-то поблизости». И тут я понял, о чем можно попросить замкового.

— Почтеннейший хранитель дома! Я был бы вам весьма обязан, если бы вы рассказали мне расположение помещений в этом замке, — вежливо обратился я к старичку. — Видите ли, мне необходимо освободить друзей, среди которых есть девушка.

— Девушка? — переспросил он. — Это та, что в башне?

Я кивнул:

— Да, это она. Ее зовут Эжени...

Замковый решительно поднялся.

— Хорошо! Сейчас я все вам объясню, — он начал чертить план пальцем на песке. — Вот тут — главная лестница, парадный зал... кухня... спальня хозяина... Вас она, я так понял, интересует? Кладовые... Ага, вот тут винтовая лестница вниз, в подземелье.

— А башня? — спросил я.

— Башня здесь, — он начертил линию на песке. — К ней ведет деревянная галерея со второго этажа. Вот, от спальни маркиза.

— Большое вам спасибо! — низко поклонился я. — Прямо не знаю, как вас благодарить.

Брауни воинственно выпрямился:

— Если вы примерно накажете этого выродка, позорящего славный род Бонфлери, это будет лучшей благодарностью. А к вашей девушке я схожу и при случае помогу... Надеюсь, она не станет швыряться в меня чем-нибудь? Нет? Хорошо... О! — хлопнул он себя по лбу. — Попрошу Гуго Мрачного и его дружка, чтобы они подежурили в переходе. Ну ладно, удачи вам.

Замковый шагнул к двери, раздвинул, словно шторы, две плотно пригнанные дубовые доски и с трудом протиснулся наружу.

— До свидания! — успел крикнуть я вслед исчезающей красной жилетке. Оставалось ждать прихода Лиса...

Тут что-то тяжелое ударило в дверь.

— Опять эта гадость тут шныряет! — раздался чей-то грубый возглас.

— Да ты нажрался! Нет там никого, нечего башмаками швыряться... — успокаивал его другой.

— Все, — донесся еле слышный возмущенный шепот хранителя дома. — Терпение иссякло. Ухожу!

«Хана замку!» — злорадно подумал я. Как бы в подтверждение моих мыслей раздался гулкий тягучий удар.

— Черт возьми, Фульк, да это ж колокол со сторожевой башни сорвался!

— Дурная примета... — сдавленно произнес перетрусивший Фульк.

— Вальдар, я уже в замке. Где тебя искать? — раздался позывной Лис на канале связи.

— В погребе, — злобно отозвался я, предчувствуя скорую расплату.

Лис хихикнул, но, справившись с приступом воодушевления по поводу столь необычного способа хранения благородных рыцарей, деловито сообщил:

— Я во дворе, хозяин в курсе. Желает послушать. Командуй, куда мне двигаться, только быстро.

— От центрального входа вправо, за угол. Где-то там будет дверь вниз. Только гляди, рядом могут быть стражники.

Буквально через три минуты я услышал знакомый шепот под дверью:

— Эй, ты, зимняя консервация, слышишь меня?

— Слышу, Лис, слышу, — ответил я, пропуская мимо ушей лестное обращение своего друга.

— Тут у нас имеет место быть замок. Замочек... — послышался скрежет. — Первое, что нужно иметь для продуктивной беседы с французскими замками, — это хороший гвоздь...

Я услышал звонкое «клац»...

— Оп-ля! — Лис распахнул дверь. — Прошу вас, ваше высочество, осторожнее, здесь ступеночки... Пройдите быстрее, я должен вернуть замок на прежнее место. Не ровен час стража вернется.

Лис наскоро приладил железный калач на дверь.

— Ну что, какие будут дальнейшие планы? — спросил он.

— Значит, так. Ты сейчас идешь к господам, смотришь, как там и что, поешь песенки. А я — к нашим повозкам за мечом. Стоят там еще наши повозки?

— Стоят, — успокоил меня Рейнар. — Это понятно. Что дальше?

— Дальше? — зловеще произнес я. — Я выпущу на стражу гоблина, пусть расчищает дорогу, а сам освобожу Бельруна с ребятами.

— А зверинда нас потом... не того? — с опаской спросил меня Лис. — На закуску?

— Нет-нет, вполне вменяемый гоблин, — успокоил я своего товарища.

— Ну а потом... — Лис сделал неопределенное рукающее движение рукой, показывающее, что именно мы собираемся сделать с пирующей братией.

— Да, где-то так, — бросил я, выглядывая за угол. — Все, иди. Подробности в ходе операции.

Двор был почти пуст, если не считать пары стражников, дремлющих у ворот, и еще нескольких, прохаживающихся по стенам. Я незамеченным пробрался к цирковым повозкам. Лошадь, запряженная в возок, на котором стояла клетка с гоблином, беспокойно фыркнула.

— Т-с-с! — прижал я палец к губам.

— Ты чего тут шляешься? — услышал я предупреждающий рык гоблина, видимо, принявшего меня за стражника. — Хочешь, голову отгрызу?

— Не хочу, Тагур. Перестань рычать, пожалуйста, — стоя на коленях и открывая засовы на клетке, произнес я.

— А, это ты, человек, — успокоился он. — Что ж вы меня сразу не выпустили, дурачье!

— Добраться не успели. Но есть шанс все исправить, — дверца клетки открылась с тихим скрипом, и гоблин выбрался наружу.

— Куда идем? — живо спросил он.

— Слушай меня внимательно, Тагур, — со всей возможной серьезностью начал объяснять я. — Ты сейчас тихо, только очень тихо, снимешь стражу у ворот. Жди

нас там и не высовывайся. Что бы ни случилось, ворота должны быть свободны.

Гоблин кивнул уродливой головой и, низко стесняясь по земле, стал бесшумно подбираться к арке ворот. Я нашарил рукой тайник и, стараясь производить как можно меньше шума, вытащил Катгабайл. Ощущив привычную тяжесть в руке, я почувствовал прилив энергии и обычное воодушевление перед битвой.

— Так, что еще? — спросил я сам себя. — Ну да, конечно! Кошелек и оружие для Бельруна!

Два десятка метательных ножей, хранившихся в нашем фургоне, могли бы стать серьезным подспорьем в грядущей схватке. Я тихонько стал подбираться к возку...

— А я тебе говорю, Фульк, что это не к добру, — услышал я совсем рядом речь стражников, обходивших дозором двор. — Вон, в Сен-Клименте, когда колокол упал, почитай, через неделю пожар случился. Полгорода выгорело...

Ухватившись за борт повозки, я юркнул внутрь и упал на что-то мягкое. И, судя по реакции, явно живое...

— О Господи! Не лезьте ко мне, я почтенный учений! — услышал я сдавленный двумястами фунтами моего веса знакомый голос.

— Тише, Деметриус! — прошипел я. — Терпите, сейчас стража пройдет, я с вас слезу.

Когда голоса стали едва слышны, я осторожно скатился со свернутого шатра, под которым тотчас же послышалось возмущенное сопение и нечленораздельная ругань. Ткань зашевелилась, и из-под цветной материи вылез всклокоченный алхимик.

— Что вы здесь делаете? Где все? Что случилось? Вы поломали мне все ребра! Где мы вообще находимся? — затарахтел учений, подползая к выходу с явным намерением вылезти.

— Тише, почтеннейший Деметриус, тише! — я схватил алхимика за руку и потащил обратно. — Вы что, все проспали?!

— Что — все? — вытаращил он на меня ничего не понимающие глаза.

— Ну и крепко же вы спите... — я вкратце рассказал ему, что произошло вечером во дворе этого замка.

— Так надо спасать! Спасать всех, спасать Эже-ни! — засуетился Мэттью Мишо.

— Поймите, мэтр, — со вздохом начал я. — Лучшее, что вы можете сейчас сделать, — это сидеть тихо и не высываться. Все остальное мы сделаем сами.

...— Блин, Капитан, как они тут жрут! — раздался у меня в мозгу восхищенный голос Лиса, услаждавшего в этот момент своим пением разгул феодальной вольницы. — То есть видел я пьянки, но чтоб вот так!...

— Ну, ты ж понимаешь, этикет поведения за столом еще не в чести... — пустился в разъяснения я.

— Нет, ты меня не понял, — перебил меня Рейнар.

— У нас с тобою разное восприятие! Ты не испытал на себе тлетворного влияния совковой системы! Не прошел через цепкие лапы комсомола и пропаганду непрерывной помохи голодающим детям Никарагуа! — патетически продекламировал он. — Я вот, когда сюда ломился, — продолжал свой монолог шевалье д'Орбиньяк, не давая мне вставить ни словечка, — ехал через одну деревеньку. Тамошнее население с голодухи какой-то лебеды объелось, так у них случилось... Как бы это так поприличнее... реактивное облегчение желудка... Зеленые все, смотреть страшно. Закатили по этому случаю молебен — сидят в часовне да бьют поклоны. И, почитай, каждую минуту кто-то выскакивает оттуда и мчится к ближайшим кустам. А эти, — Лис включил изображение... Что и говорить, зрелище было преотвратное, особенно если учесть, что кашал я только утром...

— Ну жрут же, как не в себя! — продолжал дико возмущаться мой напарник. — И хоть бы хны!

Внезапно он замолк. Я с интересом ждал продолжения.

— Слушай, — изменившимся тоном обратился он ко мне. — А у этого вашего аптекаря какого-нибудь пургена с собой нет?

— Лис, какой пурген! — попробовал урезонить я своего изобретательного друга. — Тринадцатый век на дворе!

— Ну, чего-нибудь такого... — он на секунду за-
пнулся, подбирав слово. — Проносного. А? Хорошая
ж идея!

— Ладно, сейчас спрошу у Деметриуса, — согла-
сился я, чувствуя, что ход его мыслей мне вполне по-
нятен.

— А он что, на свободе? — удивился Лис.

— На свободе. Наш алхимик доблестно проспал
все сражение в повозке...

— Ну, это и к лучшему. Так спроси!

... — Так вы согласны, мсье? — теребил меня за ру-
кав учений. Глаза его возбужденно горели. — Я пойду
с вами, только дайте мне какое-нибудь оружие и пока-
жите, как им действовать. Да вы меня слушаете или
нет?

— Мне нужно слабительное, — невпопад выпалил
я, прерывая стройное течение мыслей воинственно
настроенного Деметриуса. Почтенный учений опе-
шился.

— Как? Вам? Сейчас?! Зачем? — видимо, моя про-
сЬба была настолько абсурдна, что сколько-нибудь
связное предложение он составить не смог. Я поспе-
шил исправить недоразумение:

— Мэтр Мишо, оно нужно... то есть, конечно, не
мне... но нужно, чтобы освободить наших друзей.

Алхимик, все еще удивленно оглядываясь на меня,
полез в свою аптечку и извлек оттуда мешочек из гру-
бой холстины с какими-то семенами.

— Ну хорошо... если нужно... Вот, это заморское
растение клещевина. Сколько вам надо?

— Давайте все, — я протянул руку.

— Ну что вы! — испуганно воскликнул Деметриус. —
Учтите, восемь семян этого растения — смертельная
доза для взрослого человека!

— Мне нужно все, — настойчиво повторил я, заби-
рая мешочек. — Ладно, мэтр Мишо, сидите здесь и
никуда не ходите, а то вас снова придется откуда-ни-
будь вытаскивать, — предупредил я попытку алхимика
что-то возразить. — Этот мешочек и ваши знания сей-
час куда весомее, чем железные мускулы Ролло.

Я выбрался из фургона и короткими перебежками

пересек двор, незамеченным добравшись до донжона. Благодаря подробному плану брауни, найти вход в подземелье не составляло труда. Кауаульный, дремавший около массивной деревянной решетки, вскинулся было, засыпав шаги на лестнице. Однако, увидев перед своим носом голубоватую сталь Каттабайла, предпочел не геройствовать попусту. Он развел руки, показывая, что драться со мной не намерен.

— Ключ, — прошептал я.

Стражник, не спуская с меня настороженных глаз, отстегнул от пояса массивный железный ключ.

— Открывай, — коротко приказал я говорчивому аргусу. Он так же молча повернулся и начал возиться с замком. За решеткой возникло радостное оживление, приглушенное шиканьем Бельруна.

— Рад тебя видеть живым! — прошептал Винсент, первым выбирайсь на свободу.

— Сэнди, прими у господина стражника его оружие и снаряжение, — скомандовал я, приветствуя Бельруна и вручая ему пояс, увешанный метательными ножами.

— О! Это весьма кстати! — обрадовался он. — Ну что, дорогой, полезай на наше место! — обратился циркач к кауаульному. — Тебе здесь будет просторно. Сейчас мы им всыплем!

— Тихо, Бельрун. Я сейчас все расскажу. Уходим! — поворачиваясь к выходу, произнес я.

— Месте! — услышали мы жалобный голос стражника. — А вы не могли бы меня избить и связать? Если маркиз узнает, что я пустил вас сюда без сопротивления, мне несдобровать!

Я обернулся.

— Когда меняется страж?

— Утром...

— Ну тогда можешь не беспокоиться — утром маркизу будет не до тебя, — уходя, успокоил я его.

Едва мы выбрались из подземелья, я изложил план боевых действий своим товарищам.

— Ребята, вам нужно пробраться во-он на ту крытую галерею. Она соединена с комнатой, в которой сидит Эжени. Сэнди, ты идешь первым, а Бельрун при-

крывает тебя. Не думаю, чтобы там была стража, но на всякий случай... Да! Чуть не забыл! Там сейчас наверняка шляется парочка привидений — они безобидные. Передайте им привет от местного хранителя замка, и вас не тронут.

Ролло при упоминании о привидениях широко перекрестился, шепча слова молитвы. Бельрун внимательно на меня посмотрел и хитро произнес:

— Похоже, ты тут зря времени не терял.

— Потом расскажу, при случае, — улыбнулся я. — Слушайте дальше. Проберетесь к Эжени, запритеся покрепче и ждите моего прихода. В замке сейчас пир горой, не думаю, чтобы до хвалин этот мерзавец вспомнил о своей добыче. Все! До встречи! Вон по той лестнице наверх! — напутствовал я штурмовую группу.

Дождавшись, пока спина идущего последним Жано исчезла из виду, я вызвал Лиса.

— Товарищ менестрель, отвлекитесь на минутку! Вас вызывает начальство!

— Чего начальству надо? — не прерывая исполнения какой-то очередной хулиганской баллады на блатной мотивчик, отозвался Гайренский соловей.

— Начальство желает тебя лицезреть на кухне минут через десять-пятнадцать.

— О, вот так всегда! — изобразил отчаяние Рейнар. — Только начнешь завоевывать симпатии слушателей... Впрочем, вызов к начальству на кухню значительно лучше, чем на ковер. Ща буду!

Мы встретились с Лисом у небольшого каменного строения во дворе, через приоткрытую дверь которого доносились аппетитные запахи.

— Разумная предосторожность — кухню вне башни соорудить, — прошептал мой напарник, заглядывая в щелку приоткрытой двери. — Пожара боится наш маркиз... Ничего, сейчас мы ему кое-что повеселее устроим. Как бы нам эту обслугу отсюда удалить? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Сережа, на этот случай у меня есть маленькая домашняя заготовка. Как говаривал Филипп Македонский: «Нет такой крепости, в ворота которой не вошел бы осел, груженный золотом», — я торжествую-

ще извлек из-за пазухи очередной мешочек с деньгами.

— Это ты что, себя имеешь в виду? — съязвил Лис.

Не обращая внимания на злобные нападки, я осторожно двинулся по двору, оставляя за собой золотые кружочки. Дойдя до колодца, я бросил горсть монет на дно и, полюбовавшись, как они поблескивают там при свете яркой луны, оставил еще несколько на каменной кладке вокруг колодца и осторожно полез назад.

— Сейчас будет представление. Зрителей прошу занять места на галерке, — предостерег я Лиса.

— Понял, не дурак! — радостно поблескивая хитрющими зелеными глазками, отозвался он. Подойдя к двери, я что есть силы ударил по ней ногой и тут же распахнул настежь.

— Эй, что там за грохот? — раздался крик на кухне. — Клемо, сбегай, закрой дверь!

Услышав эти слова, я схватился за руку своего верного напарника, уже примостиившегося на крыше прямо над дверью, и благополучно занял место рядом с ним.

— Золото! — зазвенел ошелевший пацанячий голосок, и мы услышали топот его сбегающихся на этот магический клич коллег. Рейнар молча покрутил пальцем у виска. Дождавшись, пока персонал достаточно далеко удалится от своего рабочего места, мы соскочили с крыши и ринулись на кухню.

— Ступку! Ступку давай!

— На, держи!

— Так, Лис, твоя цель — соусы и приправы! Сыпь туда эту хрень собачью! — скомандовал я, яростно толча в ступке похожие на бобы семена. — Не переусердствуй, смотри, чтобы всем досталось!

Лис носился по кухне так, словно намеревался войти в книгу рекордов Гиннесса, высыпая толченое слабительное в соусники, короба с приправами, горшки и котлы.

— А это что? — засунул он свой любопытный нос в огромную бадью, накрытую холстиной. — О! Опара! — Рейнар застыл. На его челе отразилось вдохновение

демиурга. — Йес! Сейчас мы им устроим операцию «пионерский салют»! Надерем задницы этим засранцам! — он с натугой потащил бадью к черному ходу. Выглянув за дверь, он просигналил мне:

— Порядок! Эти золотоискатели макают поваренка.

— Лис! Стой! Ты куда?

— Все путем... — кряхтя, мсье д'Орбиньянк волок емкость по двору под прикрытием кухни. — Где-то тут я видел у них нужник...

— Так ты... — с ужасом разгадал я лисовские намерения.

— Именно, Кэп, именно! Представляешь, как публика обрадуется, когда они туда, а на них оттуда! Ведь как на дрожжах подойдет, — мечтательно завершил он. — Вали к Эжени, я тебе просигналю, когда процесс пойдет!

— ...Капитан, ежели ты имеешь сказать пару слов этому титулованному придуруку, то самое время, — часа два спустя раздался на канале связи ликующий глас гайренского менестреля. Это известие прервало нашу скромную трапезу, состоящую из увесистого окорока, прихваченного мною из кухни. Эжени уже совсем успокоилась в кругу друзей, и мы только ждали условного сигнала, чтобы начать наше победоносное бегство. Из-за двери доносился громовой хохот Болдуина Веселого, перемежаемый тяжкими вздохами Мрачного Гуго.

— Маркиз с изменившимся лицом бежит к горшку, — трагическим щепотом прокомментировал Лис, давая крупным планом апокалипсическую картинку расползающегося из зала благородного воинства. Я поднялся, поправляя перевязь меча:

— К повозкам! Сейчас мы будем. Бельрун, пошли Жано к воротам, пусть поможет гоблину опустить мост...

— Они еще не знают, куда они ползут! — продолжал отрываться Рейнар. — Что их ждет в конце тоннеля! Чу! Я слышу странный треск со стороны сортира...

Ну, ты тут быстренько разбирайся с этим засранцем Бонфлери, а я, пожалуй, пойду. Только не отключай связь! — сладко пропел мой верный друг и, насвистывая, вышел из пиршественной залы.

Я прошел по крытой галерее, раскланявшись с призрачной парочкой, и приблизился к дверям господских покоев. Оттуда доносились слабые стоны и проклятия. «Все нормально, — с удовлетворением отметил я. — Процесс идет».

Я толкнул ногой дверь. Как и предполагалось, она была не заперта... Маркиз восседал на резном стульчике, обшитом красным бархатом, и мучительно страдал. Снизу к стулу была приделана емкость известного назначения. Завидев меня, он изумленно раскрыл глаза и сделал движение подняться.

— Сидите-сидите! — умиротворяющее произнес я. — Я сегодня попросту, без чинов и буквально на миг. Я зашел сообщить вам, что меня зовут Вальдар Камдил, съер де Камварон...

— Рыцарь-маг!.. — потрясенно прошептал Гераунт Бонфлери, еще более бледнея.

— Это хорошо, что вы меня знаете, — угрожающе продолжил я. — Это избавляет от лишних объяснений. В своей жизни вы наделали множество гнусных и жестоких поступков. Два из них вы совершили сегодня... Запомните: за все на свете надо платить! Вы смешали с грязью родовую честь маркиза Бонфлери, теперь вы сами немногим отличаетесь от этой грязи. Я наложил на ваш замок... — по мыслесвязи прозвучал дикий хохот Лиса: «Остановись, Капитан, им уже и так хватит!» — Заклятие! — закончил я свою фразу. — Все вы должны отправиться паломниками в Рим испрашивать себе отпущение грехов! И замок этот никогда больше не будет называться Бонфлери. Отныне имя ему — Троумердье¹!

Маркиз попробовал что-то ответить, но вместо этого у него с губ сорвался очередной стон. Его опять скрутило.

¹ Троумердье — в самом литературном переводе: вонючая дыра.

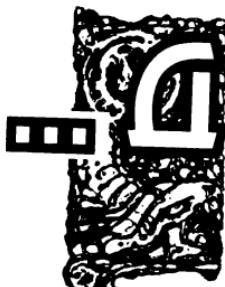
— Счастливо оставаться! — пожелал я страдальцу.

— Капитан, скорее! — услышал я голос Рейнара, сбегая по лестнице. — Оно лезет!

ГЛАВА 16

Это было наше личное дело —
мое и дракона!

Георгий из Лота

ракон был огромен. Его чешуя, черт побери, отливала на солнце красной медью, и увенчанная шипастым гребнем плосколобая голова нависала прямо надо мной...

— О Господи, опять! — заорал я спросонья, вскидываясь и чувствительно прикладываясь лбом о деревянный борт возка.

— Что случилось? — встревоженно крикнул Бельрун, моментально оглядываясь назад.

— Ничего. Нет, ничего... — тараща глаза и потирая ушибленное место, успокоил я его. — Просто сон дурной.

Мы все дальше и дальше удалялись от несчастного замка, который ни один человек во Франции не решится больше назвать прежним именем... После того, как мы вырвались из этой западни, Лис поспешил откланяться, заявив, что деньги, уплаченные им в придорожной корчме за пропой и прокорм будущего Барбароссы, вполне уже могли закончиться, и что он, Рейнар Л'Арсо д'Орбиньянк, не намерен терять ценного агента из-за кризиса платежей. Наш же путь лежал в Лион.

— Да спи, рано для тебя еще! — улыбнулся успевший узнать мои привычки Винсент. — Устану, я тебя сам разбуджу.

— Хорошо... — сонно кивнул я, поудобнее устраиваясь на свернутом шатре. Алхимик, лежавший в другом углу, как всегда, отличавшийся завидной крепостью сна, даже не пошевелился от моего вопля. Я вновь смежил очи... И тут же надо мной нависла глумливая

драконья морда, ощерившая в приветливой псевдоулыбке жуткую пасть. Я покрылся холодным потом. Проснуться не получалось.

— Привет, кум, — выдал наглый ящер. — Я так просто, решил заглянуть по старой памяти, узнать, как там у тебя дела.

— Спасибо, ничего, — немного прия в себя от столь неожиданного визита, пробормотал я.

— А то б зашел как-нибудь на досуге, на малышей моих посмотрел, — добродушно продолжал дракон. — Тройняшки! — гордо сообщил он, убрав голову. Я увидел мою старую знакомую дракониху, качавшую на своем мощном хвосте весело попискивающее радужное чешуйчатое чадо. Две точные копии первого малыша с радостным гамом, вереща и откидывая друг друга, пытались взобраться на раскачивающийся хвост заботливой мамаши.

— Ого! — присвистнул я. — Когда ж вы это успели?

Я слабо был знаком с повадками драконов, но предположить, что за три недели, которые мы с ними не виделись, они успеют высицать и вырастить детенышей, не мог. Воистину скорость их размножения была пугающей. Словно читая мои мысли, папаша-дракон дружелюбно ухмыльнулся и спокойно пояснил:

— А что там успевать — за три года-то? Малышам, разве не видишь, полтора годика уже!

— Три года? — изумился я. — Каким образом?

Дракон вздохнул, выдохнув при этом клубы серного дыма.

— Понимаешь, куманек... Время — очень странная штука. Оно подобно широкой реке с множеством воловоротов, течений, стариц и рукавов. В одном месте вода бежит быстрее, в другом — почти не движется, в третьем — вертится спиралью. Вы, люди, движетесь по этой реке почти всегда в одном направлении, и редко кому из вас удается свернуть в сторону от общего течения. Мы можем пересекать реку в любом удобном для нас направлении. Это мы, драконы; а эльфы, скажем, существуют во всех временах одновременно... Ну, в

общем, долго объяснять... Пойми одно: время не есть величина неизменная. Оно может возвращаться назад, застывать на месте, растягиваться и сжиматься, создавая тем самым границы того, что вы именуете мирами.

Я с интересом слушал продолжение лекции Оберона об архитектуре Вселенной.

— Но я не о том, — прервал сам себя красный дракон. — Мы тут, понимаешь, скоро собираемся возвращаться... Так что, освободишься — заезжай погостить. Ирмыых рада будет! — добавил он. — Она столько раз рассказывала о вашей встрече, что я уже скоро ревновать начну! — пошутил нежданный визитер, обнажая в усмешке жутенькие клыки. Дракониха на заднем плане только что-то проворковала и засунула голову под крыло. Дракон внезапно посерезнел и торжественно произнес:

— А вообще-то мы тебе благодарны так, что и сказать нельзя. Ты нам семейное счастье устроил. Представляешь, так и сидела бы она там... одна... посреди леса, — всхлипнул он, — моя несчастная девочка... И я, как дурак, на этом проклятом острове! Бр-р! Веришь ли, — доверительно сообщил ящер, — до сих пор на яблоки спокойно смотреть не могу. Меня от них аж трусит! В общем, мы тебя тут с Ирмыых считаем... как это у людей называется? А! Крестным отцом наших малюток. Так что приезжай или зови, если что, — закончил он.

Икнув от неожиданности при упоминании о столь ответственной роли, павшей на мои плечи, я только успел из себя выдавить:

— Спасибо... польщен... Только как же вас найти?

— А, ерунда! — махнул хвостом реликт. — Перстень при тебе? Надень на палец, закрой глаза и подумай о нас. Усек? Ну, бывай, рыцарь!

— До свидания, — вежливо попрощался я с отцом семейства, кивнув напоследок Ирмыых. Спать больше не хотелось. Некоторое время я лежал с открытыми глазами, обдумывая слова моего зубастого знакомца. «Надо же, крестный отец трех малолетних дракончиков! Ирмыых... Имя какое странное... Хотя какие имена могут быть у драконов. Интересно, а его как зовут?

Все-таки теперь родня... М-да. Невежа я, выходит, — даже не познакомился...» — мысли лениво текли в тант раскачивающейся повозке под аккомпанемент скрипа колес. В углу тихо возился проснувшийся Деметриус, что-то бормоча и перебирая свои ботанические сокровища. Тело было приятно расслаблено, настроение соответствовало погоде.

«Устроитель семейного счастья! — я криво усмехнулся. — Кто б мне его устроил... Да и будет ли оно вообще у меня когда-нибудь, это семейное счастье?» Сердце сжалось от внезапно нахлынувшей тоски и отчаяния. Я тяжело вздохнул.

— О, проснулся! — Бельрун повернулся ко мне и состроил веселую гримасу. Судя по всему, он, как обычно с утра, был в хорошем настроении. — Отчего грустим?

— Лауру вспомнил... — тоскливо отозвался я.

— Она у тебя блондинка или брюнетка? — заинтересованно спросил Винсент, одним глазом кося на дорогу, а другим хитро подмигивая мне.

— У нее дивные черные волосы, легкие как шелк... И глаза темнее южной ночи, — ответил я.

— А! Ну да, ты же говорил, она каталунка, — вспомнил Бельрун. — А моя блондинка.

Я приподнялся на локте.

— У тебя есть невеста? — вполне закономерно удивился я. За все время нашего путешествия он ни разу о ней не упоминал.

— Да вроде есть... — пожал плечами Винсент. — Если, конечно, не стала еще чьей-нибудь женой. Хотя это вряд ли.

— А что так? — заинтересовываясь все больше, продолжал я допытываться.

— А! — он махнул рукой. — Происхождение у нее подкачало... Мамаша у нее из наших — дочь городского советника. А вот отец... — Бельрун досадливо щелкнул пальцами.

— Серв? — предположил я.

— Да нет, хуже. Принц крови.

Я присвистнул.

— То-то и оно, — назидательно отозвался мой

друг. — Так вот, мадам Клотильда, мать ее, и вбила себе в голову, что выдаст свою распрекрасную дочь не менее, чем за барона. А какой я барон? — печально вопросил небо «несчастный влюбленный». — Никакой, — сам себе ответил он. — Гадалка пообещала мне как-то графскую корону, да только когда она будет, сказать забыла...

— Когда ж ты последний раз видел свою любезную? — спросил я Бельруна.

— Лет семь назад, — довольно равнодушно произнес он после небольшой паузы, — когда домой заезжал, так сказать, по делам семейным. Ладно, не будем. Чего душу травить... Одна тоска. А лучшее средство от тоски — это работа! — внезапно меняя тон, весело завершил Винсент Шадри, бросая вожжи. — Беритеська за дело, господин комтур! А я немного поваляюсь, а то всю задницу себе отбил на этой деревяшке.

Я с неохотой полез на передок и принял управление нашим экипажем из рук Бельруна.

— Приедем в Лион, — развались на нагретом мною месте и мечтательно глядя на кожаный верх фургона, произнес он, — надо будет свечку святому Гриффиту поставить.

— Святому Гриффиту? — удивленно уточнил я. — Исцелителю, что ли? Ты не заболел ли, друг мой?

— Да нет, тут дело совсем другое, — улыбнулся каким-то своим воспоминаниям циркач. — Я с некоторых пор, каждый раз, когда сухим из какой-либо передряги выхожу, святому Гриффиту свечки ставлю.

— Никогда не доводилось слышать, чтобы он помогал в подобных вещах.

— А вот мне помогает. Если хочешь, расскажу... — весело засмеявшись, предложил он.

— Но как ты можешь рассказывать об этой пакости! — раздался укоризненный голос алхимика. — Месте Вальдар, это непристойная история, предупреждаю вас. Слушать ее не пристало христианскому рыцарю! А ты, шалопай, только что говорил о своей невесте... Остановите! Остановите немедленно! — закричал он тонким визгливым голосом. — Я не желаю слушать этот стыд!

Я дернул вожжи, и лошадь послушно остановилась. Деметриус, весь пылая праведным негодованием, соскочил на землю и направился ко второй повозке, где, обхватив руками колени, сидела грустная Эжени. Бельрун покачал головой. Я подождал, пока алхимик заберется на возок рядом с опечаленной наездницей, и тронул вожжи.

— Н-но! Так что там за непристойная история? — полюбопытствовал я.

— Началась она довольно давно, — устроившись поудобнее, пустился в повествование Винсент. — Тогда мой друг барон де Фьербуа решил отправиться в Святую Землю. Я как раз поступил на службу в его отряд знаменщиком. Доехал барон до Барселоны, где собирался сесть на корабль и отправиться в Левант, да, видно, вид морских волн отвратил его от этого желания. А тут еще люди кастильского короля Альфонсо убедили моего сеньора, что с сарацинами можно сражаться, и не плавая за тридевять земель. Отправились мы, значит, в Кастилию. Ну, как мы там сражались, рассказывать не буду, это отдельная история. Так вот... Сражались мы, сражались, пока мой друг не свалился в горячке.

— Заболел?

— Именно что заболел. Совсем плох был, — вздохнул Бельрун. — Думали, все — Богу душу отдаст. Тогда епископ Толедский, он как раз в тех местах был, велел доставить больного барона в монастырь, где хранились мощи святого Гриффита. И он пошел на поправку! Буквально на следующий день горячка прошла, а через неделю, когда сеньор де Фьербуа окончательно выздоровел, он испросил разрешения основать монастырь святого Гриффита у себя на родине в честь своего чудесного исцеления. — Винсент торжественно поднял вверх палец. Я выразил должную степень уважения и удивления. Пока что, к моему разочарованию, в рассказанной истории не прослеживалось и тени непристойности.

— Возвращаясь, мой господин привез домой священные реликвии: лоскут власяницы, кусочек ногтя, флакончик с каплями пота, утертыми с чela Гриффи-

та-целителя... И занялся постройкой монастыря, — продолжил Винсент. — И так его эта идея увлекла, что вскоре из благородного рыцаря он стал аббатом. Ну а я, понятное дело, у него послушником.

— Представляю тебя послушником! — усмехнулся я.

— А что тут смешного?! — гордо ответил мсье Шадри. — Я у него все дела вел. Кто бы ему письма писал, счета? Да мало ли чего... Так вот. Приглянулась мне в тех местах одна женщина. Или, вернее, я ей приглянулся. Врать не буду — хороша была! — Бельрун восхищенно прищелкнул пальцами. — Ну, замужем, конечно же. Супруг ее, купец, по торговым делам постоянно в разъездах был, она и скучала... Вот я в меру сил своих супруга ей заменил.

Я вовсе не был удивлен: история эта не свидетельствовала о чистоте нравов, но, в общем-то, была вполне заурядной.

— Однажды купец на ярмарку в Шампань уехал, а мадам, ссылаясь на жестокую мигрень, осталась дома. Ну, от мигрени-то я ее быстро вылечил... Так вот. Лежим мы, отдыхаем после лечения, — Бельрун хитро ухмыльнулся, — вдруг слышим: хозяин в ворота едет! Что тут началось! Верная супруга по спальне мечется, я в сутану влез, рукава найти не могу... Еле-еле поспел к приходу благоверного через окно на крышу влезть. И там только спохватился: штаны! Штаны-то мои в спальне остались!

— Штаны? — удивился я. — Под сутаной?

— А чего ты удивляешься? — непонимающе уставился на меня Винсент. — Зима была, холодно. Ты пробовал зимой в одной сутане ходить?

Я заверил его, что нет.

— То-то же. И я, слава Богу, не пробовал. В общем, лежу я на крыше, подмерзаю, зуб на зуб не попадает — темноты дожидаюсь, — заговорщики продолжил он. — Слыши, купец в спальне крик поднял. Одежку мою обнаружил! Ну, думаю, все. Однако красавица моя тоже не промах! «Штаны эти, — говорит, — это не штаны, а священная реликвия. Мне их из монастыря святого Гриффита-целителя принесли.

Если бы не они — лежала бы сейчас, в муках корчилась... Они от многих хворей помогают. А то, что ты об этом не ведаешь, так это оттого, что ты дурак и невежда». Муж ей не сильно поверил, сказал: «Утром схожу к святым отцам, узнаю, что за штаны такие чудотворные».

— А ты что? — живо заинтересовался я этой действительно веселой историей.

— А что я? Только стемнело, я ноги в руки — и бегом к мессику де Фьербуа, то есть уже, конечно, к аббату. Пал перед ним на колени, покаялся... Он посмеялся, посидели мы с ним, помянули, как под Каллатравой вместе сарацин рубили. В общем, утром к дому купца отправилась процессия монахов, распевающих церковные гимны, и едва успел почтенный торговец проснуться, как святая братия потребовала вернуть в обитель драгоценную реликвию, а купчиха, лобызая штанину, распиналась о чудесном исцелении. После чего мои штаны с должным почтением пронесли по улицам и водворили в монастырь, — заливаясь хохотом, закончил свой рассказ хитрый повеса. Представляя себе эту процессию, я веселился вместе с ним.

— Вот так мы и спасли доброе имя моей возлюбленной.

— И твои штаны! — добавил я. Винсент скроил скорбную мину.

— А вот со штанами сложнее. Их спасти не удалось. Сам понимаешь, после того, как слух о чудесном исцелении прошел по округе, от паломников не стало отбоя, и реликвию мне не вернули. Говорят, многим помогала.

— Ну ты даешь! — восхитился я.

— Молодые мы были, — мечтательно и чуть грустно вздохнул он, — веселые. Мне тогда двадцать было, барону... то есть аббату — двадцать четыре. Да, в те годы все было по-другому... и вино пьянее, и мясо сочнее.

— Да-да, — пошутил я. — И лье куда короче, и фунт легче. Кстати, к вопросу о вине и мясе. Не пора ли нам, перед тем, как позаботиться о свечках святому Гриффиту, проявить заботу о собственных желуд-

как? — задал я провокационный вопрос Бельруну, брюхо которого моментально отреагировало утробным урчанием, подтверждая правильность моего тезиса.

— Да, друзья мои, — успокаивающе поглаживая живот, ответил Винсент, — вы правы. Надобно перекусить. Эй! — прокричал он, высунувшись из повозки. — Сворачиваем! Привал!

...Дрова весело потрескивали, на огне вовсю паровал неслабых размеров котелок с пшенной кашей. Улучив момент, когда Эжени отвернулась, я приоткрыл крышку и сморщил нос.

— Что кривишься, принц? — с деланным удивлением спросил Бельрун. — Что, постную пищу не уважаем? Это зря. Душа, очищенная постом, воспаряет!

Я скривился еще больше:

— С детства эту гадость не люблю. Что я, курица, что ли, пшено жрат?

Винсент неопределенно хмыкнул. Сэнди, сидевший с отсутствующим видом у костра, резко поднялся и шагнул к Ролло, увлеченно ломавшему хворост.

— Тащи колбасу, — без всяких предисловий заявил мой оруженосец, нагло покачиваясь с пятки на носок перед обалдевшим атлетом.

— Какую колбасу? — на простодушном лице Жано ясно пропустила детская обида и глубокое непонимание сути вопроса.

— Которую ты в замке с кухни утащил, когда тебя к воротам посыпали, — невозмутимо парировал Сэнди. — Которую ты всю дорогу наминал за обе щеки!

Уши и шея Ролло стали пунцовыми, словно красный глаз светофора.

— Да я... того... забыл сказать... — жалко оправдывался он.

— Та-а-ак! — зловеще прошипел Бельрун, приподымаясь с земли. — Забыл, значит? А я-то думаю, чего это наш прожорливый Ролло всю дорогу молчит? Не заболел ли? А ну, быстро тащи сюда колбасу, дубина ржавая! — с напускной яростью прикрикнул он на несчастного Жано.

Того словно ветром сдуло. Уже через несколько минут в котелке призывно булькала нормальная мяс-

ная пища, делая вполне съедобным наш нехитрый обед.

— Усаживайтесь! — позвала нас Эжени. — Все готово. Давайте миски.

Мы устроились на камнях, окружавших костровище, подставляя деревянные плошки Эжени, наполнившей их горячей дымящейся кашей. Но только мы собрались приступить к трапезе, как со стороны наших повозок раздалось конское ржание. И ответное ржание, донесшееся из леса, отнюдь не было эхом.

— О, кажется, у нас гости, — произнес Бельрун, настороженно оглядываясь и ставя на землю миску с едой. Ролло страдальчески покосился на колбасу, справедливо подозревая возможность нового дежея. Из-за кустов вынырнули три тощих курчавых личности необъяснимо итальянского вида: черные волосы, смуглая кожа, посеревшая от дорожной пыли, недельная небритость и внушительные носы позволяли почти безошибочно причислить их к гордым потомкам любвеобильных римских легионеров.

— О, дьябло! Сакраменто! — воскликнул один из них, обнажая ломбардскую дагу¹.

— Господи, ну что ж это такое? — тяжело вздохнул Винсент, разводя руками и дружелюбно улыбаясь неожиданным пришельцам. — Похоже, мне придется ставить святому Гриффиту еще одну свечку... Не стоит так горячиться! — начал он, скрестив руки на груди и незаметно берясь за рукояти метательных ножей. — Садитесь с нами, подкрепитесь с дороги. Зачем же ругаться сразу?

Южане разразились очередной экспрессивной tiradой на родном сицилийском наречии, завершив ее недвусмысленным заявлением на ломаном французском:

— Нам не нужны ваши жизни! Отдавайте деньги и убирайтесь к чертовой матери!

Я посмотрел на мсье Шадри, чей взгляд сейчас не предвещал ничего хорошего незадачливым разбойникам.

¹ Дага — короткий (65—70 см) меч, популярный среди городского населения Италии.

«Только трупов нам сейчас не хватало!» — с досадой подумал я.

— Постой, дружище, с ними можно попробовать договориться, — шепнул я Винсенту. — Только не мешай мне и ничему не удивляйся.

Я поднялся с земли и, не обращая внимания на угрожающее размахивание дагой, двинулся к чернивым грабителям. Не доходя до агрессивной группы шага два, я вскинул правую руку к плечу и поднял вверх разведенные латинской буквой «V» средний и указательный пальцы, после чего тут же скжали руку в кулак.

— Viva Italia... — ошеломленно прошептал предводитель. Не сводя с меня удивленных глаз, он сложил руки крестом на груди и тоже поднял правый кулак к плечу. Дага тут же вернулась в ножны, и мы обнялись и расцеловались.

Представляю, как это должно было выглядеть со стороны... Но не моя вина, что мафиозные конспираторы разработали подобное сложное приветствие¹. Итальянцы были настолько изумлены, что не задавали вопросов. По их глубокому мнению, знать пароль мог только человек посвященный. Не могли же они предположить, что в далекие итонские годы мы с моим побратимом Джозефом Расселом будем зачитываться утянутыми из библиотеки его отца подробными исследованиями, посвященными тайным союзам всех времен и народов.

— Как вас сюда занесло? — спросил я, перехватывая инициативу. При помощи системы «Мастерлинг» перейти на итальянский язык не составляло никакого труда. Правда, размахивать руками и ругаться так, как эти пылкие дети юга, мне не удалось бы и под гипнозом, но все же был шанс, что они меня поймут.

— Мы приехали купить оружие во Вьенн², — яростно жестикулируя и врашая глазами, принял объяснять мне итальянец. — Для борьбы с императо-

¹ Мафия — итальянская национально-освободительная боевая организация, возникшая на Сицилии в XII веке для борьбы с Гогенштауферами. Этот термин употреблялся уже тогда.

² Вьенн в средние века считался одним из крупнейших оружейных центров.

ром нужны мечи и копья! Но эти проклятые... — дальше следовала цветистая тирада, приписывающая вьенским оружейникам ряд весьма нелестных качеств, — взвинтили цены, так что денег, собранных нами, не хватило бы и на половину покупки! Сакра мадонна! — завершил свою темпераментную речь главарь торговой миссии, принюхивавшейся горбатыми носами к нашей аппетитно пахнущей трапезе.

— О, это святое дело! — как можно громче и экспрессивнее заорал я, выделявая дирижерские пассы руками. Думаю, с некоторой натяжкой я сошел за больного болезнью Паркинсона пьемонтца. Итальянцы сочувственно поглядели на мои натужные попытки вести беседу руками. — Я рад помочь своим соплеменникам! — радостно продолжал вопить я, мысленно прикидывая, что моя помощь этому движению Сопротивления вполне укладывается в рамки институтского задания. — Я напишу верному человеку в Бордо. Он служит при коннетабле Меркадье, его зовут Дьедонне, — и я подробно описал одного из оруженосцев Эдуара Кайяра, происходившего из Южной Франции, и потому вполне способного сойти за «своего человека». Парнишка был совсем молод и весьма неглуп, в чем я имел возможность убедиться во время путешествия на «Северном льве». А кроме того, у него было еще одно неоспоримое преимущество: он умел читать... Покончив с объяснениями и выслушав бурные изъявления благодарности, я пригласил своих «соотечественников» к костру. Пока те жадно уплетали кашу, я попросил у Деметриуса писчие принадлежности и начал писать:

«Дружище Эдд! Людям, которые передадут тебе это письмо, необходима помошь. Они ведут ожесточенную борьбу с нашим общим врагом Оттоном II Лейтонбургским, для чего им, как ты понимаешь, необходимо оружие. Надеюсь, у тебя есть возможность помочь им в этом. Кроме того, спешу тебе сообщить, что по сведениям, полученным мной от весьма влиятельного человека, близкого к Симону де Монфору, в Лангедоке в скором времени (очевидно, май — июнь) ожидается война. Сигналом может послужить отъезд

королевы из Тулусы. Поэтому будь наготове. С дружеским к тебе приветом, Вальдар Камдил».

Дописав письмо, я вручил его честным итальянским мафиози, поглядевшим с искренним восхищением на своего грамотного соратника. Распрощавшись со мной столь же сложным способом, довольные гости поспешили удалиться.

Под недоумевающими взглядами своих друзей я вернулся к костру и наконец чинно доел свой остывший обед...

ГЛАВА 17

Поскольку ты будешь иметь дело не с преступным миром, а с политиками, — не верь никому, ни единому слову!

Майкрофт Холмс

лое знамя с серебряным львом Лиона разевалось над шпилями цитадели. Толпа, собравшаяся на улицах города, радостными криками приветствовала пышный кортеж из двух десятков всадников в богатых одеждах, восседавших на лошадях, покрытых золочеными попонами. Флаг с тройкой перигорских львов красовался в руках конного знаменщика, следовавшего перед кавалькадой.

Я стоял в толпе горожан, приветствующих французское посольство, и любовался вместе с ними на гордую посадку в седле рыцарей из свиты Элиаса Талейрана, графа Перигорского, возглавлявшего эту ответственную миссию. Каждый день горожане Лиона имели удовольствие наблюдать, как оба посольства — немецкое и французское — с подобающей высокому статусу пышностью важно шествовали в городскую крепость для ведения там мирных переговоров. Граф Талейран и граф Брайбернау считали ниже достоинства своих monarchov, которых они имели честь представлять, останавливаться в буржуазном Лионе и жили каждый в отведенном для них замке близ города...

Эту процессию я наблюдал уже второй раз. Однако при всей своей красоте она меня вовсе не радовала. Мы находились в Лионе уже третий день, но способа проникнуть в цитадель либо как-то иначе встретиться с Брайбернау я пока не нашел. Дюжие охранники бесцеремонно отталкивали всех желающих протиснуться поближе, что совершенно исключало возможность незаметно пробраться в крепость. А вариант с появлением комтура тамплиеров я рассматривал как наименее удачный и наиболее хлопотный. Поэтому глазел я на эту великолепную процессию в наимрачнейшем расположении духа...

— Виват! — заорал детина передо мной, воздевая руки вверх. «Хороша конспирация, — скептически подумал я. — В этом чертовом городе все от мала до велика знают, что идут переговоры с немцами, и даже, подозреваю, осведомлены о подробностях их хода. Один я, как баран, ничего не знаю! Как-то же эти новости в город просачиваются!»

Детина впереди перестал кричать и опустил руки. Опустил он их, надо сказать, очень неудачно — так, что локоть его врезался мне в грудь. И не успей я в последнюю секунду чуть-чуть развернуться, пришлось бы мне сейчас, выпучив глаза, хватать воздух ртом, как рыбе, выкинутой на берег. Однако удар все же был достаточно силен.

«Осторожнее!» — хотел было крикнуть я, как вдруг сильный рывок сбоку за пояс едва не опрокинул меня на спину. Пытаясь удержать равновесие, я инстинктивно схватился за первое, что подвернулось мне под руку. Это была чья-то кисть с длинными ловкими пальцами, накрепко сжимающая мой кошелек, висевший на поясе. Не успел я ничего сообразить, как раздался приглушенный звон и что-то мелкое покатилось по мостовой. Я резко обернулся, увидел обалдевшее длинное лицо с расширенными от недоумения глазами... и тут же услышал наглое заявление:

— Чего это вы меня хватаете, мсье? Да вы...

— Тихо! — беря кисть воришкы в болевой захват, внушительно прошептал я. — Будешь верещать, сломаю руку. А ну пошли, разговор есть.

Я потащил неудачливого грабителя из толпы. Откуда же ему было знать, что парашютную стропу, приспособленную заботливым Лисом в качестве шнуря для наших кошельков, невозможно перерезать, чиркнув по ней заточенной монеткой!

При ближайшем рассмотрении вор оказался худощавым бледным подростком лет пятнадцати, впрочем, довольно резвым и языческим. Пока мы гордо шествовали к ближайшему закоулку, малец несколько раз пытался выскользнуть из моего захвата, охал, верещал, морщился, обзывая меня всякими нехорошими словами и требуя объяснить, куда мы идем. В общем, он меня изрядно утомил.

— Слушай меня... — негромко произнес я, прижимая наглеца к стене в какой-то вонючей подворотне.

— Эй, мужик! — раздался позади тот самый голос, который недавно приветствовал французскую делегацию изъявлением бурного восторга.

Я обернулся. Два крепкого вида оборванца с короткими дубинками в руках медленно наступали на меня, строя подобающие слуха угрожающие рожи.

— Ты чего это мальчишку обижаешь? — с издевкой поинтересовался тот самый дуболом, который недавно «нечаянно» двинул меня локтем в грудь.

Они не дождались ответа. Наша беседа была коротка, но содержательна. Досадливо пнув валявшуюся под ногами дубинку, я вернулся к своему воришке, получившему в ходе решения спорных вопросов подых и потому все еще корчившемуся у стены.

— Вставай, — потребовал я, грубо вздергивая парнишку за ворот и приподнимая над землей. — Я же сказал, разговор есть.

Он подозрительно поглядел на меня.

— А бить не будете?

— Нет, — пообещал я. — Если не начнешь опять дергаться, не буду.

— И в тюрьму не потянете? — несколько успокаиваясь и приходя наконец в норму, поинтересовался охотник за кошельками.

— Хотел бы — давно уже потащил бы, — резонно заметил я. — Вопросы у меня к тебе есть. Ответишь

хорошо — дам денег, плохо — ребра пересчитаю. Выбирай.

Парнишка шмыгнул носом, всем своим видом выражая готовность ответить хорошо.

— Ты местный? — начал я.

— Ага...

— Давно промышляешь?

— Ну, не очень... — замялся он. — Сегодня первый раз, — честно глядя мне в глаза, заявил воришка.

— Меня не интересуют твои похождения, — резко оборвал я паренька. — Скажи, хорошо ли ты знаешь город?

— Да уж как не знать! Знаю, добрый господин, — подобострастно отвечал малолетний преступник.

— Хорошо... А в цитадели бывал? — продолжал я допрос. Глазки паренька настороженно блеснули.

— А вам зачем?

— Я спрашиваю, бывал или нет? — я как следует еще раз встряхнул мальчишку. — Вопросы здесь задаю я!

— Приходилось... — буркнул тот.

— Можно ли проникнуть в замок, минуя ворота? — продолжал допытываться я, чувствуя, что моя игра в следователя довольно-таки глупа и небезопасна. Однако я был доведен до крайности, хватался как утопающий за соломинку и готов был использовать даже этот крайне рискованный вариант.

— Можно... — разглядывая меня с нехорошим интересом, протянул воришка. — Заплатить только придется.

— Насчет этого не волнуйся. Заплачу, — пообещал я, чувствуя себя преотвратнейшим образом.

— А вы что, убить там кого замышляете? — прошептал юнец, находя логичное объяснение моему странному поведению.

— Будешь трепать языком, убью тебя, — заверил я.

Малолетний криминальный элемент сдавленно ойкнул, видимо, окончательно утвердившись в мысли относительно моего ремесла. Наверняка у него в голове уже вертелся складный рассказ о том, как ловко удалось ему вывернуться из лап свирепого наемного убийцы.

— Ну, пойдем, что ли? — решив играть свою роль до конца, дернул я мальчишку за плечо.

— Что вы, что вы! — замахал тот на меня руками. — Сейчас никак нельзя. Ночью, когда стемнеет, приходите сюда же, я вас проведу. Да деньги не забудьте! — довольно нагло добавил он. Я для профилактики холодно и криво улыбнулся, обдавая собеседника ледяным взглядом.

— Я приду и деньги принесу, не волнуйся. Но если тебя не будет или если ты притащишь с собой этих кретинов, — я кивнул на распростертых в грязи и охающих «защитников детских прав», — то моли Бога, чтобы он сам прибрал тебя к завтрашнему утру!

Паренек испуганно и мелко закивал и, вывернувшись из моей ослабленной хватки, ринулся наутек.

— Как стемнеет, я приду! — донеслось из-за угла.

Я вышел из пропахшей испражнениями подворотни и медленно побрел по берегу Роны. Широкая река мощно несла свои воды к Средиземному морю, чуждая мелочной людской суety, грехов и страстей... На душе было мерзко. Некому, да, собственно говоря, и незачем было задавать дурацкие риторические вопросы, которые, словно тяжелые жернова, вертелись в моей голове. Я с ужасом чувствовал, что все те перевоплощения, которые были моей работой в этом лучшем из миров, оставались со мною, передевая меня каждое на свой лад. Благородный рыцарь, вестфольдский принц, английский шпион, циркач, комтур тамплиеров... Кто из них — настоящий Вальдар Камдил? И жив ли еще он, этот настоящий? Может, всего-то и есть «Джокер-1» — карта, которая сама по себе не значит ничего и которую можно сбросить вместо любой другой? Только что я надел личину наемного убийцы... Пусть случайно, не желая того, в глазах одуревшего от страха воришки я несколько минут играл роль. Но удастся ли мне снять эту жуткую маску? Мерзко...

«Никто не сможет упрекнуть меня, что я действовал неправильно! — неожиданно зло подумал я. — Я всегда был адекватен. Ситуации, задания... К черту лысому! А люди? Мои друзья... Да, черт побери, друзья! Бельрун, Меркадье, Шамберг... Все эти люди

близки мне, и боль каждого из них — моя боль. И все же я тасую их судьбы и кидаю козырными картами, как только в этом возникает нужда. Интересно, — неожиданно перебила мои размышления странная мысль: — И леди Джейн, и Лаура говорили, что любят меня... Говорили искренне, во всяком случае, хочется верить, что эти слова были искренними. Возникает резонный вопрос: за что? Ведь не может же действительно вызвать столь трепетное чувство умение лихо рубиться мечом, скакать на коне и плести сеть интриг подобно заправскому пауку? За что-то же они меня полюбили? Или моя маленькая сестричка... Когда она поняла, что я — не ее родной брат, что-то же удержало Инельгу рядом со мной, толкнуло на эту безумную вылазку у стен Лондона! — Я горько усмехнулся. — Мне тридцать шесть... И быть героем стало моей работой. Но очень хочется быть человеком».

Еще некоторое время поглядев на синие волны Роны, я повернулся и зашагал на постоянный двор, где мы остановились. Где меня ждали, черт побери...

В гостинице меня действительно ждали.

— Куда это ты, черт побери, запропастился? — набросился на меня Бельрун, едва я успел переступить порог.

— По городу гулял, — неопределенно ответил я.

— Гулял? — удивился мой друг. — И много выгулял?

— Ночью иду в замок, — ответил я просто.

— Ночью в замок? Что ты там забыл ночью? — Он уставился на меня, как на сумасшедшего. — И чем ты там намерен заниматься до того, как туда приедет Брайбернау?

Я пожал плечами. Черт его знает, что я там действительно собираюсь делать... Со стражей разговоры разговаривать!

— Как-то мне все это не нравится... — медленно проговорил Винсент, берясь за подбородок.

— Мне тоже. Но вариантов нет, — грустно констатировал я.

— Ладно, — махнул рукой циркач. — Может, ты и прав. Тебе виднее. Я тут, пока ты гулять изволил, с Эжени прошелся по лавкам.

— И что?

— Интересная тут вещь получается... В городе полно высоких гостей, а выбор в лавках — так себе, не ахти.

— Да мало ли что... — произнес я, не понимая, куда клонит Бельрун.

— Вот и я так подумал, — как-то странно на меня глядя, продолжил он, — и решил узнать, чего ж тут мало. Поговорил с приказчиками, пропустил кружечку-другую, и вот какая штука всплыла. Оказывается, на эти две недели, то есть три, но две остались, таможенная пошлина на границе между Аредатом и Францией отсутствует! — Винсент значительно поднял пальец вверх. — Не на все, конечно, — добавил он. — Но на дорогие ткани, вино, украшения и тому подобные вещи. Цены, которые дают там за товар, в полтора-два раза выше тех, которые предлагают в Лионе. И это в нищем-то Аредате. Причем вся эта льгота распространяется только на один-единственный тамошний город. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Да, я понимал. Сердце бухало где-то у самого горла... «Старый волк! — прощедил я сквозь зубы. — Женить своего недоумка решил, значит... Благое дело... Только невесту неудачно выбрал. Ну ладно, посмотрим».

— И что это за город? — с трудом сдерживая накалившую злость, спросил я.

— Ты остынь, — посоветовал мне Бельрун. — Здесь убивать некого, а до Женевы мы за две недели по-любому доберемся. Ты, главное, не забудь вернуться из замка.

...Мальчишка не обманул.

— Видите вон тот огонь на башне? — указал он пальцем в ночную темень, когда мы, осторожно озираясь, влезли в утлую лодочонку, привязанную у берега. — Нам надо править на него, иначе течение снесет лодку далеко от того места, где нужно высадиться. И старайтесь плескать поменьше — на стенах стражи, не ровен час, из арбалета пальнут.

Мы изо всех сил налегли на весла, стараясь как можно быстрее миновать предательски освещаемую

луной реку и спрятаться в тени высоких каменных стен.

— Вот здесь, — тихо прошептал воришка, вытягивая лодку на песчаную отмель. — Вон у той стрельницы¹.

Он тихо подкрался к стене и издал резкий крик, подражая сычу. Помолчав, мальчишка крикнул еще два раза. С башенки быстро начала опускаться толстая веревка со множеством узлов.

— Вот вам дорога в замок, добрый господин, — с изрядной долей хвастовства произнес парень и недвусмысленно протянул раскрытую ладонь, ожидая обещанной платы.

— Там, наверху, — холодно глядя в глаза своему проводнику, ответил я. Тот вздохнул и с явной неохотой полез наверх. Подождав, пока он скроется за зубцами стены, я начал взбираться следом. Тяжело передать все мысли, которые крутились в этот момент у меня в голове. Мне представлялись стражники, ожидающие моего появления, слышался скрип перерезаемого каната, шорох взводимой арбалетной тетивы... да мало ли еще что! Однако, к радости моей, все эти страхи были напрасными. Я благополучно достиг верха.

— Давай, залазь! — прошипел угрюмый седоусый стражник, протягивая мне руку. Еще движение — и я оказался на боевой галерее.

— Гони монету и проваливай! — выставил он широченную лапищу, в которую я немедля вложил заготовленный золотой.

— Давайте, бегом! Уходите отсюда! Не ровен час, дьявол корпорала принесет, — беспокойно оглядываясь, страж подтолкнул меня в спину.

— Да, я провожу! — пискнул малолетний разбойник и, схватив меня за рукав, потащил куда-то влево. — Тихо! Не шумите, — предупредил он. — Здесь лестница. Сейчас спустимся...

Шаткое сооружение, несколько самонадеянно именовавшееся лестницей, действительно было при-

¹ Стрельница — небольшая башенка, обычно несколько выступающая от главной башни и позволяющая вести из нее фланкирующий огонь.

слонено к стене ярдах в тридцати от места нашего десантирования. Мальчишка присел на корточки, хватаясь за деревянные жерди, и, просительно глядя на меня снизу вверх, заныл:

— Я подержу... спускайтесь. Но, только... добрый господин, вы же обещали дать мне монету, когда мы будем наверху!

— На, получи! — отдал я обещанную плату.

— Спасибо вам, добрый господин. Спускайтесь смело, — почтительно прошептал паренек. Я неосторожно последовал его указанию и стал спускаться. Примерно на полпути до надежной тверди лестнице резко качнуло вбок, так, что я едва удержал равновесие, и наверху послышался удаляющийся дробный топот деревянных башмаков...

— Сбежал, подлец! — тихо выругался я, спрыгивая на землю. «А впрочем, любить ему меня особо не за что... Вот что дальше-то теперь делать без провожатого?» — я растерянно огляделся вокруг. Спрятаться в замке, который ты знаешь, под силу и несмышленому малышу. Но вот укрыться в незнакомой цитадели — это все равно что пытаться прикрыть свою наготу однопенсовиком.

«Что ж делать-то? — лихорадочно соображал я, словно шестилетний ребенок, ищущий убежища для игры в прятки. — Что у нас есть? Плана замка нет. Знакомых тоже нет... Елки-палки, ничего у нас нет! Стоп. Отказать. Так не бывает. Еще раз... Ну, план замка в общих чертах... ну, в самых общих чертах, представить можно. А знакомые?.. Ладно, попробуем обойтись без знакомых».

Я прислонился к холодному камню, стараясь слиться со стеной: «Кто здесь сейчас может находиться? Стража. Стража мне не нужна. Кто еще? Повара. Заманчиво, конечно. Но на кухне не спрячешься. Дальше. Челядь. Писцы... Стоп! — я хлопнул себя рукой по лбу: — Ну конечно же! Писцы! Утром к приезду господ дипломатов все документы должны быть переписаны набело. А это означает, что сейчас они наверняка упражняются в искусстве каллиграфии. Не все, конечно. Но изрядная часть. Следовательно, места их должны быть свободны. Живут они здесь скорее всего

в каморках по одному-два человека. Удобства, как бы это выразиться, ниже среднего. Ну да ладно. Ночь пересидим, а там видно будет. Как говорится, за неимением горничной, используют дворника...»

...Комната, которую я избрал своим убежищем, мало чем отличалась от стойла в конюшне на ферме почтенного Деметриуса, правда, в лучшую сторону. Сено, шелестевшее при каждом моем движении, было посвежее и, следовательно, много душистее. Но, с другой стороны, от каменных стен тянуло такой промозглой сыростью, что мысли мои крутились вокруг первых симптомов ревматизма и тому подобных неприятных вещей. Уж и не знаю, мрачные мысли или многодневное недосыпание тому виной, но глаза мои смыкались сами собой, и разлепить их не было никакой возможности. Смастерив из досок, составлявших лежанку, перед дверью некое громоздкое подобие будильника на случай внезапного прихода хозяев, еще не подозревающих о собственном гостеприимстве, я положил под голову меч и, резонно решив, что с одним-двумя писцами мне не составит труда справиться даже и спросонья, моментально заснул.

Будильник зазвенел, точнее загремел, вовремя. Как раз в тот момент, когда невысокий тщедушный хозяин моей спальни попробовал войти в свой номер. Вскинувшись от грохота падающих досок, которыми была подперта дверь, я вскочил, хватаясь за оружие. Усердный труженик пера, чудом не пострадавший от моей «побудки», изумленно стоял на пороге, держа в руке масляную светильню, и непонимающе взирал на представшую перед ним картину. На его лице не было страха, одно безмерное удивление. Какое-то мгновение мы стояли друг перед другом, соображая, что же делать дальше. Затем писарь широко улыбнулся и, продолжая изумленно мерить меня взглядом, восхликал:

— Боже мой! Как же так! Господин рыцарь, вы ли это? Вот нечаянная встреча!

Я энергично потряс головой, отгоняя недосыпную муть, и попытался разглядеть собеседника.

— Вы меня не помните? Я монах, у которого вы когда-то купили одеяние у развилки близ Кадельс-

дорфского аббатства! Вы тогда спрашивали у меня дорогу на Ройхенбах! Ваш друг тогда еще подарил мне свой плащ! Помните?

— Знаток языков, — радостно улыбнулся я. — Ценитель Джебрена!

— Да-да! Он самый!

— О Господи! А здесь-то ты что делаешь? — я обнял его за плечи, искренне радуясь неожиданной встрече.

— Я служу секретарем у графа фон Брайбернау. Уже около двух лет.

— Ты — секретарем? — моему изумлению не было предела. О такой удаче я не мог и помыслить.

— Да, господин рыцарь. Это высокая честь для меня, — приосанившись, гордо произнес бывший монашек. — После того как мы с вами расстались, я почти год странствовал по империи. Умение писать и знание основ врачевания, преподанные мне в обители братом Эмериком, помогли, в конце концов, устроиться учеником к знаменитому медику Гейльбрехту из Вишмарка, лечившему в те дни графа Карла-Дитриха после ранения на турнире. Там меня его сиятельство и приметил.

— А здесь ты...

— Надзираю за работой писцов, — со скрытой гордостью сообщил мне юноша. — Обычно я ночую в замке, но сегодня вынужден был остаться, дабы приследить, чтобы в текст договора, не дай Господь, не вкрадась ошибка.

— О! Высокая должность, — поздравил я его.

— А вы-то тут какими судьбами?

— Мне необходимо встретиться с Брайбернау, — после некоторой паузы сказал я. — И чем скорее, тем лучше. Это связано с нынешними переговорами. Причем встретиться надо так, чтобы, кроме нас троих, об этом не знал никто.

Секретарь ненадолго задумался, затем посмотрел мне в глаза и просто ответил:

— Хорошо. Как ему вас отрекомендовать?

— Скажи, что его ждет здесь старый знакомый...

Бывший монах коротко кивнул и вышел.

...Захваченная нами сарацинская галера, словно

прирученный лев, тихо покачивалась у пирса в порту Сан-Ремо.

— Куда ты теперь? — спросил я статного седовласого рыцаря, ставшего мне верным другом в этом походе.

— Сейчас — в Наваллон, а потом — ко двору. А ты? — серо-голубые глаза его светились радостью от сознания спасения после недельного мотания по морю без компаса и карты.

— Домой, — уклончиво ответил я. — А дальше видно будет...

Объяснять моему доблестному соратнику, что мой дом находится вовсе не в замке Сегрен, а в небольшом закрытом городке при Институте Экспериментальной Истории в совсем другом, чуждом ему мире, было бы глупо и бессмысленно...

— Ну что ж, прощай на всякий случай, — де Наваллон крепко обнял меня. — Но я верю, что мы непременно встретимся. И если не здесь, то там. — Он ткнул пальцем в синее небо, в котором кружились крикливы итальянские чайки...

Предусмотрительно постучав в дверь, мой нежданческий союзник осторожно заглянул в келью, где я, промерзая от сырости, терпеливо дожидался его.

— Наденьте это, господин рыцарь, — он протянул мне черный плащ с капюшоном. — Пойдемте.

Мы вышли в узкий темный коридор.

— По дороге ни с кем не разговаривайте, — шепнул мне юноша.

Это была излишняя предосторожность — в этом замке я знал только двух человек. Дошли мы довольно быстро. Встречавшиеся по пути стражники салютовали секретарю главы имперской дипломатической миссии.

— Вот здесь вас ждет граф, — мой старый знакомец остановился у массивной дубовой двери. Постучав в нее, он испросил разрешения войти.

— Прощайте, благодетель, — светло улыбаясь, напутствовал меня молодой человек. — Я был рад видеть вас. Если его сиятельство, как и обещает, выхлопочет для меня дворянство, то я непременно помешу в своем

гербе те пять серебряных монет, которыми вы меня когда-то одарили¹.

Он учтиво поклонился, открывая передо мной дверь. Я пожал ему руку.

— Верю, у тебя все получится. Спасибо. Ты мне очень помог.

Я переступил порог богато убранной комнаты. Седовласый поджарый воин стоял посреди своего кабинета и удивленно глядел на меня.

— Огюст?! — потрясенно воскликнул он. — Огюст де Сегрен, дружище! Черт меня подери!

Он шагнул ко мне, раскрывая руки для объятий.

— Я не Огюст, — остановил я Брайбернау. Не знаю, говорил ли я в этот момент правду...

— Ты шутишь? — не поверил мне Карл-Дитрих. — А кто же ты?

— Вальдар Камдил, сьер де Камварон, — отчетливо проговорил я, кланяясь своему бывшему противнику. — Помните турнир в Трифеле?

Брайбернау, слегка опешив, отступил на шаг, внимательно вглядываясь в мое лицо. Пауза длилась довольно долго.

— Не знаю... — с сомнением произнес он. — Помимо, вы говорите правду. Но сходство поразительное!

— Да, это так, — я сумел выдавить из себя какую-то жалкую улыбку. Получалась странная вещь. Передо мной стоял мой старый друг, с которым мы вместе перенесли столько тягот там и который здесь отлеживался целый год после моего удара копьем. «Что же получается?! Что бы я ему ни сказал, все будет ложью! Назовись я де Сегреном, или наоборот, все это одинаково было бы неправдой...»

— Итак, вы Камдил, — не совсем уверенно произнес Брайбернау. — Забавно. Никогда бы не мог подумать, что человек, причинивший мне столько неприятностей, будет как две капли воды похож на моего лучшего друга...

¹ Пять серебряных монет в червленом поле — герб семейства Медичи (*medicus* (*лат.*) — медик).

«И что это будет один и тот же человек», — мысленно добавил я.

— Поймите правильно, — продолжал граф, — я не держу на вас зла за тот злополучный удар. Он был великколепен. А ваше освобождение короля Ричарда!.. Поверьте, я был восхищен той ловкостью, с которой вы все проделали. Честно говоря, давно мечтал познакомиться с вами. И вот теперь...

Брайбернау развел руками, не зная, что и сказать. Слава Богу, я не ошибался. Передо мной стоял все тот же благородный и отважный рыцарь, чье прямодушие и непоколебимая верность вошли в поговорку в Святой Земле. Там. В той Святой Земле. Значит, никакие уловки, никакие недомолвки и хитроумные каверзы были не нужны. Более того, они были глупы и опасны. «Самый правильный путь — прямой!» — гласил девиз де Наваллона. И фон Брайбернау.

— Что привело вас сюда, мессир Вальдар? — несколько приходя в себя от изумления, спросил он.

— Дела. К сожалению, дела. — Печально отозвался я. — Судьбе, как видно, из любви к назидательным случайностям, было угодно вновь столкнуть нас, но, увы, уже по разные стороны баррикады. Фортуне вольно развлекаться парадоксами!

— Слушаю вас, — любезный граф фон Брайбернау моментально превратился в главу дипломатической миссии. — Но для начала садитесь.

Усевшись поудобней, я протянул ему пергамент, добытый для меня Кристианом де Монгийе.

Карл-Дитрих развернул свиток и заскользил взглядом по четким каллиграфическим строчкам. По мере того, как он углублялся в чтение, лицо его мрачнело и принимало все более устрашающий вид. Что и говорить, попытка создания франко-английской империи на месте двух стран противников не сильно радовала графа фон Брайбернау.

— Да! — сумрачно произнес он, заканчивая чтение. — Я не спрашиваю, откуда это у вас. Вы все равно мне не ответите...

Я покачал головой, подтверждая правоту его слов.

— Не отвечу.

— ...Можете вы поклясться, что то, о чем здесь говорится, — правда?

— Могу. Это копия письма королевы. Если вы хотите, я могу представить вам человека, некогда возившего подобные письма, — веско проговорил я, вспоминая Бельруна.

— Не надо, — граф останавливающим жестом поднял руку. — Я вам верю. У вас есть еще какие-нибудь дела?

— Да! — кивнул я. — Мне нужно встретиться с императором.

— Зачем? — встревоженно поглядел на меня Брайбернау. Что делать! Как говорится, все мы чьи-то дети. Старый волк Лейтонбург был его молочным братом, и от встречи Оттона со мной он не ждал ничего хорошего. Ни для него, ни для меня.

— Он похитил мою невесту, — нехотя пояснил я, — принцессу Лауру-Катарину Каталунскую. Я хочу попробовать убедить его вернуть ее мне.

— У вас ничего не получится, — вздохнув, сказал граф. — Отто желает выдать ее за своего сына. Отговорить его от этого невозможно!

— Вероятно, это так, — очень медленно, выделяя каждое слово, произнес я. — Но у меня есть ряд очень веских доводов в поддержку моих слов. Вы слышали, говорят, Фридрих Барбаросса вовсе не утонул?! Говорят, это была попытка убийства со стороны его младшего брата принца Лейтонбургского? А еще говорят, что император Фридрих объявился в Аrelate и собирает войска против своего младшего братца.

— Да. Вчера мне докладывали об этих слухах. Так это ваших рук дело?

Я утверждающе кивнул.

— Простите, но все это чушь! Я сам видел, как тонул бедный Фридрих. Спасти его было невозможно. Не я один, сотни людей могут подтвердить это!

— Несомненно! Но тысячи, десятки и сотни тысяч людей не видели гибели Барбароссы. Зато они готовы поверить в любую чушь, если она сулит им свободу и процветание. Заметьте, не дает, а лишь сулит. Если я не встречусь с его величеством в ближайшие дни, им-

перия получит восстание в Арелате, восстание в Королевстве Обеих Сицилий, беспорядки в Византии (можно подумать, что когда-то там был порядок?) и скорее всего вызов его в судилище Фем. Как вы думаете, граф, не велика ли цена за неудачный брак? Причем, заметьте, это только начало!

Карл был бледен. Он в ярости кусал нижнюю губу, казалось, был готов разорвать меня на части. От добродушия моего друга не осталось и следа.

— Могу ли я обещать государю безопасность во время встречи? — наконец выдавил он.

— Безусловно! — не кривя душой, ответил я. — Если ему мало моего слова чести, пусть возьмет своих драбантов¹, а я — своих.

— Хорошо! — едва шевеля губами и не спуская с меня холодных, как два клинка, глаз, ответил он. — Через два дня вы встретитесь с ним в замке Ховерштейн в Альпах. А сейчас — прощайте! Мой секретарь проводит вас.

ГЛАВА 18

Я спасу тебя, Франция!

Галантейщик Бонасье

городе было шумно. Я бы даже сказал, странно шумно... Горожане, обуреваемые любопытством, беспорядочно толпились на улице, приглушенно и невнятно обсуждая какие-то последние новости. Проталкиваясь сквозь этот несанкционированный митинг, я спешил в гостиницу, где ждали меня мои друзья.

— Переговоры сорваны! — кричал с тумбы толстяк в фартуке булочника. — Это предательство!

Толпа одобрительно гудела и отвечала оратору криками солидарности.

— Всем цеховым надлежит собраться и... — рев

¹ Драбант — телохранитель.

толпы заглушил последние слова, и я услышал лишь окончание фразы: — ...королеве!

Я невольно съежился, дико озираясь вокруг. «Господи, как же так? Когда они успели узнать... Только ж вышел!»

— Правильно! — ревела толпа. — Надо идти к королеве!

Я наблюдал эти проявления грядущей демократии и убеждался, что в своем зародыше она была столь же беспомощна и глупа, сколь и в наши дни.

Друзья ждали меня во дворе гостиницы. Повозки были уже запряжены, вещи собраны, и мы могли немедля пускаться дальше.

— О, поглядите на него! Вернулся! — склонился в шутовском поклоне Бельрун. Эжени радостно вспыхнула и повисла у меня на шее. Шаконтон сдержанно и мужественно улыбнулся.

— Надеюсь, ты провел ночь так же хорошо, как и я! — блаженно потягиваясь, произнес Винсент.

— Ты не мог бы мне объяснить, что тут произошло, пока меня не было? — перебил я серию издевательских реплик, которой, видимо, собирался потчевать меня мой ироничный товарищ.

На улице раздался очередной взрыв народного гнева.

— Отчего же? Мог бы... Народ возмущен срывом переговоров, — почесывая спину, спокойно пояснил мне он.

— Но откуда они узнали? — недоумевал я. Бельрун посмотрел на меня, как на тяжелобольного.

— А что тут узнавать? С утра граф де Талейран со своей свитой пронесся по улицам Лиона так быстро, что не успел даже сказать «до свидания» главе немецкой миссии, и канул в туманную даль, — поэтично завершил Бельрун.

— Граф Талейран бежал? — все еще искренне не понимая смысла происходящего, тупо спросил я.

— Именно! — на лице Бельруна светилось неоно-выми огнями нескрываемое торжество. — Стремительно!

— Но почему?!

Эжени, с трудом сдерживая приступ смеха, скакала вокруг и пищала:

— Расскажи ему, расскажи!

Остальные члены цирковой труппы с одинаковым хитрым блеском в глазах обступили нас, выжидательно глядя на рассказчика.

— Сегодня ночью, — таинственно начал Винсент, — его сиятельство граф Перигорский получил срочное послание... В нем значилось: «Все раскрыто. Спасайтесь скорее!»

— А ты откуда об этом знаешь? — удивленно поинтересовался я.

— Ха! — усмехнулся он. — Ну ты даешь! Откуда знаю? Да я ж его написал! — Эжени хихикала в свое удовольствие, остальные заговорщики наслаждались выражением моего лица. Сейчас с меня можно было рисовать картину «Простофиля в черном».

— Насколько я знаю этих вельмож, — вполне удовлетворенный произведенным эффектом, продолжал хитроумный Шадри, — они постоянно участвуют в каких-нибудь заговорах. Это их нормальное состояние. Вельможа без заговора — все равно, что рыба без воды. Вот я и подумал, что должно сработать.

Тут он был абсолютно прав. Я в этом плане тоже не был исключением...

— Так что всего-то было дел — взять перо, пергамент, чернила и составить этот дурацкий текст. Правда, я его еще для убедительности запечатал печатью маркиза де Бонфлери.

— Чем? — совершенно опешил я. — Откуда она у тебя?

— Ну ты, право слово, какой-то странный, — в явном недоумении разводя руками, воззрился на меня Бельрун. — Мы представление в замке давали? Давали. Хозяин нам щедро заплатить обещался? Обещался. Мы когда уходили, сам он... занят был, — с трудом подобрал он слово. — Вот я и прихватил первое, что под руку попалось... Шкатулку, а в ней среди прочего и перстень с печатью оказался.

— И много прочего? — с изрядной долей восхищения поинтересовался я.

— Да уж в скопости маркиза не обвинишь, — улыбнулся циркач. — Ну что, в дорогу?

«Да... — залезая на передок возка, предавался я неутешительным для себя размышлениям: — Верно говорят, что самый короткий путь к цели — прямой. Закрутить такую многоходовую комбинацию, рисковать своей головой, лезть через стену, потратить кучу денег... И, вернувшись, узнать, что все решил какой-то клочок пергамента! Уж не знаю, кто будет король Франции, которому Винсент Шадри достанется в советники, но наверняка для него это будет ценное приобретение. Хотя и весьма дорогостоящее».

«Ценное приобретение», сидя рядом и хитро посматривая на меня, взял в руки вожжи, и повозка тронулась с места...

Ехать нам пришлось недолго. Не успели мы миновать центральные улицы, как у одного из домов дорогу нам перегородила буйная толпа человек в тридцать, ожесточенно громившая чье-то жилье.

— Хм, интересно... С каких это пор горожане предаются разбою средь бела дня, да еще прямо посреди города? — спросил Бельрун.

— Может, это дом кого-то из сторонников Талейрана? — неуверенно предположил я.

— Не похоже... — он указал на скромный деревянный поставец¹, выброшенный из окна на улицу, который два здоровенных лоботряса разносили палками в пух и прах. — Очень уж как-то небогато. Давай посмотрим поближе? — предложил Винсент.

— Давай...

Мы спрыгнули с повозки и не спеша подошли к месту побоища. Спустя минуту к нам присоединились Шаконтон и Ролло.

— Эй, почтеннейшие, что тут происходит? — обратился Винсент Шадри к личностям, занятым погромом. Наш вопрос остался без ответа. Но его и не понадобилось.

— Проваливай отсюда, Иудино семя! — сопровождаемый этим криком, из дверей вылетел пожилой рас-

¹ Поставец — деревянная этажерка для посуды.

трепанный человек в лохмотьях и растянулся на земле перед домом. Толпа угрожающе придвигнулась к несчастному, занося палки.

— Э, э! Да что здесь происходит, черт побери?! — не успели мы ничего сообразить, как Бельрун оказался возле распостертого на земле хозяина дома и одним рывком вскинул его на плечо. Какой-то недоносок с палкой, крича что-то оскорбительное, бросился было на нашего друга. Понимая, что схватки не избежать, я энергично пнул его в колено, заставляя поумерить пыл. Действие на секунду остановилось. Горожане, понимая, что безмятежное течение забавы нарушено, начали угремо обступать нас полукругом.

— Эй, Поль, скажи-ка им, что тут происходит! — прозвучал издевательский голос. Из толпы выступил толстенький человечек с мясистым носом и маленькими глазками, с огромным чувством собственной значимости, словно рыцарское копье, сжимающий в руках железный прут.

— По повелению городского совета, — начал толстый Поль, бывший, судя по виду, цеховым старшиной, — все христопродацы должны были убраться из города еще две недели назад. Всякий же, кто посмеет ослушаться, — должен быть предан смерти!

Достойный представитель власти для пущей убедительности потряс в воздухе железным прутом.

— Это лекарь Аарон Бен-Хирам. Старикашка осмелился остаться! Теперь мы вольны распоряжаться его жизнью.

— И имуществом! — раздался радостный крик из толпы и глумливый смешок вслед ему.

— Ерунда! — махнул свободной рукой Бельрун. Лекарь Бен-Хирам висел на его плече, словно тряпичная кукла, не подавая признаков жизни. — Все! Представление закончено. Расходитесь по домам!

Люди, переглядываясь и подбадривая друг друга, стали медленно и угрожающе наступать на нас.

— А не хотят ли господа фигляры, чтобы им намяли бока? А? — поигрывая прутом и пытаясь ретироваться за спину здоровенного парня, выкрикнул цеховой старшина.

— Послушайте, он же лекарь! — я попытался было успокоить разъяренных горожан. — Он же лечил вас, ваших жен и детей!

— Все болезни — от Бога! — раздался визгливый женский голос. — А они его распяли!

— Бей отступников! — заорал кто-то. Я сделал движение вперед... но тут же отлетел в сторону, едва удержавшись на ногах. Железный Ролло, с прытью, доселе в нем мною не замеченной, ринулся вперед и буквально смел со своего пути крепыша, за которого бочком норовил спрятаться важный Поль. Чудовищной лапящей он одним движением выхватил из рук перепуганного выразителя народной воли внушительный железный прут и эффектно завязал его на багровой шее толстяка наподобие галстука. Насмерть перетрусивший законник осел на землю, в изумлении хлопая глазами. Жано обвел нехорошим взглядом почтенное собрание и заревел:

— К стене, сучьи дети! Разорву всякого, кто посмеет сдвинуться с места!

Горожане отличались здравомыслием и отработанными рефлексами. Постулат о том, что сила побеждает право, был усвоен ими вместе с молоком матери. Быстроенько построившись в шеренгу у стены, они с угрюмым смирением на лицах и ненавистью во взорах провожали глазами нашу теплую компанию, под прикрытием Жано поспешило удаляющуюся с места побоища.

— Гони! — крикнул Бельрун, лишь только мы вскочили в повозки. На рысях выехав за ворота, мы еще некоторое время нещадно стегали лошадей, со всей возможной скоростью удаляясь от буржуазно-демократического Лиона. Когда стало ясно, что погони за нами не будет, мы перестали гнать коней, предусмотрительно сохранив лошадиные силы. Деметриус в повозке хлопотал над раненым коллегой, причитая и скрушааясь:

— Ай-яй-яй! За что ж это они вас так? Какие дикие, необразованные люди.

Седой Аарон только охал и стонал, когда алхимик

пытался обработать следы побоев, нанесенных врачу благодарными соотечественниками.

— Винсент, останови немедленно! Я не могу перевязать этого почтенного человека, когда твоя проклятая повозка все время тряется по этим чертовым камням!

— Тпру! — Бельрун моментально натянул вожжи. Едва наша повозка успела остановиться, к ней подлетел встревоженный Жано.

— Что случилось? — гигант был бледен. Честно сказать, первый раз я его видел таким и просто не мог предположить, что этот добродушный увалень способен на подобные реакции...

— Помоги мне его снять с повозки! — распорядился Деметриус, бесцеремонно дергая Ролло за рукав. — Надо положить раненого на землю, а то я здесь не могу ничего разглядеть. Да найди место получше! — крикнул он, но, наткнувшись на выразительный взгляд силача, тут же осекся.

Жано, осторожно, словно ребенка, снял избитого лекаря с возка и, перенеся его на обочину дороги, аккуратно уложил на предусмотрительно расстеленный Бельруном плащ.

— Ох-ох... — застонал Аарон, открывая глаза и мученически глядя вверх.

— Не бойтесь... сейчас господин Деметриус вас вылечит, — неуклюже успокоил раненого Железный Ролло.

— Отойди-ка, мальчик мой, — попросил его алхимик и, склонившись над Бен-Хирамом, начал осмотр. — Так... так...

— Ой-ой-ой... — закричал тот, когда Мэттью дотронулся до его ребра.

— Угу... Ну, это ерунда, — заявил Деметриус.

— Он не умрет? — обеспокоенно спросил Жано.

— Глупости! Чего бы это ему вдруг умирать? — поднявшись с колен, возмутился Мэттью Мишо. — Пара серьезных ушибов, ребро треснуло, но это не страшно. Неси-ка из повозки мой сундучок с лекарствами.

— Я сейчас... — сорвался с места силач.

— Вальдар, покажи ему, где лежит этот сундучок, — попросил меня Бельрун, — не то он притащит сюда весь фургон!

Я догнал Ролло, в растерянности шарившего под шатром.

— Вон в том углу, — указал я. — Такой деревянный ящичек... Молодец, дружище, лихо ты расправился с этими дикарями! — высказал я похвалу, давно вертевшуюся у меня на языке.

— Я... это... — зардевшись, словно маков цвет, попытался ответить Жано, — я, когда маленький был, болел сильно... золотухой... Все думали, умру. А меня вот такой вот лекарь вылечил... Мать ему наши последние деньги совала, а он только отмахнулся и дальше поехал. А у города его... — Ролло помрачнел. — Убили его, вот так же — палками забили. Как христопрода... Так что я теперь вроде как в долгу...

Закончив, видимо, самую длинную фразу в своей жизни, он зажал под мышкой сундучок и поспешил к Деметриусу. Вернувшись, мы увидели, что раненый Аарон малость пришел в себя.

— Благодарю вас, — с трудом разжав разбитые губы, прошептал он.

— ...Так и вышло, что я остался. Сначала этот больной мальчик мясника Патри, потом золовка мельника... Очень трудные роды! — услышали мы вздох Аарона.

Два ученых светила, расположившись за нашими спинами в глубине фургона, вели неспешную беседу. Благодаря стараниям Деметриуса, избитый врач уже несколько оправился и рассказывал чуткому коллеге о своих злоключениях.

— А, и что там говорить! Я бы давно уже уехал в Нарбон, к зятю. Он там большой человек — городской советник. Так ведь надо ж было кому-то лечить несчастных здесь, в Лионе... Не могу же я сделать так, чтобы они болели только там, где я нахожусь в этот момент!

Я лишь горько усмехнулся, слушая этот монолог человека, приносящего свои интересы в жертву общественным.

— Да, дикие нравы! — невпопад вздохнул Деметриус. — И так повсюду...

— Шо вы говорите? — охнув, всплеснул руками Бен-Хирам. — Таки вам виднее... Я уже давно не выезжал из Лиона. Исаак, я вам о нем уже говорил, это мой зять... так вот, он утверждает, что люди сейчас потеряли всякий стыд и совесть. Так я вам скажу, это было всегда. Я вам поведаю вот такую историю... — начал рассказывать своим скрипучим голосом Аарон. — Недалеко отсюда, близ Лиона, когда-то стоял замок мессира Виллара де Невиль. У него и его жены был малютка-сын, больше детей им Господь не дал. И вот однажды случилось так, что рядом с колыбелью ребенка не оказалось никого, даже кормилицы. Одна только борзая собака! — он значительно поднял кверху кривой палец. — И надо ж такому случиться! Как раз в этот момент в комнату заползла большая змея.

Мы услышали, как впечатлительный Деметриус осуждающе зацокал языком.

— Глупые, никчемные родители! Оставить единственное дитя без присмотра!

— Вы таки да, правы, но я продолжаю. Так вот, эта собака, отважная, словно лев, вцепилась в поганую змею и начала терзать ее. Но та, не будь дура, тоже отвечала ей укусами. В пылу борьбы случилось так, что собака опрокинула колыбель... Не волнуйтесь ради Бога, ребенок не пострадал! В конце концов змея таки сдохла, и верный пес отбросил ее подальше от колыбели. При этом ему было так плохо, что не дай Бог, чтоб так было плохо вам или мне... — удрученно произнес лионский лекарь. Я с трудом сдерживал смех. Несмотря на печальный характер повествования, стиль его был просто восхитителен.

— И вот на шум схватки наконец-то прибежала кормилица, уж не знаю, чем она занималась все это время. Увидев перевернутую колыбель и окровавленную собаку рядом с ней, она подняла такой крик, что сир Виллар услышал бы его, если б даже был в Святой Земле. Он ворвался в комнату, размахивая мечом, и тут же изрубил собаку на тысячу кусков! Каково же ему стало, когда он увидел, что его малыш преспокой-

но агукает папаше, лежа на полу, а в углу таки валяется здоровенная змея без головы. — Аарон сделал эффектную паузу. — Их стал мучить стыд, что большая редкость для таких высокопоставленных господ... Они собрали по кусочкам то, что осталось от несчастной собаки, и захоронили во дворе, посадив вокруг дерева в память этой смерти...

— Вот-вот, яркий пример людской неблагодарности! — вставил слово взволнованный Мэттью.

— Таки это еще не все! — нравоучительно перебил его словоохотливый собеседник. — Прошло много лет, уж не знаю, что там произошло, но замок был разрушен. Развалины его вы до сих пор можете видеть близ леса Ремит, — он сделал неопределенный взмах рукой. — Однако слава о бесстрашной собаке пережила каменные стены. Местные крестьяне стали поклоняться ей, подобно святой великомученице, защищающей грудных детей. Они приносили больное, слабое дитя к могиле собаки и, оставив его меж двух деревьев, совершили тайный обряд, прося духов забрать этого больного ребенка и вернуть здорового. Потом родители уходили и возвращались только на следующий день...

— Какая дикость! — возмутился Деметриус. — Какая гнусность!

— Но и это еще не все! — убедительно продолжал рассказчик. — Если, вернувшись на следующий день, изуверы заставали свое дитя живым, они хватали его и бежали бегом к реке, носящей название Шаларонна, которая течет с гор, холодна как лед, а течение ее столь стремительно, что сбивает с ног взрослого человека. Эти идиоты макали девять раз бедного малютку в реку, и если ребенок выживал и после этого, считалось, что он вполне здоров.

— Да... — не выдержал Бельрун, также с интересом прислушивавшийся к рассказу. — Неизбытна глупость людская!

— Именно, молодой человек, именно! — подаваясь вперед, воскликнул Бен-Хирам. — И как вы думаете, чем все закончилось? Об этом узнали святые отцы и пришли в ярость. Вы, наверно, думаете, они

покарали глупых крестьян? Если так, то вы ошибаетесь. Они разрушили могилу ни в чем не повинного животного, вырубили деревья и все сровняли с землей. В конце концов во всем оказалась виновата собачка. А вы говорите, люди неблагодарны! Они таки да, неблагодарны, но это же не значит, что их не надо лечить... — печально завершил свою повесть Аарон Бен-Хирам.

Некоторое время мы ехали молча, каждый углубясь в свои мысли.

— И куда вы теперь? — внезапно нарушил молчание Винсент.

— А? — вскинулся задумавшийся лекарь. — Куда я теперь... На юг, в Нарбон. К зятю... Высадите меня в каком-нибудь селении, я найду себе место на барке, отправляющейся на юг. Путешествовать по реке сейчас, кажется, безопаснее, — моргая близорукими глазами, пояснил он.

— Вам наверняка понадобятся деньги... — начал было я.

— Ой, не морочьте мне голову! — замахал на меня руками лекарь. — И шо, вы считаете, что человек моей профессии не сможет заработать себе на кусок хлеба? Сможет! Кстати, вон та тропа, — неожиданно прервал он сам себя, — ведет к поселку Рюсме, где живет кюре Бонифас, я лечил его от подагры... Вы меня тут высадите, и дай вам Бог удачи!

Бельрун остановил повозку. Аарон, кряхтя, осторожно слез с возка.

— Эй, Жано! — позвал силача Винсент. — Тут господин лекарь собрался уходить. Ты проводи его до поселка. Да проследи, чтобы там все было в порядке...

Спасенный медик с вежливой сердечностью распрошался с каждым из нас и, сопровождаемый заботливым Ролло, медленно двинулся по горной тропке, сбегавшей вниз, к реке. Когда он и его верный телохранитель скрылись из глаз, Бельрун объявил небольшой привал. Усевшись в тени повозок и уплетая сухой хлеб, мы стали ожидать возвращения Жано.

— Ну, куда мы движемся дальше? — насытившись в первом приближении, спросил у меня Винсент, ус-

тало прислонившийся к борту фургона. — Что тебе, кстати, дало твое ночное приключение? Ты не успел мне рассказать.

— Да что рассказывать, — пожал плечами я. — Переговоры, конечно, я бы непременно сорвал, но ты умудрился это сделать раньше. А сейчас, — я тяжело вздохнул, — мне надлежит двигаться в замок Ховерстейн, где меня ждет встреча с императором Оттоном, будь он неладен!

— О-ля-ля! — Бельрун присвистнул от удивления. — И что, ты пойдешь туда один?

— Не совсем... — уклончиво ответил я. Мне действительно вовсе не улыбалось идти на встречу одному. После нашей константинопольской встречи сомнения в том, что Лейтонбург не преминет организовать мне теплый прием, были бы попросту наивны. Необходим был очень весомый аргумент для того, чтобы убедить императора выслушать своего собеседника, не предпринимая при этом попыток расправиться с ним. И на этот раз такой аргумент у меня был.

— Знаю я этот замок, — задумчиво проговорил мой друг. — Глухое местечко... Там раньше дорога была через перевал, потом ее оползнем накрыло. Вот и стоит он над этим завалом, как дурак, упертый носом в стену. Ты как знаешь, но, по-моему, там западня, — предостерег меня Винсент.

— Мне тоже так кажется. Поэтому и хочу спросить тебя... — Я слегка замялся, стараясь подобрать как можно более нейтральные слова, — ты местность эту, я так понял, хорошо знаешь. Есть ли там поблизости площадка, где бы можно было... где бы мог...

— Что мог? — подозрительно посмотрел на меня Бельрун.

— Мог сесть дракон, — наконец выдавил я.

— Кто?! — воскликнул циркач, от неожиданности чуть не подавившись хлебом.

— Ну, дракон... — я развел руками. — Крупный, правда. Ярдов этак на тридцать пять...

Бельрун, на удивление быстро пришедший в себя, иронически хмыкнул.

— Ну конечно, что еще от тебя можно ожидать...

Значит, слушай. Перед замком площадки нет, но во дворе он вполне сядёт. Хорошо, с тобой понятно. А нам-то что делать?

— Да разве я вас брошу! — улыбнулся я. — Перекинуться парой слов с Лейтонбургом, и в цирк, морды бить...

Когда мы перестали хохотать, Винсент вновь сделался серьезен и настойчиво переспросил:

— Где мы встречаемся?

Я задумался.

— Винсент, скажи, ты знаешь какое-нибудь приметное местечко недалеко от Женевы? Постоялый двор, например? Дня через два я бы вас там нашел.

— Знаю, — немедленно ответил он. — Мост через Рону. Мимо него ты никак не проедешь. Там перед ним как раз харчевня, так и называется «Мост». Так себе харчевня, но мы подождем, может, ты чего с императорского стола прихватишь.

Я улыбнулся, вспоминая последнюю трапезу с его величеством.

— Ладно, — хлопнув себя по коленям, решительно произнес Бельрун. — Давно собирался это сделать... Вот что. Дракон драконом, а одного тебя отпускать все равно нельзя. Местности ты совершенно не знаешь...

Он рывком вскочил на ноги и быстро направился к повозке с гоблином.

— Ну что, друзья мои? — обратился он к Эжени и Люка, отдыхавшим, как и мы, в тени своего фургона. — Не кажется вам, что наш Тагур слишком засиделся в своей клетке?

— Ой, Винсент! — девушка радостно подскочила к владельцу цирка. — Ты наконец-то решил это сделать?

— Правильно, — неожиданно улыбнулся Люка Руж. — Мы как раз на его родине. Надо выпускать.

Тагур, меланхолично наблюдавший за нами, поставил уши торчком и разразился радостным рыком. Бельрун подошел к клетке и одним рывком отодвинул засов.

— Гуляй, красавчик! Теперь ты дома.

Гоблин с достоинством выбрался из своего тесного обиталища и, радостно поблескивая глазами, вновь довольно заурчал.

— Да! Если тебе не в тягость, не мог бы ты быть проводником в горах господину рыцарю? — учтиво спросил Винсент Шадри.

— Вальдару? С радостью, — рыкнул он.

— Он не против, — перевел я.

...Солнце уже пряталось внизу за кромкой далекого леса, окрашивая горы в багрово-красные цвета. Радостный гоблин с потрясающей ловкостью скакал по каменистой тропинке, резвясь на приволье. Я с трудом полз за ним.

— Тагур, давай посидим! — взмолился я, утирая рукавом пот со лба.

— Сиди, — охотно отозвался мой проводник. — Я тут, недалеко. Если что, позовешь.

Он скрылся между камнями. Я достал из ладанки перстень, надел на палец и закрыл глаза...

— О! Я тебе говорил, что он нас проведает, — раздался приветственный рык красного дракона. Драконы семейство чинно восседало над полуобглоданной тушей какого-то исполинского животного. Присмотревшись, я узнал в остатках их ужина кашалота...

— Я вот тут на рыбалку слетал, — пояснил куманек. — Жене и детям рыбки захотелось.

Ирмыых добродушно улыбалась, гордясь мужем.

— Ты по делу или так? Что-то вид у тебя сильно усталый, — обеспокоился реликтовый ящер.

— Увы, по делу... — сознался я. — Мне нужна твоя помощь.

— Неужто обидел кто? — нехорошо улыбаясь, осведомился дракон.

— Да нет, надо тут слетать в одно местечко, страху нагнать.

— Ну это пожалуйста! — мой «родственничек» оскалил в улыбке три сотни острейших зубов. — Ты сейчас где?

— В Альпах.

— Гора Мон-Кроль от тебя далеко?

— Да нет... — пожал плечами я, припоминая рассказ Бельруна о здешних местах.

— Тогда завтра в полдень я тебя буду ждать на этой горе, в пещере, которая так и называется Драконьей.

ГЛАВА 19

Никогда не делайте реверансов
на лестнице! Это очень опасно!
Сказочный король из «Золушки»

суетомимый гоблин лихо взбирался по крутой тропе, то и дело осуждающе оглядываясь на мою уныло плетущуюся позади фигуру. Мы шли почти всю ночь, и теперь силы, прямо скажем, были на исходе.

— Далеко еще? — прохрипел я, очередной раз спотыкаясь о какой-то камушек.

— Смотрия что ты называешь далеко, — сварливо сообщил мне Тагур. — Если бы ты не плелся так медленно, мы бы давно уже были на месте.

— Значит, близко, — констатировал я. — Тогда все. Привал. Я должен поесть.

— А что ты тут, собственно, собираешься есть? — язвительно спросил гоблин. — Здесь, кроме камней и кустарника, нет ничего.

— Ну должно же тут быть хоть какое-то людское поселение! — с отчаянием в голосе пробормотал я. Час тому назад позади нас осталось дивное альпийское пастбище, да и козы следы на тропе наводили на мысль о близости людского жилья. Гоблин снисходительно покосился на меня.

— Эх, что ж за племя-то такое? Что ж вы такие слабосильные?

Я молча проглотил шпильку представителя «высшей расы». К сожалению, это пока было единственным, что составляло мой завтрак... Учитывая, что за последние восемь-десять часов мы умудрились преодолеть что-то около двенадцати лье по исключительно гористой местности, то нарекания в мой адрес были несколько чрезмерны.

— Ладно, вставай! — Тагур подошел к мне и махнул мощной когтистой лапой в сторону возвышающееся над нами горного хребта. — Что с тебя взять... Есть тут поселок, недалеко от пещеры как раз.

Еще не веря в эту улыбку судьбы, я поднялся с камня и, слегка пошатываясь, побрел за гоблином. Идти действительно пришлось недолго.

— Вон, — указал он на едва заметную тропку, змевшуюся вниз по склону, туда, где на небольшом плато лепились два десятка домиков под соломенными крышами. — Иди, только быстро. Я тебя тут подожду.

— Как он хоть называется, поселок этот? — спросил я на ходу, начиная спуск.

— А никак не называется, — равнодушно ответил гоблин. — Просто Вейлер¹.

Услышав это название, я едва не загремел вниз.

— Вейлер? — переспросил я.

Перед моим взором всплыли события четырехлетней давности, воспоминания о которых до сих пор отзывались во мне болью. Я снова видел перед собой исполосованную кнутом мускулистую спину Готфрида из Вейлера, невинную жертву тайной войны... Снова видел упрямый взгляд воина, презирающего страх смерти. Он знал лишь одно: жить и умирать надо достойно. И все богатства, все троны мира не стоили этого простого знания. Он принял смерть, как и подобало избравшему воинский путь — со спокойной улыбкой на губах. Он умер, обманутый мной и оскорбленный своим другом и соратником Фридрихом фон Норгаузеном. Умер, простиив обман врага и сторицей отплатив за свое поруганное достоинство. Он был сыном рыцаря и истинным рыцарем, хотя и без золотой цепи и шпор...

Итак, на плато передо мною лежал Вейлер. Я постучал в дверь ближайшего домика и с замирающим сердцем спросил у высунувшейся из окошка белобрыской девчонки лет десяти, с детским изумлением взиравшей на невесть откуда взявшегося рыцаря:

— Скажи, милая, — стараясь смягчить свой хриплый от волнения и усталости голос, поинтересовался я. — Живет ли у вас здесь мать латника Готфрида?

¹ Вейлер — как и «вайлер», «вилль», «вилл» и т. д. Означает поселок, поселение (изначально: римское «вилла»).

Девушка, с трудом оторвавшись от созерцания моих рыцарских регалий, перевела взгляд на переливающуюся рубинами рукоять Катгабайла. Я был вынужден повторить свой вопрос.

— Есть, — выдохнула малышка, насладившись наконец невиданным в этих местах зрелищем. — А вы к ней? К тетушке Анн-Мари? Вы от императора? — любопытное дитя скрылось в окошке и тут же выскочило из дверей.

— Я вас провожу!

— А что, к тетушке Анн-Мари приходят люди от императора? — шагая по пыльной каменистой улочке вслед за босоногим созданием, спросил я.

— Да-а, — важно шмыгая носом, протянула девочка. — Каждый год. После того, как сын ее погиб в сражении, наш император дал ей пенсион. Говорят, Готфрид был героем. Тетушка Анн-Мари очень плакала, когда он умер. А вы его друг, да? — тараторила она.

— Друг... — не в силах выдержать взгляд наивных голубых глаз, выдавил из себя я. — Он спас мне жизнь в том сражении...

— Что, правда? — восторженно запрыгала вокруг меня девчушка. — Ой, а мы уже пришли. Готфри, Готфри! К вам настоящий рыцарь приехал! Его твой отец спас!

Из двери крепкого небольшого домика на самом краю поселка вылетел бойкий парнишка, чуть помладше своей звонкоголосой подружки, и кинулся ко мне. Вслед за ним на порог, вытирая руки, выбеленные мукой, вышла высокая поседевшая женщина...

— Здравствуйте, госпожа Анн-Мари... — поклонился я.

Почему я хотел видеть ее? Просить прощения? За что, собственно? За то, что по моей вине убили ее сына? К сожалению, в это время, когда человеческая жизнь не представляет никакой ценности, такая смерть отнюдь не была редкостью. Ее сын был воином...

Но я должен был найти ее. Для чего? Чтобы поведать о потасовке в таверне «Императорский рог» и о том, как я оглушил ее сына, чтобы воспользоваться

его одеждой? Или о том, как бешеный комендант Ройхенбаха приказал повесить Готфрида? Что я мог сказать?..

Женщина всплеснула руками и поспешила мне на встречу.

— Заходите, ваша милость. Друзья Готфрида всегда желанные гости в этом доме...

За те несчастные двадцать минут, которые я провел в чистом и уютном доме Анн-Мари, давясь лепешками, усиленно подсовываемыми мне заботливой хозяйкой, я успел поведать о сражении под местечком Ройхенбах, в котором, спасая меня, героически погиб ее сын... Маленький Готфри, точная копия своего отца, слушал меня, открыв рот, восхищенно веря моей самозабвенной лжи.

— Если со мной не случится никакой беды, я вернусь сюда через семь лет и возьму вашего внука на службу, тетушка Анн-Мари, — стоя на пороге гостеприимного дома и ероша рукой волосы сына латника из Вейлера, пообещал я. — Если же я не приду, пусть Готфри отправляется в путь и найдет либо коннетабля графа Меркадье, либо английского герцога Честера и передаст им мою просьбу взять его в оруженосцы. А чтобы ему поверили, пусть отдаст этот кошелек.

Отсыпав себе несколько монет, я вручил седой Анн-Мари кошелек из мягкой замши с вышитым на нем леопардовым львом Камдилов.

— Прощайте! — Я резко развернулся и зашагал по уложке.

— Ну что вы! — всплеснула руками женщина. — У нас все есть, не надо!

Не слушая ее, я быстро удалялся от дома Готфрида из Вейлера...

— Ну что, наелся? — вылезая из-за камня позади меня, прорычал Тагур.

— Пошли. У нас мало времени, — прервал я его и быстро полез наверх по тропе.

— Нечего было засиживаться, — недовольно пробурчал он. — Что ты там так долго?

— Там живет мать человека, который когда-то спас мне жизнь, — не оборачиваясь, пояснил я.

Гоблин мягко обогнал меня и, чуть презрительно посматривая, пробормотал:

— Ох уж эти мне ваши дурацкие человеческие чувства... Одна беда от них.

Близился полдень. Гоблин, подбадривая меня, тыкал лапой куда-то вперед:

— Да вон же уже твоя пещера! Мы почти пришли!

При словах «мы пришли» я в изнеможении повалился на короткую еще весеннюю травку очередного альпийского луга, через который тянулась ведомая одному гоблину тропа. «Все! Пять минут отдыхаю и иду... Одна надежда на то, что это создание не умеет вратъ!»

Тагур между тем, почувяв родные места, проявлял все признаки нетерпения. Повертившись возле моего распластанного на земле тела, решительно прорычал:

— Вставай, пошли! — внезапно он насторожился. — Здесь кто-то есть... Большой хищник... А ну, вставай быстро!

Я моментально вскочил. «Для полноты впечатлений не хватало только какого-нибудь снежного барса встретить... Боже, как я устал!»

Гоблин поволок меня через луг. Добежав до каменной гряды, он резко остановился.

— Он идет за нами!

Тагур развернулся в сторону ближайшей скалы и угрожающе зарычал. Оттуда послышалось ворчание более громкое, но удивительно похожее. Мой проводник настороженно приподнял уши. И тут из-за камней появилась странная фигура: длинная белая шерсть, массивные руки, переваливающаяся обезьянья походка...

— Йетти!.. — вырвалось у меня.

Тагур непонимающе моргнул, отступил на два шага назад... а потом я услышал душераздирающий рык, наверняка вызвавший спуск не одной лавины:

— Папа-а-а!!!

Гоблин в мгновение ока подлетел к гориллоподобному существу и повис на нем, испуская радостные вопли.

— Вальдар, смотри, да это ж мой стариk! — заорал он, когда я осмелился приблизиться к родственникам,

воодушевленно хлопавшим друг друга по спинам тяжеленными лапами. Существо оказалось при ближайшем рассмотрении седьмым, необычайно крупным гоблином, который степенно склонил голову, снисходительно отмечая мое присутствие, и одарил оценивающим взглядом.

— Я очень рад нашей встрече, — поклонился я седому папаше.

— Угу, — громыхнул тот. Видимо, отец Тагура, старик Хол, не отличался многословием.

— Послушай, дружище, — резво подскочил ко мне гоблин. — Тут до твоей пещеры — рукой подать. Даже ты до полудня успеешь. Вот тропинка, держись вон тех камней, и уж мимо точно не пройдешь. А я пойду домой! — он радостно ухмыльнулся и добавил: — Лет двадцать, почитай, отца не видел...

— Ладно, прощай, Тагур, сын Хола, — тепло произнес я. — Спасибо. Может, еще когда свидимся.

Гоблин махнул мне лохматой рукой.

— Прощай! Удачи тебе.

Я зашагал по узкой тропке, едва различимой в камнях. «Дурацкие человеческие чувства...» — промелькнуло у меня в голове, когда я бросил последний взгляд на удаляющуюся парочку, оживленно перерыкивающуюся и размахивающую лапами.

Гоблин оказался прав: минут через десять я увидел огромный темный провал в горе, из которого, словно голова собаки, отдыхающей в будке, торчала шипастая башка моего «кума».

— Пришел наконец! — обрадовался мне дракон. — А я уже высматриваю тебя, где это ты запропастился?

— Извини, мы были не так уж и близко к Мон-Кролю, как мне показалось, — утирая пот со лба и усаживаясь рядом в тени пещеры, признался я. — Как дети?

Дракон широченено улыбнулся.

— Ничего, спасибо. Ирмых их вчера летать учила. Ох, мы и повеселились! Такие неуклюжие! Как представишь, что и мы такими же были...

Я тоже улыбнулся, представляя своих «крестников», пытающихся взлететь.

— А недавно, — продолжал внимательный папаша, — научились огнем дышать... Так едва соседний лес не спалили!

— Да... Детей нужно учить осторожно обращаться с огнем, — глубокомысленно заметил я.

— Это верно, — вздохнул дракон. — А у тебя-то что стяслось? Ты так толком ничего не рассказал.

— Понимаешь, — обессиленно привалившись к стене пещеры, начал я, — иду на встречу со своим злайшим врагом, который похитил мою невесту...

— Ну надо же! — восхищенно воскликнул дракон, выдохнув от возбуждения длинный язык пламени. — Как в сказках! Надо будет детям рассказать, они сказки любят... про рыцарей там, принцесс прекрасных... Она у тебя принцесса?

— Принцесса, — слегка опешив, заверил я романтичного ящера.

— Ну вообще! Прекрасная? — восторженно забил хвостом дракон.

— Не то слово. Красавица!

— Так что мы сидим? — завозился он в пещере. — Давай, вылетаем! Мне его спалить или как?

Я предупреждающе замахал руками.

— Ни в коем случае! Мне с этим гадом поговорить надо, иначе я не узнаю, где он ее прячет. Дело в том, что встречались мы с ним дважды: в первый раз он упек меня в подземелье, а во второй — забил в колодки. Надеюсь, твое присутствие заставит его быть поучительнее, — пояснил я разочарованному змею.

— Он что, злой колдун? — деловито поинтересовался мой куманек.

— Хуже, — скептически улыбнулся я. — Он император.

— А-а, этот!.. Не понимаю я тебя, — удрученно покосился на меня дракон. — Ладно, посижу, попугаю... Только вот что... Пока не забыл!

Красный дракон несколько замялся и смущенно заскреб лапой по полу пещеры, оставляя на камне глубокие борозды.

— Тут дело такое... Нам бы со всем этим поскорее управиться, а то, понимаешь, ко мне матушка из Исландии прилететь должна, с внуками знакомиться.

Она вообще хорошая... Но характер у нее тяжелый. Ирмыых ее боится. Так что я обещал, что слетаю быстро — туда и назад, — завершил он.

— Чего уж... — Я задумчиво поскреб в затылке. — Понимаю.

Возникшая было идея использовать дракона для дальнейшего извлечения Лауры из лап императора развеялась как дым.

— Ладно, друг, — похлопав своего чешуйчатого союзника по огромной лапе, заверил я. — Летим! Знаешь, где в этих горах замок Ховерштейн?

— Знаю, — вздохнул дракон, подставляя мне заднюю лапу, чтобы я смог взобраться ему на спину. — Это тот, около которого перевал оползнем завалило?

— Да, он самый, — отозвался я, поудобнее устраиваясь между гребнями на спине.

— Тогда держись покрепче. Полетели! — он начал аккуратно выбираться из пещеры, низко наклонив голову. И добавил: — Ты как знаешь, а я б спалил! Может, после твоих разговоров его все-таки поджарить? — разворачивая роскошные кожистые крылья, мечтательно проговорил дракон.

Полет не занял много времени — изрядно прогрднув на резком альпийском ветру и судорожно вцепившись в спинной зубец, я молил Бога, чтоб тот вразумил императора растопить камин к моему прилету.

— Вон он, твой Ховерштейн! — рыкнул мой летательный аппарат. — Снижаемся?

— Ага-а-а! — закричал я, стараясь перекрыть свист ветра. Дракон сорвался в крутое пике, кровь ударила мне в уши, а глаза едва не вылезли на лоб от такой перегрузки.

Замок стремительно приближался, и вот уже можно было рассмотреть мощную башню донжона, возвышавшуюся над скалой, поросшей плющом и диким виноградом; широкий двор, огражденный зубчатой каменной стеной, и две боковые башни поменьше.

«Да, видимо, до того, как злосчастный оползень завалил дорогу, замок Ховерштейн безраздельно господствовал над единственной в этих местах дорогой», — подумалось мне, когда я с высоты драконьего полета внимательно озирал окрестности.

— О, — заметил я, указывая рукой на лес, окружавший тропу, ведущую в замок, — смотри-ка! Нас уже ждут! Это, наверное, первая линия обороны.

Внизу сквозь листву деревьев отчетливо поблескивали кольчуги и каски засевшего в чаше воинства. Дракон набрал в грудь побольше воздуху и разразился обидным громовым хохотом. Внизу начался процесс, наглядно иллюстрирующий броуновское движение. Несколько стрел с глухим металлическим стуком отлетело от брюха дракона. С тем же успехом можно было попытаться проковырять перочинным ножом лобовую броню тяжелого танка.

— Ну, как я их, хорошо напугал? — самодовольно спросил яшер, поворачивая ко мне ухмыляющуюся морду.

— Отлично! Молодец, — от души воскликнул я. — А теперь, пожалуйста, во двор! Сесть сможешь?

— Хм, обижашь! Если надо, я на крышу этой башни сяду! Держись, сейчас мы им покажем!

Развеселившийся реликт с диким ревом, от которого едва не лопались барабанные перепонки, почти коснувшись шлемов замковой стражи, на бреющем полете пересек стену и, эффектно крутанувшись во дворе, ударом зазубренного хвоста вышиб ворота. Говорить, что наше прибытие вызвало некоторый ажиотаж у обитателей замка, было бы излишне. Дракон монументально застыл на мощных лапах и, поведя длинной шеей из стороны в сторону, ощерил пасть в приветливой улыбке.

— Ну вот мы и на месте, — прокряхтел я и, с трудом двигая затекшими ногами, начал спускаться по заботливо подставленной лапе моего любезного кума. Спрыгнув на землю, я решительно направился к входу в главную башню. Замок сейчас живо напоминал музей восковых фигур: изваяния стражников, застывших в самых разнообразных позах, с одинаково открытыми ртами, и таких же бледных, как воск.

— Эй, ребята, никто не подскажет, где тут найти императора? — я в нерешительности остановился и обвел взглядом эту восхитительную декорацию нашей встречи. Молчание было мне ответом...

— Ну ладно, — пожал плечами я. — Сам найду...

Беспрепятственно миновав стражей у двери, не сводивших восторженно-испуганных глаз с огромного дракона, я начал взбираться по крутой лестнице. На верхней площадке я наткнулся на старого дворецкого Лейтонбурга. Если я верно помнил его имя, он звался Якоб.

— Добрый день, — коротко кивнул я, — его величество там?

Дворецкий, изрядно побледневший, но ничуть не забывший о своих должностных обязанностях, поприветствовал меня учтивым поклоном и прошептал срывающимся голосом:

— Мне поручено принять оружие у вас и вашего сопровождения...

Я глянул ему прямо в глаза, кладя руку на рукоять Катгабайла, и четко произнес:

— Я свой меч вам не отдам. А насчет сопровождения... Сходите во двор, может, он отдаст!

Старый Якоб отвел взгляд и сухо поджал губы. Я молча миновал верного служаку и, распахнув дверь, ввалился в императорские покой.

Его величество император Священной Римской и Византийской империи Оттон II Гогенштаufen сидел спиной к камину, зябко кутаясь в роскошную мантию, подбитую русскими соболями, холодно глядя на меня своими свинцовыми глазами. По бокам от него застыли в напряженных позах два рыцаря с обнаженными мечами, готовые по первому же знаку ринуться на меня. Некоторое время мы с императором молча разглядывали друг друга...

«А он здорово сдал за последний год», — мелькнула у меня мысль. Лейтонбург действительно выглядел не лучшим образом: обрюзгшее лицо, мешки под глазами, высохшие руки, сутулая спина... И глаза... Они и раньше не отличались особой теплотой, но сейчас... Сейчас во взгляде Оттона был только лед. Грязный мартовский лед. Комната была жарко натоплена, и тем не менее император не переставал ежиться от холода. «Трудно согреть стылую душу и рыбью кровь», — невольно подумалось мне.

— Итак?.. — неприязненно начал он, смерив меня ненавидящим взглядом. — Вы, видимо, полагаете, что я должен считать себя вашим пленником?

Я обвел глазами залу. Кроме той двери, через которую вломился я, в нее вело еще три... Мне почему-то не приходило в голову сомневаться, что за каждой из них ждет приказа отряд телохранителей.

— Ну что вы, ни в коем случае! — галантно поклонился я. — Я просто принял некоторые меры по обеспечению личной безопасности.

Император поморщился.

— Бросьте паясничать! Мне надоели ваши бесконечные шуточки при ведении серьезных дел. Граф Брайбернау сообщил мне, — холодно продолжал он, — что вы вновь строите козни против империи. Я согласился на эту встречу, чтобы либо договориться, либо покончить с вами. Что вы собираетесь мне сказать?

— Ваше величество, поверьте, у меня и мыслях не было причинять вред вашей империи. Но...

Оттон резко прервал меня:

— Вы сами не представляете, на какое дело замахнулись. Уйдите с моей дороги! Я объединил под своей рукой пол-Европы, и мне осталось совсем немного, чтобы прибавить вторую половину! Я создал нерушимый мост между империей и Левантом¹, через который христианское рыцарство может железным потоком низринуться на сарацин, освободить Гроб Господень и уничтожить этих неверных, всех до единого! Что можете вы, беспутный человек, искатель приключений, противопоставить моей железной воле? — не меняя тона, угрожающе произнес он.

«Эк его, бедного, несет! — с каким-то непонятным мне самому сочувствием подумал я. — Да по классификации Оберона он законченный демон, и ничто уже не поможет ему вновь стать человеком... А жаль. Толковый был мужик».

— Я думаю, что граф Брайбернау подробно написал вам, что именно я могу противопоставить вашей железной воле, — спокойно отозвался я.

¹ Левант — в средние века обозначение Ближнего Востока.

— Чушь! Мой брат мертв, — презрительно сказал император.

— Отнюдь. Это не чушь. Лозанна уже открыла ворота самозванцу, — пользуясь тем, что резиденция императора не была оборудована телефоном, вовсю блефовал я. — За Лозанной последовал еще ряд городов... Арелат — великолепное место для начала всеобщего восстания! — завершил я.

— Я утоплю его в крови, — равнодушно ответил Оттон, не спуская с меня своего леденящего взгляда.

— Несомненно. И тем еще больше ослабите себя. А в это время англо-французская империя наберет силу. Вы думаете, королева Элеонора зря отозвала с переговоров в Лионе графа Талейрана? — небрежно бросил я, наслаждаясь полученным эффектом. Император, ничуть не изменившись в лице, медленно хлопнул в ладоши.

— Якоб! — позвал он. — Вели подать сюда обед!

Появившийся дворецкий чопорно поклонился и вышел.

— Я вижу, что нам все-таки придется поговорить, — добавил Лейтонбург. — Надеюсь, господин Вальдар, вы не откажетесь отобедать со мной.

— Не надейтесь, не откажусь, — нагло парировал я, отнюдь не возражая плотно подзакусить. Слуги внесли в залу блюда с кабаном с вызолоченными клыками и веточкой сельдерея во рту, проворно уставили стол вокруг него оплетенными бутылками с вином. Этот натюрморт слегка повысил мне настроение.

— Усаживайтесь, — неприязненно бросил император, садясь напротив и отрезая себе кинжалом сочный ломоть мяса. — Что вам от меня нужно?

— Как? — удивился я, прожевывая изрядный кусок кабаньего бока. — Разве граф Карл-Дитрих не сообщил вам об этом?

— Увы, нет. Он пишет, что ваше требование дерзко и непристойно. Спрашиваю еще раз: что вам нужно?

— Вы похитили мою невесту, — просто ответил я. — Только она мне и нужна, больше ничего.

— Вашу невесту?! — Лейтонбург так скривил губы, будто я сказал что-то непристойное.

— Да, — с трудом сдерживая вдруг накатившую ярость, произнес я. — Мою невесту. Принцессу Лаурину Каталунскую.

Оттон некоторое время молча рассматривал меня с каким-то странным выражением на лице.

— Угу. Понятно. Вестфольдский принц претендует на арагонский престол. Так вот почему девчонка упирается!

Несмотря на тон, которым эти слова были произнесены, они прозвучали для меня музыкой.

— Я люблю ее. И поверьте мне, она не выйдет замуж за вашего сына.

— Ерунда! Арагон будет моим, — бросил император. — А вы сделали глупость, раскрыв свои намерения. Или вы надеетесь на вашего дракона? — он кивнул головой в сторону витражного окна, выходящего во двор. — Так этих тварей испокон веков убивали. Если не великими мечами, так баллистами. Я не отдам вам принцессу. Убирайтесь.

— И беспорядки в империи вас не интересуют? — с угрозой спросил я, подымаясь со своего кресла.

— Нет, — резко ответил Оттон. — Я разберусь с ними сам.

И тут я вытащил свой последний козырный туз из рукава.

— Хорошо. Каждый из нас остается при своем мнении. Вы утверждаете, что не отадите мне принцессу, я говорю, что у вас ее заберу. Предлагаю обмен. Обмен информацией!

— Что вы имеете в виду? — холодно осведомился у меня его величество.

— У вас есть то, что нужно мне. Но и я знаю кое-что, что наверняка вам необходимо. Вы помните галеру с золотом, награбленным вами в Константинополе?

При слове «золото» глаза Лейтонбурга нехорошо взблеснули, словно отточенный клинок.

— Оно цело? — деловито спросил он.

— Все до последнего грохотена. Ясон Кондалакис погиб, так и не успев воспользоваться своей добычей.

— И вы знаете, где оно? — задал следующий вопрос император Оттон.

— Да, знаю. И готов вам сообщить это место, если вы мне назовете замок, в котором содержится Лаура. Заметьте, я не прошу вас отдать ее мне. Вы можете удесятерить стражу, перевести ее в другое место... Все что угодно. Мы оставляем друг другу свободу действий. Ваше слово против моего!

Император задумчиво отправил изрядный кусок мяса в рот и начал сверлить меня изучающим взглядом.

«Если откажется, — мелькнуло у меня в голове, — разрублю пополам, и будь что будет. Обжора проклятый, все ему мало!»

Я с замиранием сердца ждал окончания затянувшейся паузы.

— Хорошо, — наконец медленно процедил Лейтонбург, жуя кусок. — Невеста моего сына содержится в замке Цатторвельде, в двух лье от Женевы.

— Константинопольское золото лежит под водой на глубине тридцать ярдов у входа в Александрийскую бухту, — глядя прямо в глаза императору, честно ответил я.

Мой противник внезапно сделал резкий свистящий вздох и, побагровев, схватился за горло, подаваясь вперед. Не понимая еще, в чем дело, я инстинктивно отшатнулся. Оттон, судорожно хватая ртом воздух, нашарил кубок с вином и опрокинул его в глотку.

Багровая жидкость полилась у него из носа, он закашлялся, посинел и стал крениться набок.

«Да он подавился куском мяса!» — догадался я, бросаясь к падающему императору. Тот судорожно отмахнулся и захрипел, пытаясь что-то сказать.

Мое движение не осталось незамеченным. Верные телохранители бросились ко мне, грудью заслоняя своего задыхающегося господина. Один из них, обнажив меч, кинулся на меня, а второй, подхватив обмякшего Лейтонбурга, потащил его в дальний угол. Все четыре двери немедленно распахнулись, и оттуда вывалились вооруженные драбанты.

— Идиоты! — закричал я, лихорадочно отбиваясь от обступивших меня воинов. — Ваш господин задыхается, ему нужна помощь!

Один из вояк, ловко поднырнув под меч, полоснул меня по ноге. По счастью, неглубоко. Я взвыл от боли, крутанул его клинок, который, разбив витраж, вылетел во двор.

— Какого черта! — возмутился я, понимая, что глупее ситуации в жизни не видывал. Я рвался оказать первую помощь своему врагу, а его верные люди, рискуя жизнью, всеми силами старались этому помешать! Ну, бред!.. В следующий момент произошло событие, заставившее воюющие стороны забыть о схватке. Кровлю башни потряс мощный удар, и часть крыши, словно сбитая ветром фуражка, отлетела с нее в сторону. В образовавшемся проеме показалась чудовищная голова разъяренного дракона, явно не расположенного вести переговоры. Воинство прыснуло в разные стороны, я же, улучив момент, дернулся было к лежащему неподвижно Оттону, но тут почувствовал сильный рывок сзади за кевларовую рубашку. Пол начал стремительно удаляться из-под ног.

— Пусти! Он умирает! — заорал я, болтая ногами в воздухе.

— Нде дедгайша! — не разжимая зубов, прошипел мой кум, взлетая над замком и крепко держа меня за шкирку, как котенка. — Шаш шадем, перележешь!

ГЛАВА 20

Вдруг откуда ни возьмись!..

Дедушка Чуковский

ыцарь в полном боевом доспехе, яростно трубя в рог, мчался через долину к холму, на котором несколько минут назад приземлились мы.

— Смелый... — поощрительно проропотал дракон, с симпатией глядываясь в гремящую железом фигуру где-то далеко внизу. — Мало таких осталось... Ну ладно, ты не забывай, если что — заходи или зови. Я полетел, а то Ирмыых уже, наверное, заждалась.

— Спасибо, ты меня выручил... кум, — искренне поблагодарил я. — Привет жене.

— А, ерунда! — ящер расправил крылья, готовясь взлететь.

— Да! — с досадой хлопнул я себя по лбу. — Все забываю тебя спросить... Зовут-то тебя как?

Дракон затормозил взлет.

— Я что, не представился? Ах я невежа! — с досадой произнес он. — Извини, Вальдар. Будем наконец знакомы: Ааард! Ну все, прощай. А то этот, — мой «новый знакомый» кивнул на рыцаря, упорно гнавшего своего коня вверх по крутой тропе, — сюда доберется скоро. Не убивать же его, в самом деле!

Огромный красный дракон свечкой взмыл в ярко-синее весеннее небо Арелата. Я помахал ему рукой на прощание. «Какие все-таки приятные создания — гоблины, драконы, эльфы, опять же... Право слово, одни люди в этом мире ведут себя не по-человечески, — думалось мне, когда я провожал глазами точку, с каждой минутой удаляющуюся все дальше и дальше. — Однако сейчас мне придется иметь дело с человеком, — возвратясь с небес на землю, подумал я и обнажил меч. — И не просто человеком, а хорошо вооруженным рыцарем».

Снизу послышался звон. На вершину холма на полном скаку внесся воин, облаченный в кольчугу и шлем, украшенный клейнодом¹, изображающим алого вепря... На его золоченом щите красовалась та же эмблема. Я застыл, словно тролль, застигнутый лучами солнца². Встречи продолжались! Передо мной был не кто иной, как Михель фон Тагель, доблестный рыцарь, с которым судьба столкнула нас четыре года назад в Трифеле.

«Впрочем, чему удивляться! — попробовал успокоить себя я. — Он же родом из этих мест. Видимо, батюшка его все-таки отдал Богу душу...»

¹ Клейнод — нашлемное украшение, служащее эмблемой владельца.

² Существует поверье, что застигнутые восходом солнца тролли превращаются в камень.

Я опустил меч к земле и стал ждать.

— Как?! Вы его отогнали? — срывая шлем, с досадой и восторгом вскричал мой старый знакомец, осаживая коня перед самым моим носом. — Вальдар Камдил? — всмотревшись пристальнее в мое лицо, удивленно произнес он. — Какими судьбами?!

Я улыбнулся и развел руками в стороны.

— А... где же ваш конь? — в полном недоумении спросил фон Тагель.

— Там, — я неопределенно махнул рукой в сторону Альп.

— Да... — уважительно протянул граф, оглядывая мою потрепанную фигуру. — Вам, должно быть, пришлось немало потрудиться... Жаль, что я не поспел к вам на подмогу.

Видок и правда был еще тот: марш-бросок по горам, императорский «обед» и полет на драконе на верняка нескованно украсили мой облик. Вдобавок меня довольно ощутимо щатало от усталости и потери крови. «О чём это он? — тупо подумал я, слушая Тагеля, усаживаясь на весеннюю травку и чувствуя, что земля медленно стронулась с места и упывает из-под ног. — А-а, он думает, что я сражался с драконом!»

— Господи! Вы ранены? — воскликнул рыцарь, спрыгивая с коня и участливо бросаясь ко мне. — Ваша нога! — он указал на бурую от запекшейся крови правую штанину. — Садитесь скорее на моего коня, я отвезу вас в замок, там вам перевяжут рану.

Я с благодарностью воспользовался этим любезным приглашением: медицинская помощь мне действительно была нужна.

— Вы не представляете, как я рад нашей встрече! — говорил граф Михель, ведя лошадь в поводу. — Осторожнее, держитесь, здесь крутой спуск.

Я старался сидеть в седле прямо, что, если честно, удавалось с трудом.

— Я каюсь, что, когда мы в последний раз виделись в Трифеле, я был весьма раздосадован тем ударом, которым вы наградили моего друга графа Брайбернау! — продолжал он. — Но если бы я только ведал причину вашего поступка...

Мой импульсивный приятель говорил без умолку, жестикулируя свободной рукой, избавляя меня от печальной необходимости поддерживать беседу. Шум в голове усиливался, слабость накатывала волнами, и я начал понимать, что последнее похождение не прошло для организма бесследно. Прежде чем пускаться в дальнейший путь, нужно было где-то отлежаться как минимум сутки, иначе пользы от меня будет не больше, чем от пляжных тапочек в Антарктиде. Смирившись с этим печальным выводом, я решил прекратить на некоторое время выслушивать восхваления моей рыцарской доблести фон Тагелем и вызвал Сережу.

— Селяне! — раздавался на канале закрытой связи хорошо поставленный голос Лиса. — Мы не говорим вам о смирении и покое! Если вы хотите в тысячный раз слушать эти сладкие речи, то ступайте в церковь. Пусть там ненасытные аббаты обманывают вас и вновь обдирают до последней нитки. Мы говорим о свободе вашей страны, свободе, которая начинается с каждого из вас. Никто не властен отбирать у вас то, что принадлежит вам по праву рождения: волю и плоды вашего труда! И если кто-нибудь говорит вам: «Вы рабы!» — плюньте в глаза ему. Ибо вы хозяева этих лугов, этих озер и гор. А ежели кто-то попытается с оружием отнять у вас все это — знайте, что он обычный разбойник и грабитель, в какие бы одежды он нирядился. Голову с плеч душегубу! Пусть помнит, что оружие в ваших руках не менее смертоносно, чем в руках прислужников старого волка Лейтонбурга! Настоящий государь император, все эти годы живший среди вас и на себе испытавший все тяготы вашей жизни, возвращает всем свободу, которую бесчестно похитили негодяи и трясы, продавшие все эти замечательные земли самому гнусному из разбойников — Лейтонбургу! Теперь свобода — ваша! Прочь продажных предателей! К оружию! Ибо если вы не защитите сегодня свою волю — как защитите вы матерей, жен и детей своих?

— Лис, Лис, остановись, ради Бога! — чувствуя, что у меня уже уши пухнут от этой красной пропаганды, взмолился я.

— А, Капитан? — Рейнар завершил свою проповедь эффектным выкриком «Вперед, за Отечество!» и сосредоточил все внимание на мне. — Какие у тебя новости?

— Можешь в свои проповеди вносить некий пикантный штрих, — сообщил я своему боевому товарищу. — Император Оттон II мертв, «и так будет с каждым!».

— Ты его все-таки грохнул? — все еще не прия в себя от революционного угаря, спросил Лис.

— Ты мне не поверишь, но я пытался его спасти и при этом был ранен его личной охраной, — честно ответил я. Рейнар присвистнул.

— Та-ак... Час от часу не легче... Ну, подробности при встрече. Рана тяжелая?

— Да, в общем-то, ерунда, но потерял много кроши, денек придется поваляться в замке у фон Тагеля.

— У Тагеля? — искренне удивился Лис. — Это у того рыжего, из Трифеля, что ли? С какой это стати ты к нему в замок направляешься? Вы же, кажется, были в ссоре? — обеспокоился он.

— Да вот, встретились случайно... Похоже, он на меня зла не держит, — успокоил я моего товарища. — А мне-то на него и вовсе злиться нечего. У меня к тебе просьба будет: я из-за этой раны теряю день, а меня Бельрун в харчевне у моста через Рону будет ждать. Так ты съезди к ним, предупреди, что все нормально... И пусть остановятся где-нибудь поблизости, не привлекая к себе внимания, а кто-нибудь из них ждет меня на том же месте послезавтра.

— Понял, сделаем, — с готовностью отозвался д'Орбиньянк.

— Да! Вот еще что... Я узнал, где находится Лаура, — добавил я.

— Да ну?! — взволнованно воскликнул Лис.

— Узнал, узнал... Император долго упирался, но потом раскололся.

— Страшная смерть! — не удержался от комментария он и тут же заторопил меня. — Продолжай, я слушаю.

— Рядом с Женевой есть замок Цатторвельде. Если в твоей швейцарской гвардии есть толковые ребята,

знающие местность, пошли кого-нибудь, пусть сползают, понюхают, что там и как.

— Ясненько... Будут еще какие-нибудь просьбы, пожелания? Чай, кофе? — переходя с делового языка на свой обычный, затараторил Рейнар.

— Нет, ничего не надо. Я поехал спать.

— Тогда до встречи у моста! — попрощался со мной Лис.

— ...И вот, когда я отказался возглавить отряд, посланный за вами в погоню, Лейтонбург сильно разгневался. Мы наговорили друг другу дерзостей... — все это время фон Тагель, видимо, так и не умолкал. — А потом, когда наш покойный император Генрих упал с лошади и сломал себе шею, а Оттон наследовал престол, мы совсем рассорились. А я к тому же вчистую проигрался, — доверительно сообщил мне граф, глядя на меня своими простодушными голубыми глазами. Солнце уже садилось, давая полную возможность рыжей шевелюре фон Тагеля освещать окрестный ландшафт. «Приятно, что все-таки в мире еще существует истинное рыцарство, — расслабленно думал я, покачиваясь в седле. — Другой бы на его месте, узнав, бросился в плен брать, а этот — на тебе, предлагает помочь и гостеприимство. Приятно иногда обманываться в людях».

— ...Отец мой вскоре умер, и я перебрался сюда, подальше от двора. Живу здесь себе, как у Бога за пазухой. Пирсы, охота, турниры. Только скучно. Особенно зимой. А у вас как? Что там фон Шамберги?

— У меня все так же. Да вы и сами видите, — едва шевеля губами от усталости, произнес я. — Росс нынче герцог и коннетабль. Арсул — адмирал и граф.

— Да? — Тагель удивленно вскинул брови. — Вот ведь как. Что ж, весьма удачно. А невеста его бывшая порыдала-порыдала, да и вышла замуж за толстяка фон Кетвига. Может, помните такого?

Я кивнул головой.

— А он-то, Росс, женился все-таки на этой английской маркизе? Ну той, что от разбойников спас? — продолжал интересоваться мой старый приятель.

— Леди Джейн Эйстон? — слабо усмехнулся я. — Она теперь английская королева.

Фон Тагель поперхнулся от неожиданности и некоторое время оглушенно молчал.

— Да, отстал я от жизни в этой глупи...

Наконец мы преодолели поросший лесом холм, и перед моими глазами открылась панорама чудесной альпийской долины, которую пересекала быстрая полноводная Рона.

— Держитесь, сэр Вальдар, — приободрил меня граф, — вон мой замок.

Он указал рукой на каменное сооружение, гордо возвышавшееся на высоком утесе над Роной и господствовавшее над всей речной долиной.

— Да, — фон Тагель усмехнулся в свои рыжие усы, — знал бы сейчас император, что я вас у себя принимаю... Он был в бешенстве после того как упустил вас с королем Ричардом. Никогда не видел его таким.

— Боюсь, что сейчас это ему уже безразлично, — после некоторой паузы ответил я.

— Вот как? И почему же? — удивился он. — Вы разве замирились?

— Нет. Конечно же, нет. Оттон умер, подавившись куском мяса.

— Умер?! — потрясенно переспросил меня граф Тагель, замерев на месте от неожиданности. — И давно?

— Недавно, — уклончиво ответил я.

— Вот как... Вот что значит жить в глупи! Все новости узнаем последними, — вновь посетовал он. — Представляю себе, то-то грызня за престол сейчас начнется! Эх, будь я электор¹, такое бы состояние себе нажил, вовек в карты не проиграть!

Завороженный этой мыслью, рыжий мечтатель умолк и задумчиво уставился на оранжевое солнце, уже задевавшее своим краем горизонт, видимо, представляя на его месте огромный солид.

Весь следующий день я целиком посвятил таким важным делам, как сон, еда, отдых и размышления о

¹ Электоры — группа светских и церковных князей, имеющих право голоса при выборе нового императора Священной Римской империи. В средние века эта должность не переходила по наследству, а была выборной.

прекрасной dame; а также о тех способах, которыми можно было бы вытащить ее из рук косорогого отпрыска Гогенштауфенов. Когда же наконец наступило утро, я взобрался в седло подаренного моим добрым приятелем коня и, тепло попрощавшись с ним, отправился вверх по Роне к мосту, где ждал «связной».

— Передавайте привет фон Шамбергу! — прокричал вслед гостеприимный хозяин и благородный рыцарь фон Тагель...

...Костер, расположенный меж каменных глыб, изображавший импровизированный очаг, весело потрескивал, согревая душу. Дикая коза, призванная утолить наш голод, целиком насаженная на вертел, шкворчала на огне, распространяя вокруг диковинный аромат. Наш временный лагерь располагался в лесу в распадке между двух холмов, недалеко от Женевы. Цирковые возы, поставленные полукругом, придавали нашей стоянке вид не то цыганского табора, не то гуситского вагенбурга¹.

— В общем, Капитан, — начал сидевший около меня Лис, — оперативная ситуация следующая: в здравом уме в замок этот соваться не следует.

— Почему? — задумчиво глядя на языки пламени, спросил я.

— По двум причинам. Во-первых, там войска до хренячье мамы, а во-вторых... — Рейнар искоса на меня взглянул и добавил небрежно: — Принцессу уже перевезли в Женеву.

Я молча посмотрел на него. Не дождавшись словесного выражения чувств, мой друг продолжал:

— Я так понимаю, они тут пирком да свадеб собирались ударно встретить Первомай, но по того, как вчера примелась взмыленная Оттонова он со скорбной вестью на устах, им всем тут стало до великого пролетарского праздника, — рассказал

¹ Вагенбурги — полевые укрепления из соединенных вместе возов, широко применявшиеся в крестьянской войне под предводительством Яна Гуса.

Сережа в своей обычной манере докладывать серьезные вещи. — Так что со свадьбой у нашего подопечного нестыковочка вышла. Поэтому лучше всего зазнобу твою арагонскую вынимать из Женевы.

— Или по дороге... — добавил я.

— По дороге? — Рейнар изумленно вскинул на меня взгляд. — Что ж, можно и по дороге. Только у меня нет настроения рубиться с сотней идиотов из ее конвоя.

— Можно подумать, в городе их будет меньше, — скептически отозвался я.

— Не меньше, конечно. Но на этот счет у меня есть пара мыслей. И если ты, Кэп, перестанешь быться в костер и переведешь свои мысли с жареного филе на что-нибудь другое, не исключено, что мы все-таки спланируем наше траурное шоу в Женеве, —язывительно завершил Лис, толкнув меня локтем в бок.

— Я не бычусь, — в тон ему отозвался я. — Я оплююсь!

— Молодец, Капитан, — покровительственно похлопал меня по плечу мой напарник. — Я и забыл, ты ж у нас орел. Ладно, давай демонстрируй, что за козыри у нас в рукаве.

— В рукаве у меня хороший пороховой заряд. Несколько дней назад наш почтенный алхимик положил начало боевому использованию пороха, разрушив собственное жилище.

— Заряд? Это хорошо... — подумав, произнес Лис. — Можно будет не морочить себе голову с выходом. Ну у меня вещи попроще — завтра утром в Женеве получат письмо от шателена¹ замка Ньенн о том, что замок осажден повстанцами Барбароссы. Я полагаю, Йоган бросит туда часть своих сил.

— А он что, действительно осажден?

— Да, — усмехнулся Рейнар. — Верные императору Фридриху войска появились там сегодня днем и потребовали сдачи замка.

— Войска? — удивился я. — Когда ты успел?

Д'Орбиньянек несколько замялся.

¹ Шателен — аналог нынешней должности коменданта.

— Понимаешь, ситуация настолько вышла из-под контроля... Нашему рыжему самозванцу императора понравилось куда больше, нежели предыдущее.

Ему уже присягнули десятка полтора местных рыцарей, а уж о добровольцах из крестьян и говорить не приходится. Я недовольно покачал головой.

— Опять лишняя кровь... Послушай, что мы творим в этом мире!

Лис проницательно посмотрел на мое философическое выражение лица и успокаивающе положил руку мне на плечо.

— А что творим? Мы честно выполняем свой долг. А насчет крови... Я могу тебе сказать одно: кровь в этом мире лилась и будет литься, с нами или без нас. Это не оправдание, это констатация факта. А меньше чем через сто лет эта страна станет называться Швейцарией и обретет независимость. Люди здесь никогда не будут вести завоевательных войн и никогда не позволят никому посягнуть на их свободу. Можешь ли ты сказать наверняка, какая кровь лишняя? — спросил меня Рейнар, и я не нашелся, что ему ответить.

— Молчишь? Тогда я продолжаю. Завтра, когда колокола ударят к вечерне, отряд лжеБарбароссы замаячит перед воротами Женевы и потребует ее сдачи. Понятное дело, что он будет невелик, и в ответ на этот наглый наезд наш импульсивный Йоган вышлет сотню-другую солдат за головой своего невесть откуда всплывшего «дядюшки».

— Ты что? — возмутился я. — Нехорошо подставлять агентов!

— Это ты что? — укорил меня Рейнар. — За кого ты меня держишь? У нас с Ла Гризом все заметано: он старый вояка и отлично знает, когда следует пускаться в бегство. Так что войск в городе мы поубавим. А ежели, скажем, — Лиса, видимо, только что посетила гениальная мысль, — устроить фейерверк не на одной, а последовательно на двух башнях, то подозреваю, что у короля Йогана завтра будет тяжелый день. Остается маленькая деталь, — жизнерадостно продолжал мой напарник. — Как незаметно проникнуть в город?

— А для этого, — заверил я, — нам следует дождаться Бельруна и устроить «мозговой штурм».

— Ага. В качестве тренировки перед завтрашним настоящим, — добавил он.

...Новости, принесенные Бельруном, были весьма неутешительны. Охрана у ворот, проверяющая всех входящих в город и выпускающая оттуда только по пропускам, подписанным комендантом Женевы, усиленные патрули на улицах и бдительная стража замка, где содержится Лаура-Катарина...

Все это никак не облегчало нашей задачи.

— Может, мне переодеться каким-нибудь нищим, прокаженным, монахом или еще кем? — отчаявшись, предлагал я различные варианты.

— Вальдар, ты совсем бахнулся! — Лис постучал себя чисто обглоданной костью по лбу. Бельрун, сидевший рядом с ним, удивленно посмотрел на менестреля. — Нищих и прокаженных в город непускают. Да и кроме того, даже если ты переоденешься самим папой римским, где гарантия, что кто-нибудь из оттоновских телохранителей тебя не узнает? Особен-но учитывая, как в последнее время тебе везет на встречи...

Рейнар замолчал и опустил глаза. Вся цирковая труппа в полном составе сидела вокруг догорающего костра. Разговор не клеился... Все мы находились в каком-то странном оцепенении, ожидании чего-то не-понятного и вместе с тем неотвратимого.

— Может, совпадение, — вяло отозвался я, в душе понимая, что высказанное мною предположение глупо и банально. Лис пожал плечами.

— Капитан, ты сам не веришь в то, что говоришь...

— С некоторых пор меня не оставляет неосознан-ное чувство, что все эти встречи более чем закономерны, — неожиданно признался я. — Каждую из этих встреч в отдельности можно вполне логично объяс-нить. Но все вместе... Сначала этот монашек с твоим плащом, затем Брайбернау... Мать и сын Готфрида, фон Тагель... да и император, черт возьми. Такое впе-чатление, что я разделяюсь с долгами. Хоть завеща-ние пиши, — попробовал пошутить я. Шутка моя явно

не удалась: друзья сидели с настороженно-серыеznыми лицами, Эжени испуганно прижалась к Люка, словно ища у него защиты.

— Ну что ты... совсем уже, — натужно-веселым тоном завел Лис. — Мессир Вальдар, вы совсем впали в уныние. Вокруг друзья, горит костер, мясо приятно тяготит желудок... Опять же небо чистое и сверху не каплет!

Рейнар задрал голову, указывая на ярко светившую полную луну. Все автоматически посмотрели на небо. Внезапно черная тень на мгновение закрыла белый лунный диск. Все ахнули.

— Ведьма, — зевнув, равнодушно пояснил Бельрун. — Полетела на гору Брокен. Сегодня же Вальпургиева ночь¹... Жано! — неожиданно прикрикнул он на силача, провожающего взглядом темную точку в небе, залитом серебристым сиянием. — Что уставил? Вон, видишь, костер совсем погас. Сходи за хворостом!

— Не пойду, — жалобно ответил Железный Ролло. — Я всякой нечистой силы боюсь!

Глаза Винсента Шадри возмущенно засверкали.

— Стыдись! Здоровенная дубина, а на пять шагов отойти боится! А ну марш за дровами!

— Почему именно я? — обиженно моргая и косясь на темную стену леса за спиной, пробасил он. — Вон, Сэнди же тоже...

— Сэнди не боится, а ты боишься, — наставитель-но отвечал Бельрун. — Так что пойдешь ты. А то так и проживешь всю жизнь — телок телком.

Ролло нерешительно поднялся и направился в лес.

— У-у-у-у! — громко завыл Лис. — Чудовище вида ужасного схватило ребенка несчастного... — продекламировал он какую-то чушь. Эжени хихикнула.

— А-а-а!!! — раздался отчаянный вопль Жано и треск ломаемого подлеска. Все вскочили с мест, и тут на поляну буквально вылетел Ролло с безумно выпученными глазами и свежей царапиной через всю щеку.

— Ведьма!!! Я же говорил! Она упала!!

— Глупости! Как она могла здесь свалиться? —

¹ Вальпургиева ночь — ночь с 30 апреля на 1 мая. Праздник темных сил, шабаш на горе Брокен, в Южной Германии.

возмутился Деметриус. Люка загородил собой взвизгнувшую девушку, Сэнди дернулся защищать своего бестолкового друга, Бельрун схватился за кинжалы...

В лесу послышался шорох, и вслед за обезумевшим от страха Ролло угрожающе выдвинулась двухметровая тощая фигура с обнаженным клинком в руках.

— Это не ведьма... — обескураженно протянул Винсент. — Определенно, у нее не помело.

Фигура сделала еще шаг, и в свете костра стало видно, что это женщина.

— Не ведьма? Это кому как... — отодвигаясь назад, произнес я. Лис, глядываясь в неожиданную посетительницу широко раскрытыми глазами, усмехнулся и сочувственно похлопал меня по плечу.

— Мы тут, кажется, что-то говорили о случайных встречах... Прыся! — бросая посох и разводя руки для объятий, возопил он. — Какими судьбами?

Сарацинка растерянно заморгала, а затем, послав клинок в ножны, бросилась к Лису.

— Вах! Шайтан-балаши!

— Инфан-терриблъ, — автоматически перевел я группе обалдевших артистов, созерцавших эту трогательную встречу.

ГЛАВА 21

Здесь вас ожидают прекрасные курорты, чудесный горный воздух, множество аттракционов и других увеселений.

Путеводитель по Швейцарии

ся наша компания, не исключая меня, продолжала взирать на несуразную фигуру, освещаемую неверными бликами костра. Казалось, даже личное знакомство Рейнара с этой представительницей лучшей половины человечества не убавило опасений ни у Бельруна, ни у Люка, ни уж тем более у Ролло.

— Господа! — церемонно склоняясь перед сарацинкой, воскликнул Лис. — Я счастлив представить вам статс-даму ее высочества принцессы

Арагона! Прошу любить и жаловать — мадам Присцилла Харибда! Настоятельно прошу любить и жаловать, — с нажимом добавил он. Лицо мадам дрогнуло в попытке изобразить приветливую улыбку.

— А это, — гайренский менестрель широким жестом обвел нашу теплую компанию, — наши новые друзья. — Он перечислил всех по именам. Шаконтон, имевший счастье ранее знать сию очаровательную леди, первым нарушил всеобщее оцепенение и вежливо подошел поздороваться, после чего Лис взял Присциллу за кончики пальцев и церемонно повел к kostru.

— Я думаю, мадам проголодалась в пути? — поинтересовался он, беря на себя роль галантного кавалера. Статс-дама ее высочества вместо ответа алчно взглянула на остатки козы и, взяв небольшой кусочек жаркого, отправила его в рот.

— Откуда ты здесь, Присцилла? — задал вполне закономерный вопрос Рейнар.

И тут она заговорила. Заговорила на той невообразимой смеси испанского, французского и родного своего наречия, которую в лучшем случае можно было принять за саракинскую речь, а уж для взыскательного уха истинного француза подобная какофония звучала просто оскорбительно. Мы с Лисом, задействовав нашу программу «Мастерлинг» и собственные языковые способности, взяли на себя неблагодарную роль переводчиков.

— Когда на корабль напали, я многих убила, — перевели мы. Вариант «меня много убил» мы отбросили за полной его абсурдностью.

— Потом эти собаки зарезали всех, кроме женщин, — продолжала свой рассказ Присцилла Харибда. — Камеристок и фрейлин решили продать. За такую старуху, как я, не выручишь много, — с усмешкой объявила она, — и меня оставили служанкой при моей девочке.

— Ну что ты, Прыся! — возмутился Лис. — Какая же ты старуха! Они просто слепцы!

— Однако на этот раз их слепота оказалась нам на

руку, — прервал я поток комплиментов в адрес смущившейся сарацинки. — Рассказывай дальше.

— Нас повезли сюда, я вела себя тихо, но все время наблюдала. Когда узнала, кому собираются отдать маленькую Лауру, я решила убить этого... — та характеристика, которой верная телохранительница наградила короля Йогана, была просто непереводима. Лис зажмурился от восхищения.

— Жениха нет — свадьбы нет, — подытожила свою мысль Присцилла.

— Как же тебе удалось сбежать? — спросил я.

— Задушила стражника, — небрежно пояснила она, впиваясь зубами в изрядный кусок жаркого. Зная, с какой легкостью эта дама натягивала аварский лук, можно было предположить, что смерть несчастного была быстрой. Мы не стали допытываться, каким именно способом пылкая дочь Востока намеревалась отсечь еще одну ветвь от генеалогического дерева Гогенштауфенов; вместо этого я обрадовал ее известием, что свадьбе в ближайший год и так не бывать в связи с безвременной кончиной папаши-императора. Услышав о моем рыцарском подвиге, Прыся резво вскочила и бросилась меня обнимать. Я поспешил войти в клинч¹, дабы избегнуть печальной участи, уготованной императорскому отпрыску. Признаться, я еще тешил себя надеждой лично поучаствовать в церемонии предстоящего бракосочетания. В роли жениха, разумеется.

— Сцена вашей встречи безумно трогательна, — раздался насмешливый голос Бельруна. — Но вернемся к нашим баранам². Я полагаю, нам следует обсудить план дальнейших действий, — добавил он.

— Ты прав, — ответил я, высвобождаясь из жуткого захвата мадам Присциллы. — Пора заняться делом.

Мы опять уселись вокруг костра, в который Шаконтон все же успел подбросить дров.

¹ Клинч — боксерский термин. Означает обхват противника (при этом желательна фиксация его рук).

² «Вернемся к нашим баранам» — фраза из известного фарса времен раннего средневековья «Адвокат Пьер Патлен».

— Лис, ты можешь мне нарисовать план Женевы? — задал я первый вопрос.

— Без проблем, — отозвался мой напарник, вооружаясь веточкой, расчищая большую площадку от камешков и присыпая ее пеплом. — Вот здесь цитадель. Вот ворота... Под этой башней — Рона, а дальше озеро, — комментировал свой чертеж он.

— Ага... угу... Значит, так, — начал я. — Достоверно известно, что принцесса находится в цитадели. Силой туда на пробъешься. Значит, будем действовать хитростью.

— Это по-нашему, — одобрительно поддержал меня Винсент.

— Так, нам понадобится два воза. На них мы погрузим древесный уголь. Думаю, это не вызовет подозрений.

— Что-то я не понял... Зачем нам везти древесный уголь в Женеву? — удивился Люка Руж.

Я усмехнулся и вежливо обратился к алхимику:

— Мастер Деметриус, я думаю, у вас не возникает вопросов, зачем нам понадобился этот ингредиент? Вам представляется еще одна возможность испытать свое огненное зелье.

Мэттью оживился и затаращел:

— Но где я возьму столько соли, всех солей? У меня еще осталось немного, но этого мало!

— Я знаю в Женеве одного алхимика, — задумчиво проговорил Бельрун. — Полагаю, за определенное вознаграждение он поможет нам в этом.

— Винсент, это надо выяснить как можно раньше, — встревоженно сказал я.

— О! — радостно вскричал Деметриус. — Теперь я смогу воочию наблюдать проявление огненной сущности! Но... надеюсь, при этом никто не пострадает? — с сомнением добавил он.

— Уверяю вас, нет, — успокоил я алхимика. — Один фургон надо будет поставить здесь, — я ткнул в одну из дальних башен. — А второй... второй будет находиться тут, — мой палец переместился на башню, выходившую прямо к Женевскому озеру. — Здесь к реке спускается водосток, который запирает кованая ре-

шетка. Это наша вторая цель. Лис, оба взрыва — твоя забота.

— Но учтите, — предупредил Деметриус, — это очень опасно! Поэтому я...

— Рейнар уже имел дело с подобными вещами, — прервал я нашего алхимика.

— Как?!? — задохнулся от возмущения тот. — И вы молчали?!

— А я не понимаю, для чего вы хотите разрушить крепость в двух местах, — проворчал клоун.

— Первый взрыв нужен для отвлечения внимания стражи от истинного места нашего побега, — терпеливо пояснил я. — Когда все сбегутся к первой башне, мы уйдем через водосток. Вот тут мы доходим до вашей задачи, Люка, — обратился я к катару.

— Я вас слушаю, — внимательно глядя на меня своими черными мрачноватыми глазами, ответил он.

— Вы что-нибудь смыслите в лодках? — спросил его я.

— Не очень...

— Я смысллю! — неожиданно отозвалась Эжени. — Я же родом из Бретани, выросла на берегу моря...

— Это удача, — обрадовался я. — Видите, вам и тут не придется расставаться. Люка, вы с Эжени должны будете нанять барку, по возможности вместительную и быстроходную. Затем вы возьмете самое необходимое, погрузите туда и вместе с почтенным Деметриусом будете карабулить у башни. Страйтесь держаться недалеко от берега, так, чтобы сразу после взрыва иметь возможность быть рядом. Так... Да! Присцилла, если не возражаешь, у тебя тоже будет задание.

Статс-дама выразительно на меня посмотрела, всем своим видом показывая, что не возражает.

— Ты возьмешь коней — моего и Рейнара — и будешь ждать недалеко от той же башни.

— А зачем нам кони, если мы собираемся уходить на барке? — заинтересованно спросил Бельрун.

— След лодки на воде незаметен. А вот след копыт на земле виден отлично. И если Йоган Кривоустый, очухавшись, пошлет погоню не в ту сторону, это даст нам возможность выиграть время.

— Я не поеду в другую сторону, — решительно заявила Присцилла Харебда, из всего моего пояснения понявшая только одно: от нее пытаются избавиться. — Я поеду с моей любимой девочкой!

— Ну что вы, мадам! — галантно вклинился Лис. — Куда же мы без вас! Мессир Вальдар хотел сказать, что вы будете первой, кто встретит принцессу на свободе. А коней мы отпустим. Жалко, правда. Тем более, они остановятся у первого же ручья, и погоню далеко увести не удастся... — посетовал он.

— Я... того... — вдруг смущенно протянул молчавший все это время Жано. Вид у него был печальный и слегка виноватый. — Я давно хотел сказать... Я с вами дальше ехать не могу.

— Что, струсил? — угрожающе спросил Винсент.

— Да нет... В крепость-то я пойду, а дальше... Зачем мне куда-то бежать? Вы ж на юг собираетесь. А мне в Овернь надо, к Мадлен.

— К Мадлен? — насмешливо повторил Винсент. — А с чего это ты взял, что ты ей нужен?

Силач совершенно растерялся и, густо покраснев, пояснил:

— Она... она меня на прощание поцеловала... В лоб, — добавил он. — И сказала, чтобы я возвращался. Так что это я о том, что ежели господин рыцарь не против, так я мог бы коней повести.

Шаконтон встревоженно посмотрел на Железного Ролло.

— Это опасно, Жано! Тебя могут догнать и убить.

— Ты, Сэнди, за меня не тревожься, — благодарно отозвался тот. — Авось не поймают. Кони славные! — любовно добавил он, оглядываясь на наших скакунов.

— До Франции недалеко... Рискну.

— Ну что ж, — вздохнул я. — Значит, так тому и быть. Спасибо, Жано! И удачи тебе.

Атлет улыбнулся и кивнул.

— И вам удачи... Заезжайте к нам!

— Так, — Лис решительно поднялся, разминая затекшие конечности. — Все это, конечно, очень красиво. Только ты упустил маленькую деталь своего блес-

тящего плана. Как нам до Лауры добраться? — он требовательно уставился на меня.

— У меня есть один план... — замялся я. — Но о нем я расскажу позже. Простите, но об этом должно знать как можно меньше людей. Любезнейший Деметриус, у вас уже слипаются глаза. Ролло, Эжени... Вам тоже следует отдохнуть. Люка, — обратился я к клоуну, — отведи всех в повозку, и ложитесь спать.

— Но почему? — попробовала запротестовать наездница. — Я тоже хочу...

Люка молча поднял ее на руки и понес к фургону.

— Не обращайте внимания, господа, — успокоил всех Лис. — Господин рыцарь, как обычно в подобных случаях, хочет немного поsekretничать.

Присцилла Харибда решительно поднялась и, бросив на меня настороженный взгляд, удалилась к одной из повозок.

У костра остались только мы с Лисом, Бельрун и Сэнди...

— Винсент, — обратился я к владельцу цирка. — Мне необходимо воспользоваться твоим зверинцем.

— И каким образом, если не секрет? — подняв брови, спросил меня Бельрун. — Надеюсь, ты не собираешься с помощью удава взбираться на крепостную стену? Боюсь, ему это не понравится.

— Нет, — разуверил я своих смеющихся друзей. — Я желаю сделать небольшой подарок его величеству королю Арелата. Удава, мартышек, а главное — пару великолепных леопардов.

— Пару? — изумился Винсент. — А где мы возьмем второго?

Лис в ужасе обхватил свою голову, видимо, догадавшись о моих намерениях.

— А вторым буду я, — глядя в глаза ошарашенному месье Шадри, серьезно произнес я.

Над поляной повисло долгое молчание. Реакция Сэнди была такой, как я и предполагал, — он явно слышал от леди Джейн историю с Божьим судом и потому не выказал ни малейшего удивления.

— Ах, да, — нарушил паузу Бельрун. — Ты же вест-

фольдинг. А у нас в Нормандии говорят, что они все оборотни.

— Ну, это некоторое преувеличение... — разуверил его я. — Но в данном случае все верно.

— Хорошо, допустим, — вмешался Лис. — Хоть эта идея мне не по душе, но она не лишена элегантности и здравого смысла. Но какой, к черту, подарок? От кого? Кто об этой свадьбе вообще знает? Лейтонбург... уж не знаю, какое ему там сейчас царствие, вроде бы о свадебных празднествах не объявлял.

— Это верно. А вот о коронации младшенького объявлял, — медленно проговорил я. — И французский король вполне мог послать ему по этому поводу экзотический подарок, как это принято у монархов всего мира.

— А где... — Лис потряс в воздухе руками, — официальное уведомление с королевской печатью, сопровождение... так сказать, накладные?

— Сопровождением беда приключилась, — скорбно произнес я. — Его в горах лавиной накрыло. Вместе с письмом, естественно. Вот возницы и решили, что, чем во Францию возвращаться, лучше уж подарок до Женевы довезти.

— Ладно... — сдался Рейнар. — Все вроде складно получается. Ну а как ты превращаться думаешь?

Я тяжело вздохнул, ибо этот вопрос до конца мною так и не был изучен. Я сильно надеялся на полнолуние, Вальпургиеву ночь и метод господина Станиславского.

— Ну-у, сниму распятие и ладанку, настроюсь...

— Войдешь в образ, — подсказал мне Лис. — Надеюсь, ты плотно поужинал? А то как бы не... Ребята, — опасливо обратился он к Сэнди и Бельруну, с широко раскрытыми глазами слушавшим этот бред, — я бы вам посоветовал отойти. Ты превращаться сейчас будешь?

— Наверное, сейчас, — неуверенно предположил я. — Не утром же.

— Так, Вальдар, — деловито обратился ко мне д'Орбиньянк, — ты пока человек, расскажи, что с тобой делать?

— А что делать? Сажайте в клетку...

Лис поперхнулся.

— Вот это ты сам уж как-нибудь! О! Мы тебе туда костей накидаем.

— Бред! — замотал головой Винсент. — Вы что, серьезно? Какой бред!

Сэнди тоже явно чувствовал себя не в своей тарелке.

...Я не стану подробно описывать попытки бесплодного рычания, прыганья по деревьям в неглиже... в общем, всего того, что Лис называл «вхождением в образ».

— Гнусное лицедейство, — констатировал Рейнар, вдоволь налюбовавшись на это буйное помешательство. — Пошлое, жалкое дилетантство!

Я стоял, клацая зубами от ночной сырости, среди деревьев, куда мы благоразумно удалились для проведения этого эксперимента, и чувствовал себя эталоном идиотизма.

— М-да... — Лис поскреб небритый подбородок. — Остается последнее средство. Набросай на себя каких-нибудь фиговых листьев и жди меня. Я скоро.

...Прошло около часа, а может быть, и больше, не знаю. Небо над нами уже начинало сереть. Утомившись ждать своего друга, я завернулся в плащ и задремал, прислонясь спиной к дереву. Винсент и Шаконтон, отчаявшиеся дождаться моего превращения, отправились в лагерь и наверняка уже спали. Я тоже уже начинал видеть сны, когда...

Мое дремотное оцепенение было разорвано в клочья свирепым лаем. Первое, что я увидел, открыв глаза, были оскаленные собачьи морды... Мир передо мной поплыл багровым туманом, и какая-то дикая неведомая сила, томившаяся где-то в глубине моего естества, с неодолимой мощью рванулась наружу, коверкая и перекраивая одним ей известным способом то, что еще мгновение назад было человеческим телом благородного рыцаря Вальдара Камдила.

...Толстые прутья клетки ограждали меня от вольного мира. «Как же им удалось меня поймать?»

По ту сторону решетки маячили фигуры каких-то людышек, переговаривающихся между собой.

«Подлые создания! Ничего не помню... Как же я тут очутился?»

Я злобно забил хвостом по дощатому полу клетки. «Что за кости тут валяются? Что я им, гиена — кости жрать?» Я издал возмущенный рык, который раскатисто прозвучал в окрестном лесу, пугая птиц. Где-то раздалось ответное рычание.

«Не одного меня поймали... Как же им это удалось? Разорву на части, пусть только кто-нибудь подойдет!»

Один из людей приблизился к моей тюрьме.

— Ну что, Вальдар? Как дела?

Я задумчиво посмотрел на человека. В его чертах было что-то смутно знакомое.... Что-то с ним было связано... «Ничего не помню. Наверное, он меня корчит. Интересно, куда это нас везут?» Во всяком случае, разрывать на части людей расхотелось. Сквозь прутья решетки виднелась пыльная дорога, по которой с омерзительным скрипом катились возки.

— Привет, красавчик! — услышал я мурлыканье своей соседки. — Ты откуда взялся?

«Откуда... Знать бы откуда».

— Издалека! — злобно рыкнул я.

— Грубиян! — кокетливо промяукала моя соседка.

Однако мне было не до разговоров с глупой девчонкой. Неудержимо хотелось спать...

Разбудил меня звук трубы.

— Да почем я знаю, куда ставить эти клетки?

— Дык ведь как же, ваша милость? Не на улице ж их оставлять! Звери диковинные, мы их из самого Парижу везли! А тут всадники на улице, еще затопчут, — раздавались чуть ли не над моей мордой человеческие голоса, один из которых показался мне знакомым.

— Иди к шателену... Хотя нет, тот сейчас занят, так что иди прямо к секретарю его величества, пусть он распорядится! — сердито басил детина, от которого шел мерзкий запах дубленой кожи.

«А вот этого я, пожалуй, разорвал бы», — я зарычал и бросился грудью на прутья. Человек отпрянул.

— Тыфу, погань пятнистая! Сдались тебе эти клетки. Завози их в сад да поставь где-нибудь за стеной в зверинце, чтобы никто не видел!

— Спасибо, ваша милость! — поклонился тот, чей голос был мне знаком. — Спасибо, господин рыцарь! Вы не сомневайтесь, я мигом. Мой мальчик постере-жет этих зверюг. Они к нему привыкли.

Он повернулся и побежал куда-то. Мою клетку качнуло, и мы стали медленно въезжать в ворота. Наша повозка остановилась у каменной стены, ограждавшей большой сад. Рядом находилось множество других клеток. Я почувствовал знакомый дразнящий запах антилопы. «Добыча! Где-то совсем близко!» Я нервно забегал по клетке, сдержанно рыча. Человек, привезший меня сюда, поспешил протянуть на палке сквозь прутья клетки изрядный кусок мяса. Я сбил его лапой и гневно зарычал.

«Жалкие подачки! Рядом живая антилопа! Ну да ладно», — я принял терзать свою неказистую добычу. Судя по звукам, моя соседка тоже получила свою долю.

Человек, внимательно оглядевшись, подошел к соседней клетке и отодвинул засов. Молодая самка леопарда радостно выскочила из нее и запрыгала по траве, весело размахивая хвостом.

— Ну что, дорычался? — съехидничала несносная девчонка, прыгая передо мной и демонстративно облизываясь. — Вот я сейчас пойду загрызу антилопу, а ты тут сиди!

— Я тебе сейчас все пятнышки со шкуры сдеру! — возмущенно рычал я в справедливом гневе. Это ж надо, молодую дурочку выпустили, а меня нет!

— Давайте, мессир! — человек бегал вокруг развеселившимся леопардихи и пытался накинуть ей на шею какую-то блестящую штуковину. — Ну что же вы, одевайтесь скорей! Сейчас же стражники придут!

«Имя у нее какое-то дурацкое — Мессир», — с досадой подумал я. Наглая кошка драла когти о мою клетку.

— Ой-ой, испугалась! — совершенно игнорируя

попытки человека набросить на нее эту штуку, она отскочила в сторону. — Лучше выходи, вместе побегаем!

Я вновь зарычал от бессилия и злобы.

— Сэнди!! — раздался еще один возмущенный вопль. — Что ты делаешь?!

— Он не желает надевать... — оправдывался Сэнди.

— Конечно, не желает! — заорал возвратившийся старший человек. — Это же наша леопардиха!

Он вырвал из рук растерявшегося парня блестящую вещь и, подскочив ко мне, рывком отодвинул засов. Я ринулся вон из клетки. И не успел я ничего сообразить, как человек накинул на меня что-то тяжелое и нестерпимо жгучее. Я зарычал от боли и рухнул наземь, теряя сознание.

...Страшный грохот привел меня в чувство.

— Вставайте! Вставайте, мессир! Да вставайте же, черт возьми! — теребил меня Бельрун.

На мое лицо обрушился поток воды.

— Вы что?! — заорал я, вскакивая. Передо мной стоял Сэнди, бледный, с моим мечом в одной руке и звериной поилкой в другой. За ним маячили две пустые клетки... Туман в моей голове начал понемногу рассеиваться.

— Вальдар, одевайся! Одевайся, и бежим, иначе мы пропали! — закричал Винсент, швыряя в меня штаны. — Потом все вспомнишь!

Я буквально одним движением впрыгнул в кожаные штаны.

— Сэнди, хватай остальное! Отдай меч! — я вырвал у него Катгабайл и побежал за Бельруном.

В дворце царила страшная неразбериха, и наше появление отнюдь не внесло ясности в окружающую обстановку. Особенно если учесть, что в пяти шагах впереди нас неслась радостная леопардиха, а мой голый торс и блистающий меч наводили на мысль о нашествии варваров.

— Покой принцессы недалеко, — задыхаясь на бегу, объяснял Бельрун. — Вон та галерея, за ней лестница, направо дверь...

В боковых переходах мелькали спины убегающей челяди. Мы выскочили на лестницу. Леопардиха мча-

лась впереди, ощерив в радостной улыбке свои двухдюймовые клыки.

— Здесь! — ткнул пальцем Винсент в крепкую дверь с золоченой ручкой. Судя по окружающему нас великолепию, мы находились в королевских покоях. Но любоваться интерьером у нас не было времени. Я толкнул дверь плечом. Она оказалась запертой. Впрочем, ничего удивительного в этом не было.

— Сэнди! — крикнул я. — Держи кошку! Винсент, давай! Раз, два, три!

Мы одновременно по команде бросились в створ дверей. Те затрещали, но не поддались. Еще удар, еще... С четвертого раза замок беспомощно звякнул, освобождая нам путь, и мы с Бельруном по инерции ввалились в покой принцессы. Я поднялся с колен, озираясь. Комната была пуста.

— Что за черт? — начал я...

И тут стоявший сбоку от входа каминный экран¹, самопроизвольно издав дикий визг, свалился на стоявшего рядом Винсента.

— Вальдар!!! — Лаура, подобно чернохвостой комете, вылетела из своего убежища, бросилась мне на шею и повисла на ней, изо всех сил колотя в воздухе ногами. Не знаю, напоминало ли это сцену из рыцарских романов, но лично я был счастлив.

— Лаура! — пользуясь нашим стремительным перемирием, я запечатлел пылкий поцелуй на ее устах и потянул за собой. — Нам надо торопиться!

Винсент, выбравшийся из-под экрана, с улыбкой наблюдал за нами.

— А это кто? — Лаура-Катарина огляделась, наконец обращая внимание на окружающую действительность. — А где Рейнар? Почему ты, собственно говоря, голый? — засыпала она меня вопросами.

— Это Бельрун. Рейнар нас ждет. Все остальное потом, — скороговоркой выпалил я, упорно таща наследницу арагонского престола за собой и включая средство связи.

¹ К а м и н н ы й э к р а н — род небольшой ширмы, ставящейся перед камином, чтобы уменьшить жар.

— Лис! Мы ее вытащили! Как там у тебя?

Рейнар, тяжело дыша после быстрого бега, навевшивал мешочек с порохом на толстенные кованые прутья решетки, заграждавшей путь к реке.

— Нормально! Первой башне каюк, — отозвался он. — Слышал?

— Рви решетку, мы уже бежим!

— Ой, что щас будет, что щас будет... — приговаривал д'Орбиньяк, заправляя в мешочек пропитанный маслом лоскут. — Слабонервных просьба удалиться. — Понимая, что то, что сейчас будет, я услышу и без мыслесвязи, я отключил канал.

Мы скатились по лестнице и пулей вылетели в сад. Длинное платье из тяжелого вишневого бархата с черной оторочкой изрядно сковывало движения несчастной принцессы. Сэнди, каким-то невероятным образом ухитрившись приманить леопардиху, мчался сзади.

— Осторожно! — закричал Бельрун. — Справа!

Стражник, отпирающий нам ворота, видимо, все же заподозрил что-то неладное и кинулся наперерез. Лезвие алебарды, суматошно выброшенной им вперед, едва не задело плеча девушки. Лаура вскрикнула, отклоняясь назад, и едва не упала, запутавшись в длинном подоле. Я одним ударом отсек наконечник, оставляя обалдевшего стражника любоваться на палку, зауженную у него в руках.

— Куда мы бежим? — задала еще один своевременный вопрос принцесса.

— К водостоку! — ответил я.

— К водостоку?! Я туда не полезу! — она остановилась и капризно топнула ножкой.

— Нет, полезешь! — дернул ее за руку.

— По какому праву ты мной командуешь? — возмутилась растрепанная красавица, сдувая упавшую на глаза прядь волос.

— По праву жениха, — рявкнул я. Девушка обалдела захлопала пушистыми ресницами. Я вздохнул и опустился на одно колено.

— Лаура, послушайте, будьте моей женой, — запинаясь, проговорил я, с трудом переводя дух.

Принцесса прерывисто вздохнула и, одарив меня восторженным взглядом, тихо прошептала:

— Ну конечно же, я согласна, Вальдар...

— Тогда бегом! — я подхватил ее на плечо и бросился к башне, где ждал нас Лис.

ГЛАВА 22

Ничего на свете лучше нету, чем
бродить друзьям по белу свету.

Один трубадур

так, побег удался! Барка, своевременно подошедшая к берегу, подобрала нас, и теперь быстрое течение Роны несло ее вниз, к морю. Подгоняемое мистралем¹, судно двигалось резво для такого грузового тихохода. Вся наша теплая компания расположилась на обширном сеннике под матерчатым навесом, находившимся на корме. Обессиленный превращениями и тревогами минувшего дня, я, кажется, рухнул в него, как только мы ступили на борт. И вот теперь, проснувшись в несусветную рань, что было мне глубоко чуждо и, более того, противно, я пытался сообразить, что же меня разбудило.

Над головой покачивалось едва светлеющее небо. Рядом завозилась сонная Лаура, блаженно посыпающая на моем плече, и что-то пробормотала. Я осторожно погладил ее по спутанным черным локонам, и она счастливо улыбнулась во сне.

— Эй, Виль! — услышал я негромкий окрик, раздавшийся с бака. — Клади руль налево, сейчас будем поворачивать.

Невидимый мне лодочник завозился у рулевого весла. Я с усмешкой вспомнил собственные опасения по поводу владельцев барки. Признаться, вначале мне думалось, что придется высадить этих двух крепких

¹ Мистраль — сильный северный ветер, дующий с гор по долине Роны.

светловолосых корабельщиков, похожих, словно братья, где-нибудь здесь же, на берегу, чтобы они не мешались и не спутали наши карты. Однако их реакция на появление из водостока нашей великолепной семерки меня просто восхитила. Их непробиваемого спокойствия не смогла смутить ни измазанная сажей рожа Лиса, ни огромный Ролло, только что вырвавший решетку из каменной стены, ни полуголый рыцарь с мечом в руке и богато одетой красавицей на плече. Они лишь опасливо покосились, как на что-то диковинное, на огромную пятнистую кошку, ревившуюся у ног отчаянно ругающегося Сэнди, и вежливо осведомились, входит ли данное животное в число пассажиров. После того, как нам общими усилиями все же удалось отогнать леопардиху, мы дружно ответили, что это провожающие, и, оставив Ролло и зверюгу на суше, погрузились в барку. Оба моряка мгновенно вернулись в свою первозданную флегму и, деловито и неторопливо оттолкнувшись шестами от берега, вывели судно на середину реки.

— Нравятся мне эти горячие швейцарские парни, — промолвил Лис, с восхищением глядя на невозмутимых корабельщиков. — Знаешь, по-моему, хлопот с ними не будет.

— Хочется верить, — пробормотал я, обрушиваясь в сенник. Это было последнее, что я помнил...

И вот теперь я лежал, как болван, с открытыми глазами и не мог заснуть. Тихо поскрипывала рея, барка легко покачивалась на волнах Роны... И тут я понял. Понял, что меня разбудило. Сбоку от меня раздавался тихий женский плач. «О Господи, что еще могло случиться?» — мелькнула у меня суматошная мысль. Я попытался незаметно приподняться, но побоялся разбудить Лауру.

— Ну почему, почему ты говоришь мне эти ужасные вещи? Я никуда от тебя не уйду! — раздался приглушенный голос Эжени.

— Пойми, моя родная, это неизбежно. Мы должны расстаться... Ты молода и красива, у тебя есть друзья, они о тебе позаботятся. Ты обязана быть счастливой за нас двоих! Мне необходимо уйти. Разве ты не ви-

дишь — я приношу несчастье всем! — прозвучал в ответ хриплый голос Люка.

— Не вижу! — всхлипнула девушка. — Я без тебя счастлива быть не могу! Послушай, глупый ты человек, с чего ты решил, что тебе нужно уходить? Смотри, Вальдар нашел свою принцессу, мы плывем к ее отцу, королю. Наш друг не оставит нас, и мы сможем жить спокойно и тихо, никуда больше не ездить... У нас будет свой дом!..

— Да пойми же ты, — резко и гневно перебил ее Люка, — я не могу жить спокойно и тихо! Не должен. Не имею права! Моя душа отягощена убийством, а моя вера... — в голосе печального клоуна звучала боль.

— Ненавижу твою веру, — тихо и с угрозой проговорила Эжени.

— Молчи! — прикрикнул на нее Люка. — Ты ничего в этом не смыслишь. — Девушка вновь приглушенно зарыдала.

Я лежал с открытыми глазами и думал, пытаясь осознать услышанное. Признаться, я не мог понять, о чем шла речь у этой, казалось бы, счастливой пары. Одно было ясно совершенно точно: что повседневная мрачность нашего клоуна, которую я приписывал его природной меланхоличности, имела под собой более глубокие корни. Люка непрестанно страдал. Каждый час, каждую минуту. Эжени можно было только почувствовать; и мне было искренне жаль эту славную девушку, полюбившую такого странного человека. «Боже мой, — пронеслось у меня в голове. — У меня под боком все это время разыгрывалась драма двух, в общем-то, близких мне людей, а я ничего не видел...» Соображения внешней политики и мои личные проблемы вновь заслонили для меня все. А впрочем, что бы я смог сделать, если бы знал? Переубедить фанатичного катара не переживать так глубоко смерть убитого им человека? Это поистине невозможно! Оживить его наверняка случайную жертву?.. И тут другая мысль, словно клин, вонзилась в мозг. «Человек после совершенного им убийства считает себя недостойным счастья, любви, да что там — жизни... А я?»

За все эти годы я, не особенно задумываясь, отпра-

вил на тот свет массу народа. Да, все они были опасными врагами, и если бы не я их, то они меня... Но все-таки не они, а я... Это уже стало обычной работой, нормой, одним из методов решения экстремальных ситуаций. Заслужил ли я свое счастье? Да и вообще, что оно для меня?

Счастье, мирно спящее на моей руке, приоткрыло глаза и сонно спросило:

— Ты почему не спишь?

— Сплю, милая, сплю... — ответил я, успокаивающее погладив ее по плечу. Я закрыл глаза, вслушиваясь в утреннее пение птиц, доносившееся с зеленых берегов Роны, и сам не заметил, как действительно заснул.

... — Джокер-1, ответьте Базе! Джокер-1, ответьте! Вы что там, заснули?! — зазвучал у меня в мозгу знакомый голос, возвращая меня с феодальных небес на служебную землю.

— Заснул, — виновато ответил я. — База, слушаю тебя, я Джокер-1.

— Пора вставать. Дело уже к полудню, — смягчаясь, ответила диспетчер. — С добрым утром!

— Что, действительно уже полдень? — поздоровался я, ошелошло оглядываясь по сторонам. Под навесом было пусто — все уже давно встали. — Заспался я, однако. Рейнар! У нас все чисто? — крикнул я своему напарнику, который с отрешенным видом музиковал на мандоле, привалясь к борту барки и услаждая слух наших дам дивной итальянской мелодией:

Лодка моя легка,
Весла большие... —

тянул Лис, подражая Робертино Лоретти. Дамы мужественно слушали.

— Лис, — включил я мыслесвязь. — Прекрати испытывать терпение Лауры! У нее, в отличие от нас, абсолютный слух. Лучше настройся на канал!

— Все! — прервал наш менестрель свое пение, откладывая инструмент в сторону. — Слушаю и повинуюсь!

— Я рада, что вы снова вместе, — деловито заговорила База. — У меня для вас следующая информация.

Наш агент в окружении короля Йогана сообщает следующее: первое — у короля большие неприятности.

— Это мы знаем, — жизнерадостно отозвался Лис. — Кому ж знать, как не нам?

— Это ты насчет принцессы? — спросил я.

— Не только, — иронично отвечала девушка-диспетчер. Похоже, перипетии моей личной жизни, за неимением телесериалов, приобрели широкую популярность у скучающей на Базе женской аудитории. — Похищение невесты — это лишь одна из неприятностей, постигших его величество за вчерашний день. Во-первых, замок Ньенн открыл ворота мятежникам.

— Что?! — заорал Сережа, перебивая сообщение. — Кому открыли?

— Вашему рыжебородому детищу — Фридриху Барбароссе, — ядовито ответила барышня. — Я продолжаю. Джокер-2, не перебивайте, пожалуйста! Во-вторых, ваш лжеимператор наголову разбил отряд, посланный королем за ним в погоню.

Лис только судорожно икнул. Я молча слушал. Девушка держала паузу.

— Дальше? — поторопил я ее.

— А этого, по-вашему, мало? — восхищенно возмущилась связистка. — Король Йоган рвет и мечет и, по словам нашего агента, уже собирается с досады объявить войну Арагону.

— Господи! — не удержался от комментария Рейнар. — Начисто с головой поссорился!

— А он с ней никогда и не дружил, — поддержал я своего друга. — У него мятежники под самым носом, а он лезетвойной на государство, которое только тем и занимается последние три века, что воюет. И не с кем-нибудь, а с сарацинами. Кроме того, как он себе это представляет? — продолжал я. — На море его ката-лунские пираты в пыль сотрут, а на суше между ними союзный Арагону Лангедок...

На канале мыслесвязи раздалось хихиканье и тут же сменилось деловитым тоном:

— Не знаю, Капитан, как там насчет войны, но наш источник утверждает, что король от ярости сам не свой, и, — голос девушки стал предельно серьезен, —

что бы там ни говорили о его глупости, он все-таки не забыл снарядить за вами погоню.

— Пешую или по воде? — встревожился я.

— Сначала пешую... Потом, когда местные жители сообщили, что впереди погони только один всадник, они вернулись.

Я вздохнул с облегчением. Значит, Ролло все-таки удалось уйти!

— После чего, — продолжала девица, — сегодня утром до его величества дошло, что вы решили сплавляться вниз по Роне.

— Та-а-ак... — я почесал в затылке. — Спасибо, милая. Большое спасибо. И поблагодари от нас женевского «стаци». — Диспетчер польщенно отозвалась:

— Да не за что! — и, немного помолчав, спросила: — А... как у вас с ней? Все в порядке?

— Да лучше не бывает, — ответил я.

— Счастливые... — вздохнула она. — Ну ладно, до связи. Не забывай!

Контакт исчез.

— Так. Значит, часов десять мы все-таки выиграли... — задумчиво сказал я.

— Ты учти, что преследовать нас будут не на плоту и не вплавь, а на корабле побыстрее нашего, — деловито подхватил Лис.

— Да уж понимаю... — я задумался. — Ну, до завтрашнего утра они нас вряд ли догонят. Особенно если учесть, что сейчас время сплава, и им придется обыскивать каждое встречное суденышко. Но завтра...

— Слушай, Вальдар, а не попробовать ли нам еще фокус с ложным следом? — с лихим блеском в глазах предложил мне Рейнар. — Вы высадитесь на берег и двинетесь пешком, а я поведу барку с этими молодцами, — он кивнул на владельцев барки, ловко управлявшихся с парусом.

— Лис, ну о чем ты говоришь? — попытался обра-зумить я своего запальчивого друга. — Ты посмотри на это платье, — я повел глазами в сторону Лауры, с полуоткрытым ртом слушавшую байки Бельруна. — Как ты себе представляешь путешествие в такой одежде по здешним буреломам? Да еще без коней?

— Да переодень ее! — с досадой воскликнул он. — У Эжени наверняка какие-нибудь тряпки в запасе найдутся.

Я посмотрел на него, как на сумасшедшего. Лис был обуруеваем своей гениальной идеей и не желал замечать очевидных вещей.

— Сережа, — начал я терпеливо ему втолковывать, — ты переоблся с Инельгой. Пойми, Лаура — принцесса. Причем, в отличие от моей непутевой сестрички, благовоспитанная принцесса. И ни штаны, ни цирковые наряды она не наденет. Скорее утопится в Роне! Твой план всем хорош, но, во-первых, ты мне нужен здесь, а во-вторых...

— Вальдар! — услышал я возмущенный окрик над головой. Рядом стояла Лаура-Катарина Каталунская во всем своем утреннем великолепии, и щеки ее пылали гневом... Видимо, увлекшись разговором, я не заметил, как она подошла. Я замер, ожидая бури и глядя на нее снизу вверх.

— Мало того что, поднявшись, вы не пожелали мне доброго утра, теперь вы о чем-то беседуете с шевалье д'Орбиньяком и демонстративно не обращаете на меня никакого внимания! Вы для этого просили моих руки?

Девушка презрительно фыркнула и, повернувшись ко мне спиной, удалилась. Я невольно сжался, ожидая то ли ее новых упреков, то ли того, что неистовая сарацинка, грозно маячившая у форштевня барки, открутит мне голову за недостаточно куртуазное поведение.

— Ну, я пошел, — Лис, гнусно ухмыльнувшись, поднялся и положил руку мне на плечо. — Поздравляю тебя с началом семейной жизни. То ли еще будет!.. Ты как знаешь, а я этого счастья во как наелся! От пуз! — он демонстративно похлопал себя по тощему животу и отошел в сторону. Я тоскливо обвел взглядом окружающий меня идиллический весенний пейзаж, затем перевел глаза на изящную фигурку, облаченную в темный бархат, и, вздохнув, поплелся мириться.

...Как видно, судьба из забавы решила преподнести нам редкостный подарок: весь этот день не было ни-

каких приключений. Он прошел в ворковании влюбленных, боевых рассказах Лиса и Бельруна и причтаниях Деметриуса по поводу безрассудно оставленных на берегу Женевского озера коллекциях. Я выслушал трогательную историю похищения моей маленькой принцессы и порадовал ее в ответ тем, что, вернувшись в Барселону, она застанет там своих фрейлин живыми и невредимыми. Да что говорить, мы были счастливы... Изредка лениво перекрикивались корабельщики, Лис с отрешенным видом бренчал на мандоле, Бельрун самозабвенно рассказывал Лауре-Катарине и ее сумрачной статс-даме занимательные истории, в которых я с удивлением время от времени узнавал наши собственные приключения. Все остальные тоже предавались блаженному отдыху. Даже Люка и Эжени, казалось, помирились. По крайней мере ничто в их поведении не выдавало утренней размолвки. И все же мысли о погоне, посланной за нами, неотступно преследовали меня весь день. Что и говорить, идея Лиса была хороша... Хотя, конечно, высаживаться лучше всего было у какого-нибудь населенного пункта, где бы можно было купить коней и повозку. Неплохо было бы также запастись и продовольствием, поскольку его нехватка чувствовалась острее всего. А те взгляды, которые моя нареченная невеста бросала на радушно предложенный ей одним из корабельщиков козий сыр, заставляли думать, что нам еще не раз придется считаться с ее гастрономическими пристрастиями. Однако предложить что-либо иное мы, увы, не могли. Наших весьма скромных припасов едва хватало дня на два. Пустынные берега Роны, поросшие густым лесом, между тем, не давали и намека на людские поселения.

— Ну, что ты себе думаешь, Капитан? — подошедший Лис вывел меня из того задумчиво-меланхолического настроения, в котором я находился. — Будем высаживаться, или как? Вечереет, самое время. Лион близко, как раз к утру доберетесь, — агитировал он.

— Понимаешь, Сережа... Ни в Лион, ни во Вьенн соваться не стоит. Там людей покойного Оттона едва ли не больше, чем местных жителей. Нас сразу узна-

ют, — задумчиво проговорил я. — Поэтому нужно, наоборот, как можно дальше от этих городов уйти.

— Ну вообще-то... — Лис сощурился на оранжевое солнце, прикидывая ориентировочное время. — Сейчас вечернеет, до темноты еще часа два-три... Если мы все сядем на весла, то успеем проскочить Лион до того, как реку перегородят на ночь цепью¹.

— Это, конечно, даст нам фору, — одобрил я предложение Рейнара. — Но надо искать какое-то нейтральное место для высадки...

— Нейтральное! — усмехнулся Лис. — Когда проедем Вьенн, а его мы проедем утром, вниз по Роне, почитай, до самого Валанса ничего путного нет. Сплошной лес да скалы.

— Ладно, Рейнар, как там у вас говорят, «утро мудрее вечера».

— Мудренее, — поправил меня Сережа.

— Все равно. Главное, что тащиться по этим лесам ночью, да еще с дамами, да еще неизвестно куда... Слишком дорогое удовольствие в наших стесненных обстоятельствах.

Мой напарник пожал плечами, вздохнул и уселся рядом.

— Лис, — решился задать я давно мучивший меня вопрос. — За что тебя объявили *persona non grata*?

— А, ерунда, Капитан. Не бери дурного в голову, — с досадой отмахнулся мой друг.

— И все же?

— «За действия, несовместимые с высоким званием», и далее в том же духе... — он невесело улыбнулся. Похоже, воспоминания доставляли ему смешанное чувство боли и радости. — Ну что ты на меня вылупился? Дела давно минувших дней... Лучше вызови Базу и узнай, нет ли где поблизости какого-нибудь пристойного мотеля.

Я молча кивнул и вызвал Базу. Ответ был неутешительный. Кроме двух-трех нищих рыбакских поселений, на берегу на много миль вперед не было ничего, достойного внимания. Единственным, хотя и не слиш-

¹ Обычный способ избежать неожиданного нападения с воды. Для этого реки или входы в бухты заграждали железной цепью.

ком радостным исключением оказалось несколько ферм, расположенных, правда, намного ниже по течению и далеко не у самого берега.

— Ну что, телефончик дали? — сострил Сережа.

— Дали, — отозвался я, в уме прикидывая расстояние от реки до ближайшей фермы. — Отель называется Буа-Мулен.

— О, очаровательно! Лесная мельница! То, что нужно! — Лисом овладел неудержимый припадок вдохновения. — Посмотрите налево! Здесь вы можете наглядно ознакомиться с технологией обработки зерна в XIII веке! — подражая голосу гида, загнусавил он. — А теперь посмотрите направо. То, что вы видите, — это коптильня. Вон то хрюкающее — это то, что вам подадут на завтрак. А мягкий сеновал...

— На весла, Лис, на весла, — тоном, не допускающим возражений, прервал я непрошеного экскурсона-вода.

…Шумная небольшая речушка обрушилась в полноводную Рону, подымая сноп водяных брызг.

— Смотрите, смотрите! — весело закричала Лаура. — Вальдар, глядите, радуга! — Я нежно обнял ее тонкую талию.

— Да, очень красиво, — с трудом подыскивая соответствующие эпитеты, вторил я ей.

Лис раздраженно на меня посмотрел.

— Очень красиво! — передразнил он меня. — Я бы на твоем месте попробовал присмотреть плацдарм, на котором мы будем высаживаться.

Что и говорить, замечание моего друга было как нельзя более верным. Вокруг, словно в насмешку над нашими планами, угрюмо громоздились бурые замшелые скалы.

— Послушай, Виль, — обратился Бельрун к одному из корабельщиков, невозмутимо озиравшему это неуютное место. — Вы уже ходили по этой реке?

— Да, уже пять лет, — с достоинством ответил тот.

— Превосходно. Есть ли тут где-нибудь поблизости место, где можно было бы пристать к берегу? — с надеждой в голосе спросил парня Винсент.

— Да! — радостно отозвался белобрысый Виль. —

Совсем поблизости. Пять лье! — он махнул рукой кудато вниз.

Я с сомнением оглядел великолепный наряд Лауры. «Пять лье? Ну что ж, пройдем». Выбора не было. Погоня могла появиться у нас за кормой с минуты на минуту, а потому высаживаться надо было чем раньше, тем лучше.

— Послушайте, господа корабельщики, — со всей возможной учтивостью и убедительностью обратился я к владельцам барки. — Нам надо будет сойти на берег... Не могли бы вы продолжать спускаться по реке вниз... без нас? — завершил я свою мысль, по округлившимся глазам моряков понимая, что сказал полнейшую глупость.

— О! Нет, вам надо было сойти в Лионе либо во Вьенне, — изумленно моргая, предложил мне младший из них. — Здесь совсем дикий край, ничего нет. Только лес и скалы. Если вы изволите сходить, то мы возвращаемся во Вьенн, брать груз.

— Я вам хорошо заплачу, — попробовал я пустить в ход «золотой» аргумент.

Молодцы недоуменно переглянулись.

— Но за что? Это не есть правильно — идти по реке порожняком. Мы честные люди! Мы не можем брать деньги просто так!

«Да, с французами было проще», — уныло подумал я, оглядываясь на Бельруна. Тот сстроил мне печальную рожицу и развел руками.

— Я буду плыть до Лионский залив! — грозно на-висая над корабельщиками, неожиданно прокаркала Присцилла Харибда. — Я буду плыть, никуда не сворачивать, быстро добраться до моря!

Парни посмотрели на внушительную саацинку с уважением.

— О, хорошо, мадам!

Все вздохнули с облегчением. Морально-этическая проблема честных швейцарцев была решена. Лаура тихонько высвободилась из моих объятий и, подойдя к суровой южанке, прижалась к ней.

— Ты покидаешь меня, Присцилла? — жалобно промолвила она. На фоне этой внушительной леди принцесса смотрелась, словно воробушек рядом с вороном.

Телохранительница обхватила свою воспитанницу, и я, к своему глубочайшему изумлению, увидел у нее в глазах некий намек на сырость.

— Моя маленькая девочка! — она погладила черные кудри девушки своей сухой смуглой лапой. — Я доберусь до твоего отца и попрошу его выслать вам навстречу отряд. Скажи только, куда его послать?

Лаура, не задумываясь, радостно чиркнула:

— Конечно, в Тулузу! К дяде Раймунду. Вальдар, он будет рад знакомству с тобой!

Присцилла бросила на меня один из своих знаменитых взглядов, способных воспламенить бикфордов шнур, и прочувствованно произнесла:

— Я видела тебя в бою. Ты смелый воин. Я доверяю тебе мою девочку — береги ее. Но если хоть волос упадет с ее головы, — с угрозой добавила она, — я рассеку тебя на тысячу частей!

— Прыся, — начал убеждать ее Лис, — не беспокойся, все будет хорошо. Я за ним, ежели что, пригляжу.

Статс-дама еще раз крепко обняла принцессу и кивнула остальным на прощание. Мы начали спешно собирать вещи и готовиться к высадке.

«...Нет, Лис был прав! Надо было выкроить штаны принцессе из их паруса!» — сокрушенно подумал я, в сотый раз помогая окончательно деморализованной Лауре оттирать бархатный шлейф ее роскошного платья от колючих и цепких ветвей ладанника. Эжени, впрочем, выглядела не лучше: ее более ветхая юбка превратилась в совершеннейшие лохмотья. Вдобавок всем нам ужасно хотелось есть.

— Ладанник, или же, по-другому, маквис, — присев на корточки перед измученной принцессой и учтиво помогая отцеплять платье от колючек, заметил Деметриус, — должен сказать, преинтереснейшее расписание. Как вы можете слышать из самого его названия...

— Я хочу пить! — возмутилась Лаура, все это время мужественно молчавшая.

— Ну потерпи, солнышко! — взмолился я, озираясь вокруг. Корабельщики не обманули — край действительно был дикий. — Здесь же нет ручья...

— Нет, есть! Я слышу плеск воды, — жалобно возразила девушка.

— Надеюсь, это не Рона, — мрачно сострил Рейнанр. Я с сомнением начал прислушиваться. После шести-семи часов упорного продирания сквозь непрходимые заросли мы были настолько измотаны, что я было заподозрил у Лауры слуховые галлюцинации.

— Стойте! Тише, пожалуйста! — попросил я. Мои спутники, словно по команде, повалились на землю, загнанно дыша. И в наступившей тишине мы действительно услышали тихий плеск воды и характерный стук мельничного колеса.

— Господи, как хорошо, что Ты есть! — я воздел руки вверх и воскликнул: — И как хорошо, что Ты время от времени напоминаешь нам о всеблагости своей... Это Буа-Мулен! Друзья мои, мы почти пришли! Вставайте!

...Солнце уже совсем скрылось за лесом, и ночная мгла быстро опускалась на землю, когда мы, пошатываясь, выбрали на опушку и увидели перед собой высокий частокол, ограждающий небольшую ферму. Лаура, издав страдальческий вопль, ринулась к речушке, которая текла через поляну. Шаконтон, который все это время мужественно облизывал пересохшие губы, семенил за ней, не решаясь обогнать.

— Пришли, — выдохнул Деметриус, валясь на землю без чувств. — Ну наконец-то!

Лис подбежал к крепким двухметровым воротам и неистово забараанил в них.

— Откройте! Люди, откройте! Мы честные путники! — ожесточенно орал он, дубася кулаками в ворота. — Мы хотим спать! Мы вас не обидим!

Собаки за забором мгновенно ответили дружным, слаженным лаем.

— А ну, кто тут еще озорует? — раздался надтреснутый хриплый голос. — Подите прочь! Сейчас псов спущу!

— Пустите нас, пожалуйста, — тоненьким жалобным голосом произнесла Эжени, подходя к воротам. — Мы правда очень устали...

В створке ворот открылось маленькое окошечко, в котором забелело лицо мельника.

— Да что ж это такое! — начал было он, но, увидев несчастную фигурку Эжени, нежно поддерживаемую Люка, и понуро бредущую по капустным грядкам Лауру, охнул и завозился с засовом.

— Барышня, Боже мой, кто ж это вас так?

Ворота распахнулись, и перед нами предстал плотный хозяин с сальной светильней в руке.

— Господи! — изумленно оглядел он нашу пеструю компанию. — Сколько ж вас тут! И благородная дама? Ай-ай-ай! — запричитал встревоженный хозяин. — Где ж я вас всех размещу?

Принцесса, как сомнамбула, путаясь в обрывках платья и опираясь на мою руку, проследовала во двор. Следом Бельрун и Сэнди несли неподвижное тело великого алхимика. Мельник только охал и вздыхал.

— Ну что ж... Барышень и старика в дом, место найдется. А уж вас, благородные господа, извините... — он развел руками. — Разве что на сеновал...

— Сеновал... сеновал... — Лис опустился на четвереньки и, повинувшись какому-то первобытному инстинкту, пополз через двор к деревянной загородке.

ГЛАВА 23

Куда идет король, большой секрет,
а мы всегда идем ему восторг!

Гимн сотрудников секьюрити

вуком, разбудившим нас, был оглушительный лай собаки, оборвавшийся жалобным визгом.

— Пошла вон! Гастон, пристрели ее! — услышали мы властный, надменный голос во дворе. Раздался щелчок спускаемой арбалетной тетивы и вой раненой собаки.

— Да что ж тут творится-то? — Бельрун непонимающе протер глаза и сел, вытряхивая со ломинки из своей курчавой шевелюры. Мы недоуменно переглянулись.

— Что-то везет нашему хозяину на гостей, — проговорил Лис и полез к щелястой выгородке сеновала.

Стараясь производить как можно меньше шума, мы последовали его примеру.

Статный широкоплечий мужчина с загорелым и обветренным лицом, уверенно расставив ноги, стоял посреди двора. Обшитая железными пластинами кожаная куртка, широкий боевой кинжал на поясе и жесткая складка губ выдавали в нем профессионального солдата. Трое вояк за его спиной вязали ноги надсадно визжащей свинье.

— Где мука, быдло? — предводитель сгреб согнувшегося перед ним несчастного мельника за шиворот и несколько раз грубо встряхнул.

— Неурожай же был, ваша милость! — всхлипывая, начал оправдываться хозяин фермы.

— Барону нет до этого никакого дела, — воин пнул его сапогом, сбивая с ног. Бессилие и унижение мельника явно доставляли ему удовольствие. Ухмыльнувшись, он выдернул из-за пояса витую ременную плеть и с оттягом хлестнул беззащитного старика. Тот охнул и повалился на бок. Его белая рубаха расползлась, и из багрового рубца на спине выступила кровь.

— Тебя предупреждали, скотина... — равнодушно произнес он, вновь занося плеть. — Ты должен вовремя платить налог!

— Лис, к воротам! — тихо скомандовал я. — Сэнди, со мной! Бельрун, в доме женщины и Деметриус, к ним, скорее!

Все произошло слишком быстро. Увиденная нами картина начисто рассеяла остатки сна и вчерашней усталости. Мы дернулись было к выходу, но тут...

— Постойте, я сам! — и не успели мы опомниться, как Люка одним движением перемахнул через загородку и оказался лицом к лицу с грабителем.

— Ришар, остановись! — крикнул он. — Как ты можешь?

Воин изумленно опустил плеть, которая повисла у него на руке, как мертвая змея. Он глядел на неизвестно откуда возникшего перед ним Люка так, словно тот был призраком. Они застыли друг напротив друга.

— Клянусь шкурой святого Варфоломея, они похожи, как братья, — потрясенно прошептал Лис. Действ

вительно, сходство было несомненным. Оба высокие, гибкие, черноволосые, с резкими мрачноватыми чертами лица. Но если Люка походил на ворона, то его брата можно было сравнить с коршуном. Хищным и опасным...

— Мишель?.. — не двигаясь с места, медленно произнес старший. — Ну конечно, это ты... Совсем не изменился. Ну, здравствуй, брат.

Люка, или, вернее, Мишель, неуверенно улыбнувшись, двинулся ему навстречу.

— Здравствуй, Ришар. Вот уж не ожидал тебя здесь встретить! Ты, я вижу, стал большим человеком, и все так же горяч, — клоун укоризненно посмотрел на хозяина мельницы, пытающегося отползти в сторону.

— А ты вон куда забрался, — с какой-то странной интонацией произнес Ришар, подходя к брату и кладя ему руку на плечо.

— Капитан! — занервничал Лис. — Что-то тут не так. Посмотри, как он ступает!

Я кивнул и выпрямился во весь рост за загородкой. Шаги предводителя отряда были походкой хищника.

— Работаем по плану, — предупредил я. Однако на нас никто не успел обратить внимания.

— Как дома? Как Ализон? — завороженно глядя на воина, жизнерадостно спросил Люка.

— Дома? Нормально, — четко отвечал ему брат, не убирай руку с плеча и глядя прямо в глаза тяжелым взглядом. — Хорошо дома. А Ализон... Ализон бросилась со скалы головой вниз. На следующий день после того, как ты ушел, — спокойно промолвил Ришар, одним движением обнажая висевший на поясе кинжал и всаживая его по рукоять в живот Мишеля. Бельрун молча сорвался с места и, перемахнув через загородь, бросился к двум фигурам, неподвижно застывшим посреди двора. Мы ринулись следом. Широкоплечий воин резко выдернул клинок, брезгливо глядя на оседающего у его ног младшего брата.

— Она любила тебя. А я ей был не нужен, — закончил он, наклоняясь над телом своей жертвы, и аккуратно вытер оружие.

— Люка-а-а!!! — раздался неистовый отчаянный

крик. На пороге дома стояла бледная Эжени, за ней вырисовывалась фигурка Лауры... Ришар необыкновенно быстрым кошачьим движением выпрямился и, обернувшись, увидел нас. На его лице заиграла хищная улыбка. Он мгновенно отскочил от тела поверженного брата и бросился к вороному коню, свободно разгуливающему по двору, пытаясь поймать повод и выхватить из петли на луке седла боевой топор.

— Этот мой! — закричал я.

Краем глаза я успел заметить, как Эжени, словно сомнамбула, спустилась во двор и, все убыстряя шаг, кинулась к лежащему на земле любимому. Бельрун одним прыжком оказался между негодяем, уже успевшим схватить свой топор, и девушкой, одним ударом сбивая ее с ног. Я прыгнул на Ришара, оскалившегося в звериной усмешке. Глаза его были налиты кровью, ноздри раздувались, хриплое дыхание походило на рык. Мой противник рванул на себе ворот своей кожаной куртки, словно испытывая приступ удушья, и я с изумлением увидел, как железная пластина, намертво приклепанная к буйволиной коже, отскочила в сторону. «Берсерк!» — автоматически отметил я, нанося первый удар. Ришар ловко отпрыгнул в сторону, занес топор для удара.

Ошеломленные нашей стремительной атакой, трое солдат бросили свою геройскую борьбу с визжащей свиньей и попытались было схватиться за оружие. Однако сделать они этого не успели. Впрочем, медливность на этот раз спасла им жизнь. Лис, Сэнди и Бельрун сбили их с ног прежде, чем они успели что-либо предпринять.

Мы же, кружка по двору, продолжали обмениваться неистовыми ударами. Но разница была в том, что мой противник был нужен мне живым, а я ему — мертвым. Он был ловок. Очень ловок и силен. Но кровь берсерка, ударившая ему в голову, начисто лишила его способности видеть что-либо вокруг.

Я отбил его топор в сторону, демонстрируя атаку. Он молниеносно отскочил. Еще одна атака... Ришар попытался развернуться, чтобы уйти от моего удара...

— Ой! — раздался испуганный вскрик мельника,

который оказался точно за спиной озверевшего воина. Тот не удержал равновесия, взмахнул руками и полетел на землю, роняя топор. Я тут же прыгнул, обрушиваясь коленями на его живот. Хрипло выдохнув воздух, он попытался дернуться и тут же получил серию ударов в лицо. Глаза его закатились, и мой противник потерял сознание.

— Лис, вяжи его немедля! Не теряй времени! — приказал я, подымаясь на ноги.

— Господи, Господи Боже мой! — с трудом поднимаясь с земли, запричитал обезумевший от страха мельник. — Ох! Что же вы натворили? — растерянно озираясь, продолжал он. — Что же теперь будет? Это же Ришар Жеверде, правая рука господина барона! Мне теперь не жить... Будь проклят тот час, когда я пустил вас сюда! — хозяин завыл, обхватив голову руками. — Что же будет? — повторял он.

— Молчи! — рявкнул я на него. — Ничего не будет. Я принц крови, а этот подлец ранил моего человека. Ты тут ни при чем!

Хозяин Буа-Мулен, не обращая на мои слова никакого внимания, продолжал причитать. Я махнул на него рукой и, не желая терять время на уговоры обезумевшего старика, быстро направился к Люка. Над ним уже склонился Деметриус, осматривая ужасную рану и что-то неодобрительно бурча себе под нос. Вокруг распростертого на земле тела темнела лужа крови, в которой, сама того не замечая, стояла на коленях Эжени. Люка лежал неподвижно, скорчившись и за jakiная ладонями рану, из которой все еще, не переставая, сочилась кровь. Глаза его были закрыты — по-видимому, он был без сознания.

— Скорее неси тряпки! — бросил через плечо Деметриус стоящей за ним принцессе. — Да смотри, чтоб были чистые!

Лаура со всех ног кинулась в дом. Сзади ко мне подошел Лис. Я услышал, как он неодобрительно защеккал языком и тихо произнес:

— Этот уже не жилец...

Я предостерегающе поднял руку. И тут Эжени, сидящая на коленях над умирающим Люка со взглядом,

устремленным в одну точку, неожиданно заговорила. Я поразился тому, как мертвенно-спокойно звучали ее слова. Пока она говорила, рука девушки автоматически гладила черные волосы Люка...

— Он всегда искал смерти... Всегда, с первого дня нашего знакомства. Тогда мне было пятнадцать лет, я выступала в труппе своего отца. Это была моя первая гастроль... Мы давали представление в городке Кармо. Я приглянулась какому-то вельможе, который ехал мимо. Он велел своим слугам схватить меня и привести к нему. Я кричала, отбивалась, но никто не осмелился прийти мне на помощь... — Эжени судорожно всхлипнула и продолжала дальше тем же бесцветным голосом: — Люка был в толпе, он смотрел наше представление. Увидев, как слуги этого вельможи волокут меня, он выхватил у кого-то из крестьян вилы, подскочил к нам и одним ударом вогнал их в грудь насильника. Началась паника, все куда-то побежали... Люка в бешенстве набросился на слуг и голыми руками обратил их в бегство. К нам подбежал мой смертельно перепуганный отец и велел скорее бежать, пока нас не схватили. Дал нам коня... И тогда Люка в первый раз взглянул мне в глаза, подхватил на руки... Мы мчались, мчались... — плечи девушки затряслись от беззвучного плача. Она попыталась судорожно прижать к себе голову раненого...

— Осторожнее! — вскричал Деметриус. — Двигать его нельзя, пойдет кровь!

Лаура бросилась обнимать рыдающую Эжени.

— Он никогда не мог простить себе этого убийства! Все время повторял, что жить недостоин! Эта его вера! — наездница уткнулась в плечо принцессы и на мертвое вцепилась ей в руку. Четверо сильных, здоровых мужчин стояли, переминаясь с ноги на ногу, и ничем не могли помочь ни несчастной девушке, ни нашему умирающему другу. Чувство абсолютной, вопиющей беспомощности переполняло нас, доводя до бешенства... И все же мы ничего не могли сделать.

И тут умирающий Мишель Жеверде открыл глаза. Мы все невольно вздрогнули — настолько разительным был контраст между искаженным невыносимым

страданием лицом и выражением этих глаз. Они сияли неуемной радостью, начисто заглушающей чувство боли.

— Эжени... не плачь! — прошептал он. — Наконец я искуплен... Сейчас моя душа предстанет перед Господом... Я всегда любил тебя, — четко проговорил он и судорожно сжал ей руку. Конвульсия сотрясла его тело, и Люка, прерывисто вздохнув, откинулся назад.

— Мертв... — тихо произнес Деметриус. Все мы молчали. Эжени, издав горестный вопль, упала на тело любимого, сжимая его в объятиях.

Этот крик привел нас в чувство.

— Лаура, пожалуйста, позабочься о ней, — попросил я заплаканную принцессу, нежно приобняв ее за плечи. — А я займусь правосудием... — с угрозой произнес я, поворачиваясь туда, где лежал связанный Ришар. — Где найти вашего сюзерена? — спросил я мельника, все еще не вполне очухавшегося.

— Вы что, правда собирались требовать суда над ратником барона? — хозяин, держась за бок, тяжело поднялся с земли. — В своем ли вы уме? Его милость известен крутым нравом, он и вас...

— Сэнди, неси доспех и рыцарскую цепь, — не дослушав, резко приказал я своему оруженосцу.

— Не ходи! — выкрикнула Лаура, хватая меня за руку.

— Пойми, это необходимо. Он должен получить по заслугам.

Мягко, но решительно высвободившись, я обернулся к Рейнару.

— Лис, привяжи этого ублюдка к седлу! Пусть тащится за конем. Хозяин, где находится этот чертов замок?

— По лесной дороге, ваша милость, вон туда, — старик махнул рукой куда-то влево за ворота. — А там до развилки все прямо, а от развилки в гору.

— Отлично! — выкрикнул я, вскакивая в седло. — Найдем. Да! — Я развернул коня. — Как зовут твоего господина?

— Его милость зовут Кретьен де Мобрюк, — кла-

няясь в пояс, запричитал старики. — Он из свиты ее величества, господин рыцарь, ему сам черт не брат...

— Тем более, — вонзив шпоры в конские бока, я припустил скакуна резвой рысью. Ремешок, стягивающий запястье братоубийцы, дернулся, натягиваясь и заставляя негодяя бежать следом.

Замок Мобрюк располагался на поросшем лесом холме, и не надо было быть Зорким Соколом, чтобы заметить, как он запущен. Похоже, лет двадцать здесь никто, кроме разве что двух-трех престарелых сторожей, не жил. Теперь же его могущественный хозяин, слывший, по словам мельника, грозой здешних мест, спешил загладить свое невнимание интенсивной реставрацией. Сваленные у стены свежеспиленные бревна, лоснящиеся от солнца остроганные доски, кучи песка и щебня свидетельствовали о недавнем, но весьма ощутимом интересе к восстановлению родового гнезда.

Ворота, также радовавшие глаз своей новизной, были закрыты, но у поросших травой и горбатыми березками стен деловито копошилось дюжины полторы работников, таскавших туда щебень в больших плетенных корзинах, связывавших козлы у надвратной башни и обтесывающих балки для будущих перекрытий. Пара мрачного вида стражников, откровенно скучающая, наблюдала за продвижением работ.

Увидев подъезжающего к воротам рыцаря, волокущего за собой на ремне их соратника, неусыпные аргусы заметно оживились, вскрикивая и хватаясь за копья.

— Мне нужен ваш господин! — рявкнул я, наезжая конем на ближнего ко мне вояку. Он опасливо поглядел на меня, потом на связанного Ришара, потом снова на меня и, молча кивнув, быстро зашагал к воротам. Его собрат по оружию, также не говоря ни слова, развернулся и, перехватив копье поудобней, принялся загонять рабочих в некое подобие сарая, накроенное сколоченное у подножия холма.

— Какого дьявола! Где этот чертов наглец? — коренастый рыцарь с окладистой бородой какого-то пегобурого цвета возник над парапетом крепостной стены,

между двумя зубцами. — Эй! Кто ты такой, негодяй, и что тебе здесь надо?!

— Поаккуратней, господин де Мобрюк! На сервов своих кричать будете. Я опоясанный рыцарь. Мое имя Вальдар Камдил, сьер де Камварон, и я требую правосудия! — соскочив с коня, я подошел к рухнувшему наземь убийце и, перерезав ремень, рывком поднял его на ноги.

— Убирайтесь отсюда, рыцарь, — несколько умерив спесь, прорычал де Мобрюк. — И оставьте здесь моего человека. Что бы он ни натворил, он на моей земле, и лишь я вправе распоряжаться его жизнью! А теперь ступайте, да поскорее. Я не склонен принимать гостей!

— Этот негодяй убил моего спутника, более того, он убил своего брата! — выкрикнул я. — Вы обязаны покарать его!

— Покарать?! — лицо хозяина замка побагровело. Он вскинул руку. — Вот тебе, покарать!

Тихо щелкнула тетива. Я отскочил, закрываясь Ришаром, как щитом. Он дернулся и как-то судорожно захрипел, выдыхая тонкую струйку крови. Наконечник стрелы, пробив его тело, ударил мне в грудь. Испанская кольчуга смягчила удар, но ушиб был ощущимым.

Еще несколько стрел, последовав за первой, пропали рядом. Одна из них воткнулась в дерево надо мной, посыпав меня при этом сухой корой. Ухватившись за луку седла, я что есть силы хлопнул коня по крупу, пуская его вскачь.

— Лис! — вызвал я своего напарника, когда замок был далеко позади. — Бери ребят и выдвигайся сюда. Есть работа.

— Правосудие столкнулось с трудностями, — усмехнулся Сережа.

— С обстрелом. Ришар убит. И если бы не он, то я! Да! Постарайся убедить Лауру, что все в норме и нам просто необходимо обсудить с хозяином замка некие юридические тонкости.

— Ага, — мрачно отозвался Рейнар. — Я ей скажу, что ты с ним в шахматы играешь.

...Как это было принято в нашем с Лисом дуэте, штурм замка был назначен на темное время суток. Ибо, как говорил Сережа, «только полным идиотам вольно гулять под стрелами, когда вовсю наяривает солнце».

— Вальдар, может, ну его, этот замок? — скептически рассматривая часового, уныло вышагивавшего перед рабочим бараком, вполголоса спросил меня мой напарник. — Понятное дело, что его хозяин хам, быдло, мобрюк, но таких во Франции немерено. Всех штурмовать — жизни не хватит. Люка уже не вернешь... — он помрачнел.

— Вот именно, не вернешь, — с нажимом ответил я. — Как там Эжени?

Лис уныло пожал плечами.

— Да как... Плохо. Истерик больше не было, теперь сидит, смотрит в одну точку... Сказала, что никуда отсюда не поедет, будет жить у могилы Мишеля. Ты видишь, — добавил он, — провидение само покарало этого братоубийцу... Если мы этот Мобрюк штурмнем, девушки легче не станет.

— Лис, — жестко прервал я его. — Барон меня едва не убил. После того, заметь, как я назвал ему свое имя. И вспомни, что нам нужны кони, провизия, пристойная одежда... Нигде, кроме как здесь, все это взять негде. Так что штурм будет. Тем более... за хамство надо платить!

Сбоку от нас послышался тихий шорох, и среди зелени показалась курчавая голова Бельруна, вернувшаяся из разведки.

— На стене четверо, плюс один-два около ворот, — прошептал он.

— Да один здесь, — я указал на переминавшегося с ноги на ногу часового.

— Сколько всего в замке, одному Богу известно... — завершил Лис.

— Я думаю, скоро мы об этом тоже узнаем, — я еще раз кинул взгляд в сторону охранника. — Сэнди, поди сюда. Слушайте внимательно, — обратился я к своему воинству, сгрудившемуся вокруг меня. — Только не хихикать!

Луна, выглядывающая из-за туч, освещала пейзаж зыбким светом, способствующим появлению призраков. Караульный, несущий свою нелегкую службу, устал топтаться на одном месте и, воровато оглянувшись, направился к ближайшему густому кустарнику. Прислонив копье к дереву, он начал развязывать шнур, поддерживающий его штаны... Когда процедура была окончена, он блаженно посмотрел куда-то вверх, и... Длинная тощая рука, освещаемая бледным светом луны, высунулась из-за дерева, вцепляясь в древко копья. Стражник испуганно открыл рот, вбирая воздух в легкие для неистового вопля, но остро отточенный наконечник его собственного оружия в ту же секунду уперся ему в шею, чуть ниже кадыка, убедительно призывая несчастного сохранять молчание. Наблюдателю со стен, ежели таковой, конечно, имелся, могло показаться, что часовой слишком усердно налегал сегодня днем на пиво, а потому не спешит вернуться на пост. И только принимавшим участие в этой операции было известно, что, когда караульный вернется на свой пост, это будет уже совсем другой человек. И звать его будут Сэнди Шаконтон.

— С облегченьицем! — поприветствовал Лис молодого парня, лежавшего на спине и испуганно переводившего взгляд с одного незнакомого лица на другое. Мой оруженосец, замотанный в его плащ, уже преспокойно прогуливался перед дверью барака.

— Вы тот самый рыцарь, что приезжали сегодня? — разглядев меня получше, изумленно прошел обезоруженный вояка.

— Тихо, — прошипел я. — Не шуми. Отвечай на вопросы. Ответишь честно — останешься жив.

Парень согласно кивнул.

— Сколько людей в замке?

— Дюжина, — с готовностью отозвался он. — **Кроме барона и меня.**

— Когда тебя сменят?

— Перед рассветом... — солдат тяжело вздохнул. — Теперь моя служба все равно закончилась, — печально завершил он.

— Ничего, мир не без добрых людей, — доставая

веревку, утешил его Бельрун. — Найдешь себе другого хозяина, поудачливей.

…Начинало светать. Калитка в воротах замка со скрипом отворилась, оттуда появился заспанный «сменщик» часового и помахал Сэнди. Тот также ответил ему взмахом руки. Воин шагнул из калитки и… тут же влетел обратно, сбивая с ног стоящего за ним привратника. Лежавшие в засаде около ворот Бельрун и Лис стремглав ворвались следом. Меньше чем через минуту все было кончено — знаменитый пояс Рейнара, вновь превратившийся в тонкий шнур с грузиком на конце, оплел горло стражника, дремавшего на стене, сбрасывая его вниз. Еще один, карауливший на стене напротив, молча рухнул, сраженный метательным кинжалом Бельруна. Двое стражников без чувств валялись на земле, оглушенные ударами моего кулака.

— Минус четыре, — включил я свой традиционный калькулятор. — Остальным нас не видно. Ребята, тихо, в башню! — скомандовал я и первым ринулся туда. Сопротивление, оказанное нам внутри, вполне можно было назвать условным: единственный стражник в коридоре, увидев нас, заорал: «Тревога!», но тут же был сбит с ног ударом в челюсть. Его же копье, воткнутое мною в дверь кордегардии, плотно закупорило помещение, предоставляя обитателям оного редкостную возможность попытаться сломать в продольной плоскости ясеневое древко.

Засов на дверях в господские покой тихо щелкнул, препреждая нам дорогу.

— А, черт! — выругался Рейнар. — А ну-ка, навались! Все вместе!

Мы вчетвером налегли на дубовую дверь. Засов выдержал.

— Еще раз, сильнее! — выкрикнул вошедший в раж Лис. Удар следовал за ударом, но дверь не поддавалась.

— Тише! — неожиданно крикнул Винсент Шадри. За дверью послышался какой-то тягучий скрип… — Он уходит!

Мы вновь ударили в ненавистную дверь. Петли за-

трещали, и она рухнула в комнату, увлекая нас за собой.

— Туда, за камин! — Бельрун первым заметил медленно закрывающийся ход на лестницу. Он вскочил и бросился вслед за исчезнувшим хозяином опочивальни. Стена угрожающе задвигалась. Мы бахтались на полу, пытаясь выбраться из портьеры, оказавшейся за чертовой дверью. Лису это удалось раньше всех.

— Стоять, скотина! — заорал мой верный напарник, подхватывая тяжелый табурет и бросая его в темнеющий проем. Раздался скрип, треск ломаемой дре-весины... но все же каменная перегородка, словно подчиняясь приказу Лиса, остановилась.

— Эй, Винсент, ты там жив? — крикнул он, подбегая к ходу и пытаясь просунуть взлохмаченную башку в узкую щель.

— Жив! — гулко раздалось оттуда. — Я свалил его. Ташите скорее факелы!

Обдирая бока о шероховатую каменную кладку и проклиная вчерашний и позавчераший обеды, мы с трудом протиснулись на потайную лестницу и быстро сбежали вниз. У подножия ступеней восседал на теле барона Мобрюка торжествующий Бельрун, прижимая коленями руки своего врага к полу и держа его за горло. Рядом на сыром полу валялся кинжал. Наша троица молча созерцала эту картину. Шаконтон деловито начал разматывать невесть откуда взявшуюся у него веревку.

— Куда это мы попали? — завертел головой Лис.

— Выпустите меня отсюда немедленно! — неожиданно раздался резкий охриплый голос из темного коридора, уходившего вправо. — Выпустите!

— Тю, да это же темница, — разочарованно протянул Лис. — А я-то думал...

Я не успел услышать, о чем думал мой друг. Заключенный вновь подал голос.

— Выпустите меня, я король Франции! — закричал он.

Рейнар озадаченно взглянул на меня.

— Ну да, а я Наполеон! Вот только сумасшедших нам здесь не хватало...

Узник между тем продолжал вопить об обязанностях добропорядочных вассалов по отношению к своему сюзерену. Барон Мобрюк, лежа на полу, в бессильной ярости заскрежетал зубами.

— А ну-ка, посмотрим, — заинтересованно произнес Бельрун, беря в руки факел и направляясь туда, откуда доносился крик. Спустя некоторое время оттуда донесся сдавленный звук, который трудно было как-то охарактеризовать. Мы бросились туда. Бледный Винсент стоял, без сил облокотясь на сырую стену и держа факел перед собой на вытянутой руке. Пламя освещало железную решетку и оборванного человека, ожесточенно трясущего ее. Мы удивленно взглянули на нашего друга, ожидая объяснений.

— О Боже, — слабым голосом произнес Бельрун, безумно косясь на незнакомца за решеткой. — Господа, не знаю, обрадует вас это или огорчит, но перед нами действительно король Франции Филипп II Август...

ГЛАВА 24

Вы можете ссориться, с кем угодно. С императором, с папой римским... да хоть бы и с самим чертом! Но никогда не ссорьтесь со своей женой.

*Граф Винсент Шадри де Бельрун,
советник Филиппа II Августа
и Людовика VIII*

ороль ел. Ел много и жадно, начисто забыв об этикете. Лис, подперев подбородок кулаком, умильно созерцал трапезу его величества. Соус и жир стекали по двухнедельной щетине, ясные голубые глаза монарха горели голодным блеском.

— Господи, Филя, какой же ты хрюша... — пробормотал себе под нос Рейнан. — Сэнди, будь добр, принеси его величеству воды для омовения, — кланяясь в сторону короля, попросил он. Ответом ему было неразборчивое чавканье. Шаконтон, важно ступая, удалился.

— Гляди, Сережа, чтобы августейший не объелся, — передал я по мыслесвязи. — Пусть отдохнет, выспится... А мне тут надо поболтать с милейшим господином де Мобрюком. Да! Вот еще! Вернется Сэнди, пошли его на ферму за барышнями и Деметриусом.

— «Ни сна, ни отдыха измученной душе», — печально процитировал д'Орбиньяк. — Бедный мальчик устал, а ты его еще куда-то ехать заставляешь!

— Мы все тут устали, — вздохнул я. — А девочки там за нас волнуются.

— Ладно, Капитан, что я, не понимаю, что ли... Иди разговаривай с этим, как его, Кретином де Говнюком... — отозвался Лис.

— Как там у вас говорят... Фильтруйте базар, товарищ Лисиченко! — прервал я своего невоспитанного друга и выключил связь.

— Ваше величество, прошу простить меня, но я вынужден временно оставить вас, — я наклонился, вспоминая полузабытые нормы придворного этикета. Филипп внимательно взглянул на меня и, чуть помедлив, благосклонно кивнул.

... Владелец замка был явно недоволен сменой декораций в его спальне. Он нервно расхаживал по клетушке, единственным убранством которой был пучок гнилой соломы в углу, и вполголоса ругался. Непонятно, считал ли он себя недостойным королевского номера, или же наоборот, но настроение у него было явно преотвратное. При звуке шагов он нервно вздрогнул, но, взяв себя в руки, подошел к решетке и смерил меня холодным взглядом.

— Итак, что вам угодно? — голос его прозвучал хрипло, но на суровом обветренном лице воина не отразилось ни тени страха.

— Я хочу поговорить с вами, — остановившись у клетки, ответил я.

— О чем?

— О том, каким образом в вашем подземелье оказался король Франции, — ровно проговорил я.

— Я не скажу вам ничего, — барон высокомерным жестом скрестил руки на груди. — Можете убить меня.

— Могу. Но не убью, — равнодушно заверил его я.—

Не хотите говорить? Тогда слушайте. Ее величество королева, прекрасная Элеонора, что-то около месяца тому назад поручила вам совершить убийство.

Глаза барона Мобрюка заметно округлились, но он все еще молчал.

— Это произошло после того, как доверенный человек тайно доставил ей письмо из Англии, — продолжал я свою речь. — Мне неведомо, знаете ли вы, или нет, но письмо это было от короля Джона Плантагенета.

Барон вздрогнул. Теперь он уже во все глаза смотрел на меня. Я сыпал известными мне фактами, оставляя ему возможность усматривать между ними взаимосвязь:

— Вначале, очевидно, вы не решались совершить столь тяжелый грех, как убийство помазанника Божьего. Однако королеве удалось убедить вас. Речь шла о новом короле и о вашем месте подле него... Что вам предложила королева — пост сенешаля или что-то большее? — неожиданно в лоб спросил я. Лицо Крестьена Мобрюка передернулось.

— Я любил ее... — прошептал он. — Она предпочла мне этого молодого хлыща. — Плечи его поникли, он опустил глаза. Видимо, этому храброму и мужественному воину было сейчас нестерпимо стыдно за свой душевный порыв. Я внимательно посмотрел на него, и у меня в душе шевельнулось сочувствие: он поставил на карту все ради любви к женщине и проиграл... Это многое объясняло.

— Давно вы служите королеве? — спросил я.

— После возвращения из Палестины король послал меня охранять монастырь Марии Магдалины, в который была заключена Элеонора... Тогда я впервые в жизни и увидел ее... — Крестьен вздохнул и опустил глаза. — Мне было запрещено говорить с ней, но в этой глупости, кроме нее, говорить было не с кем, и я преступил запрет. Она была невиновна! — неожиданно сильно и звучно произнес он, рубанув ладонью воздух. Барон понимал, что я, может быть, являюсь последним собеседником, которому можно все откровенно рассказать. Но в то же время он ни на миг не

потерял чувства собственного достоинства, взгляд его был холoden и горд.

— Я готов положить голову на плаху в доказательство того, что королева невиновна! Однажды она попросила меня передать записку...

— Принцу Джону, естественно? — догадался я.

— Ему, — мрачно кивнул барон Мобрюк. — Дважды люди этого наглеца делали попытки освободить Элеонору и дважды они красовались на ветвях буков, росших вокруг монастыря. Деревья были отлично видны из окна ее кельи... — с какой-то странной интонацией добавил он. Я вопросительно приподнял бровь. Барон мрачно усмехнулся и пояснил:

— О том, что королеву пытаются выкрасть, тут же узнавал Жоффруа де Мобрюк, баллы Оксера. А уж кто-кто, а он делал все, чтобы покарать дерзких безумцев...

— Что еще больше упрочило доверие Филиппа Августа к семье де Мобрюков, — сделал я сам собой напрашивающийся вывод.

— Верно, — спокойно отозвался барон. — И только поэтому мне удалось впоследствии передать святейшему папе послание королевы и уберечь ее от смертельной опасности, ожидающей ее за стенами монастыря! Она всегда была доверчива... Ей и в голову не могло прийти, какая угроза нависла бы над ней, в случае если бы похищение удалось! Она... она была так неопытна... Король послал меня стеречь Элеонору, но я должен был не стеречь, а оберегать ее!

Я с нескрываемым сочувствием взирал на барона, с горящими глазами рассказывавшего эту историю, в которой сплелось все, что испокон веков движет миром: страсть, ненависть, страх утраты... И попрание любого закона, стоящего на пути к заветной цели, на пути человеческого естества.

— И поэтому, когда королева Элеонора поручила вам предательски сбросить своего мужа со скалы во время охоты, вы совершили все не совсем так, как задумала она? — в упор спросил я барона. — И решили, что если у вас будет в руках такой козырь, как живой

король Франции, Элеонора никогда не сможет выйти замуж за Джона Плантагенета?

Кретьен де Мобрюк не смотрел на меня. Его супровое лицо было обращено куда-то в сторону, руки судорожно сжимали железные прутья клетки, где еще совсем недавно находился его венценосный сюзерен.

— Господин рыцарь, — после долгого молчания наконец заговорил барон, — вы никогда не задумывались, что есть зло?

— Зло? — удивился я.

— Ну да. Ведь я совершил злодейство. Не так ли? — барон, казалось, разговаривал сам с собой. — Я знаю, что буду наказан за это.... И мне абсолютно безразлично, здесь или на том свете. Но я понесу наказание не за покушение на драгоценную жизнь его величества, будь он трижды проклят, и не за предательство, а за то, что так и не смог ничего изменить! Потому что зло есть не что иное, как собственное бессилие... Вы считаете, что я решил содержать короля в этой вонючей конуре для того, чтобы предотвратить брак Элеоноры и Джона... Если бы я хотел это сделать, я бы убивал всех мух и оводов, подлетавших к королю на расстояние вытянутой руки, и неусыпно охранял бы его покой днем и ночью! — барон де Мобрюк, словно на последней исповеди, выкладывал все, что накопилось у него в душе. Слова его звучали гордо и уверенно, в них не было и тени раскаяния. — Я был не в силах противостоять этой женщине, ее несгибаемой любви. Они была достойна счастья. Как-то в порыве гнева она обмолвилась, что высшим счастьем для нее было бы, если б король сломал себе шею... И я решил убить его. И убил бы непременно, если бы тогда, в горах, попавшийся в нашу засаду король в пылу борьбы не столкнулся со скалы моего оруженосца. Бедняга разбился о камни, его было не узнать. И тогда я понял: зачем мне убивать его? Пусть он сам испытает все то, на что обрек свою несчастную жену. И я сам стану его тюремщиком, как был ее сторожем; каждый день буду приносить скучную пищу, как приносил ей, и поить его гнилой водой до самого конца дней! — барон с силой сжал кулаки. — Я знал, что все это закончится

плохо, — уже спокойным тоном добавил он. — С самого приезда в этот замок возле его стен каждую ночь кричали совы¹...

Кретьен Мобрюк немного помолчал, а затем уверенно произнес:

— Мои люди не знали, кого стерегут в замке. Эта тайна была ведома лишь мне и Ришару. Теперь Ришар мертв, а я здесь. Так вы считаете, что я совершил зло, не так ли? Да, я совершил зло. Но, может быть, вы думаете, что совершили добро? — во взгляде барона читались боль и насмешка.. Насмешка надо мной... или над судьбой? — А теперь прощайте. Больше я вам ничего не скажу, — он отвернулся к стене. Тяжело вздохнув, я откланялся... Вблизи все опять оказалось совсем не так, как виделось издалека. Я поднялся по лестнице в покой, где ждал меня Лис. Рейнар, решивший, видимо, не посрамить род д'Орбиньяков и быть достойным собутыльником его величества, был уже изрядно навеселе.

— О, мессир Вальдар! — мой радостный друг пристал из-за стола, отвесил мне учтивый поклон и вновь плюхнулся на скамью.

— Привет президенту малого предприятия «Камдил и К°»! — услышал я по связи. — Одних монархов освобождаем, других гробим... Скажи мне, Капитан, как младшему компаньону, — что мы теперь с этим обжорой делать будем?

Я взглянул на короля, благодушно поглаживающего свое вздувшееся чрево и умиротворенно ковырявшего в зубах отломанной от стола щепкой. Его величество был близок к нирване, для полного счастья ему, пожалуй, не хватало крепкого сна минут шестьсот на каждый глаз.

— Ваше величество, — начал я, усаживаясь напротив короля, оставляя без внимания тираду Лиса. —

¹ Крик совы в средние века считался дурным предзнаменованием. В частности, возле палатки Барбароссы кричала сова, после чего он велел изменить маршрут своего войска. Что, впрочем, ему не помогло.

Прежде всего позвольте поздравить вас с чудесным освобождением.

Король милостиво кивнул.

— Я очень благодарен вам за то, что вы для меня сделали, — серьезно произнес он. — Можете требовать любую награду. Если бы не вы...

— Благодарю вас, ваше величество, — я учтиво поклонился, — но я по происхождению и сану не могу принимать от вас награду...

Король недоуменно вскинул брови.

— Но здесь есть более достойные вознаграждения. Мой друг спас вам жизнь. Его имя Винсент Шадри, — продолжал я.

— А, это тот, который меня первым узнал, — король наморщил лоб.

— А незадолго до этого остановил руку, дерзнувшую поднять на вас кинжал, — высокопарно довершил я. — Кстати, Рейнар, где он? — оглядываясь, спросил я.

— Винсент поскакал на мельницу за принцессой, Эжени и старым алхимиком, — флегматично пояснил Лис, уставившись на полупустой кубок и решая дileмму «пить или не пить».

— Принцесса? — удивленно переспросил сбитый с толку monarch.

— Ну да, — почтительно пояснил я. — Принцесса Лаура-Катарина Каталунская, дочь короля Арагона и моя невеста.

Глаза его величества стали похожи на два мельничных жернова. На некоторое время он впал в оцепенение, меряя меня ошаращенными взглядами.

— Простите, месье д'Орбиньяк, кажется, назвал ваше имя... — выдавил из себя король, — но я не совсем расслышал...

— Мое имя должно быть вам хорошо известно, ваше величество, — заверил его я. — Скорее всего вы поминали его в своих молитвах... правда, не думаю, что в благодарственных, — с усмешкой добавил я.

— Что-то не припоминаю... — попробовал осадить мою откровенную наглость король Филипп II.

— Вальдар Камдил, съер де Камварон, — кланяясь, представился я.

— Камдил! Ну конечно, Камдил! — король хватил пустым кубком по столу и неудержимо расхохотался. — Кто же еще!

Я и Лис с изумлением и некоторой опаской наблюдали приступ королевской радости.

— По-моему, у него сейчас на нервной почве начнется несварение желудка, — вполголоса предположил Рейнар, с тревогой взирая на веселящегося вовсю монарха.

— Не думаю, — так же тихо ответил я. — Хотя не могу понять, что именно его так обрадовало.

Король утер слезы, выступившие у него на глазах, и покачал головой.

— Воистину пути Господни неисповедимы! Вот уж никогда бы не подумал, что буду освобожден человеком, который доставил мне столько неприятностей. Похоже, это ваше любимое занятие!

— Да! — в тон королю отозвался по мыслесвязи Лис. — В нашей фирме отсутствуют национальные предрассудки. Мы интернационалисты!

Я злобно посмотрел на него.

— Разве я не прав? — Лис невинно заморгал своими хитрящими глазами.

— Мне нужно серьезно поговорить с вами, ваше величество, — переходя на деловой тон, сказал я. — Дело касается вашей короны.

С короля моментально слетела веселость, взгляд его стал холоден и колюч.

— Что такое? Разве я не свободен?

— Ваше величество, что вы! — я прижал руки к сердцу. — Разумеется, вы свободны, но ситуация в стране несколько изменилась...

Король продолжал настороженно следить за мной. Да, теперь передо мной был подлинный Филипп II Август, тот самый умный и сильный политик, державший железную оборону своего королевства в кольце непримиримых врагов — Англии и империи.

— Все дело в том, — продолжал я, — что для всей Франции официально вы мертвые. И корона теперь

принадлежит вашему сыну Людовику. А до его совершеннолетия страной правит королева Элеонора.

— Сука Элеонора, — прошипел сквозь зубы король Филипп, и я поразился тому, какая ненависть звучала в его словах.

— Ваше величество, — сурово оборвал я его, — прошу вас удерживаться от оскорблений ни в чем не повинной женщины, которой вы причинили столько зла. Она невиновна в преступлении свихнувшегося барона де Мобрюка и правит от имени вашего сына согласно законам королевства.

Мои слова были откровенной ложью... Но в политике не существует понятия лжи, как не существует и понятия правды.

— Невиновна? — голубые глаза короля Франции сузились, и он презрительно процедил: — Я достаточно наслушался о ее невиновности в свое время. Это наверняка дело ее рук! Королева спит и видит, чтобы я как можно скорее отдал Богу душу. Это она подослала Мобрюка!

Филипп в ярости грохнул кулаком по столу.

— Эта шампанская потаскуха наверняка переспала со всеми стражниками в Оксерау!

— Ваше величество, вы забываетесь! — в свою очередь, всыпал я. — Перед вами опоясанный рыцарь, и я не позволю в своем присутствии оскорблять даму, известную всем своим добродетельным поведением!

Король насмешливо скривил губы.

— Добродетельное поведение... Всей Франции известна ее связь с принцем Джоном!

— Анна де Вонж, Беатрисса де Клоссель, Женевьевы де Ла-Рош Сюрмон... — начал бесстрастно перечислять я. — Я уж не говорю о вашей второй жене Агнессе де Мерань.

При звуке этого имени лицо короля побледнело и передернулось.

— Я не знаю, — безжалостно продолжал я, — известны ли всей Франции имена остальных... По слухам, их было немало. Так что пара романтических записок несчастной покинутой женщины, разыгранной,

как пешка, в большой игре, вряд ли перевесит прелести всех этих дам.

— Капитан, — услышал я на канале встревоженно-трезвый голос Лиса. — Может, ты объяснишь, чем ты тут занимаешься! Ты политик или проповедник? Оставь в покое его семейные проблемы!

— Его семейные проблемы — составная часть моей политики, — оборвал я Рейнара. — А кроме того, Сержа, этот чудак на букву М портит жизнь достойной женщины! Должен же кто-то дать ему по ушам за это!

— А ты, значит, этой достойной женщине помогаешь, выпуская ее мужа, — язвительно заметил Лис. — То-то Элеонора будет счастлива пасть на его заляпанную соусом грудь!

В это время король, уже пришедший в себя от моей неслыханной дерзости, проговорил сквозь зубы:

— Я так понимаю, вы себя объявили паладином моей жены? Но я не собираюсь выслушивать баллады в ее честь. Я останусь при своем мнении: она виновна в покушении на мою жизнь и понесет справедливое наказание! — Филипп II произнес это тоном, не допускающим возражений, недвусмысленно намекая на то, что эта щекотливая тема закрыта.

— Ваше величество! — спокойно глядя в глаза королю, по возможности доброжелательно произнес я. — Поверьте, становиться вашим врагом никогда не входило в мои планы. И то, что я сейчас говорю, не скажет вам никто другой. Но вы это должны знать, иначе вы уподобитесь человеку, глядящему на мир одним глазом.

Филипп Август слегка усмехнулся.

— Вся Европа знает вас как умного и тонкого политика, и лично мне глубоко близок и понятен ваш принцип никому не приносить вассальной присяги, — абсолютно искренне продолжал я, — но те обстоятельства, в которых мы волею судеб оказались, вынуждают меня предложить вам некоторую сделку.

— Я слушаю вас, — внимательно глядя на меня, произнес король.

— Я готов помочь вам вернуть престол верным и быстрым способом, так, что через несколько дней вы

будете в Париже. Никто не посмеет объявили вас самозванцем, и толпа в столице встретит своего чудом спасшегося короля.

— И чего же вы хотите взамен? — настороженно спросил меня мой собеседник.

— Две вещи. Хотя первую я даже не рассматриваю как условие, это скорее подарок вам, ваше величество. Все лавры вашего чудесного спасения достанутся Винсенту Шадри. Он ваш подданный, человек в высшей степени умный, опытный и отважный. И хотя он не дворянского рода...

— Отчего же? — деланно удивился монарх. — Вот уже несколько часов он носит титул барона.

— О, ваше величество! — я благодарно склонил голову. — Мудрость и справедливость ваших решений, как всегда, опережают самое пылкое воображение. Надеюсь, и в следующем вопросе у нас не возникнет разногласий.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнул он, — но, судя по витиеватости вашей речи, мне кажется, они возникнут.

Тяжело вздохнув, я развел руками.

— Второе условие касается вашей жены.

— Почему-то мне так и подумалось, — веско промолвил его августейшее величество.

— Увы, приходится вновь возвращаться к этой теме. Не знаю, поверили вы или нет моему утверждению о ложности обвинений, возводимых на королеву Элеонору, но моим вторым условием будет ваше полное примирение с ее величеством.

— Никогда. Это невозможно.

— Это необходимо. Прежде всего для благополучия Франции. Ведь вы же понимаете, что если откажетесь от этого условия, то королева ни за что не признает вас! А это приведет к расколу в стране и кровопролитной войне между двумя партиями, — стараясь говорить как можно убедительнее, внушал я ему.

— Вы думаете, она сможет... — с сомнением проговорил король.

— Ей присягнул Симон де Монфор, — просто сказал я.

— Проклятие! Чертова шампанка! — злобно прошептал Филипп Август. В комнате повисло напряженное молчание.

— Хорошо-о, — вкрадчиво протянул король. — Я пойду на это. Вы правы. Пока что нет нужды ссориться с этой злобной кошкой.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет.

Король удивленно поднял на меня глаза.

— Когда я говорю «мир», — продолжал я, — я имею в виду мир, а не западню. Вам придется дать королеве если не любовь, то спокойную жизнь. Вы напишете ей письмо, а я отвезу его туда, где она находится. При этом я буду вашим поручителем гарантии ее безопасности. И вы сами понимаете, ваше величество, что если не сдержите своего слова, то я буду вынужден появиться рядом с вами вновь, но уже не в качестве друга.

— Вы требуете от меня невозможного, — после долгого молчания мрачно произнес Филипп. — Я должен все обдумать.

— Сколько угодно, ваше величество, — вежливо отозвался я. — Тем более что вам необходимо отдохнуть.

На лестнице послышался топот, дверь скрипнула, в щель просунулась кудластая голова Бельруна.

— Вальдар, — начал было он.

— О! Входите, входите, барон! — радостно завопил скучающий от нашей большой политики Лис. Дверь распахнулась пошире, и Винсент Шадри, пошатываясь от усталости, вошел в комнату.

— Ваше величество, рад видеть вас в добром здравии, — поклонился он королю. — Вы позволите?

Филипп Август, внимательно разглядывая своего недавнего спасителя, милостиво кивнул.

— Вальдар, — обратился он ко мне, — Лаура здесь, Деметриус остался с Эжени на мельнице... Она еще очень плоха. Сэнди спит в повозке. Не думаю, что его стоит будить. — Лис, возмущенный полнейшим игнорированием своей сенсационной реплики, поднялся

со скамьи, где сидел все это время, и, уперев руки в бока, громко повторил:

— Господин барон, вам не кажется, что пора бы обмыть вашу новую корону, чтобы ее жемчужная нить не потускнела от времени¹? — Бельрун, который только сейчас, казалось, осознал услышанное, сделал удивленные глаза и недоуменно уставился на Лиса.

— Как — барон? — он перевел взгляд на меня и Филиппа Августа. — Почему не граф?!

ГЛАВА 25

Плох тот аббат, который не желает стать кардиналом.

Жак-Арман дю Плесси де Ришелье

опреши моим ожиданиям, наше пребывание в замке Мобрюк, сменившем теперь свое название на Бельрун, несколько затянулось. Необходимо было привести себя в порядок, отдохнуть перед дальней дорогой, подготовить возок, не приспособленный изначально для транспортировки принцесс. Кроме всего прочего, на нас лежала печальная обязанность похорон нашего друга... Эжени все эти дни пребывала в каком-то странном оцепенении, находя себе некоторое утешение лишь в том, что помогала Деметриусу ухаживать за ранеными при штурме замка солдатами. Почти все остальное время она проводила, сидя у могилы Люка...

— Может быть, ей лучше уехать куда-нибудь по дальше отсюда, — вздохнул Бельрун, глядя на ее поникшую фигуру, — Но у меня как-то язык не поворачивается сказать об этом. Понятное дело, я не оставлю ее... Лишь бы она сама не извела себя, — печально завершил он.

— Время — лучший лекарь, — сморозил я дежур-

¹ Баронская корона представляла собой золотой обруч, украшенный жемчужной нитью.

ную глупость, в душе отлично понимая, что в данном случае оно может быть только могильщиком...

Его величество, припертый к стене моими аргументами, нехотя был вынужден согласиться на предложенную сделку и теперь мелко мстил мне, напропалую любезничая с Лаурой. В ответ он получал милые кокетливые улыбки, ничего не значащий щебет и неиссякаемый поток словесный в мой адрес. Филипп мужественно вытерпел обстоятельное описание моих странствий и похождений, очевидно, являющихся вольным пересказом версий Лиса и Бельруна, а также захватывающее повествование о ее освобождении из плена Лейтонбурга. Последняя история была выслушана королем Франции с особенным вниманием, а при небрежном упоминании принцессой о трауре по случаю кончины императора Оттона II лицо его величества заметно просветлело. Через некоторое время, найдя меня во дворе и вдоволь налюбовавшись, как я дрессирую Сэнди, он с любезной улыбкой подошел ко мне.

— У вас чудесная невеста, — изысканно обратился ко мне Филипп Август. — Я искренне желаю вам, чтобы ваш брак оказался удачнее моего... Поверьте, я восхищен историей вашей любви!

— Никогда не подозревал, ваше величество, что вы любитель романтических историй, — вежливо кланяясь, иронично заметил я.

— Это верно, — король насмешливо улыбнулся. — Я люблю лишь те из них, которые заканчиваются смертью моего врага.

Наутро третьего дня замок опустел... Кроме Эже-ни, Деметриуса, раненых и трех солдат, оставленных для его охраны, в нем не осталось никого...

Бельрун с десятком солдат сопровождал его величество короля Франции, получившего от меня шифрованное послание в тамплиерское командорство, расположеннное в Валансе. В пергаменте, данном мною королю, содержалось предписание всем тамплиерам, увидевшим этот документ, содействовать его величеству в возвращении престола Франции. Я же, в свою очередь, взял на себя нелегкую миссию почтового го-

любя, вез в Тулузу блестательной королеве Элеоноре любовное письмо от ее мужа, в самых изысканных выражениях повествовавшее о его чудесном спасении из лап предателя Мобрюка, и о нежных чувствах, с которыми он ждет ее в Париже. Теперь это послание очень мило соседствовало в моей походной сумке с копиями писем королевы к Джону Плантагенету. Не удалось избежать и маленького казуса. Утром перед самым отъездом в мою комнату ворвалась разъяренная Лаура-Катарина и в самых решительных выражениях потребовала объяснить, как сочетаются мое тамплиерское звание комтура и намерение жениться на ней. Пришлось битый час успокаивать мою нареченную, рассказывая ей, что я являюсь фамильяром¹ высшего посвящения в ранге, так сказать, «тайного советника» и не связан целибатом² или какими-либо иными обетами.

Отдохнувший и отъевшийся король, вначале имевший жгучее желание разорвать барона Мобрюка четверкой диких коней, впоследствии сменил гнев на милость и принял мудрое решение обеспечить своему врагу такую же жизнь, какую тот хотел удостоить ему.

— Содержать Кретьена Мобрюка в клетке до конца его дней, на хлебе и воде! — сурово приказал король.

— Слушаюсь, ваше величество, — поклонился Бельрун. — Он заслуживает такого наказания! Конечно-конечно, — добавил он, провожая взглядом дородную фигуру удаляющегося Филиппа. И мне почему-то подумалось, что по возвращении барона Шадри де Бельруна в свой замок строгий режим его узника будет заменен на общий. С обитателями этого дома...

...Итак, по завершении всех дорожных сборов мы все-таки отправились в путь. Майский Лангедок! Южная Франция в самое прекрасное время года, когда все вокруг цветет, благоухает, зеленеет, стремится ввысь, к солнцу, к лазурному небу! Южная Фран-

¹ Фамильяр — светское лицо, входившее в орден, не принимая обетов послушания, безбрачия и бедности. В зависимости от степени посвящения могли занимать очень высокие должности в тайной деятельности этого рыцарского сообщества.

² Целибат — обет целомудрия и безбрачия.

ция, где улыбки на лицах крестьян, казалось, запечатлены навеки, а уныние и скорбь можно видеть лишь на каменных изваяниях христианских соборов, да и то скорее всего лишь потому, что послушный резцу скульптора камень не властен был изменить выражение своего лика.

Лангедок, где каждый второй — поэт, а каждый первый распевает песни каждого второго. Где, воткнув в землю палку, на следующий год можно застать в этом месте зеленеющее дерево. Земля, где трудно быть некрасивым, где кровь так горяча, что лишь вино из напоенного солнцем черного винограда отрезвляет горячие головы! Лангедок, благословенная земля, которую наверняка избрал бы Господь для своего пришествия, если бы решил обойтись без трагических сцен...

— Поглядите, как красиво кругом! — Лаура, высунувшись из крытого возка, повела рукой, словно демонстрируя розы собственного сада. — По-моему, здесь просто невозможно быть грустным, несчастным или одиноким!

Ее черные глаза с восторгом скользили по окрестным зеленеющим холмам, поросшим виноградниками. Встреченный нами конный отряд, охранявший приграничье, доброжелательно указал нам путь, и все шестеро воинов чуть ли не хором, перебивая друг друга, начали подробно разъяснять дорогу, не спуская восхищенных глаз с приветливо улыбающейся принцессы.

— Ну разве не прелесть! — оживленно щебетала моя несравненная Лаура-Катарина, требовательно глядя на меня. — Вальдар, ну что ты такой хмурый? Посмотри вокруг — это самый прекрасный край на свете! Я прошу тебя, улыбнись!

Я ласково взглянул на разрумянившуюся от прекрасного настроения и яркого солнца принцессу и улыбнулся. Не знаю почему, но душу мою не оставляло смутное беспокойство... Ибо открывавшийся перед моим взором край был слишком богат и красив, чтобы долго жить в спокойствии и мире. И хотя я возлагал большие надежды на договор с королем Филиппом, кому, как не мне, было знать, что армия голодных северных баронов, жадных до богатств Лангедока, уже

рвалась вцепиться в горло этой дивной стране. Ненавистный для них Юг, где горожане, словно сеньоры, ходили в бархате и ели на серебре, где вольности были неслыханны, а нравы — веселы, был язвой для их алчного чрева. И кому, как не мне, было знать, чем это могло закончиться... Священный крестовый поход, объявленный папой Иннокентием III, чья одиозная фигура во многом инициировала неслыханные дотоле зверства под сенью святого креста, — вот что ждало в ближайшие годы, а то и месяцы этот цветущий край. Я глядел вослед шестерым всадникам, охраняющим границу, и понимал, что вряд ли кто-нибудь из этих молодых и пылких южан достигнет возраста седин. Не мог я восторгаться зеленью и красотой этих холмов, зная, что вскоре они могут окраситься кровью. Память услужливо открывала пожелтевшие страницы читанных в юности хроник альбигоиской войны... Какой-то мерный монотонный голос глухо выговаривал страшные слова: «Казните всех! На небесах отберут своих!» И все были казнены.

И вот сейчас мы с Лисом, единственные, кто знал изнанку этой тишины, находились в самом центре наступающей бури.

— Вальдар! — услышал я звонкий голосок своей ненаглядной, выведший меня из задумчивости. — Ты несносен! Ну почему ты такой мрачный? Смотри, какие цветы!

Я посмотрел. Цветы как цветы. Голубенькие...

— Ой! Барашки! — восторженно завопила девушка. — Какие беленьевые!

Лис, правящий повозкой, моментально приподнялся на передке, хищно высматривая в стаде наш будущий обед. Я тоже посмотрел в ту сторону. Овцы были явно испуганы: сбившись в кучу, они громко блеяли, создавая невообразимый шум.

— О, ничего себе! — воскликнул Рейнар, прищуривая свои зоркие глаза. — Волк, средь бела дня?

— Где? — удивился я.

— Да вон же! — Лис указал рукой на пологий склон холма, через который переваливало стадо. Наперекор хищнику мчалась четверка матерых волков-бабов.

— Все, серый, заказывай мессу! — махнул рукой мой напарник. — Но каков наглец!

И тут волк повел себя странно. Увидев приближающихся собак, он вскочил на задние лапы и попробовал спасти от них бегством на двух конечностях, что было совсем не свойственно его виду.

— Оборотень! — пронзительно взвизнула Лаура, спрятавшись за спину Рейнара и оглушив его своим криком.

— Нет, это не оборотень, — поглядывая на меня со знанием дела и потирая пострадавшее ухо, произнес месье д'Орбиньяк. В этот момент волк, неуклюже пытавшийся оторваться от своих преследователей, наступил себе на хвост и упал.

— Это какой-то идиот, напяливший на себя волчью шкуру! Интересно, как ему это удалось, — Рейнар резко остановил возок и спрыгнул на землю. — Скорее, а то псы его растерзают! — Он вскочил в седло бежавшей рядом с нашим экипажем лошади.

— Сэнди, за мной!

Пастухи, спешившие к месту схватки, и мои друзья подоспели почти одновременно. Совместными усилиями им удалось оттащить разъяренных волкодавов. Мы с Лаурой тревожно пытались разглядеть происшедшее у подножия холма.

— Все! — услышал я на канале мыслесвязи. — Капитан, не боись, псов оттащили, он жив. Иди сюда, поможешь дотащить этого придурка до возка.

— О-о-о... Лоба! — стонал псевдоволк слабым и вполне человеческим голосом. Извлеченный из обрывков волчьей шкуры, он оказался довольно молодым человеком без видимых психических отклонений на лице. Собаки изрядно потрепали его: из глубоких ран на груди, боках... и так далее сочилась кровь.

— Лоба! Любовь моя! — стонал в полу забытьи раненый.

— Лоба... Это по-провансальски волчица, что ли? — автоматически перевел Рейнар. — Фу, зоофил какой-то! — он с отвращением взглянул на спасенного.

— Да нет, Лис, не преувеличивай, — осадил я фантазию своего друга. — Скорее всего это женское имя.

Как бы в подтверждение моих слов раненый застоп

нал и разразился потоком маловразумительных сочетаний:

— О, Лоба! Майская Почка... Сад Пряностей... Сторожевая Башня Радости! О-о... Любовное Гнездо Сердца, Груз Счастья... Зернышко Сладкого Миндаля... — шептал он. Лис изумленно уставился на лицо молодого человека и пощупал его лоб.

— Бредит, бедняга...

— Нет, Лис, ты опять ошибаешься. Ты не знаешь нравов этой страны, — печально промолвил я. — Тебе еще предстоит узнать, что такое куртуазная поэзия...

Подоспевшая Лаура с полосами холстины захлопотала над несчастным, перевязывая его раны.

— О, какое счастье! — шептал он. — Каждая капля моей крови — это в твою честь, несравненная Лоба!

У Лауры-Катарины по щекам скатились две слезы умиления.

— Ах, как это прелестно! Вальдар, а ты мог бы вот так ради меня... — она осеклась и с испугом взглянула мне в глаза. — Впрочем, нет! Я никогда бы себе не простила, если бы с тобой что-нибудь случилось по моей вине, — серьезно добавила принцесса.

Лис посмотрел на меня с каким-то странным выражением и вопросительно кивнул на удаляющихся собак.

— А?!

— У-у... — отрицательно покачал головой я.

— Тогда поехали, — Рейнар занял место на передке фургона. — Ваше высочество, — поторопил он Лауру, — мы должны спешить. Здесь недалеко, близ Лангони, есть августинская обитель, там святые отцы помогут этому мученику любви, а то как бы его прекрасная дама не узнала о проделках своего пылкого воздыхателя из надписи на надгробном камне.

— А, Пьер Видаль! — поглядев в лицо искусанного бедняги, протянул брат-привратник. — Эй, Николя! — кивнул он юному послушнику, задумчиво ковырявшему пальцем в носу. — Беги к отцу Асуфию, скажи, что эн¹ Видаль снова при смерти.

¹ Эн ц (или эн) — «господин» на провансальском наречии.

— А что, это с ним уже бывало? — задал я вопрос монаху.

— Конечно, — равнодушно ответил тот. — Прощий раз, когда он влез ночью в спальню графини де Барраль и «похитил» у нее поцелуй, разгневанная дама велела гнать его из своих владений, что, вы думаете, сделал этот несчастный? Он взобрался на старую римскую колонну... здесь, знаете ли, по дороге на Родез еще осталось несколько... Так вот, Видаль три дня не ел, не пил, не спал, а лишь читал всем встречным стихи в честь своей прекрасной дамы.

— И что? — заинтересовался Лис похождениями своего коллеги.

Августинец индифферентно завершил:

— Что? К концу третьего дня ее светлость была вынуждена смилостивиться, иначе бедняга отдал бы Богу душу, да и крестьяне жаловались... Да разве все упомнишь... Одно слово — трубадур!

Это слово в его устах звучало как диагноз безнадежно больного. Сдав спасенного нами пиита в заботливые и привычные руки отца Асуфия, я поинтересовался у привратника-августинца:

— Скажите, святой отец, есть ли при монастыре странноприимный дом? Мы очень устали с дороги.

— Конечно, — монах оживился. — Если господа изволят немного подождать, я спрошу у отца настоятеля соизволения предоставить вам кров. Надеюсь, вас не затруднит назвать свои имена?

— Нисколько, — вежливо ответил я.

Услышав наши титулы, привратник любезно кивнул и поспешил известить аббата о нашем прибытии. Спустя несколько минут он появился перед нами вновь и, поклонившись, произнес:

— Его преосвященство папский нунций отец Арнольдо и его преподобие отец-настоятель просят вас оказать им честь быть нашими гостями. Прошу вас, господа, следуйте за мной!

— А что, его преосвященство нынче здесь? — немного удивился я. — Я полагал, он в Нарбоне.

— Нет, отец Арнольдо сейчас находится в инспекционной поездке по монастырям, — пояснил священник. — В стране неспокойно... Катарская ересь,

подобно проказе, распространилась повсюду... Вот, недели две тому назад в Кастре банда еретиков ворвалась в храм и, невзирая на увещевания служителей Господа, растащила все сокровища Божьего дома, а напоследок жестоко избила своего епископа! Да что там, по слухам, в Альби сейчас иметь тонзуру равносильно смертному приговору... — монах печально вздохнул. — Тяжелые времена настали. В простых людях совсем исчезло почтение к Господу и слугам его.

Я галантно помог сойти с возка Лауре-Катарине, Сэнди, как подобало образцовому оруженосцу, пристроился сзади, и мы чинно двинулись за нашим проводником.

...Скромная монастырская трапеза была завершена. Правда, ее скромности вполне хватило бы, чтобы насытить десятка два изголодавшихся кнехтов, но я был уверен, что все эти горы недоеденного мяса, рыбы, соусов и тонких вин, уносимые расторопными монахами на золотых и серебряных блюдах, пойдут впрок и помогут святым отцам воочию оценить милость Господню. Белые холеные пальцы прелата, унизанные перстнями стоимостью с целое аббатство каждый, в молитвенном жесте сошлись под пухлым двойным подбородком.

— Возблагодарим Господа, дети мои, — приятным бархатным баритоном произнес папский нунций.

— Аминь, — отзвались мы.

Изысканное общество, собравшееся за столом, состояло из отца-настоятеля, нашей четверки и отца Арнольдо, известного в этих краях под именем Аббат Аббатов. Я с интересом разглядывал эту известную личность, слывшую едва ли не вторым человеком у апостолического престола. Он был высок, весьма дороден и благообразен, как фасад собора святого Петра в Риме. Лицо с мясистым носом было не лишено привлекательности, умные карие глаза смотрели ясно и чуть насмешливо. Весь его холеный аристократический вид наводил на мысль о небезосновательности слухов, намекавших на его герцогское происхождение.

После окончания трапезы сама собой потекла неспешная учтивая беседа. За окнами быстро темнело...

— Прошу простить меня, господа, — принцесса едва сдержала зевок. — Но я вынуждена удалиться...

Мы с Лисом и Сэнди поднялись из-за стола и поспешили откланяться.

— Мессир Вальдар, — услышал я за спиной голос отца Арнольдо, — вы играете в шахматы?

— Да, ваше преосвященство, — остановившись, ответил я.

— Тогда сделайте милость, возвращайтесь сюда после того, как проводите свою очаровательную невесту, — карие глаза Аббата Аббатов масляно взблеснули. — Составьте мне компанию. Представляете, во всей обители нет человека, посвященного в тонкости этой игры.

Я кивком головы поблагодарил господина нунция и вышел. Он посмотрел на меня с нескрываемым соjalением.

— «А вас, Штирлиц, попрошу остаться», — услышал я по мыслесвязи цитату из любимого рейнаровского сериала. — Бедный ты, бедный... Всем бай-бай, в люлю, а тебе вращать колеса истории! А впредь тебе наука! В следующий раз будешь выбирать монастырь для стоянки — ищи женский. И Лауре спокойнее, и нам с Сэнди веселее, — хохотнул он.

Процедура отхода ко сну моей уставшей невесты не заняла много времени. Напутствованный ее поцелуем на победу в шахматном поединке, я оставил Лауру отдыхать и направился обратно, вспоминая на ходу хитроумные комбинации игры, которыми надеялся порадовать его преосвященство.

Дверь в покой Аббата Аббатов была чуть приоткрыта, и оттуда доносился знакомый баритон, потешивший свою бархатистость.

— ...Смерть вашего легата послужит достойным поводом для начала крестового похода против ереси. Так что, святой отец, скорее пишите свои латинские грамоты, поднимите великий шум, а я разнесу их по Франции, по всему Лимузену, Пуату, Оверни, до самого Перигора. Объявите повсюду индульгенции — от здешних стран до Константинополя, и что тому, кто не вооружится, будет запрещено есть за столом, пить вино, одеваться в ткани пеньковые и льняные, и

будет похоронен, как собака! Дописал? Поставь число, — властно приказал нунций. — Так, отлично. Передай письмо Гийому, пусть везет его в Рим, к его святейшеству Иннокентию III. Все! Ступай!

— Слушаюсь, ваше преосвященство, — раздался тихий голос в ответ. Я отпрянул от двери, мысленно благословляя работу сапожника, скроившего такую мягкую обувь, и скользнул в один из боковых коридоров. Затаив дыхание и досчитав мысленно до ста, я двинулся обратно и нос к носу столкнулся с секретарем отца Арнольдо, только что вышедшим из комнаты.

— Его преосвященство может принять меня? — вежливо осведомился я, отвечая на поклон монаха.

— Он ждет вас, мессир, — сообщил он.

Аббат Арнольдо, вновь обретший свое благодушное спокойствие и вельможную грацию, приветствовал меня.

— Вы представить себе не можете, как рад я встретить здесь, в этом рассаднике ереси, истинного христианского рыцаря! Вы ведь, кажется, тамплиер?

Я судорожным мышечным усилием удержал свою ползущую вверх левую бровь, ограничиваясь осторожным кивком.

— Надеюсь, — продолжал «мурлыкать» Аббат Аббатов, — суд тамплиеров примерно наказал того еретика-алхимики?

— О да! — не моргнув глазом отвечал я. — Сейчас он находится в одном очень уединенном замке и вряд ли скоро выйдет оттуда.

Его преосвященство удовлетворенно кивнул головой.

— Садитесь, граф де Берсак, — предложил он. — Вы позволите вас так называть? Это звучит более привычно уху истинного провансальца. Надеюсь встретить в вас опасного противника, — пододвигая шахматную доску с уже расставленными на ней фигурами, иронично добавил отец Арнольдо.

— Полагаю, что не обману ваших надежд, — в тон ему ответил я.

— Скажите, мессир Вальдар, — двигая королевскую пешку, начал игру мой противник, — я слышал,

вы были последним, кто разговаривал с покойным императором Оттоном...

— О, новости распространяются быстро, — заметил я.

— Нет, — мягко возразил священник. — Это мои люди стараются следить за всем, что происходит в мире.

— Да, ваши люди правильно вас информировали, — отозвался я. — Но в смерти его я не повинен.

— Глупая, нелепая гибель... Особенно печально, что она произошла накануне великих свершений. Мы лишились истинного поборника христианской веры. Самого могущественного защитника ее интересов, — в голосе отца Арнольда звучала искренняя скорбь.

Я внутренне похолодел. Мои самые худшие опасения насчет войны в ближайшее время подтвердились! И не кем иным, а человеком, от одного росчерка пера которого зависело ее начало.

— Император что-то говорил на эту тему, — как можно равнодушнее ответил я, делая вид, что всецело поглощен обдумыванием следующего хода. — Святой престол замышляет новый крестовый поход? Теперь, когда Константинополь в руках истинных христиан и этих проклятых схизматиков оттуда вышибли, дело освобождения Гроба Господня стало намного проще.

— Несомненно, — кивнул аббат, благожелательно на меня поглядывая. — Но речь сейчас о другом. Необходимо пытаться освободить Иерусалим от сарацинов, когда и здесь, буквально под носом у Рима, католическую веру разъедает моровая язва катарской ереси.

— Неужели это так опасно? — удивленно спросил я. — Прошу простить меня, если этот вопрос неуместен, у нас в Вестфольде, и в Англии, где я последнее время обитал, об этом практически ничего не известно.

В голосе моем звучала искренняя тревога, приличествующая доброму христианскому рыцарю в подобной ситуации.

— Опасней, чем вы думаете! — нравоучительно поднял указательный палец с тщательно полированным

ногтем Аббат Аббатов. — Эти богохульники хуже любых поклонников Магомета! Ибо если тем путь спасения сокрыт изначально, то эти добровольно попрали его! — в голосе аббата Арнольдо звучал праведный гнев. — Катары, или, как их еще называют, альбигоцы, почитают наш мир неделимой вотчиной Врага рода человеческого и считают его, а не Господа нашего Иисуса Христа создателем всего сущего.

— Всего сущего? — переспросил я, изображая возмущение и крайнюю степень изумления. Аббат был прекрасным оратором. Он так умело оперировал подбором фактов, что, если бы я не был знаком с постулатами альбигоцства, тотчас же проникся бы звериной ненавистью к этим еретикам.

— Да, — сурово подтвердил он. — Но и это лишь малая толика их богомерзких прегрешений. Альбигоцы не признают Троицу, возводят хулу на Деву Марию и отрицают все чудеса и воскрешение Христа! Они оскверняют прах святых и высмеивают искупление грехов их деяниями. Катары не верят, что всех нас ждет день Страшного Суда, и грабят церкви, оскверняют храмы... Вот кто такие катары! — подытожил он.

— Ужасно! — воскликнул я. — Неужели такое учение распространилось сколько-нибудь широко?

Арнольдо, чуть успокоившись, передвинул фигуру на доске.

— Вам шах. Увы, да, — вздохнул он. — И хуже всего то, что этой ересью прониклись не только грязные сервы, но и благородное сословие. Особенно же возмутительно отступничество графа Раймунда VI Тулузского! Он забывает, что вся власть на земле от Бога, и не кто иной, как святейший папа, повелевает всеми земными владыками. Любой король или иной сюзерен лишь настолько облачен правом повелевать своими подданными, насколько его воля угодна Церкви!

Я взглянул в лицо Аббата Аббатов и поразился происшедшей в нем перемене. Куда делись мягкость и утонченность его манер! Он стал похож на стервятника, готовящегося вонзить когти в добычу. Арнольдо замолчал и некоторое время, казалось, был полностью поглощен игрой. Что и говорить, он был великолеп-

ный шахматист — моя оборона рушилась, как карточный домик.

— У вас прелестная невеста, — неожиданно прервал затянувшуюся паузу святой отец. — Полагаю, в скором времени вы с нею благополучно доберетесь до Барселоны... Я хотел бы, чтобы вы были счастливы в этом браке. Поэтому передайте своему будущему тестю, королю Арагона Раймону, что с его стороны будет весьма мудро не противиться действиям церкви и не ввязываться в ненужную ему войну.

Я сделал удивленное лицо.

— Его величество известен мне как добрый слуга церкви, но его родство с графом Тулусским может толкнуть короля на необдуманные поступки. Прошу вас, предостерегите его от этого, — пояснил Аббат Аббатов.

Его преосвященство кинул взгляд на доску.

— У вас пат¹, мессир Вальдар.

ГЛАВА 26

Ad madgorim gloria Dei!²

Девиз иезуитов

ы уезжали из монастыря утром, сопровождаемые звоном колоколов и звуком благодарственных молитв Господу — то ли за наступающий день, то ли за наш отъезд. День был великолепен, пейзажи восхитительны... но на сердце у меня было еще неспокойнее, чем всегда. Я, правда, изо всех сил старался казаться веселым, добросовестно шутил, восхищался птичками, цветочками и красотой своей возлюбленной, но уже через час услышал на канале встревоженный голос Лиса:

— Что-то произошло, Капитан?

¹ Пат — ситуация в шахматной игре, когда королю, оставшемуся одному на доске, непосредственно ничего не угрожает, ноходить ему при этом некуда.

² «К вящей славе Господней!» (лат.).

— Не то чтобы произошло... — после некоторой паузы отозвался я. — Но скорее всего произойдет.

— Ты о чем? Вчера проиграл будущую корону в шахматы? — как-то неубедительно сострил Лис.

— Много хуже, Сережа. Ты слышал об альбигойских войнах?

— Ты что, меня за дурака держишь? — возмутился он. — Я, конечно, неуч, но все-таки с высшим образованием!

Лис собрался с мыслями и выдал странную фразу:

— Герцог Альбигойский у себя в замке за обедом убил папу римского, после чего на него ополчился весь христианский мир. Так?

— М-да... Почти, — скептически ответил я.

— А как? — с подковыркой обиженно спросил мой друг.

— Ну ты сам нарвался, — предупредил я. — Теперь внимай.

И я со свойственным мне занудством начал читать Лису краткую лекцию по истории альбигойской ереси.

— Вернемся в незапамятные времена...

— Я так понял, ты намерен рассказать мне историю от сотворения мира? — опасливо покосился на меня Рейнар. — Тогда гляди, чтобы мы не проехали Тулузу.

— Не волнуйся, — заверил я его. — Начало нашей истории приходится на тридцать третий год от рождения Христова.

— Всего-то!.. Стоп, ты что, имеешь в виду распятие, что ли? — удивился он.

— Именно его. Ибо с этого момента началась религия, получившая название христианской, и закончилось учение Сына Божия.

— Эк загнул! — восхитился Лис. — Люблю я, как ты говоришь! Ну давай, излагай.

— Ну, с религией, как ты помнишь, дело обстояло тоже не слава Богу, — оседлал я любимого конька. — С одной стороны, апостолов развелось, как собак нерезаных, а с другой — в землях Септимании, то есть здесь, — я указал ладонью на землю под ногами коня, —

появилась Церковь Святого Грааля, знак отличия главы которой болтается у тебя на шее.

Лис похлопал лапой по медальону на груди.

— Да, я знаю, я крут. Ну и что? Ересь-то тут при чем?

— Ну, это зависит от того, что называть ересью, — резонно заметил я. — Ибо и Церковь Апостолов, и Церковь Потомков Сына Божьего заявляли неоспоримые права на слово истины. Понятное дело, когда император Константин признал первых, здесь Меровинги, как мы помним, связанные родственными узами с потомками царя Иудейского, в пику Византии не преминули поднять на щит учение сторонников Церкви Святого Грааля. Поэтому кто из них еретики — тебе решать.

— Нам, казакам, все равно — что пулемет, что самогон, абы с ног валило, — философски заметил мой напарник. — Так что там наши альбигойцы? — зевнул он. — А то ты все время уклоняешься от ответа куда-то в сторону.

Я наставительно поднял палец.

— Не уклоняюсь, Лис, а предваряю. Ибо каждое дерево растет из корней!

Д'Орбиньян мученически закатил глаза.

— Так вот, — продолжал вещать я. — Однажды где-то на Востоке одной персидской вдове пришла в голову светлая мысль выкупить некоего раба по имени Манес.

— Святая женщина! — восхитился Лис. — И что, он был молод и хорош собой?

— Ты угадал, — подтвердил я. — А кроме того, был очень умен и обладал несгибаемой волей. Но, что особенно ценно для нас, он объявлял себя Параклетом, возвещенным Христом своим учеником.

— Это был голый point, или у него на это дело таки была ксива? — гнусаво спросил меня Рейнар, держа вожжи между растопыренных пальцев.

— Следствию установить не удалось, — лаконично отвечал я. — Однако доподлинно известно, что он был сведущ вalexандрийской философии, посвящен в

мистерии Митры, прекрасно знал все Евангелия и долго странствовал по Индии и Китаю.

— Миклухо-Магеллан, большой человек! — подытожил Рейнар.

— Итогом всех этих странствий являлась довольно стройная теория, которую он объявил продолжением христианства.

Лис, молча слушавший меня некоторое время, возмущенно воскликнул:

— Как его звали, говоришь? Манес? Так ты мне что, про манихейство все это время втират? Я тебя про это спрашивал, Цицерон несчастный? Я тебя про альбигойцев спрашивал!..

— Тише, Лис, не шуми, — успокоил я Гайренского менестреля. — Альбигойцы, в общем-то, и есть типичные манихеи. Правда, с изрядной долей гностицизма, — злорадно добавил я. Ответом мне было невнятное шипение на канале.

— А как же герцог Альбигойский? — прияя наконец в себя, выдал Лис.

— Рейнар, — строго оборвал я его. — Какой герцог? Альби — это маленький городок, собственно, и являющийся центром катаров.

— У них там тусовка, — подобрал адекватное определение д'Орбиньяк.

— Да, Сережа, тусовка, — обреченно вздохнул я, понимая, что серьезного разговора не получится. — Так вот, герцог Альбигойский, как ты изволил выражаться, там не тусуется!

— Да-а?? — Лис явно надо мной издевался. — А где он тусуется?

— Нигде! — взорвался я. — Его вообще в природе не существует! Ты все напутал!

— А как же он тогда папу убил? — продолжал настаивать мой напарник. Я попытался взять себя в руки.

— Рейнар, послушай. Пока что никто никого не убивал. Но!..

И я рассказал внимательно слушавшему меня Лису о своем разговоре с Аббатом Аббатов и о случайно услышанном тексте его письма в Рим, об армии Симона

де Монфора, скапливающейся сейчас у границ Лангедока, и о многом другом, что должно непременно произойти на этой благодатной земле, в случае, если ничего не изменит ход истории.

— Да уж... дела... — озабоченно протянул мой друг.— Ну что, свяжемся с Центром? Попросим добро на новый тарарам? — с сомнением в голосе произнес он.

— Зачем? — пожал плечами я. — Тебе не кажется, что благородный рыцарь Вальдар Камдил и его верный спутник Рейнар л'Арсо д'Орбиньян давно уже стали неотъемлемой частью этого места и времени? И мне почему-то не хочется дожидаться решения очередных «яйцеголовых», вмешиваться нам или нет, — завершил я.

— Ну и ладно, — философски изрек Лис. — Что такого хорошего мы забыли в том мире? Итак, считаем, что «добро» уже получено, — деловым тоном заговорил он. — Что это за история с папским легатом?

— С легатами здесь вообще в последнее время тяжело. За эти годы их тут сменилась тьма-тьмущая, и все без толку. Местное население попросту не обращает на них внимания, сеньоры вежливо, хотя это уж как повезет, выслушивают их пламенные проповеди и делают по-своему; а горожане Альби, Безье и ряда других городов просто не подпускают их к воротам.

Лис восхищенно присвистнул.

— Несколько лет назад, — продолжал я, — наш вчерашний сотрапезник добился назначения двух новых легатов, так сказать, из здешних аборигенов. Рауля из Фонфруе и Петра де Кастельно.

— И что, их стали пускать в город? — усмехнулся Лис.

— Конечно, нет. Но оба эти монаха были известны своей фанатичной преданностью вере, железными принципами и стремлением к мученичеству. Кстати, один из них, Рауль, наиболее впечатлительный, уже загнулся от огорчения, устав втолковывать слово Божие упрямым провансальцам.

— Гвозди бы делать из этих людей! — продекламировал Рейнар подходящую к слушаю цитатку.

— Но тем не менее деятельность эти святые отцы

развили бурную, — продолжал я. — Особенно, так сказать, по искоренению «внутреннего брожения».

— Не понял тебя... — вытаращил глаза Лис.

— Они резонно решили, что, прежде чем бороться с катарской ересью, нужно очистить собственные захваченные католические ряды. И начали они с того, что накатали «телеги» папе римскому на всех имевшихся в округе епископов — нарбонского, безьерского и тулузского.

— И что? — заинтересовался Лис. — Мне это до боли напоминает что-то из родной истории.

— Те, понятное дело, возмутились. Но это им особо не помогло — из Рима пришло отлучение всех троих от епархии. Тогда епископы решили ехать к самому папе, жаловаться. И совсем было собирались, да вот беда — умерли.

— То есть как — умерли? — опешил Лис.

— Один за другим, — мрачно ответил я. — Сначала нарбонский и безьерский, а потом тулузский.

— Да, веселые тут нравы... — Рейнар призадумался.

— Интересно, кому это было нужно?

— А ты до сих пор не понял? — спросил я.

— Ну-у... — Лис почесал в затылке.

— Хорошо, тогда я продолжаю. Слушай внимательно. Все три епархии остались без руководства. Уж не знаю, как это повлияло на очищение церкви, но то, что еретиков от этого не убавилось, — факт. Тогда граф Раймунд Тулузский сделал самый банальный и логичный ход, который можно сделать в этой ситуации.

— Он посадил своего епископа? — догадался мой друг.

— Да, он посадил в Тулузе некоего Госелина, который такой же христианин, как, скажем, Магомет.

— Так это граф грохнул святых отцов? — прямолинейно предположил Лис.

— Отнюдь! — возразил я. — О графе говорят, что он больше рыцарь, чем политик, и больше поэт, чем рыцарь. Хотя и поэт весьма посредственный. А в общем, граф Раймунд очень милый человек. Да и что он, в общем-то, может, когда в Тулузе еще с римских

времен 24 консула и все средства идут через их руки... И вся власть, естественно. Но своим поступком он выдал себя с головой и дал повод святому престолу призвать монархов к крестовому походу против ереси. Правда, для начала войны не хватает одной мелочи так сказать, вского основания...

— И Аббат Аббатов решил подставить своего легата под нож? — наконец понял Рейнар. — Вот сволочь! — уважительно охарактеризовал он его преосвященство.

— Умница, Сережа! Именно сволочь. Но из рода здешних сюзеренов. Что после должной расчистки даст ему неоспоримое право превратить эту богатую землю в свой духовный феод. Так сказать, во славу Господа.

Некоторое время мы ехали молча. Южное солнце весьма ощутимо припекало, в возке было тихо — Лаура, видимо, разморенная послеполуденной жарой, дремала. Сэнди ехал сзади, погруженный в созерцательную задумчивость. Судя по выражению его лица, он сравнивал крутые холмы, леса и туманные болота родного Нотингемшира с буйным цветением этого края.

.После разговора с Лисом на душе у меня полегчало, и тоска «патовой» безысходности сменилась поиском вариантов удачного хода. Дорога вилась между холмов, изредка взбегая на их вершины, откуда открывался чудесный вид.

— О! — нарушил наше молчание Лис. — Какое-то селение! Надеюсь, там нас накормят, — он указал рукой в направлении кучки домиков, белеющих на склоне холма. Я энергично кивнул. Есть хотелось давно...

В возке послышался шорох. Лаура с заспанным выражением лица высунулась из фургона. Ее черные кудри рассыпались по плечам, а на нежной коже щеки отпечатался след — видимо, она дремала, положив руку под голову.

— Вальдар, долго я спала?

— Нет, милая, — ласково ответил я, с искренним восхищением разглядывая порозовевшее лицо моей милой. Лаура взглянула на свое измятое платье и,

издав недовольное «Ох!», скрылась в глубине возка. После героического продирания через лес великолепный наряд, что был на принцессе в момент похищения, превратился буквально в лохмотья, и поэтому первым делом, проезжая через ближайший городок, мы купили Лауре новое платье. Хозяин лавки, узнав, какая высокая гостья к нему пожаловала, вывалил перед нами все самое лучшее, что у него было. Принцесса, сморщив нос, нерешительно указала на платье из светло-коричневого атласа с парчовой вставкой и золотым шитьем. Теперь она жутко стеснялась своего провинциального наряда и норовила поглубже забиться в возок. Как по мне, она была хороша в любых нарядах...

— О, а это еще что за стадо баранов? — поднимаясь на козлах и пристально вглядываясь куда-то в сторону, спросил Лис.

На окраине поселения, в ложбинке между двумя холмами, стояла коленопреклоненная толпа людей в длинных белых рубашках и, вознеся очи к небу, в абсолютной тишине слушала старца в снежно-белом одеянии.

— Так, я понял, — высказался Лис по мыслесвязи. — Дурдом «Солнышко» на прогулке. Вальдар, посмотри, у них рукава на спине не завязаны?

— Лис, — урезонил я своего напарника, — в этих краях веротерпимость прямо пропорциональна продолжительности жизни. Ты, кажется, интересовался аспектами альбигойской веры? Вот один из них.

Сэнди, ехавший позади, поравнялся со мной и, показывая на людей в ложбинке, подозрительно спросил:

— Что это за толпа?

Я не успел ответить. Лаура, с любопытством наблюдавшая за этим явлением, с готовностью пустилась в объяснения.

— Я уже видела такое! Они так молятся. Дядя Раймунд рассказывал мне о таком обычье.

— Они что, такие бедные, что церковь не могут построить? — с неодобрением буркнул Шаконтон.

— Да нет же! — рассмеялась Лаура. — Я же тебе го-

воро — они так молятся. У них такой обычай. А церквей они не признают.

— Диковинный обычай... — хмуро заметил Сэнди.

— Катары могут молиться где угодно, — воодушевленно делилась своими знаниями принцесса. — Помоги среди поля, в лесу, в сараях, даже на скотном дворе!

— Глупо, — произнес мой оруженосец. — Для того и построен Дом Божий, чтобы мысли верующих в нем возносились к Господу.

— Они считают, что если душа каждого человека таит в себе искру Божию, то ему нет никакой необходимости ни в каменных изгородях, ни в посредниках для общения с Вседержителем, — пояснила Лаура.

— А как же таинства? — возмутился Сэнди.

— Альбигойцы успешно обходятся без них, — довольно безразлично ответил я. — Как, впрочем, и без остальных атрибутов веры.

— Как?! Они не признают святого креста? — растерянно спросил Шаконтон. — Эти люди — еретики! — убежденно заключил он.

— Совершенно верно, — спокойно отозвался я. — Хотя я бы их назвал иноверцами. Они не признают ни креста, ни плахи, ни коста и никаких других орудий убийства. А насчет Христа... У них есть свое мнение на этот счет. В частности, катары не считают его Сыном Божьим.

— А кем? — выдохнул Сэнди.

— Совершеннейшим из ангелов, воплощенным в человеческое тело.

— Господи, — перекрестился он, — они все будут гореть в ад!

— Это уж точно, — подтвердил я эту мысль. — Должен тебя огорчить, по их мнению, мы все уже давно там находимся. С самого момента рождения. Ибо катары уверены, что землю сотворил вовсе не Господь, а дьявол, поэтому мы все обитаем в аду.

— Ну они-то, во всяком случае, для своего мученичества выбрали не самый худший его уголок, — иронично заметил Лис. — А вообще-то идея хорошая... Сколько ни греши — дальше катиться уже некуда.

Мы все, за исключением ошеломленного Сэнди, весело рассмеялись.

— Дядя Раймунд говорил мне, что враг рода человеческого слепил первых людей из морской грязи и обманом заманил в них бессмертные души, — нравоучительным тоном произнесла Лаура. — И теперь они мучаются в нечистых телах и все стремятся на небо, в Царствие Божие...

— Люка говорил что-то подобное, — наморщив лоб, вспомнил Шаконтон.

— Конечно, — печально отозвался я. — Ведь он родом из этих мест. А вы, Лаура, весьма сведущи в вопросах еретичества, — насмешливо глядя на принцессу, заметил я.

— Так ведь и мой дом недалеко отсюда, — спокойно заметила она. — Я с детства все это слышала.

Между тем наш пышный кортеж торжественно въехал на главную и, по-видимому, единственную улицу селения, носившего гордое название Виллафранка.

— «Свободный хутор», — перевел Лис, скептически озирая три десятка маленьких, но очень аккуратных домиков. И тут...

— Ой! — как-то сдавленно пискнула принцесса Лаура, быстро прячась за кожаную занавесь фургона. Навстречу нам в сопровождении пожилого стражника, понуро опустив голову, вышагивал абсолютно голый человек.

— Да-а-а... — потрясенно протянул Лис. — Смотри, Капитан, и запоминай: когда ты растранижиришь все казенное золото, с тобой будет то же самое, — нравоучительно изрек он.

— Не пори чушь, — досадливо отмахнулся я, с не меньшим интересом разглядывая местного нудиста. — Видимо, нравы в этом поселке столь же свободны, как и его название.

— Ага, ты еще скажи, что это его так от жары пронояло. Эй, приятель! — обратился Рейнар к прохожему. — Скажи, это что, обычай такой — по улице нагишом разгуливать?

Виллан остановился, смерил нас оценивающим

взглядом и, решив, что собеседники вполне респектабельны, с достоинством ответил:

— Обычай. Как кто ложную клятву в суде принесет, или в торговых делах обманет, так голым по всему бальяжу¹ гуляет, чтобы все видели и другим неповадно было. А как нагуляется, так должен еще нобелю² ремоден³ уплатить.

— Да, — вздохнул Рейнар. — Славный обычай. Принцесса, вылезайте, — обернулся он к Лауре. — Гроза миновала!

...Мы ехали еще два дня без особых происшествий, зато с массой интересных встреч. Шаконтон, ошело взиравший вокруг, узнал немало нового о нравах, обычаях и религиозных воззрениях южан. Сообщение о том, что, по мнению катаров, Мария Магдалина была супругой Иисуса Христа, Сэнди решительно отверг, как дикое и абсурдное. Когда же он услышал, что с матерью у Спасителя совсем нелады, ибо альбигойцы никак не могут для себя решить, была ли Мария земной женщиной, духом-предвестником Христа или поэтической аллегорией, «матерью всей альбигойской церкви», он хмуро заявил, что вызовет на бой всякого, кто будет оскорблять имя Девы. После чего погрузился в мрачную меланхолию и начал подозрительно осматривать каждого встречного, словно ища повод для драки. Между тем встречные приветливо улыбались, некоторые кивали, и, хотя никто не спешил рвать с головы колпак и бухаться в придорожную пыль, было заметно, что к незнакомому рыцарю и его прекрасной даме относятся с должным почтением, но безо всякого подобострастия. Так, не спеша, мы пересекли границу графства Альбижу и въехали на благословенную землю Тулузы. Землю, ступив на которую, раб становился свободным человеком и где городской сенат мог по своему усмотрению менять неугодных графов. Где приговоры выносил суд из двадцати присяжных, изби-

¹ Бальяж — административно-судебный округ.

² Нобель — общинный староста.

³ Ремоден — денежная единица, ходившая в графстве Альбижу (1 ремоден=62 сантимам).

паемых из народа, а местный епископ вещал с амвона: «Божественный законодатель отвечал вопрошающим его: «Воздайте кесарево кесарю, а Божие — Богу». А мы вам скажем, следя тому же примеру, — вам, которые в одно время и подданные Бога, и вожди народа: «Воздайте Божие Богу, а народу воздайте все то, что подобает ему».

И вот к концу второго дня, когда майская жара стала спадать, пред нашими взорами открылись древние стены великой Тулузы. Оставив позади на удивление ухоженный лес, мы приближались к городским воротам. Принцесса, в нетерпении выглядывающая из возка, наверняка уже предвкушала встречу с родственниками и тот фурор, который произведет здесь наше появление. Внезапно Лис привстал со своего места возницы и, приложив руку «козырьком», стал что-то пристально высматривать.

— Ну да. Конечно, — тоном, полным деланного отчаяния, произнес он. — Я знал, что когда-то это должно было произойти!

— Что произойти? — удивился я.

— Неизбежное, — обреченно отозвался гайренский менестрель. — Крепись, Вальдар. Я должен сообщить тебе радостную весть.

Лис произнес это таким тоном, что я, признаться, занервничал.

— Да что случилось, в конце концов? — возмутился я.

— Погляди, — Рейнар указал рукой вперед, по направлению движения. — Видишь, вон, на холме, прелестная всадница на рыжем коне? Она тебе никого не напоминает?

— Нет, — честно признался я, пытаясь разглядеть женскую фигуру, облаченную в длинное зеленое платье.

— Да?! — откровенно изумился мой напарник. — Тогда, может быть, тебе знаком тот вороной конь, что пасется рядом?

— Мавр... — оторопело прошептал я.

— Блестящее наблюдение! — покровительственно отозвался Лис. — А та наездница рядом — твоя сестра.

ГЛАВА 27

Но что ни говори,
Жениться по любви
Не может ни один,
Ни один король!

Хроника царствования Луи II

нельга! — радостно завопила принцесса, едва не вывалившись из возка. Всадница между тем не торопилась броситься к нам навстречу. Она, как-то скованно держась в седле, неспешно спустилась с холма и тихим шагом двинулась к нам. Я с подозрением поглядел на свою сестричку. Если мне не изменяет память, она была великолепной наездницей. «Уж не ранена ли?» — с внезапной тревогой подумал я. Между тем расстояние меж нами сокращалось, и мы могли разглядеть радостную улыбку на лице Инельгердис, время от времени необъяснимо сменявшуюся выражением беспокойства.

— Вальдар! Лаура! Господи, Рейнар! Как же я рада видеть вас всех вместе и в добром здравии! — не выпуская поводьев из рук, приветливо воскликнула она. — Я не сомневалась, что мой брат спасет тебя.

— Боже мой, Инельга, мы тоже тебе очень рады... Но откуда ты здесь? — удивленно спросил я.

— Это долгая история, — отмахнулась девушка, — Листик, стой, не дергайся! — она судорожно вцепилась одной рукой в луку седла. — Кто ж придумал такое издевательство над женщинами?

Лис, все это время с веселым интересом наблюдавший, как ергазит в седле амazonки¹ баронесса Шангайл, с преувеличенной вежливостью подвинулся на возке и приглашающим жестом похлопал по скамье рядом с собой.

— Баронесса, присаживайтесь!

¹ Седло амazonки — женское седло, предполагающее посадку боком — одна нога в стремени, другая находилась на специальном крюке.

Инельга мученически поморщилась, явно борясь с искушением, но с нескрываемым сожалением ответила:

— Нельзя... Иначе тулузцы совсем с ума сойдут.

Я удивленно поднял бровь.

— Что за острый приступ благопристойности, сестричка? — поинтересовался я, пересаживаясь на радостно заржавшего Мавра и пристраиваясь рядом. Инельгердис смерила меня хитрым взглядом.

— Ну должен же хоть кто-то в этой семье быть благопристойным, братик?

Я онемел от такой наглости.

— Или хотя бы казаться таковым, — невозмутимо добавила она, наслаждаясь полученным эффектом.

— Да, я смотрю, переодевания в этом сезоне в моде, — произнес Рейнар, оценивающе оглядывая стройную фигурку баронессы, облаченную в платье из темно-зеленого бархата. — Впрочем, тебе этот наряд идет еще больше, чем доспех.

— Так все-таки, что ты здесь делаешь? — прервал я поток лисовских комплиментов, готовых обрушиться на ни в чем не повинную девушку.

— Тебя жду, — как нечто само собой разумеющееся, сообщила мне она. — Когда по Англии разнесся слух о том, что Вальдар Камдил погиб от руки наемного убийцы, — начала свое повествование моя сестра, — я было бросилась искать этого негодяя... Но Мерлин, у которого я тогда гостила, остановил меня, сказав, что ты жив и в середине мая будешь в Тулузе.

— Мерлин так сказал? — искренне изумился я.

— Да, и, как ты сам понимаешь, я ему поверила. Я немедленно села на корабль, отправляющийся в Барселону. В пути нас застиг сильный шторм, загнавший судно в гавань Ла-Рошели. Ох, и натерпелись мы страхи, — добавила Инельга. — В Ла-Рошели я вспомнила историю, рассказалую Рейнаром, о том, как вы останавливались в «Морском коне». Хозяин гостиницы, услышав, что я из рода Камдилов, гордо поведал мне подробности твоей мнимой смерти. А потом все оказалось просто. Решив разузнать о твоих дальнейших планах, я направилась к барону де Монтерель, с

которым вы вместе приплыли во Францию. Он принял меня весьма любезно, напоил каким-то сладким травяным отваром и в конце концов все-таки рассказал о том, что ты поехал выручать Лауру, похищенную императором. Эта новость так возмутила меня, что я было совсем собралась ехать за тобой в Аrelат со своими людьми, но вскоре одумалась.

Я мысленно возблагодарил Мерлина за четкие указания, данные моей сестре. Представляю, какого бы шума она наделала, двигаясь по моим стопам...

Как бы подтверждая мою мысль, Инельга произнесла:

— Я решила, что если ты пошел на хитрость, то у тебя есть какой-то план, и я по незнанию могу тебе помешать... — она печально вздохнула. — Поэтому я, соблюдая благопристойность, со своим небольшим отрядом двинулась в Тулузу. Решив, что Мавр тебе здесь понадобится больше, чем в конюшне Ла-Рошели, я прихватила его с собой.

Я с благодарностью посмотрел на сестру.

— Послушай, Инельга, я понимаю, что ты за меня волновалась... и очень ценю это, поверь! — поспешил добавить я. — Но скажи, зачем ты ехала за мной во Францию?

Девушка немного помолчала, а потом, вопросительно взглянув мне в глаза, медленно произнесла:

— Понимаешь, брат... Я должна передать тебе нечто чрезвычайно важное. Мерлин сказал...

Торжественный рев десятков труб потряс округу, заставив вздрогнуть и шарахнуться наших лошадей и заглушая слова Инельгердис.

— Все-таки он меня нашел... — бледнея, прошептала моя сестра. В ее больших серых глазах светился откровенный ужас. Я рефлекторно положил руку на эфес, подавая вперед Мавра.

— Смотри, Вальдар, нас встречают! — радостно закричала Лаура-Катарина, привстав на цыпочки.

На холм развернутым строем величественно взбежала кавалькада рыцарей, облаченных в пышные одежды. На ветру гордо развевались стяги с гербами,

золотое шитье на коттах воинов блестело на солнце, слепя глаза.

— Гляди, серебряные львы в лазури! — захлопала в ладоши моя невеста. — Это де Уэска!

— Кто? — не понял я.

— Мой кузен Пейрэ де Уэска, маркиз Монферратский, сын моей тети Бланки, — гордо ответила принцесса Каталунская. — Помнишь, я тебе рассказывала про нее? Ее паладином был Готье де Вердамон, родственник Рейнара. Как все-таки мир тесен! — добавила она, взглянув на Лиса.

— Это уж точно... — тихо произнес я, вглядываясь в лицо юноши, торжественно подъезжающего к нам на великолепном белом жеребце.

— У, зануда, — обреченно прошептала Инельга, делая попытку спрятаться за мою спину.

Что и говорить, Пейрэ де Уэска был хорош. Гордое выражение открытого юного лица с тонкими и вместе с тем мужественными чертами дышало пылкостью и отвагой. Длинные черные волосы до плеч выбивались из-под бархатной круглой шапочки с фазаным пером. Юноша взглянул на меня необычными для южанина серыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами, широко улыбнулся и поднял руку в приветственном жесте. Да, он был красив. Уж не знаю, как выглядел маркиз Конрад Монферратский, но Пейрэ де Уэска был как две капли воды похож на своего отца — Джорджа Плантагенета, известного в здешних краях под именем Готье де Вердамона.

— Племянничек... — раздался похабный голос Лиса на канале связи. — По линии отца... Ни фига себе!

Граф де Уэска осадил своего коня и, ловко гарцуя передо мной, произнес голосом, в котором гордость арагонского гранда смешивалась с мальчишечьей радостью:

— Ваше высочество, и вы, дорогая моя сестра! От имени короля Арагона и нашего дяди, графа Тулусского, я имею счастье приветствовать вас на благословенной земле Лангедока и сопроводить столь высоких гостей ко двору. Я благодарю небеса за то, что высокая честь первым засвидетельствовать вам свою предан-

ность и почтение выпала именно мне, ибо слава о ваших деяниях разнеслась среди всего христианского рыцарства подобно ветру, раздувающему боевые знамена...

Парень говорил бойко и прерываться явно не со- бирался.

— И вот так может целый час... — услышал я тоскливый шепот по-вестфольдски за спиной. Сердце мое наполнилось печалью...

Положение спасла Лаура. Сестринское сердце не выдержало длинной вступительной речи, и она, словно птичка выпорхнув из возка, бросилась навстречу брату. Тот ловко соскочил с седла, пал перед ней на колено, склоняя голову.

— Встаньте, Пейрэ! Я так рада вас видеть! — радостно воскликнула принцесса. Увидев наследницу арагонского престола, толпа рыцарей разразилась оглушительными криками. Граф де Уэска махнул рукой, строй расступился, и оттуда торжественно вынесли золоченый портшез для ее высочества.

— Я счастлива приветствовать вас, господа! — произнесла Лаура, преисполненная важностью момента. — Вот мой спаситель и жених! — она указала рукой на мою нескромную персону. Арагонцы вновь разразились воплями, пугая окрестных птиц.

— В дорогу! — воскликнул де Уэска, почтительно помогая Лауре забраться в портшез. Я мысленно прикинул, что дорога должна была занять от силы десять минут. Рыцари быстро перестроились, окружив нас почетным эскортом, и мы двинулись с места. Чуть впереди меня, во главе колонны, скакал юный племянник арагонского короля. И только тут я заметил, что на левом плече графа де Уэска намотан изрядный кусок зеленого бархата, развевающийся при скачке локтя на три позади него, подобно вымпелу. Бархат был явно того же отреза, что и роскошное платье моей сестры. Я кинул на нее недоуменный взгляд. Ответом мне было непередаваемое выражение лица, в котором сочетались безысходная тоска, активный протест... и еще парочка выражений, которые не пристали девице столь знатного происхождения.

...Тулуса гудела, радуясь новому поводу для праздника. Заблаговременно предупрежденные толпы лирично настроенных горожан спешили выразить свое восхищение нашей парочкой, катастрофически затруднив дорогу ко дворцу.

Выслушав приветственную речь представителя городского капитула¹ на площади перед величественным собором св. Петра, мы наконец-то добрались до отведенного нам отеля. Оценив готовую к атаке орду портных, златошвеек и кружевниц, поджидающих свою жертву у дверей в покой принцессы, я отметил про себя необходимость зайти в банковскую контору Амальфи за дополнительными ассигнованиями и, решив, что до вечера мне не суждено повидать свою очаровательную невесту, вздохнув, отправился наносить визит королеве.

Провожаемый всисками: «Ой, какая прелесть!», «Ты посмотри, какая красота, тебе должно пойти!», которыми обменивались, пылая энтузиазмом, Лаура и Инельга, я поспешил ретироваться из зоны боевых действий.

Выйдя на улицу и уточнив у первого попавшегося мне на дороге разносчика воды, где располагается резиденция королевы Элеоноры, я направил свои стопы по указанному адресу. Уже минут через пятнадцать солидного вида дворецкий докладывал, что ее величество «готова с радостью принять меня».

«С радостью... — печально усмехнулся я, поднимаясь по мраморным ступеням в покой королевы. — Боюсь, что радость как раз будет невелика...»

Элеонора Французская ждала меня в кабинете, отделанном панелями из красного дерева, обильно украшенными позолотой, сидя в удобном деревянном кресле возле низкого столика в мавританском стиле, на котором красовалось серебряное блюдо с фруктами. Войдя, я низко поклонился и как можно более изысканно поприветствовал королеву. Ее величество

¹ В Тулусе сохранялись республиканские принципы управления еще с римских времен вплоть до XVIII века. Городской капитул (совет) составляли 24 консула.

любезно кивнула и указала мне на пустое кресло рядом с собой.

Бельрун говорил правду, называя ее прекрасной... Элеонора, в своем белом вдовьем одеянии, гордая и стройная, с жемчужной сеткой на темно-каштановых волосах, была ослепительна хороша. В ее посадке, ма-нере говорить чувствовалась та природная грация, ко-торой не достичь долгими годами упражнений, — она либо есть, либо ее нет.

Однако годы заточения сделали свое дело... Теперь в прекрасных глазах королевы Франции не было и намека на ту радость жизни, романтику и наивное удивление, которые так восторженно описывал Винсент Шадри. Несгибаемая воля, порой граничащая с уп-рямством, вообще присущая роду графов Шампан-ских, ясно читалась в ее лице, а горькая складочка в уголках губ свидетельствовала о пережитых страда-ниях.

— Я рада приветствовать вас у себя, мессир Валь-дар, — мелодично проговорила Элеонора, доброжела-тельно меня оглядывая. — Я наслышана о подвигах, совершенных вами во славу любви. Для меня большая честь принимать у себя такого славного рыцаря. Одна-ко что привело вас в мой дом?

— Сударыня... — негромко произнес я, стараясь унять невесть откуда взявшееся сердцебиение. — Я счастлив был бы прийти сюда лишь затем, чтобы за-свидетельствовать свое восхищение самой красивой женщине Франции, но, увы, меня привело к вам дело.

— Дело? — удивилась Элеонора. Ее тонкие прямые брови взметнулись вверх. — Какое же?

— Увы, мадам, не думаю, чтобы оно вас обрадова-ло... — опустив глаза, сказал я, расшнуровывая пояс-ную сумку. — У меня для вас письмо от вашего супру-га, короля Филиппа II Августа.

Вежливая улыбка медленно сползла с лица короле-вы. Она побелевшими пальцами вцепилась в подло-котники кресла.

— Не может быть, — тихо, но уверенно произнесла она. — Он мертв!

Я отрицательно покачал головой, глядя прямо в ее

испуганные глаза, ставшие черными из-за расширившихся зрачков.

— Нет, ваше величество. Он жив.

Я протянул Элеоноре пергамент, который она взяла, словно ядовитую змею. Быстро пробежав глазами текст, королева уронила руки с письмом на колени и в изнеможении откинулась на спинку кресла.

— Но как?.. — едва смогла прошептать она, закрывая глаза и едва удерживаясь от слез.

— Кретьен де Мобрюк заточил короля в своем замке вместо того, чтобы убить, — пояснил я.

— Предатель! — воскликнула Элеонора, ударив рукой по подлокотнику кресла.

— Значит, вы знали о готовящемся убийстве... — тихо сказал я.

Королева яростно взглянула на меня.

— Знала? — отчаянно выкрикнула она. — Конечно, знала! Я сама навела своего бывшего тюремщика на эту мысль! Вы представить себе не можете, как сладка была моя месть! Это чудовище украло десять лет моей жизни! Лучших лет!! — она подалась вперед, судорожно сцепив пальцы. — Вы и не представляете, как он издевался надо мной! А вы спрашиваете, знала ли я?! Да я собственными руками задушила бы эту мразь, если бы смогла дотянуться до его толстой шеи! — прошипела королева.

— Я так и думал, — спокойно произнес я. — Но исправить уже ничего нельзя.

— Послушайте, мессир Вальдар, — тихо произнесла Элеонора. — Если я приеду в Париж, как он того требует, Филипп убьет меня в тот же день. «Любимая супруга...» — с горечью перечитала она, развернув пергамент. — Мог хотя бы передо мной не пускаться на эти уловки...

— Он вас пальцем не тронет, — заверил я ее величество.

— Это король обещал вам? — презрительно скривила губы Элеонора. — Как можно верить такому лжецу?

— У него нет иного выхода, — пояснил я. — Вокруг него слишком много людей, готовых выполнить мой приказ.

— Ваших людей? — переспросила королева, подымя на меня полные непролитых слез прекрасные карие глаза. — Помоги мне, Господи! Быть может, все еще можно исправить? Вы сами не представляете, какое чудовище выпустили на свободу! — пылко начала убеждать меня несчастная женщина.

— Это невозможно... — едва смог выдавить я, чувствуя себя последним мерзавцем. Сердце мое обливалось кровью, но я не имел права на сочувствие, черт возьми!

— Но почему?! — не сдерживая своих чувств, закричала королева. — Вы с ним заодно? Тогда зачем вы пришли ко мне?! Чтобы полюбоваться на мои слезы?

Я отрицательно покачал головой.

— Король Джон Плантагенет, — четко выговорил я.

— Что — Джон?.. — вскочила со своего кресла Элеонора. — При чем здесь...

Я не дал ей договорить.

— Король Джон и королева Элеонора... И корона англо-французской империи на голове вашего сына.

Моя собеседница смертельно побледнела.

— Откуда вам... это известно? — растерянно спросила она, вновь опускаясь в кресло. — И какое дело вам до этого?

Я встал и молча прошелся по кабинету.

— Какая разница, откуда мне это известно? Главное, что это правда и я это знаю. А дело мне до этого самое прямое.

Я остановился напротив королевы, с ненавистью взиравшей на меня.

— Точно так же, как Людовик — сын Джона, — Элеонора при этих словах вздрогнула, словно от удара, но не отвела взгляда, — Эдуард Английский — мой сын, — устало закончил я фразу. — Я готов сделать для вас все что угодно, но, пока я жив, ни один волос не упадет с его головы.

— Вы уже сделали... — процедила сквозь зубы Элеонора. — Я полагаюсь на ваши слова и возвращаюсь в Париж. Но знайте, — она помедлила, обдав меня ледяным взглядом. — Вы сломали мне жизнь, развеяли надежды на счастье, которое я заслужила более, чем

какая-либо другая женщина... Уходите, благородный рыцарь Вальдар Камдил. Я проклинаю вас... И покуда я жива, я сделаю все, чтобы вы страдали так же, как и я.

Я повернулся и молча вышел, всю дорогу до двери чувствуя на затылке обжигающий ненавистью взгляд королевы Элеоноры Французской...

За свою жизнь я совершил много такого, что могло быть сочтено грехом. И все же, оглядываясь назад, я знал за собой лишь несколько поступков, из-за которых мне было мучительно больно и стыдно. Сегодня к ним прибавился еще один. Я шел по залитым весенним солнцем улицам Тулузы, не замечая ничего вокруг и желая забыть все произшедшее, как страшный сон. Однако снова и снова видел перед собой бледное, решительное лицо королевы и слышал страшные слова... Уж и не знаю, сколько часов заняли мои блуждания по городу. Но когда тени от домов стали закрывать улицы, я решил направиться туда, где ждали меня друзья. Несколько раз мне наперерез бросались добровольные проводники-факельщики, обещая за пару сантимов провести меня в любой уголок Тулузы, но, бросив мелкую монетку, я отказывался от их услуг. Не то чтобы я хорошо знал топографию этого счастливого города, но найти мой отель было весьма несложно — разнообразнейшее бряцание струн и многоголосое бельканто служили надежным ориентиром. Понимая, что если войду в дом с парадного входа, то неминуемо подвергнусь насильственному воспеванию, я, кутаясь в плащ, решил проникнуть в отель через черный ход. Но едва завернув за угол, мне пришлось резко затормозить: возле калитки толпилась куча экзальтированных юношей в вычурных нарядах, в нетерпении напиравших на дверь. «Что за черт?» — пронеслось у меня в голове.

— В очередь, благородные сеньоры! Не толкайтесь! — в изумлении услышал я знакомый голос Лиса. — Не больше одного куска в руки! Ну куда вы лезете! Я же вам сказал, не больше одного куска.

Посыпалось характерное звяканье монет.

— Ну ладно, только для вас. Носите на здоровье!

— Лис, что происходит? — переходя на мыслесвязь, зловеще прошипел я.

— Прекрасный город! — жизнерадостно отозвался мой напарник, начисто игнорируя угрозу в моем голосе. — Никогда не думал, что обустройство гардероба прекрасной дамы — такая выгодная затея!

— Не понял тебя... — моя рука инстинктивно нащупала на поясе мешочек с деньгами, только что полученными в канторе Амальфи.

— Еще бы не понял! — хохотнул Рейнар. — Это у вас семейное! Эта глупая девчонка, твоя сестра, считай, чуть улицу солидами не посыпала!

— Да объяснишь ты наконец... — начал я окончательно выходить из себя.

— Объясняю. Лауре пошили три платья, не считая прочих аксессуаров. Местное трубадурное рыцарство в припадке куртуазной горячки ринулось за сувенирами. Ну знаешь там, обрезки всякие, кусочки тесьмы... и прочие лохмотья, которые здесь принято вешать на себя. Модистки, понятное дело, начали втихаря приторговывать бесценными фетишами. Инельга, которую эти патетические вопли под окнами окончательно вывели из душевного равновесия, засекла их за этим недостойным делом. После чего, решив, видимо, что она в осажденном замке, собралась полить публику чем-то вроде горячей смолы. Но поскольку таковой в наличии не оказалось, баронесса чуть не вывернула на голову осаждающих корзину с обрезками. Но я, как всегда, подоспел вовремя! — закончил Лис свое пространное объяснение.

— Ну а ты, добрейшей души человек, проникся, — саркастично ответил я.

— Да. Я проникся, — гордо отозвался гайренский менестрель. — И монополизировал торговлю лоскутками. И каждый, заметь, идет по солиду. За вычетом расходов на материал и работу портных, чистой прибыли у нас уже пятнадцать солидов, — торжествующе подытожил он. — А у тебя как дела?

— Я нажил себе сегодня еще одного смертельного врага, — устало ответил я. — Сережа, я был бы рад очутиться дома.

— Ща, нет проблем. Вальдар, погуляй еще минут десять, лоскуты уже заканчиваются... — просительно добавил он.

Я молча отключил связь, сворачивая в ближайший переулок. За своей спиной я услышал:

— Все, господа! Лоскутов больше нет! Расходитесь! Мы закрываемся!

Попав наконец в отель, я был атакован двумя раскрасневшимися от радости подругами, которые наперебой начали демонстрировать свои новые наряды. Я старался выглядеть галантным и веселым, наговорил Лауре и Инельгердис кучу комплиментов, однако обе девушки сразу почувствовали мое тягостное настроение. Инельга велела подавать ужин и под каким-то предлогом тактично убралась из комнаты, оставив нас наедине.

— Что-то случилось, милый? — встревоженно спросила моя невеста.

— Да, — кивнул я. — Я передал письмо Филиппа Августа королеве...

— И что? — тревожась все больше, поинтересовалась Лаура-Катарина.

— Пока не знаю... — задумчиво произнес я, привлекая ее к себе и гладя по мягким кудрям. — Но нам как можно скорее надо ехать в Арагон.

— Завтра вечером дядя Раймунд устраивает празднества в нашу честь... — просительно глядя на меня снизу вверх, протянула принцесса. — Я так хочу поучаствовать в них...

— Да, — утвердительно кивнул я. — Конечно.

Мне не хотелось участвовать в празднествах. Больше всего в эту минуту я желал схватить в охапку свое черноглазое сокровище и, вскочив в седло, мчаться, сломя голову, туда, где мы могли рассчитывать на относительную безопасность, — в Барселону. Ибо из всех опасных хищников, встречающихся в природе, самыми опасными была и остается оскорбленная несчастная женщина. А Элеонора Французская, кроме того, что являлась королевой, была, безусловно, незаурядной личностью. Но моей прекрасной принцессе так хотелось показать тулузцам новые платья...

Следующий день начался поздно. Поднявшись где-то около полудня, я узнал, что одно высочество, как истинная испанка, заявив, что во время сиесты просыпаться бессмысленно, валяется в постели; вто-

рое же, примерная дочь вестфольдского народа, с самого утра терроризирует торговца лоскутками и требует от него фехтовальных упражнений.

Посвятив весь остаток дня сборам, ввечеру мы, принаряженные и благоухающие, словно майская клумба, отправились во дворец Раймунда Тулузского. Правда, мне стоило больших трудов уговорить Инельгердис не оставлять меня в сей трудный час.

— Не пойду я туда! Чего я там не видела! — упрямилась моя сестра.

— Ну, Инельга, мало ли... Там весело будет... Музыка, танцы, — неубедительно уговаривал я упрямого отпрыска рода Камдилов.

— Там этот придурок будет! — уже конкретнее выразилась моя сестричка, гневно сверкнув глазами. — Я не могу, когда он на меня так смотрит!

— Ну и что? — сочувственно кладя руку ей на плечо, спросил я. — Я на местное рыцарство вообще без содрогания смотреть не могу. Но этикет есть этикет. К тому же кто-то, кажется, что-то говорил про благопристойность?

Двор графа Тулузского поражал великолепием и пышностью. Куртуазные кавалеры, увешанные музыкальными инструментами, шарфиками и рукавами от платьев дам своего сердца, и сами дамы, томно вздыхавшие и закатывавшие глаза по малейшему поводу, заставляли меня с ностальгией вспоминать суровую простоту северных нравов.

— Прэлэстно, прэлэстно, — отбивался Лис от молодых дарований, сующих ему под нос свежесочиненные сирвенты и требующих одобрения. На левом фланге с мрачной безысходностью во взоре и рефлекторно-дружелюбным оскалом держала оборону Инельга.

— Моя дама смотрела на меня с такой нежностью, — декламировал Пейрэ де Уэска, стоя в непосредственной близости от нашей группы, — что казалось, будто сам Бог улыбается мне. Один такой взор моей дамы, делая меня счастливейшим на свете, приносил мне больше радости, чем попечительнейшие заботы 400 ангелов, чтоpekутся о моем спасении.

При этом пылкий юноша старательно не смотрел на предмет своего обожания, что, как я понял, являлось высшим пилотажем в этом обществе. Комфортно здесь себя чувствовала одна принцесса: она танцевала, мило улыбалась рыцарям, в общем, веселилась от души. После роскошного ужина граф Раймунд Тулузский громогласно объявил, что по слухам прибытия высоких гостей и «чудесного избавления своей племянницы из лютого плена» назначается состязание трубадуров. (Лис, записавшийся в свору выступающих под таинственным именем шевалье д'Эсхар¹, язвительно прокомментировал происходящее странным: «КСП»!²)

Впрочем, меня на этом балу заинтересовало совсем другое. Граф Раймунд VI казался слишком весел, чтобы в самом деле быть таковым. Однако выяснить причину этого беспокойства я не успел.

Мы расселились полукругом на золоченых табуретах, кавалеры заняли свое место на мавританских подушечках у ног своих дам, и «зазвенели струны». Первые две песни я мужественно перенес, не подавая виду. Однако же, услышав от очередного исполнителя, что: «Амор есть дух, влюбленный в красоту, Из ока в око скачет, а засим Бросается одним прыжком большим Из ока в душу, из души в пяту»³, я понял, что мой организм нуждается в отдыхе, и, зафиксировав на своем лице выражение доброжелательного внимания, прикрыл глаза рукой и задремал.

— Проснись, Вальдар! Фу, как неприлично! В конце концов, о тебе поют! — шептала Лаура, незаметно дергая меня за рукав. Я в ужасе открыл глаза. Прямо передо мной стоял собственной персоной Гарсьо де Риберак и, томно закатив глаза, выпевал историю о том, как мы втроем — он, я и немножечко Сэнди — вдребезги разнесли пиратское гнездо на острове Сен-Маргет.

— Это правда? — прошептала Лаура.

¹ Эсхар — место одного из множества ежегодных слетов КСП.

² КСП — Клуб Самодеятельной Песни.

³ Стихи провансальца Эн Юк Брюнета, XIII в.

— Нет, — так же шепотом ответил я. — Я думал, тебя похитили пираты, ну и нанес им визит. Тебя там, понятное дело, не оказалось, но их главарь был столь любезен, что согласился освободить твоих девушек и доставить их в Барселону.

На лице принцессы отразилось заметное разочарование. Риберак сладковзвучно пел. Я начал тихо закипать, рука моя стала совершать судорожные движения в поисках кинжала.

— Ты чего? — услышал я голос сестры.

— Я не в состоянии слушать дальше эту галиматью! — злобно прошипел я.

— Успокойся, не глупи! — Инельга незаметно схватила меня за руку. — Он же поэт, что с него возьмешь!

Наконец Гарсью одним ударом уложил последнюю дюжину пиратов и, к моему величайшему наслаждению, заткнулся.

— Ну вот и все, — тихо прошептала Инельгердис, успокаивающе поглаживая мою руку. Но это было еще не все...

Молодой граф де Уэска поднялся со своего места и вышел на середину залы.

— Капитан, напомни мне после бала вернуть этому отпрыску Плантагенетов медальон отца, — внезапно раздался по мыслесвязи голос Лиса. — А то неудобно как-то...

Отпрыск Плантагенетов между тем опустился на одно колено и, глядя честными влюбленными глазами на замершую Инельгу, объявил:

— Эту балладу я посвящаю даме моего сердца, чей взор дарует прохладу в знойный полдень, подобно студеной воде из горной речки. И ни в доблести, ни в красоте я не знаю равных ей!

Я вздохнул. Юнец явно напрашивался на десяток-другой поединков ради серых глаз моей сестры. Она сидела ровно, словно была облачена в доспехи, и лицо ее было напряжено, как перед последней схваткой.

— Это предание я нашел в древних рукописях, — продолжал Пейрэ де Уэска. — Оно повествует о геройских предках наших гостей.

Зал встретил эту новость бурей восторга. И юноша

без дальнейших предисловий запел. В балладе, как я догадался, повествовалось о штурме замка, пережитом когда-то нашей бабушкой, имя которой носила Инельга. Первые несколько строф я слушал с вежливым интересом, отмечая вполне сносную поэтическую технику юноши, но затем...

— Что?! — вполголоса возмутилась Инельга. Я прислушался. «Нас было двенадцать у старых стен, Раствущих из серых скал, И наши клинки испытали те, Кто смерти в бою искал».

— Это он о чём? — прошептал я. — Я пропустил что-то важное?

— О братьях нашей бабушки! — был ответ.

— Какие братья? — резонно возмутился я, почему-то вспоминая Сен-Маргетского Аббата. — Она же вроде единственная дочь?

— Ты что, не слышишь — их было двенадцать!

«Но прежде чем в землю навеки лечь, — ничтоже сумняшееся продолжал пылкий воздыхатель, — Исполнили долг до конца, И наша сестра подхватила меч, Упавший из рук отца».

— Он, видимо, не знает, — с нехорошим спокойствием прошептала мне Инельга, — что нашего прадеда звали Хаген Большой Топор и меча он отродясь в руки не брал!

Между тем сражение продолжало кипеть в возбужденных мозгах де Уэска. Наша бабушка уже благополучно уокошила короля викингов Гуральда Длиннобородого, с легкостью неимоверной пробилась сквозь строй его кометов и тут же возглавила народное ополчение. «Я вам во сто крат заплачу долги! Моих вам не видеть слез! — Ведьма! — шептали о ней врачи. — И в ночь ее конь унес...» — вещал от имени бабушки Инельгердис экзальтированный юноша. Многие в зале глядели на девушку с завистью и восхищением. Я заметил, что на скулах у моей сестры уже выступили красные пятна, и тихонько сжал ее кисть.

— Успокойся, Инельга...

— И когда только успел написать... — с отчаянием в голосе прошептала она. — Вот же дура, рассказала ему... Но как переврал!

Когда же арагонский гранд прекратил бряцать оружием и дошел до лирической сцены знакомства Иньельгердис с неким рыцарем, по утверждению пинита, сыном невинно убиенного Гуральда, баронесса Шангайл не выдержала.

— На что намекает этот напыщенный петух? Наша бабушка была просватана за дедушку с рождения, и в наших жилах нет крови гнусного рода Гуральда! — сдавленно прошептала она.

— Тихо, Иньельга! Это поэтическое преувеличение. Он же поэт, что с него взять? — повторил я ее собственные слова.

— Я его убью, — убежденно прошептала она.

Жизнь племянника испанского короля была спасена самым неожиданным образом. Двери парадной залы распахнулись, и на пороге появился запыленный гонец с окровавленным рукавом и лицом, серым от боли и усталости. Все присутствующие замерли, в ужасе глядя на него. В возникшей тишине жутко произвучали его негромкие слова:

— Ваша светлость! Симон де Монфор перешел границу. Замок Монреаль пал...

ГЛАВА 28

Из всех пороков, опасных для государственного деятеля, самый пагубный — добродетель. Она толкает на преступление.

А. Франс

полнейшей тишине со своего резного кресла, держась за подлокотники, поднялся граф Раймунд Тулузский и охрипшим от волнения голосом спросил:

— Как это случилось?

Гонца буквально шатало от усталости, он оперся о косяк двери и, с жадностью опустошив поднесенный ему кубок, заговорил:

— Они напали утром, еще до рассвета. Сеньор де Монреаль и еще восемьдесят рыцарей были захвачены

без доспехов и оружия. Граф де Монфор велел их всех повесить.

По залу прокатился возмущенный ропот, многие рыцари вскочили с мест.

— Повесить?! — глаза графа Тулузского налились кровью.

— Да, ваша светлость, — тихо, но четко ответил посыльный. — А сестру господина де Монреяля негодяи бросили в колодец и закидали камнями, крича при этом, что та же участь постигнет всех еретиков.

— Проклятие! — взревел Раймунд, вмиг теряя всю свою куртуазность. — Чертов де Монфор! Где эта французская сука?!

Оживление в зале достигло высшей точки, самые воспитанные дамы не замедлили картиною рухнуть в обморок при словах своего сюзерена; благородное рыцарство, частично вспомнив о своих вассальных обязанностях, воинственно хмурило брови и хваталось за оружие. Представители же изящной словесности во главе с грозой пиратов Рибераком в тоске и печали ломали руки, издавали ужасающие стоны и вопли скорби, в общем, создавали подходящий случаю фон. Бледный мажордом, трясущимися пальцами сжимающий свой жезл, вышел вперед и, преклонив колено, объявил:

— Ваша светлость, ее королевское величество Элеонора Французская с сыном, не объявляя причин, отбыли вчера днем.

— Отчего же ты сразу не доложил мне, негодяй?! — загрохотал граф над головой бедняги.

— Не гневайтесь, ваша светлость... — пролепетал слуга. — Вчера весь день и всю ночь вы были заняты обсуждением договора с провенскими баронами. — Бледное осунувшееся лицо графа Раймунда буквально посерело. Я побоялся, что сейчас его светлость хватит удар. Однако, несмотря на предынфарктное состояние, он старался держаться молодцом.

— Господа рыцари! — негромко, но решительно начал граф. — Лютый враг угрожает нашей прекрасной стране. И пусть каждый из вас, будь он католик или катар, вспомнит о данной им присяге и поднимет

свое знамя рядом с моим! В Лангедоке каждый верует в то, что для него свято. А потому наш долг...

Раймунд не договорил. Видимо, некто, распределяющий удары судьбы, был сегодня особенно недоброжелательно настроен к властителю Тулузы.

— Не удерживайте меня! — раздалось из коридора.— Вы не смеете! Я легат святейшего папы!

— Картина Репина «Не ждали», — почесав затылок, по-русски прошептал Лис. — Вот тебя как раз тут недоставало!

Мое сердце ухнуло куда-то вниз, я вцепился в тугой ворот, пытаясь растянуть шнуровку. «Ну вот и началось!» — мелькнуло у меня в голове. В дверном проеме материализовалась тощая фигура в белой сутане цистерианца, неуловимо напоминающая привидение. Взлохмаченные черные волосы вокруг тонзуры, большие горящие глаза религиозного фанатика... Петр де Кастельно собственной персоной широкими шагами двинулся напрямик через залу, прямо к престолу графа Тулузского. Благородное общество притихло, словно испуганные птицы перед бурей. Лицо графа пылало яростью.

— Чем обязан вашему присутствию? — сквозь зубы процедил он.

Папский легат остановился в пяти шагах от Раймунда и разразился гневной тирадой.

— Граф! Пора наконец объявить, друг вы или враг, покровитель еретиков или нет. Если вы не расположены к ереси, разите ее в сердце, ибо она, как язва, пожрет все ваши домены! Если вы привержены еще святому престолу — немедленно удалите из армии и земель своих всех еретиков! — пронзительным фальцетом завершил он.

— Удалить? — нехорошим голосом переспросил граф, сдерживающий себя с большим трудом. — Катар или католик, что мне за дело! Лишь бы он был предан и храбр в бою. Изгнать еретиков в этот час — значит подставить свою шею под меч Симона де Монфора. Дайте мне окончить войну, и я сделаю для церкви все, что могу, — граф небрежно махнул рукой. — Ступайте!

Петр гордо выпрямился.

— Эти обещания я слышал много раз. Своей нерешительностью, граф, вы погубили себя в глазах святой церкви и всего христианского мира. Я обвиняю вас в прямой защите ереси! — буквально взвизгнул он.

— Вздор! — заорал граф. — Я терплю ее, и только!

Но все слова здесь уже были излишни. Колесо истории вертелось вовсю, перемалывая под своим ободом людские судьбы. Де Кастельно, в экстазе прикрыв глаза, вещал давно заготовленную речь. Все мы, замерев, слушали его слова.

— Теперь, граф, я объявляю тебя клятвопреступником и беззаконником, гнев Божий да разразится над тобой. Я отлучаю тебя от церкви. На всех землях твоих отныне интердикт. С этого дня ты враг Бога и людей, и тот, кто свергнет тебя, поступит справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком!

— Повесить негодяя! — закричал в бешенстве Раймунд Тулузский.

— Именем святого посланничества моего, которое меня осеняет, я запрещаю всякому поднять руку на помазанника Господа! — с неожиданной силой промолвил Петр де Кастельно и вышел из залы. Все были настолько поражены происшедшим, что никто и не подумал двинуться с места.

— Лис! — толкнул я своего напарника. — Действуем очень быстро! Бери Сэнди и двигайся за святым отцом. Глаз с него не спускай. Не дай Бог с ним что-то случится! При малейшей попытке нападения на этого сумасшедшего легата нападающих локализовать. Но так, чтобы кто-то из них остался жив. Крути его, верти, хочешь — в узел завязывай, но он должен признаться перед Петром де Кастельно, что подослан Аббатом Аббатов.

— Понял! — Лис дернулся, чтобы уйти.

— Стой, я не договорил, — продолжал я быстро шептать ему. — Дальше хватай пастыря Божьего и волоки к холму, помнишь, тот, что виден от южных ворот. Там еще старая разрушенная бастида. В развалинах засядешь и будешь ждать меня. Да! Вот еще! По дороге внуши этому фанатику, что ему следует вер-

нуться в Рим и заложить с потрохами его преосвященство Арнольдо папе Иннокентию III!

— Круто! — восхитился Рейнар. — Охрененный скандал выйдет!

Он рванулся к выходу и исчез из глаз. В зале между тем нарастало возбуждение, раздавались возмущенные крики, проклятия.

— Что происходит? — недоуменно вертя головой, жалобно спросила Лаура, хватая меня за руку.

— Война, девочка моя... — просто ответил я. На длинных черных ресницах принцессы Арагонской повисли слезы.

— Это я виновата! — всхлипнула она. — Мы должны были ехать вчера!

— Не кори себя, люди не властны изменить судьбу. — Я взял ее за плечи и обнял, не смущаясь присутствием толпы, которой, впрочем, не было до нас никакого дела...

— Но ты не оставишь меня? — заглядывая мне в глаза, с отчаянием в голосе спросила Лаура.

Я только вздохнул.

— Значит, ты сейчас отправишься воевать с Монфором? — с ужасом произнесла она.

— Нет-нет, не сейчас, — обнадежил я свою возлюбленную. — Мы едем в Барселону. Но предварительно мне нужно завершить здесь кое-какие дела.

Я обернулся. Как и ожидалось, кузен моей принцессы уже был рядом. Сейчас он никак не походил на хлыщеватого певца доблестей нашей «бабушки», и вся куртуазность слетела с него, как шелуха, перед лицом настоящей опасности.

— Граф де Уэска, — обратился я к молодому человеку. — Я поручаю вашим заботам самое дорогое, что есть у меня на этом свете. Излишне говорить вам, чтобы вы берегли свою сестру. Прошу вас о другом — не ищите сейчас рыцарской славы. Она найдет вас сама... Нынче мы должны вернуться в Арагон, чтобы призвать армию короля, вашего дяди, на помощь Тулузе.

— Можете положиться на меня, мессир, — коротко ответил юноша.

— Собирайте своих рыцарей. Сейчас я должен уехать. Инельгердис расскажет вам, где нам надлежит встретиться.

Я поцеловал Лауру и, положив руку на плечо своей сестре, отошел с ней в сторону. — Инельга, — глядя ей в глаза, спросил я, — сколько с тобой рыцарей?

— Шестеро, — не задумываясь, ответила девушка. — У каждого есть оруженосец.

— Прекрасно, — я на секунду задумался. — Вот что. Мне нужна твоя помощь.

— Ну ты же знаешь... — укоризненно взглянула она на меня.

Я кивнул.

— Выбери самого надежного из своих рыцарей. Сейчас я напишу послание Меркадье; его войско должно стоять где-то около границы. Пусть твой посолщик шарахается от собственной тени и прячется по кустам как заяц — главное, чтобы он доставил письмо как можно скорее.

— Хорошо, — кивнула Инельга. — Поедет Старлинг, он ловок и осторожен.

— Это тот, что был в бою под Нейвуром? — вспомнил я. — Хороший воин.

— Да. А остальные? — тревожно спросила моя сестра.

— Не волнуйся, — невесело усмехнулся я. — Им тоже скучать не придется. Впрочем, как и нам. Прикажи им собираться, их ждет дальняя дорога.

— Куда? — коротко спросила Инельгердис.

— В Рим. Они будут сопровождать папского легата, — пояснил я.

— А я? — в серых глазах юной воительницы читалася упрямый вопрос.

Я тяжело вздохнул.

— Придется тебе вновь сменить платье на кольчугу. Я бы охотно отправил тебя домой, но сейчас это не представляется возможным. Поедешь с нами в Арагон...

— Вальдар! — неожиданно перебила меня сестра. — Я все хотела сказать тебе... Мерлин отправил меня

сюда, чтобы я передала его слова. Нам с тобой следует отправиться в Монсегюр!

— Монсегюр? — я отрицательно покачал головой. — Не сейчас. Сначала в Арагон.

— Но он сказал, что это дело, не терпящее отлагательств! — умоляюще воскликнула Инельга, хватая меня за руку.

— Плевать! — вскричал я, вырываясь. — У меня сейчас есть лишь одно дело, не терпящее отлагательств, — доставить Лауру к отцу!

— Но это наше предназначение!

— Меня уже тошнит от магии и предназначений! — подводя ладонь к горлу, откровенно высказался я ошарашенной Инельге. — Все! Хватит! Я пошел писать письмо де Меркадье!

Мы с Лисом стояли у полуразрушенной стены, покрытой плющом и колючим кустарником, и восхищенно наблюдали восход солнца над Гаронной.

— Красиво... — вздохнул Рейнар, с сожалением отрываясь от созерцания чудесного зрелища. — Жить бы и жить... Нет же, не терпится этим болванам нацепить на себя по пуду железа и с криками: «Христос воскрес!» — вспороть друг другу брюхо!

Я согласно кивнул головой.

— Что там Кастельно?

— А что с ним станется! Спит, — сообщил Лис. — Ну и задачку же ты задал мне с этим монахом, Капитан!

Рейнар невесело усмехнулся, вспоминая события прошедшей ночи.

— Пока он до реки шагал, все было тихо-мирно: он идет, ругается себе под нос, руками размахивает, а мы, как положено, за ним следом. А вот когда он в лодку сел, вот тут-то и началась потеха... — Лис хмыкнул. — Сам понимаешь, я не Иисус из Назарета, по водеходить не умею; под благовидным предлогом незаметно проникнуть в этот челнок тоже не представлялось возможным... Так что пришлось вплавь... — Рейнар покосился, вспоминая ночное купание. — Бр-р-р! Вода, я тебе доложу...

Меня невольно пробрала дрожь при мысли, что Гаронна течет с гор...

— Вдобавок, — продолжал Лис, — в самый неподходящий момент выяснилось, что твой оруженосец плавает, как топор.

— Ну-у-у... — начал я.

— Боевой, боевой топор, — успокоил меня д'Орбиньяк, косясь на Сэнди, который, не теряя времени, разминался неподалеку.

— Пришлось оставить его на берегу шмотки караулить, — рассказывал Лис. — Все польза... Плыту я, значит, за лодкой. Гляжу, гребцы что-то весла сложили и к монаху эдак тихонько подступают. Ну, тут я вынырнул у борта, что тот Ихтиандр, и любезно спрашивая: «Как пройти в библиотеку?»

— Что?! — расхохотался я. — Почему в библиотеку?

— А! — весело отмахнулся гайренский менестрель. — Что первое в голову пришло. Ты дальше слушай! Легат сидит, крестится, а эти... Один с веслом на меня кидается, а другой пожиже оказался, нож от испуга выронил, сидит напротив Кастельно, как отражение в зеркале — тоже крестится. Ну... агрессора я, понятное дело, за пояс — и в реку. В лодку забрался, тут второй в себя пришел, начал своей железкой размахивать...

— Ну и?.. — поторопил я рассказчика, глядываясь в предрассветную дымку.

— Ну и порезался, — мрачно закончил мой друг, нервно потирая запястье. — А перед смертью решил исповедаться. Все, как есть, святому отцу и выложил. Тот ахал, охал сперва, поверить не мог, но сам понимаешь, исповедь... А потом мы еле выгребли — с одним-то веслом да против течения! — Рейнар продемонстрировал стертые ладони.

Я сочувственно покачал головой.

— Молодец, Сережа! — искренне похвалил я своего напарника. — Что б мы без тебя делали...

Лис пожал плечами.

— А это уж я не знаю... — он приложил ладонь козырьком к глазам, закрываясь от лучей встающего прямо перед нами солнца. — О, кто-то едет!

Я и сам уже мог разглядеть дюжину всадников, во весь опор мчавшихся к нашему укрытию.

— Ты посмотри! — осуждающе махнул рукой д'Орбийяк. — Она опять в доспех вырядилась!

— По последней моде... — мрачно пошутил я. — Иди, буди легата — его эскорт прибыл.

Будить Петра де Кастельно не пришлось — он уже стоял на коленях и что есть мочи славил имя Господне. Увидев нас, цистерианец чинно завершил молитву и, кряхтя, поднялся с колен.

— Благодарю вас за мое чудесное спасение, — смиренно произнес монах. — Господь сторицей воздаст вам за это. А теперь, надеюсь, благородные господа, вы позволите смиренному служителю Божьему удалиться в святую обитель... чтобы до конца дней своих замаливать прегрешения его паствы.

Мы с Лисом недоуменно переглянулись. В глазах легата стояли слезы, бедняга, казалось, был удручен как той анафемой, которой предал графа, так и внезапно открывшимся предательством. «Да он гораздо моложе, чем кажется на первый взгляд, — подумал я, вглядываясь в его лицо. — Этому папскому легату никак не больше тридцати...»

— Святой отче, — начал я. — Я не хочу никоим образом влиять на ваше решение, но не кажется ли вам более разумным немедленно отправиться в Рим, дабы обличить перед святым престолом гнусное предательство?

Петр печально взглянул на меня большими темными глазами и покачал головой.

— Я не выполнил священной миссии, возложенной на меня его святейшеством, и обвинять в этом кого-либо было бы неблагородно...

— Поймите, ваше преподобие, — как можно более убедительно проговорил я, покачав головой. — Каждый ваш шаг, каждое действие были заведомо известны Арнольдо. И он сделал все, чтобы помешать вам!

— В любом случае, я не смогу опираться на слова того несчастного лодочника, которого этот нечестивец послал, дабы убить меня... — возразил монах.

— Почему? — хором спросили мы с Лисом.

Кустистые брови Кастельно сошлись на переносице.

— Потому что существует тайна исповеди! — суро-во изрек он.

Я беспомощно поглядел вокруг. Легат был прав. Не оставалось ничего другого...

— Тогда можете в своем свидетельствовании упо-мянуть мое имя. Скажите святейшему папе Иннокен-тию, что принц Вестфольда Вальдар Камдил в здравом уме и доброй памяти свидетельствует против аббата Арнольдо, папского нунция, обвиняя его в подстрека-тельстве к вашему убийству и действиям в ущерб хрис-тианской церкви! — четко проговорил я. — Я заявляю это официально в присутствии двух свидетелей благородного рода — шевалье Рейнара л'Арсо д'Орбиньяка и эсквайра Александера Шаконтона. Я лично слышал разговор указанного лица с его секретарем об этом. Иначе как, вы думаете, — устало добавил я, — нам удалось бы предотвратить убийство?

Петр де Кастельно печально склонил голову.

— Да, вы правы... Я должен исполнить свой долг перед церковью... и перед вами, — добавил он, — до конца. Я еду!

— Ну вот и отлично, — я вздохнул с облегчением. — Я дам вам пять рыцарей эскорта; это немного, но больше у меня нет. Надеюсь, вы благополучно добере-тесь до моря и там пересядете на корабль. Но я умо-ляю вас, будьте осторожны! Люди Арнольдо повсюду в этой стране.

Позади нас послышалось бряцание железа и топот копыт.

— Все в порядке, брат, — произнесла Инельгердис, вновь облаченная в свою кольчугу, спрыгивая с коня. — Старлинг уже мчится с письмом в Ажен. Говорят, там видели передовые отряды Эда.

— Благодарю тебя. Кто возглавляет эскорт?

— Генри Чивертс. Ты его видел в Англии, — ото-звалась моя сестра, указывая на широкоплечего вои-на, уверенно восседавшего на крупном сером в ябло-ках жеребце.

— Хорошо! Господин легат, вот ваш конь. Езжайте. С Богом!

Петр благодарно взглянул на меня и начал неуклюже взбираться на лошадь, изъятую мною некогда из конюшен Мобрюка.

— Я пойду попрощаюсь со своими друзьями, — мрачно заявила Инельга. — Один Бог знает, когда мы теперь увидимся... Надеюсь, им удастся добраться до моря до того, как туда дойдет Монфор.

Мы остались впятером. Пятым был оруженосец Инельгердис. Баронесса Шангайл стояла на полуразрушенной стене, провожая взглядом удаляющуюся кавалькаду, пока та не исчезла в облаке пыли. Лис добровольно взвалил на себя хозяйственные обязанности, резонно предположив, что до появления де Уэска у нас еще масса времени, и теперь потрошил дикую утку, подстреленную Сэнди.

— Брат, — услышал я напряженный голос сестры. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я подошел к Инельгердис, все еще печально глядевшей туда, где скрылся ее отряд.

— Ты знаешь, у меня такое странное чувство... — она резко обернулась ко мне. — Будто я расквиталась со всеми своими делами и теперь жду чего-то... Произойдет что-то неизбежное.

— Надеюсь, ты имеешь в виду мою свадьбу с Лаурой, — сбил я мистический настрой своей сестрички.

— Что? — на ее лице отразилось полнейшее непонимание. — Ах, да... — судя по всему, высокий стих вельвы¹ оставил мою чувствительную сестричку, и она вернулась к делам земным. — Нам надо ехать в Монсегюр, — решительно заявила девушка.

— О Господи! — я мученически завел глаза к небу. — Я же тебе уже говорил, никаких Монсегюров. Там нам сейчас нечего делать! Хватит! Мы едем в Барселону.

— Нет, не хватит! — упрямо возразила младшая из рода Камдилов, нахмуря брови. — Мерлин сказал...

Бурю моего негодования, грозившую обрушиться на голову несносной девчонки, упредил появившийся Сэнди.

¹ Вельва — пророчица в скандинавской мифологии.

— Милорд! Со стороны Тулусы к нам движется крупный отряд.

— Ну вот, видишь, — успокоился я. — Наверняка это де Уэска. Ты решила предупредить его заранее?

Инельга с сомнением покачала головой.

— Это не он...

— А кто же? — автоматически спросил я.

— Пошли посмотрим... — она спрыгнула с камня и побежала к противоположной стене, у бойницы которой уже примостился Лис.

— Что там, Рейнар? — встревоженно крикнула девушка.

— Это не арагонцы... — напряженно щурясь от солнца, он смотрел на дорогу. — Герб мне незнаком.

— Что на гербе? — почуяв неладное, быстро спросил я.

— Что-то вроде золотой латинской буквы S на красном.

— Золотая амфисбена¹ в червлении... — перевел я. — Герб рода де Вонж! Черт! Наверняка это виконт Габриэль де Вонж, капитан гвардии ее величества! Что он здесь делает?

— Де Вонж... — попытался вспомнить Лис. — Что-то знакомое... Что-то с королем связанное...

— Ты угадал, именно «связанное»! Жена Габриэля де Вонжа долгое время была фавориткой Филиппа II. Представь себе, мужу это почему-то не понравилось... Так что теперь он один из вернейших слуг Элеоноры, — пояснил я Лису.

— Да, значит, договориться с ним не удастся, — с сожалением бросил Рейнар, направляясь к костру.

— О чем? — тупо спросил я.

— Капитан! — Лис начал затаптывать угли. — Проснись! Ты, кажется, говорил, что королева обещала тебе неприятности? Так вот они — едут!

Все еще тормозя, я повернулся к Инельгердис, с ужасом созерцавшей через бойницу движущийся к нам отряд.

¹ А м ф и с б е н а (двуходка) — семейство тропических ящериц, обитающих под землей. Способны передвигаться по подземным ходам вперед и назад (отсюда название).

— Послушай, Инельга! Ты еще успеешь! Сделай крюк по лесу, скачи в Тулузу, предупреди арагонца. Мы тут...

— Уэска с отрядом, — виновато глядя на меня, произнесла она, — утром выступили к Монсегюру.

Я оторопело замолчал.

— Как — к Монсегюру? — с трудом возвращая себе ощущение реальности, выдавил я. — Почему?

— Я сказала ему, что мы едем туда, — четко произнесла она.

Я начал судорожно открывать и закрывать рот. Лис, переводя взгляд с меня на Инельгу и обратно, нервно хихикнул.

— Так. Хана утке. Ребята, поскольку, как выяснилось, помочь ждать нам неоткуда, самое время основательно измотать противника бегством, — и гайренский менестрель вскочил в седло своего коня.

— Отступление не есть бегство! — с ходу процитировал Сэнди, следя его примеру.

— Молодец, чувствуется школа, — одобрил его Рейндар. — Вальдар, что стоишь как столб? Делаем ноги!

...Мы мчались долго. По моим подсчетам, никак не меньше двух часов. Кони наши уже изрядно подустали, да и сами мы выдохлись.

— Надеюсь, что нашим преследователям еще хуже, — прокричала Инельгердис, которой приходилось сейчас тяжелее всех. Солнце уже начало основательно припекать, дорога подымалась все выше и выше, углубляясь в Пиренеи.

— Я знаю тут неподалеку один замок, — задыхаясь от пыли, продолжала моя гремящая железом сестричка. — Там наверняка помогут!

— Я и не знал, что эти места тебе знакомы! — прокричал я в ответ.

— Приходилось тут охотиться, — как-то уклончиво отвечала Инельга, пришпоривая своего рыжего Листика. Я с удивлением окинул взглядом бесплодные скалы вокруг. «Хорошенькое местечко для охоты», — невольно подумалось мне.

Замок, обещанный Инельгой, открылся взору, лишь только мы повернули по узкой тропе, огибающей горный склон. Высокая башня, словно часовой,

грозно нависала над дорогой. Замок был невелик, но, что и говорить, всякому пожелавшему взять его пришлось бы поломать себе голову — и в прямом, и в переносном смысле.

— Скорее! — крикнул Лис, оглядываясь. — Они догоняют нас!

Сэнди что есть сил затрубил в рог. На донжоне замелькали стражники. Со стены послышался ответный сигнал.

— Черт побери, где ворота? — возмутился я, оглядывая сплошную каменную стену.

— С другой стороны! — крикнула Инельга. И тут из-за поворота появились преследователи.

— Сзади! — услышали мы голос оруженосца моей сестры.

— Нам придется спешиться, — предупредила она, спрыгивая на каменистую тропу. — Иначе не пройдем.

Там, где дорога огибала донжон, она шла вверх и переходила в узкую тропу. Скачка по такой местности была равносильна самоубийству...

— Я задержу их, моя госпожа! — разворачивая своего коня, выкрикнул юный оруженосец моей сестры.

— Стой, Рене! — закричала что есть сил баронесса. Но это было бесполезно.

— Не смей, — оборвал я ее. — Парень сделал свой выбор. Он спасает наши жизни. Вспомни о нем, когда придет время рассчитываться с долгами. Веди нас!

Я услышал, как Инельга судорожно всхлипнула. Мы осторожно двинулись за ней. Обернувшись, я увидел, как юноша, соскочив с коня, перегородил им дорогу и, сняв с плеча английский лук, прилагивает стрелу на тетиву. Первые две стрелы уже достигли своей цели.

— Ты вырастила хорошего воина, — сказал я. Плечи Инельгердис вздрогнули...

Обогнув полукруглую куртину, мы наконец достигли ворот, которые, скрипя, уже медленно начали отворяться.

— Ну все, — как-то опустошенно заявила вдруг

Инельга, поворачивая Листика на узкую тропинку, ведущую куда-то вниз, на поросшее лесом плато. — Прощай. Я жду тебя в Монсегюре.

— Что?! — одновременно с Лисом заорали мы.

— Я укроюсь в лесу, меня не найдут, — делая шаг назад, как-то неубедительно произнесла она.

— О чём ты говоришь? Люди де Вонжа подстрелят тебя до того, как ты успеешь спуститься!

— Я не пойду туда! — с ужасом глядя на открывающиеся ворота, яростно выкрикнула девушка.

— Не говори глупостей! Что значит не пойдешь? — рявкнул я. Сэнди и Лис уже въезжали в замок. Оглянувшись назад, я увидел Рене, медленно оседающего на тропу. В груди его торчало древко арбалетной стрелы. Недолго думая, я схватил в охапку упрямую девчонку.

— Да пойми ты, чурбан, мне туда нельзя! — бешено молотя кулаками по моим плечам, заорала она.

— В чём дело, черт возьми? — продолжая тащить упирающуюся Инельгердис, прорычал я.

— Идиот! Я его люблю!

ГЛАВА 29

И когда Галатея ожила, Пигмалион тут же пожалел, что не сделал ее из более мягкого материала.

Из личного опыта

а нашей спиной послышался скрип опускаемой решетки, и тяжелые створки ворот стали медленно сходиться.

— Зачем, зачем ты это сделал! — с тихим отчаянием прошептала Инельга, когда я опустил ее на землю.

— Что сделал?! — с трудом сдерживая бешенство, выкрикнул я. — Не дал тебе свернуть шею? Будь добра, объяснись, что за амурный бред?

Но сестра, кажется, меня не слышала. Ее глаза были устремлены на хозяина замка, который спешил через двор навстречу неожиданным гостям.

— Анри де Мерета... — едва слышно прошептала она, и тут же, взяв себя в руки, гордо выпрямилась.

— Ингвар! — радостно воскликнул предмет тайного обожания моей сестрички, бросаясь к нам. — Боже, какими судьбами! Как, откуда?! Хотя, впрочем, не время спрашивать, — он остановился, с улыбкой разглядывая онемевшего «Ингвара». — А ты совсем не изменился! Столько лет прошло... Однако объясни, отчего ты так упирался перед воротами моего замка?

Я покосился на Инельгердис. Она, по-видимому, сейчас явно не была расположена к каким бы то ни было объяснениям: судорожно облизнув пересохшие губы, она сделала глубокий вдох и умоляюще взглянула на меня.

— Я-я-я... — начала было она.

— Мой... э-э-э... брат, — заглушил я тарабарщину Инельги, понимая, что ей понадобится некоторое время, чтобы стать Ингваром. Объяснения на этот счет я надеялся выслушать несколько позже. — Хочет сказать, что сердце его наполнено скорбью, ибо мгновение назад, защищая наши жизни, на тропе пал его доблестный оруженосец.

Темные глаза хозяина замка наполнились сочувствием и печалью.

— О, я скорблю вместе с вами, друг мой, — он прижал руку к сердцу. — Однако...

— Прошу простить мою неучтивость, господа, — внезапно охрипшим голосом проговорила Инельгердис. — Это мой старый боевой товарищ, барон Анри де Мерета. Мы вместе сражались в Святой Земле. Анри, это мой старший брат — Вальдар, сьер де Камварон, — она указала рукой на Лиса и Сэнди, таких же запыленных, как и мы сами. — Шевалье Рейнар л'Арсо д'Орбиньяк, известный также под сеньялем гайренский менестрель.

Лис, раздувшись от гордости, чопорно поклонился.

— И оруженосец моего брата, Александр Шаконтон, — завершила обряд знакомства моя сестра.

Пока вышеозначенный Анри де Мерета куртуазно отвечал на наши приветствия, я исподволь рассматривал

вал его. Что ж, выбор сестры вполне можно было понять — передо мной был великолепный образчик южнофранцузской доблести. Он был высок, строен, хорош собой и чем-то неуловимо ассоциировался у меня с причудливо-замысловатым рисунком на грозной дамасской стали.

За стенами вновь послышался низкий требовательный звук рога.

— Что это за люди? — поинтересовался у своего приятеля по Святой Земле де Мерета с такой интонацией, словно ему каждый день приходилось принимать у себя в замке беглецов, преследуемых несколькими десятками рыцарей.

— Отряд королевы Элеоноры, — виновато взглянув на меня, произнесла Инельгердис.

— А что они тут делают? — вежливо продолжал допытываться хозяин замка. — Эй, Готфруа, неси доспех! — небрежно бросил он юноше, по всей видимости, исполнявшему обязанности оруженосца.

— До недавнего времени они с завидным упорством гнались за нами, — беря инициативу в свои руки, пояснил я. — А чем собираются заняться сейчас, я думаю, мы сможем узнать, поднявшись на стены.

— Тогда чего мы ждем? — приятно улыбнулся Анри.

Габриэль де Вонж молодцевато гарцевал на своем коне перед башней, воздев глаза вверх, туда, где меж зубцов виднелись наши лица.

— Именем королевы я требую немедленной выдачи мессира Вальдара Камдила, объявленного преступником по велению ее величества! — прокричал он.

— Я не знаю никаких иных королев, кроме своей прекрасной дамы! — выкрикнул в ответ блестательный Анри де Мерета. — И у вас есть ровно столько времени, сколько понадобится мне для того, чтобы прочесть «Верую», дабы убраться из моих владений! — недвусмысленно завершил барон.

— Репетировал он, что ли?.. — прошептал за моей спиной Лис, недовольно оглядывая фигуру нашего спасителя.

— Тогда мы имеем честь атаковать вас! — произнес историческую фразу начальник королевской гвардии.

— Сколько вам будет угодно! — гордо отвечал с донжона Анри. — Только поспешите вначале уладить свои дела с Всевышним!

— Капитан, — перейдя на мыслесвязь, заявил Лис. — Я пойду вздремну. До вечера эти бездельники будут переругиваться, а ночью нас никто штурмовать не будет.

— Не выпендривайся, Лис, — оборвал я своего напарника. — Сейчас они окончат обмен любезностями, и начнется веселье.

— Сколько в замке людей? — задал я вопрос барону Мерета, вежливо выслушивающему длинное оскорбление Габриэля де Вонжа.

— Два десятка слуг, обученных обращаться с луком и арбалетом, семеро латников плюс мой оруженосец. Но можете мне поверить, этого более чем достаточно, чтобы удержать эти стены.

В этом я как раз не сомневался. Узкая дорога, на которой едва могли разминуться два всадника, была весьма неудачным плацдармом для рыцарского боя. Скутившиеся на ней рыцари, оруженосцы и аршеры представляли собой великолепную мишень для любого человека, способного хотя бы впол силы натянуть тетиву. Барон повернулся и что-то шепнул стоявшему рядом с ним латнику. Тот скрылся, и спустя пять минут в начале узкой тропы, огибавшей башню, опустилась железная решетка, нагло перекрывая путь к воротам.

— Браво! — восхитился я.

— Благодарю вас, это я сам придумал, — поклонился польщенный хозяин. — Но это еще не все! Вы что предпочитаете, лук или арбалет? — неожиданно спросил он.

— Пожалуй, арбалет, — произнес я.

— Похоже, это у вас родовое, — усмехнулся Анри де Мерета, взглянув на мою сестричку. — Ингвар тоже, помнится, предпочитал арбалет...

— А мне, если возможно, добрый английский лук, —

радостно потирая руки, попросил Рейнар, перебивая ностальгические воспоминания рыцаря.

— Конечно-конечно, — заверил гайренского мечнестреля Анри, считавший, видимо, долг гостеприимства одной из первейших доблестей рыцарства. — Пойдемте, господа, я покажу вам еще одно мое изобретение, — добавил он.

Изобретение стоило того, чтобы на него посмотреть. В том месте, где башня примыкала к скале, словно вырастая из нее, металлическая дверь прямо из стены вела на длинную террасу, вырубленную параллельно тропе, но футах в сорока над нею. Благодаря высокому парапету с узкими бойницами, снизу она была практически незаметна.

— Прошу вас, — барон изящно повел рукой. — Здесь великолепная позиция для стрельбы, — пояснил он так, словно приглашал поохотиться на рябчиков в своих лесах.

Зашитники замка стали быстро занимать позиции возле бойниц, высеченных в каменной стене.

— Господа, — раздался голос барона. — Вознесем молитву Всеизвестному за души врагов наших, ибо эти несчастные не ведают, что творят.

Гарнизон привычно сложил ладони в молитвенном жесте, призывая ангелов-хранителей как можно скорее явиться за душами толпящихся внизу вояк. К моему немалому удивлению, Инельга, преданно глядя на шепчущего слова молитвы де Мерета, также сплела пальцы и начала молиться. Сомневаюсь, что предметом ее молитвы были наши враги, ибо, насколько я знал, так далеко ее любовь к ближнему не заходила...

Лис тяжело вздохнул и осуждающе поглядел на ее одухотворенное лицо.

— Шо любовь с людьми делает!

Закончив молитву, Анри дружески хлопнул «старину Ингвара» по плечу и, промолвив:

— Ну что, как в былье времена? — стал с азартом натягивать тетиву тяжелого арбалета. Моя сестра молча кивнула, не спуская с него светящихся любовью глаз. Да уж, видеть такое выражение лица у этого опоясанного рыцаря мне никогда не доводилось...

— Сомневаюсь я, друг мой Вальдар, что этот вольный стрелок умудрится попасть с этакой-то высоты по этакой-то цели, — скептически прошептал Рейнар, глядя с галереи на плотно забитую воинами узкую тропу.

— Почему это? — удивился я.

Лис с сожалением окинул взглядом высокую фигуру барона, весьма ловко управляющегося со своим оружием.

— Со зрением у него, похоже, большие нелады, — заметил мой друг. — Это ж надо — на таком расстоянии не отличить мужчину от влюбленной женщины! — он с досадой хлопнул себя по ноге.

Я не хочу детально описывать сражение, более напоминающее бойню. Нападавшие, к своему счастью, быстро поняли, что положение, в котором они очутились, грозит неминуемой гибелью, и благоразумно отступили, беспорядочно отстреливаясь из луков и арбалетов. Не могу сказать, чтобы эта стрельба представляла для нас особую опасность, но все же не обошлось без раненых и с нашей стороны. Короткий арбалетный болт, взмывший куда-то под небеса, падая, вонзился в руку Инельгердис. Девушка вскрикнула и схватилась за древко.

— Ты ранен, Ингвар? — опуская арбалет, встревоженно крикнул Анри де Мерета. — Держись! Сейчас они побегут!

Инельга, побледнев и сжав зубы, опустилась на каменный пол. Лис, расталкивая стрелков, ринулся к ней.

— Вы позволите, я помогу вам... милорд, — несколько запнувшись, обратился он к ней.

— Я сам перевяжу твою рану! — опускаясь на колено перед раненой, произнес барон. Лис злобно взглянул на него.

— Нет-нет! — поспешило вскричала Инельга. — Рейнар прекрасно сам справится! Он сведущ... во врачевании... Ох! Ты нужен здесь! — окидывая Анри взглядом, полным любви и гордости, добавила она. — Гони их!

Лис осторожно поднял ее на руки и понес в башню.

— Сцена из рыцарского романа... — раздалось по мыслесвязи. — Ланселот Позорный!

Далее следовал ряд нелестных эпитетов, вряд ли могущих служить сеньялями для благородных рыцарей. Судя по симптомам, моего друга обуял приступ банальной ревности. Глядя, как последний из нападавших скрывается за поворотом, Анри вздохнул и, повернувшись ко мне, изрек:

— Это не самое благородное сражение, в котором мне довелось участвовать... Что ж, никто не просил их нападать на замок. Надеюсь, господин Вальдар, — взглянув на меня безмятежным взором, добавил куртуазный воитель, — вы, ваш брат и друзья не откажетесь отужинать у меня нынче вечером. Полагаю, рана Ингвара не столь тяжела, чтобы помешать ему выйти к нам.

— Да, конечно, — кивнул я и поспешил в башню, узнать о самочувствии моей сестрички. Разговор с Иньельгердис был недолог.

— Мне не больно, — ласково успокоила она меня, когда я начал осматривать рану.

— Это она врет, — пояснил сидевший подле Лис. — Но рана действительно неопасная, кость не задета. Единственное, что наш «Ингвар» потерял довольно много крови. Впрочем, день-другой постельного режима... Да что я тебе буду рассказывать, ты у нас сам, как дуршлаг.

Иньельга, казалось, была погружена в свои мысли. Глаза ее были широко открыты, на лице отражалась мучительная внутренняя борьба.

— Ты видел, как он на меня смотрел? — как-то отстраненно спросила она.

— Нет, — честно признался я. — Я был занят...

— Что? — девушка перевела на меня недоумевающий взгляд. — Ах, да...

Мы с Лисом тревожно переглянулись.

— Клинический случай, — негромко высказал свое авторитетное мнение д'Орбиньяк. — Необходимо срочное хирургическое вмешательство. Доктор, внушите

пациенту, что он еще полноценный член общества, а я пока погуляю.

Рейнар вышел. Инельга все так же лежала, глядя в пространство, то хмурясь, то улыбаясь своим мыслям.

— Послушай, сестричка, — садясь рядом с ложем и беря за руку это непутевое дитя, начал я, — ты ставишь себя в дурацкое положение.

— Да, ты прав! — с неожиданной силой воскликнула Инельгердис, прервав заготовленный мною монолог. — Так больше продолжаться не может! Я должна прекратить этот чертов маскарад... Иди к нему, — решительно сказала она, — скажи, я скоро выйду!

Я пожал плечами, понимая, что мешать ей бессмысленно, да и попросту глупо... Тяжело вздохнув и погладив напоследок раненую девушку по голове, я вышел из «лазарета» и отправился на поиски хозяина замка, прикидывая по дороге, что же ему сказать.

Говорить мне особо не пришлось. Анри де Мерета сидел у себя в изысканном кабинете, совмещеннном с библиотекой, и вертел в руках гусиное перо. Взгляд его был задумчиво устремлен на лежащий перед ним пергамент, исписанный крупными буквами с многочисленными завитушками. Видимо, от этого занятия оторвал его наш приезд.

— О, мессир Вальдар! — увидев меня, с улыбкой произнес он. — Входите! Очень хорошо, что вы пришли. Надеюсь, вы сможете помочь мне советом, — не давая вставить мне ни слова, говорил хозяин. — Видите ли, я написал письмо прекрасной dame, в коем описываю свои чувства к ней... Вот послушайте!

Барон встал в античную позу и начал декламировать нараспев:

— «Когда в блистательном девическом хороводе узрели Вас намедни мои телесные очи, то некое пламя любви объяло предсердие мое, и сделался я другим человеком. Я не тот, что был, и не быть мне таковым впредь, и не диво, ибо мне и всем за несомненное являлось, что денница рассветная, предвестием дня Аврору выводящая...»

Я с ужасом смотрел на одухотворенное лицо Анри, внутренне радуясь отсутствию Лиса, ибо его коммен-

тариев хватило бы на десяток подобных пергаментов. «Господи! — подумал я. — Ну как могла моя умная, тонко чувствующая сестра полюбить этого крашеного попугая?!» Я попытался воскресить в памяти чувство благодарности к этому лангедокскому рыцарю и спешно призвал видение недавно окончившегося боя. На душе несколько полегчало, но вопрос оставался открытым... «Скорее всего в Святой Земле ему было не до распевания баллад, — глядя на увлеченно зачитывающего свое творение Анри де Мерета, размышлял я. — С мечом в руках он выглядит куда умнее. Боже мой, семь лет... Интересно, чего она ждала? Хотел бы я посмотреть на ее лицо, когда Инельгердис получит подобное послание», — не удержался я от невольной усмешки, прислушиваясь к потоку славословий, исторгаемых бароном.

— «Посему низменнейше молю великолепие Ваше удостоить меня, раба Вашего, приятием, ибо намерен я и себя и весь мой удел в волю Вашу предложить»¹.

Трубадур закончил читать и, переводя дыхание, вопросительно уставился на меня.

— Блестящий слог! — собравшись с силами, выдавил я из себя.

— Вы полагаете? — большие темные глаза поэта зажглись живейшей радостью. — Мне и самому нравится. Истинному рыцарю должно иметь идеал любви чистой и возвышенной, — продолжал развивать свою мысль куртуазный воитель. — Такой, о которой гласят признанные правила, принятые при Дворе богини Венеры.

Он повел рукой в сторону стены, на которой красовались золочеными буквами выписанные «правила»:

— 1. Супружество не есть причина к отказу в любви, — прочитал я. «Занятная мысль»... Дальше читать я не стал. «Боже мой, — с жалостью оглядывая живое, привлекательное лицо рыцаря, подумал я. — Нормальный вроде человек с виду... Похоже, ему срочно

¹ Полный текст письма приводится в книге Бонкомпаньо «Колесо Венерино».

надо прогуляться по свежему воздуху. Он тут попросту свихнулся на этих рыцарских романах!»

Молодой человек между тем вновь погрузился в задумчивость.

— Одного только не знаю, — изрек он, глядя куда-то в потолок. — Кому посвятить это послание?

Я изумленно уставился на собеседника.

— Как? Разве есть несколько претенденток на роль вашей прекрасной дамы?

— После того, как я месяц назад расстался с Клэр де Бланш-Кутей, — пояснил трубадур, — две девушки пленили мой взор: Генриетта де Шаблон и Матильда де Мирабель...

— Второе имя мне нравится больше, — честно признался я.

— Мне тоже, — равнодушно отозвался Анри де Мерета. — Но к Генриетте ближе ездить, она моя соседка...

Я замолчал, пораженный этим аргументом. В дверь тихо постучали.

— Ваша милость, — молодой оруженосец Анри просунул свою физиономию в дверь. — В зале все готово для трапезы.

Барон де Мерета со вздохом отложил пергамент, видимо, так и не решив сердечную дилемму.

— Прошу вас, — он вежливо пропустил меня вперед. — Идемте ужинать. Надеюсь, рана вашего брата не столь опасна? — с искренней заботой осведомился Анри де Мерета, спускаясь рядом со мной по лестнице. — И она не помешает ему принять участие в трапезе... Вы представить себе не можете, как я рад был его увидеть! Тогда, в Яффе, когда мы познакомились, нам пришлось многое пережить вместе. В тот день, когда в один час пали рыцарь, у которого Ингвар был оруженосцем, и мой собственный армигер¹, мы сражались бок о бок оставшиеся дни у знамени короля Ричарда. Одному Богу ведомо, сколько раз в то время мы спасали жизнь друг другу! — в глазах рыцаря-трубадура загорелся огонь воспоминаний, лицо его оживилось...

¹ Армигер — эквивалент оруженосца.

«Да, — подумал я. — Это объясняет многое...»

— Надеюсь, — учтиво обратился ко мне хозяин замка, — вы с Ингваром останетесь погостить у меня?

— Увы, нет, — ответил я. — Да и вы вряд ли долго останетесь в этом замке. Раймунд Тулузский собирает все верное ему рыцарство Прованса и Лангедока под свои знамена.

Анри остановился, услышав столь неожиданную новость.

— Война? — коротко спросил он.

Я тяжело вздохнул и кивнул в ответ.

— Граф де Монфор перешел границу...

— Что ж, — барон заметно ожиился, — тогда нам тем более стоит хорошенько отужинать! Неизвестно, когда придется делать это в следующий раз!

Похоже, мысль о предстоящей войне начисто вытеснила из головы галантного Анри де Мерета «правила амурного поведения». Мы вошли в длинную залу, посреди которой красовался стол на толстых дубовых козлах, уже уставленный всевозможными яствами, по большей степени охотничими трофеями из местных лесов.

— Кстати, барон, — с деланным безразличием обратился я к хозяину, — куда ведет дорога, идущая от вашего замка?

— В замок Монсегюр, — ответил он.

Я нехорошим взглядом поглядел в зарешеченное окошко, откуда открывался вид на тропу, петляющую в горах. Монсегюр был повсюду — куда бы я ни шел, и проехать мимо не было никакой возможности.

— Где же Ингвар? — бросая тревожный взгляд на двери, спросил Анри.

— Барон... — запинаясь и с трудом подбирая слова, начал я. — Боюсь, что в отношении моего... м-м-м... брата вас ожидает большой сюрприз. Дело в том...

И в этот момент на лестнице, ведущей в пиршественную залу, послышались тихие шаги. Я замолчал. Медленно спускаясь по ступеням, в уже знакомом мне роскошном темно-зеленом платье с серебряным шитьем, изящно придерживая его край рукой, шла моя сестра. Лис, выполнивший при ее раненой особе роль

не то санитара, не то кавалера, галантно поддерживал поврежденную руку баронессы. Все присутствующие в зале, замерев, глядели на это шествие. Лицо Инельгердис было бледно и спокойно, лишь серые широко открытые глаза выдавали ее волнение; длинные волосы, которые она так старательно прятала под хауберк¹, были заплетены в две косы и уложены вокруг головы...

Я покосился на хозяина замка. Тот, обалдело глядя на девушку, поднялся со своего места.

— Что это за небесное видение? — восхищенно выдохнул он в полнейшей тишине.

— Дело в том, — обретая почву под ногами, завершил я свою фразу, — что ни один из моих младших братьев не сподобился добраться до Святой Земли. Зато это сделала моя сестра.

Анри перевел недоумевающий взгляд с гордо шествующей леди на меня и обратно.

— Сестра? — тупо повторил он.

— Да-да, — подтвердил я. — Моя сестра Инельгердис, высокородная принцесса из рода Камдилов. Прошу не судить строго наш обман, но все произошло так быстро...

Де Мерета меня не слышал. Удар тяжелым мешком по голове, практикуемый в наших вестфольдских забавах², не произвел бы на новичка такого оглушительного эффекта, как на несчастного трубадура перевоплощение рыцаря Ингвара в прекрасную Инельгердис. Между тем Лис и моя сестричка приблизились к нам. Девушка, склонив голову, приветствовала хозяина замка.

— Ну что ж, Анри, вот вы все и узнали, — прямо взглянув в глаза совершенно ошалевшему барону, произнесла она. — Будем знакомы...

Трапеза протекала в теплой, непринужденной обстановке; как выразился Лис, «в атмосфере полного

¹ Хауберк — кольчужный доспех с капюшоном. В данном случае кольчужный капюшон.

² До сих пор известный в Норвегии вид состязания, когда два противника, усевшись на бревна (первоначально — бушприт корабля), стараются сбить друг друга ударами мешков, набитых слежавшейся шерстью.

консенсуса». Мы славно отужинали. По крайней мере я, Шаконтон и Рейнар: нам уже доводилось видеть Инельгу в женском платье... Об остальных участниках ужина этого сказать было нельзя. Несмотря на высказанное недавно предложение хорошо натрескаться перед войной, Анри де Мерета, похоже, решил сесть на диету. Он несколько раз тщательно обмакнул сладкую лепешку в острый имбирный соус и, не моргнув глазом, прожевал это диковинное блюдо. Больше, по моим наблюдениям, съесть ему ничего не удалось. Моя сестра, силевшая напротив него, копируя своего бывшего рыцаря, также проявила похвальную умеренность в пище. Попросту говоря, она вообще ничего не ела.

— Капитан, — услышал я в голове язвительный голос Лиса. — По-моему, в этой зале кто-то явно лишний.

— Кого ты имеешь в виду? — спросил я, обгладывая крыльышко бекаса.

— Ну, меня, тебя... и всех остальных. За исключением этих двух голодающих идиотов.

Похоже, это чувствовали не только мы. Очень скоро обедавшие за столом обитатели замка Мерета под различными благовидными предлогами поспешили удалиться. На все слова уходящих Анри механически кивал, не сводя глаз со своей гостью.

— Уходим... — незаметно потянул я Сэнди за рукав камизы. Мой оруженосец, тренировавшийся в искусстве загрызания кабана, с нескрываемым сожалением поглядывая на недоеденную тушу, поднялся и нехотя побрел за нами.

...Перед тем, как отойти ко сну, я зашел в спальню, отведенную для Инельгердис.

— Можно? — спросил я, постучав в створку. Признаться, мне было немного не по себе... За дверью не раздалось ни звука. Прислушавшись, я различал тихие всхлипывания. «Та-ак... Вот и поговорили», — пронеслось у меня в голове, и я решительно толкнул дверь. Инельга лежала на ложе, уткнувшись лицом в подушку, и плакала.

— Что случилось? — садясь на корточки, я погла-

дил растрепанные волосы сестры. Она повернула ко мне залитое слезами лицо...

— Он не может любить меня, — тихо произнесла девушка, вытирая рукавом мокрую щеку.

— Почему? — изумился я, вспоминая те высокопарные комплименты, которые Анри де Мерета днем расточал неизвестной ему самому прекрасной dame.

— Потому что в «любовных правилах» записано: «Не пристало любить тех, с кем зазорно домогаться брака», — жестко процитировала баронесса Шангайл, усаживаясь на ложе.

— Что-то я не понял... — возмутился я, чувствуя, как семейная гордость королевского рода Камдилов начинает закипать во мне. — Захудалому лангедокскому барону, в чьих владениях ворона не может сесть, чтобы не попасть на землю соседа, зазорно добиваться брака с вестфольдской принцессой?

— Не смей о нем так говорить! — гневно вскричала Инельга, тряхнув волосами, отчего они рассыпались по плечам. — Опоясанному рыцарю не пристало добиваться брака с опоясанным рыцарем, — горестно завершила она.

Я прикусил язык. Смотреть на эту проблему с такой точки зрения мне не приходило в голову. Немного помолчав, я положил руку на плечо моей сестры.

— Послушай... Завтра утром я с Рейнаром и Сэнди, вняв твоим настойчивым требованиям, отправляюсь в Монсегюр. Ты ранена, и поэтому тебе есть полный резон остаться здесь денька на два-три. Возможно, он не настолько глуп, как кажется на первый взгляд.

Инельга возмущенно дернулась, пытаясь протестовать, но я сделал останавливающий жест.

— Сиди! Плечо твое еще не зажило. Я надеюсь, наш любезный барон отойдет от того шока, в который повергло его твое появление в женском наряде. А потом видно будет... Сейчас лежи, выздоравливай; почувствуешь себя лучше, бери своего ненаглядного барона и езжай в Монсегюр — я буду ждать тебя там. Полагаю, конная прогулка пойдет вам обоим на пользу.

— Ты не смеешь так говорить! — прервала меня оскорбленная девушка. В глазах ее опять заблестели слезы. — Завтра же я еду вместе с тобой. Я не останусь в этом замке ни минуты!

— Ничего подобного, — холодно возразил я. — Ты будешь находиться здесь, покуда не заживет твоя рана. Прекрати вести себя как малое дитя! Если ты рыцарь, сражайся за любовь... Как там сказано в этих дурацких «правилах»: «Только доблесть всякого делает достойным любви»?

Инельга бешено швырнула в меня вышитую подушечку. Я меланхолично отбил ее «снаряд» в угол.

— Я не хочу сейчас быть рыцарем! — выкрикнула она. Мне было очень жаль сестру, но сейчас жалость ей была противопоказана. Как говаривали у нас, «клан кланом вышибают».

— А если ты прекрасная дама, то сиди и жди, пока твоему кавалеру не заблагорассудится прислать тебе письмо, полное куртуазного бреда. Все! Спать, — я поднялся и направился к двери.

— Ты же знаешь, я все равно поеду с тобой, — упрямо сказала Инельгердис, и в глазах ее зажегся знакомый мне огонек.

— Не думаю, — пожал плечами я, выходя из комнаты. — Без коня и доспеха тебе будет тяжело сделать это.

Тщательно заперев дверь, я направился в свои покой.

— Виконт вызывает Капитана! — неожиданно раздался полузабытый голос моего «стаци» на канале связи.

— Привет, Крис! — я искренне обрадовался. — Давно тебя не слышал.

— Зато теперь будет случай меня повидать, — заверил меня де Монгийе. — Шеф велел отправить тебе в Тулузу гонца с письмом. Кстати, он очень доволен твоей выходкой с королем Филиппом, — хохотнул Виконт.

— Спасибо, — скромно отозвался я. — Так что в письме?

— Де Жизор просит тебя спешно прибыть в замок Монсегюр с каким-то там наследником.

— О Боже!.. — вырвалось у меня.

— В смысле? — не понял Кристиан.

— Заверь своего начальника, что завтра ввечеру я буду в этом проклятом Монсегюре.

ГЛАВА 30

И всякий, кто считает, что ему понятны дела рук Господних, тоже глуп.

Боконон

ткравающаяся с верхней площадки донжона замка Монсегюр panorama поражала воображение. Долина была заполнена народом. Всюду, куда достигал взор, виднелись шатры, над которыми развевались знамена разнообразнейших расцветок с эмблемами едва ли не большей части христианского рыцарства. Невольно создавалось впечатление, что перед нами — огромный лагерь строителей Вавилонской башни. Что и говорить, место, выбранное для второй попытки восшествия на небеса, было весьма удачным. Оставалось лишь немного надстроить донжон, возвышавшийся на этом горном хребте, и стаи низко летящих ангелов стали бы цеплять зубцы башни своими крыльями...

— Давно они тут? — прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца, спросил я стоящего рядом де Жизора. Серые брови грозного старца сошлись над переносицей.

— Смотря кто... Де Монфор прибыл утром вчерашнего дня, войско Брайбернау — к вечеру...

— Имперскими войсками командует Брайбернау? — удивился я.

— Да... — вздохнул де Жизор. — Войска Йогана Аrelатского пошли войной на Арагон. Тайный соглядатай сообщил, что принцесса Лаура-Катарина Каталунская находится здесь, в Монсегюре. — Ги де

Жизор уважительно взглянул на меня. — Кстати, вы хорошо придумали — отправить принцессу именно сюда. Несмотря на то, что мы окружены сейчас со всех сторон врагами, твердыня Монсегюра, пожалуй, самое безопасное место в здешних краях... Так вот, — продолжал он, — граф Брайбернау прислал парламента с требованиями своего сюзерена о выдаче наследницы арагонского престола.

— Кажется, я знаю ответ, который получил этот несчастный, — пробормотал я.

Де Жизор удовлетворенно кивнул.

— Карл-Дитрих, похоже, также не сомневался в его содержании. Вместе с официальной грамотой арелатского короля он прислал записку лично от себя, где извиняется за вынужденную неучтивость.

— Подозреваю, что де Монфор тоже прислал своих гонцов, — предположил я.

— Разумеется, — безразлично отозвался иерарх. — Он, в свою очередь, требовал выдачи прибывшего сюда намедни графа Тулузского с вассалами. Это уж было совсем нелепо, — пожал плечами стариk. — Право слово, от Симона я такого не ожидал... Выдать сюзерена земель, на которых находится этот замок! Кто бы после этого стал иметь с нами дело? Известно же, что каждый, находящийся во владениях тамплиеров, имеет право на убежище.

— И что вы ответили ему? — поинтересовался я.

— Мы отослали во французский лагерь грамоту, подписанную королем Филиппом, в которой повелевается королеве, принцу Людовику и всякому дворянину, состоящему в их окружении, немедля возвращаться во Францию под угрозой обвинения в государственной измене.

Я присвистнул. Король Филипп Август времени зря не терял. Хотя, похоже, не особо собирался придерживаться нашего договора.

— Мессир Вальдар, вы прекрасно потрудились во славу нашей церкви. Благодаря вашим усилиям мы лишились могущественного врага и приобрели могущественного друга, — торжественно выпрямившись во весь свой немалый рост, изрек Ги де Жизор.

— Благодарю вас, монсеньор, — я склонил голову в знак признательности. Несмотря на то, что мои действия не были направлены к вящей славе Господней, мне была приятна похвала этого достойного старца.

— Так все же, как отреагировал граф де Монфор на угрозу короля? — спросил я.

— Он от имени королевы объявил короля Филиппа самозванцем, — вновь нахмурился де Жизор, устремляя свой взор на две армии, стоящие внизу, — и ответил, что не знает другого короля французов, кроме Людовика VIII.

— Значит, все-таки война, — констатировал я.

— Тут все не так просто, — пояснил мне верховный иерарх. — Королева Элеонора ведет крестовый поход против альбигойской ереси, объявленный папой Иннокентием III. Но если Филипп Август будет настаивать на прекращении войны, он очень скоро может быть вновь подвергнут интердикту. Так что скорее всего некоторое время король будет спокойно терпеть измену у себя под боком. А пока он будет собираясь с силами, силы королевы в ходе боев непременно уменьшатся.

— Да... — прибавил я. — Но победы де Монфора прибавят весу имени Людовика...

Мы замолчали. Глава Церкви Святого Грааля пронзительно взглянул на меня, и в глазах его загорелся неукротимый огонь.

— Значит, надо, чтобы этих побед не было, — завершил он. — Однако вернемся к делам церкви, — неожиданно произнес де Жизор. — Хрустальная клепсидра почти пуста. Пришло время явить миру наследника крови Господней.

— Несомненно, — ответил я. В памяти возник образ юного вздохателя моей сестры... Изысканный кавалер, суливший со временем превратиться в доблестного рыцаря, блестательный гранд, молодой красавец Пейрэ де Уэска... Все это как-то не вязалось с титулом; которым только что наградил его Ги де Жизор. В который раз подивившись нелепым прихотям судьбы, я добавил: — Он уже здесь, монсеньор, и в свое время будет явлен вам.

Поклонившись, я закончил фразу и тут же вызвал Лиса.

— Сережа, ты, помнится, хотел отдать медальон его законному владельцу?

— Было дело, — отозвался Рейнар. — Хорошо, что напомнил. А то с этим папским легатом совсем ум за разум зашел!

— Выпусти свой ум обратно, как можно скорее найди арагонского графа и вручи с должными объяснениями.

— Ты что?! — возмутился Лис. — Без предварительного курса психотерапии? Парень же свихнется от подобной новости!

— Лис, — печально ответил я, — есть банальная причина, чтобы объяснить все немедленно — другого времени не будет.

На канале мыслесвязи повисло долгое молчание.

— Ладно... — неохотно ответил Рейнар. — Попробуем...

На лестнице, ведущей на площадку донжона, показался худощавый человек довольно преклонных лет в накидке тамплиера.

— Знакомьтесь, — произнес де Жизор. — Верховный нотарий¹ ордена — Конрад фон Тизенгаузен.

Тамплиер поклонился, не спуская с меня внимательных выцветших глаз. Ги де Жизор представил меня достойному собрату, после чего нотарий, потеряв ко мне всякий интерес, обратился к своему иерарху.

— Монсеньор, только что прибыл гонец от графа Меркадье. В скором времени армия графа будет ввиду стен.

— Хорошая новость! — оживился задумчивый до этого старец. — Что еще?

— Через час братья ждут вас в зале Шестнадцати Светилен, — ровным голосом проговорил нотарий.

— Да, — ответил де Жизор. — Пришли ко мне Кристиана, я должен дать ему распоряжение.

Господин Конрад поклонился.

— Монсеньор, если я вам сейчас не нужен, по-

¹ Нотарий — человек, заведующий канцелярией.

звольте мне удалиться, — вежливо напомнил я о себе иерарху, стоявшему воздев лицо к небесам, словно ожидая знамения. Старец молча кивнул, и я оставил его одного. Интересно, каких еще знамений ожидал глава Церкви Святого Граала? Лично для меня их было более чем достаточно. После того как в полной темноте, едва въехав в ворота Монсегюра, я лицом к лицу столкнулся с опирающимся на посох императора Феодосия старцем в ослепительно белых одеждах, моя способность удивляться чему-либо сошла на нет.

— Ты неосторожен, Вальдар, — обратился ко мне он. — Чего это тебе вздумалось ехать через лагерь вражеской армии? Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы отвести им глаза, — хитро глядя на меня, добавил старик. Посох излучал сияние, от которого вокруг было светло, как днем. Признаться, я и сам был поражен этой необыкновенной легкостью, с которой нам удалось пробраться в осажденный замок. Честно говоря, я надеялся успеть в Монсегюр до того, как здесь появится армия де Монфора. Теперь нам лишь оставалось запоздало благодарить судьбу за то, что Мерлин уже находился здесь...

— Иди, твоя принцесса давно уже ждет тебя, — маг не спускал с меня лукавого взгляда, словно читая мои мысли. — Мы увидимся, когда придет время.

— Благодарю тебя, Мерлин... — только и оставалось ответить мне. Похоже, что за меня уже кто-то давно все решил...

Лаура ждала меня в своих покоях. Несмотря на то, что Монсегюр сейчас был буквально набит людьми, принцессу разместили со всем возможным почтением, подобающим ее высокому титулу.

— Вальдар! — бросаясь мне на шею, выдохнула Лаура-Катарина. — Ты здесь, ты жив...

— Ну что ты, милая, — успокаивал я ее, гладя по пушистым волосам. — Ты же знаешь, со мной ничего не может статься... Все скоро кончится, мы поедем в Барселону.

Она покачала головой.

— Мне очень хочется тебе верить, — тихо промол-

вила она, — но мне страшно. У меня дурные предчувствия...

У меня не было дурных предчувствий. Я поднял ее за подбородок и, вглядываясь в любимое лицо, прикоснулся к бархатистой щеке девушки...

— Все будет в порядке, — попробовал я уничтожить ее страхи, — завтра подойдет Меркадье, мы снимем осаду... Ты же мужественная девочка, никогда ничего не боялась.

— Я и сейчас не боюсь, — тихо произнесла она, печально глядя на меня бездонными черными глазами. — Я о другом. Все будет совсем не так, как ты говоришь.

«Боже, как изменилась Лаура за эти два дня!» — подумалось мне. Глубокие тени залегли у нее под глазами, отчего те казались еще больше, губы разучились улыбаться, вся ее живость и веселость исчезли без следа... Что и говорить, пока ее опасения оправдывались. Первой после Монфора к замку подоспела армия ее неудачливого жениха. С одной стороны, это значительно осложняло наше положение, а с другой... Честно говоря, узнав, кто командует армией арелатского короля, мне неудержимо захотелось присутствовать на встрече двух равных по силе и опыту полководцев. Ибо я очень сомневался, что хотя бы один из них уступит другому руководство боевыми действиями. Во всяком случае, ожидать штурма сегодня явно не приходилось.

Лаура плакала. Женские слезы, кажется, преследовали меня в последнее время, словно лондонский осенний дождь.

— Ну что ты, любимая! — прижимая девушку к себе, попытался я ее успокоить.

— Это наша последняя встреча, — тихо и отчаянно прошептала она. — Я знаю!

— Брось, — уверенно сказал я. — Пусть тебя не пугает этот лязг железа. Мы любим друг друга. Остальное ерунда.

Она хотела что-то возразить мне, но не смогла. Ибо крайне неудобно разговаривать во время поцелуя. Чувство реальности происходящего оставило нас стремительно и бесповоротно. Спрессованный до мгнове-

ния час промчался так быстро, что мы едва успели разомкнуть объятия.

— Мне нужно идти... — спохватился я, волевым усилием заставляя себя вспомнить о Мерлине, там-плиерах и о хрустальной клепсидре, отсчитывающей последние песчинки...

— Прощай, — руки Лауры безвольно опустились, она не отрывала от меня безнадежного взгляда и шевелила губами, произнося что-то неслышное мне...

— Почему — прощай? До свидания... — деланно улыбнулся я, кладя руку на эфес Катгабайла. — Прорвемся.

Я шутливо приподнял пальцем кончик носа принцессы:

— Вот так-то будет лучше.

Выскочив из покоеv Лауры-Катарины, я ринулся бежать по коридору, боясь опоздать, и едва не сшиб торопливо спускающегося с лестницы Виконта.

— Это тебя принцесса, что ли, так напугала? — иронично поприветствовал меня бывший стажер. — Я так и знал, что тебя нужно искать у Лауры. Все уже собрались, где Жизор послал меня за тобой...

— Идем! — я хлопнул его по плечу. — Рад видеть тебя, Кристиан. За этот час были какие-нибудь новости?

— Передовые отряды Меркадье уже в виду крепости, — взбегая вслед за мной по каменным ступеням, сообщил мне Крис.

— А что Монфор с Брайбернау?

— Протрубыли тревогу, — ответил Виконт. — Теперь стоят, приветствуют приближающегося противника.

— Ладно, с этим понятно.

Все шло в соответствии с лучшими традициями этих рыцарственных времен, когда сражение превращалось в сотни турнирных поединков, а воспользоваться своим преимуществом и внезапно напасть на противника считалось делом зазорным и постыдным.

— Рейнара не видел? — останавливаясь перед ог-

ромными дверями из темного мореного дуба и переводя дыхание, спросил я Криса.

— Полчаса назад он бегал по замку, разыскивал графа де Уэска, — ответил де Монгийе, одергивая сбившийся плащ тамплиера.

Командоры, несущие почетную стражу у дверей, в полном молчании отсалютовали мне и открыли дверные створки. Мы вошли в зал Шестнадцати Светилен... Их было именно шестнадцать. Подле каждой из них стоял тамплиер в облачении комтура. Одно место было свободно. Посреди круглой комнаты находилась огромная клепсидра, высеченная из чистейшего горного хрусталя, будто растущая из пола и уходящая в потолок. Внутри нее находились мириады голубоватых песчинок, мерцающих странным светом. Нижняя часть этих гигантских часов была заполнена доверху; в верхней части оставался всего лишь десяток сияющих огоньков... Ги де Жизор, строгий и торжественный, застыл у светильни напротив входа. Перед ним на пирамидальном алтаре из обсидиана стояла потемневшая от времени серебряная чаша. Чаша, за право узреть которую умирали славнейшие из рыцарей. Святой Грааль...

Я с благоговением преклонил колена перед нею.

— Встаньте! — властно приказал верховный иерарх. — Вам не следует здесь преклонять колени. Отныне вы — один из нас.

Я послушно занял место у светильни напротив де Жизора и внимательно оглядел зал. Лица присутствующих были полны ожидания... Мерлин, которого я вначале не заметил, тихо стоял у клепсидры, созерцая неспешное движение песчинок. Казалось, его присутствие не вызывало ни малейшего недоумения у рыцарей, собравшихся здесь. Послышался мелодичный звон — сияющая песчинка упала вниз. Я невольно вздрогнул. Словно повинуясь этому сигналу, де Жизор поднял руку, призывая всех к вниманию.

— Мы собирались здесь, ибо пробил час. Настало время явить миру наследника крови Господней во всем величии его, — заговорил грозный старец, и я пора-

зился моши его голоса. — Мессир Вальдар, — требовательно взглянув на меня, произнес Ги де Жизор, — вам надлежит представить нам человека, избранного Вседержителем для исполнения своей воли.

— Я уже послал за ним, монсеньор, — ответил я, включая связь. — Лис! Где Пейрэ? Ты уже отдал ему медальон?

— Капитан, что у тебя с голосом? — встревожился мой друг.

— Потом! — оборвал я Рейнара. — Де Уэска должен быть сейчас в зале Шестнадцати Светилен!

— Ты чего? — поразился Лис. — Я ему только начал про Талбота-Вердамона толковать, парень на грани обморока!

— Тащи его сюда! — «заорал» я по мыслесвязи. — Галопом!

— Есть... — обескураженно отозвался Рейнар.

— Вам следует поторопиться — донесся до меня голос де Жизора. — Вы сами видите, источник времени иссякает.

— Он сейчас будет здесь, — заверил я всех. И тут...

— Единорог! — раздалось в коридоре. — Клянусь купелью Господней, сюда скакет единорог!

— Откройте ворота, — тоном истинного хозяина замка распорядился Мерлин. — Еще есть время. Ничего не произойдет до того, как должно произойти.

Все присутствующие недоуменно посмотрели на Мерлина.

— Что значит это знамение? — спросил у чародея де Жизор.

Вместо ответа великий маг направил свой посох в сторону стены, которая вдруг стала терять очертания, и на ней, словно на забытом мною уже киноэкране, появилось изображение... Люди ахнули, стоящие у стены испуганно шарагнулись от нее — прямо на нас сквозь расступающиеся в полнейшем молчании ряды воинов мчался белоснежный единорог. Витое оружие, растущее изо лба чудесного животного, было грозно направлено вперед, копыта, казалось, не дотрагивались до земли, — он мчался, не оставляя следов. А на

могучей спине его, судорожно вцепившись в гриву и обхватив бока коленями, неслась гордая всадница. Обрывки ее изодранного зеленого платья разевались подобно рыцарскому намету, распущенные волосы струились по ветру...

Все мы застыли, пораженные этим необычайным зрелищем.

— Инельгердис... — выдохнул я.

Межу тем ворота распахнулись, впуская во двор крепости диковинную наездницу.

— Мой брат здесь? — явственно услышали мы.

— Кто это? — сумел наконец спросить де Жизор.

— Моя сестра, — ответил я.

— Это она? — спросил великий иерарх, обращаясь к Мерлину. Тот утвердительно кивнул. Я почувствовал, что эти двое говорят о чем-то, совершенно мне непонятном.

— Где мой брат? — вновь услышали мы настойчивый вопрос девушки.

— Сейчас она будет здесь, — спокойно заявил маг, вновь поднимая посох. Изображение начало таять, и мы вновь увидели каменную кладку.

— Позвольте мне встретить ее, — попросил я.

— У нас мало времени... — покачал головой де Жизор и вопросительно покосился на Мерлина. Тот кивнул. — Пospеши!

Я повернулся и вышел из залы. На узкой винтовой лестнице на меня едва не наскочила задыхающаяся от быстрого бега сестра.

— Что все это значит? — хватая ее за руки и с силой встряхивая, прорычал я. Девушка охнула, хватаясь за раненое плечо.

— Прости, — я обнял судорожно всхлипывающую Инельгердис, прижимая ее к себе.

— Я должна быть здесь, иначе с тобой что-то случится! — глядя на меня безумными глазами, объяснила она. — И я не могла там больше оставаться.

— Вы что, все говорились?! — вспылил я. — Почему со мной должно что-то случиться?

— Я видела сон, — просто ответила девушка, вытирая лоб. — Проснулась посреди ночи от ужаса... И по-

няла, что должна ехать немедленно. А дальше — просто. Связала занавеси полога, спустилась по стене... Убежала в лес. Шла всю ночь, почти до самого утра...

Я почувствовал, как волосы на голове у меня тихо зашевелились. «Шла до самого утра! Представив себе все пропасти и осыпи, не говоря уже о диких зверях, на пути одинокой беззащитной девушки, я ужаснулся силе предназначения, приведшего всех нас сюда.

— А единорог? — спросил я.

— Под утро я совсем выбилась из сил, — продолжала Иньельга. — Упала на какой-то полянке немного отдохнуть и уснула, словно провалилась. Когда же я очнулась, рядом лежал единорог, положив голову мне на колени. Он поднял морду и поглядел на меня... А потом я его услышала, — голос сестры прервался от волнения.

— Успокойся, Иньельга, — погладив ее по голове, попросил я. — Приди в себя. Нам надо торопиться. Там ждет Мерлин.

Командоры у дверей вновь отсалютовали, пропуская нас в залу Шестнадцати.

— Наконец-то, — выдохнул верховный иерарх. — Приветствуем вас, Не Знающая Гнева!

Все тамплиеры почтительно склонили головы, Иньельгердис беспомощно оглянулась на меня.

— Надеюсь, это шутка? — почти беззвучно прошептала девушка.

— «И будет зваться она Не Знающая Гнева, — нараспев начал декламировать Мерлин, — Ибо помыслы ее и сама она чиста, словно майское солнце...»

— Клепсидра пуста! — раздался хриплый выкрик одного из шестнадцати иерархов. Мы в ужасе устремились на опустевшую верхнюю часть хрустального сосуда. Последняя песчинка медленно падала в узком горлышке клепсидры, отсчитывая, может быть, последнее мгновение этого мира.

— Она опускается! — со священным трепетом произнес Ги де Жизор. Все застыли, забыв обо всем, глядя, как огромные часы медленно проваливаются куда-то вниз, уходя в пол, а на их месте остается прозрачный цилиндр. Внутри него клубилось нечто...

— Мессир Вальдар, где же?.. — услышал я.
— Пустите! — раздался звонкий юношеский крик. — Я должен видеть ее!

В коридоре послышалась возня и грохот падающих тел. Створки дверей разлетелись, и в залу ворвался взлохмаченный Пейрэ де Уэска, с горящими глазами, кровью на рассеченной скуле и с оторванным рукавом камизы.

— Инельджи... — юноша остановился посреди комнаты, не замечая никого и не спуская глаз с застывшей от изумления девушки. Светильни, тусклым светом озарявшие помещение, разом вспыхнули.

— Кровь Господня... — прошептал кто-то.

«Пылкий росток», — подумал я, оглядывая статную фигуру графа де Уэска. На его груди висел знакомый мне медальон, который четыре года назад сжимала рука умирающего Джорджа Талбота-Плантагенета... Граф, продолжая упорно игнорировать присутствующих, пал на колено перед моей сестрой.

— Вы... — кажется, у бедняги не было слов. Инельгердис молча взирала на него со странной смесью жалости и уважения.

— Смотрите! — Мерлин указал посохом на светящуюся арку, внезапно возникшую посреди комнаты на месте клепсидры. — Завеса исчезла!

Все обернулись туда.

— Неужели свершилось? — прошептал мой сосед. Послышались тихие шаги, и на абсолютно плоской поверхности темного провала внутри арки показалась человеческая фигура в длинном ниспадающем балахоне. Казалось, она находится где-то очень далеко, но постепенно, становясь все больше, приближается к нам. Наконец человек с длинными седыми волосами, охваченными обручем, и молодым лицом сделал последний шаг и очутился внутри круга.

— Приветствую вас, почтеннейшие господа, и вы, леди, — вежливо обратился он к нам, приветливо улыбаясь.

— Добрый вечер, Оберон, — невозмутимо отозвался Мерлин.

— Действительно добный, — подтвердил мой старый знакомый. — Но все же нам не следует задерживаться. Иди ко мне, мой мальчик, — обратился он к завороженно глядевшему на повелителя эльфов Пейрэ де Уэска.

— Иди, — подтвердил де Жизор, — это твой путь.

Молодой рыцарь-трубадур растерянно поднялся и сделал шаг к арке.

— А вы? — словно ища поддержки, спросил он у Ги де Жизора, обводя взглядом присутствующих. Тот отрицательно покачал головой.

— Не всякий может войти в Монсальват. Мы — рыцари, охраняющие вход. Ты — Наследник.

— У тебя меч, Вальдар. Ступай следом. — Мерлин неожиданно указал на меня.

— И ты идешь. Возьми Чашу! — маг повелительно посмотрел на Инельгу. Девушка судорожно вздохнула и приблизилась к пирамидальному алтарю. Святыня христианского мира буднично покоилась на обсидиановой глыбе, с первого взгляда — одна из тысяч пиршественных чаш, разве что чуть шире и очень тонкой работы... Инельгердис дрожащими руками взяла Святой Грааль за чеканные бока. Ничего не произошло. Послышался единодушный вздох облегчения.

— Идемте! — требовательно произнес Оберон. Пять фигур одна за другой растворились в темнеющем проеме арки...

Я шел последним. Оглянувшись, я вновь увидел зал Шестнадцати Светилен и пятнадцать рыцарей, в молчании охраняющих вход.

— Долг путь в Монсальват, — внезапно произнес повелитель эльфов, — но дорога туда коротка.

Мы очутились в помещении, мало отличающемся от того, которое мы только что покинули. За нашими спинами словно сквозь туман проступали очертания безмолвной стражи. Посреди этой комнаты находился большой круглый стол, на поверхности которого под прямым углом перекрешивались две прямые линии.

— Здравствуй, старина, — Мерлин похлопал гранитную глыбу стола, становясь у начала одной из

линий. — По образцу этого стола, — произнес он, обращаясь ко мне, — некогда был построен стол короля Артура. Так что мы старые знакомые.

Оберон встал напротив Мерлина и торжественно водрузил на стол изумрудную скрижаль, которую некогда показал мне Инельмо, великий маг и не менее великий путаник, дав этим начало всем моим приключениям... Мерлин осторожно положил на каменную поверхность свой посох, и черта, соединяющая теперь два предмета, вспыхнула пламенем.

— Скорее! — крикнул Оберон нам с Инельгердис. — Кладите чашу и меч!

Мы встали у другой черты, положив на стол вверенные нам сокровища, и вторая линия тотчас загорелась, образовав пылающий крест. Де Уэска, остановившийся возле стола, замерев, глядел на происходившее перед нами таинство.

— Вот она! — раздался крик Мерлина. Пламенеющие линии потянулись вверх, образуя пылающую пирамиду.

— Ты должен взять ее! — воскликнул маг, указывая на ее вершину. Там, в ослепительно-белом сиянии, начала материализовываться книга величиной с хороший строевой щит. Юноша шагнул вперед, протягивая к ней руки...

— Сарацины!!! Сарацины прорвались! — раздался дикий крик, несшийся из Монсегюра. Того Монсегюра...

Я не успел увидеть, взял Уэска Книгу Предвечного Знания, или нет; так же, как не успел понять, что произошло дальше. Рефлекторно рванув меч со стола, я в ту же секунду оказался в зале Шестнадцати Светилен. Следом из арки буквально выбросило Инельгу. Пятнадцать рыцарей храма, бледные как один, с безмолвным ужасом взирали на нас. Арка стала стремительно уменьшаться, а затем просто исчезла. Мы попятились... Из пола начала медленно расти хрустальная клепсидра... Ее верхняя часть была заполнена мириадами сверкающих пылинок. В полнейшей тишине послышался тихий звон — первая песчинка сорвалась вниз...

...Мы стояли на той самой площадке донжона, откуда полдня назад с де Жизором обозревали лагерь противника, уже готовые к бою и облаченные в доспехи. Теперь же понять, кто здесь противник, а кто свой, было практически невозможно. Четыре армии в полном вооружении, замерев, стояли друг против друга, не решаясь что-либо предпринять. А из Монсегюра за их действиями следили еще три — армия графа Тулусского, арагонцы и тамплиеры.

— Откуда здесь взялись сарацины? — глядя на темную людскую реку, сползающую с западной стороны горного перевала, спросил я у де Жизора, в полном боевом облачении стоявшего рядом.

— Прорвались через Арагон, — мрачно ответил он.— Король Раймон послал войско на помощь Тулузе, неверные воспользовались этим...

Полчища сарацинов все прибывали, до края заполняя темную долину.

— Ба! Да к христианам тоже идет подкрепление! — усмехнулся какой-то рыцарь, указывая рукой в противоположном направлении. Все посмотрели туда. На узкой горной тропке, по которой из замка Мерета мы прибыли в Монсегюр, прямо в тыл армии де Монфора двигался небольшой отряд.

— Господи, что это за безумец? — прошептал я, вглядываясь в герб на знамени одинокого рыцаря, скачущего впереди отряда из двух десятков конных воинов. — Рейнар, ты можешь разглядеть его герб?

— Птичья лапа, торчащая из облака, — равнодушно ответил Лис, прищуриваясь и рассматривая трепещущее на ветру знамя.

— Что? — хрипло переспросила Инельга, стоявшая рядом с нами. — Что ты сказал? Выходящая из облака орлиная лапа в лазури? — глаза ее расширились до не-приличия. — Они его порубят!

Девушка сделала шаг назад и бросилась вниз по лестнице.

— Ты куда?! — заорал я, бросаясь вслед.

— Это Анри! — донесся снизу отчаянный крик. — Они убьют его!!

ЭПИЛОГ

Это будет славная охота! Хотя
для многих она станет последней...
Акела

ражение началось как-то вдруг, так, как прорывает давно назревший нарыв. Сарацины, подпираемые сзади собственными все прибывающими отрядами, бросились в атаку.

— Аллах акбар! — разнесся над полем жуткий вопль, вырывающийся из тысяч оскаленных ртов...

— Дени Монжуа! — взревели французские ряды, опуская копья для таранного удара.

— Святой Георгий за старую Англию! — отзывался грозным эхом Меркадье.

— Босиан!! — ворота Монсегюра распахнулись, и оттуда вынесся железный поток тамплиеров. Впереди него на белом единороге, грозно наклонившем голову, мчалась облаченная в доспехи девушка с развевающимися по ветру светло-русыми волосами.

И начался бой. Самый страшный и бессмысленный, случившийся на этой земле. Ибо в нем не было и не могло быть победителей и побежденных, потому что каждый сражался за себя и своего соседа против всех. Души, опаленные кровью и гневом, падали на чашу мировых весов, словно дрова, подбрасываемые в дьявольскую топку, и багровый закат разгорался над горами, ограждающими поле боя. Станный закат... Слишком ранний для этого времени года.

Небольшая группа всадников, словно нож, рассекла беспорядочную свалку, которую потом седобородые историки в пыльных кабинетах окрестят Великой Битвой Народов. Подле всадницы на единороге, чуть позади нее, скакал рыцарь на огромном смолисто-черном коне с золотым леопардовым львом на лазоревом щите. Голубое пламя его клинка беспощадно разило всякого, кто осмеливался преградить им путь. Позади него мчался худощавый английский лучник, в бесшабашном опьянении декламирующий во всю глотку

стихи на непонятном языке. Длинные стрелы, обитавшие в его колчане, одна за другой устремлялись в гущу боя, поражая врага. Еще несколько всадников в белых плащах с крестами тамплиеров завершали этот небольшой отряд.

— Вон он! Анри-и! — раздался пронзительный женский крик, так неуместно звучавший на поле брани. Единорог, разбрасывая перед собой зазевавшихся копейщиков де Монфора, устремился туда, где в кольце врагов отчаянно сражался высокий рыцарь с орлиной лапой на щите. Он был уже несколько раз ранен, но держался молодцом.

— Подмога, Анри! — прокричал рыцарь на черном коне, поражая мечом плечо вражеского всадника. Внезапно двое копейщиков, подскочивших на помощь своему хозяину, с двух рук вонзили свое оружие в брюхо вороного коня. Жеребец жалобно заржал и, встав на дыбы, начал заваливаться набок. Рыцарь быстро освободил ноги из стремян и успел соскочить на землю.

— Мавр, дружище! — крикнул он. Конь был мертв. Воин в ярости обернулся, готовясь покарать убийц. Они уже лежали рядом, пронзенные трехфутовыми стрелами.

— Спасибо, Лис, — прокричал он своему другу.

— Ерунда, Вальдар! — тот отбросил лук. — Только у меня две неприятные новости: во-первых, у меня кончились стрелы, во-вторых, мы окружены.

Рыцарь с леопардовым львом огляделся. Вокруг небольшого отряда, щетиня копья, толпилось разнообразнейшее воинство, обуреваемое единственным желанием — убить.

— Ты жив?! — Инельга спрыгнула со спины единорога, бросаясь к раненому барону де Мерета, сползающему с седла.

— Я не могу... принять помощь от дамы... — прокрипел он. Оставшись без всадницы, единорог в несколько скачков преодолел людское кольцо, моментально сомкнувшееся за его спиной. Девушка, не обращая ни на кого внимания, обняла шатающегося р. зря.

— Анри...

Тот, кого лучник назвал Вальдаром, еще раз обвел взглядом сомнущий строй противника и поднял над головой пылающий голубым пламенем меч.

— Фривэй! — взревел он.

— Фривэй!! — разнеслось над долиной, заглушая шум схватки.

— Фривэй!!! — неправдоподобно четким эхом подхватили горы.

Раздался чудовищный грохот, похожий на горный обвал. Сражавшиеся друг с другом люди опустили оружие. Тысячи лиц поднялись к небу, где в звенящей тишине один за другим сами собой возникали пылающие клинки как две капли воды похожие на меч с рубинами в рукояти...

— Фривэй!.. — вновь разнеслось над долиной, и, словно повинувшись этому сигналу, закатные сумерки, будто распластанные этими клинками, разошлись... А в прорехах багрового света одна за другой стали возникать призрачные фигуры воинов. Каждый из них сжимал в левой руке Катгабайл. Впереди этого нереального воинства мчался хохочущий черноволосый гигант с мечом, зажатым в одной руке. Правой у него не было...

— Тюр! — выкрикнул кто-то.

— Тюр! Тюр! — разнеслось по полю. — Дикая охота!

Люди в панике начали метаться, ища спасения, кое-где вспыхивали беспорядочные стычки, кто-то, бросив оружие и пав на колени, молил о пощаде, кто-то доверил свою жизнь быстрым ногам. С жутким свистом всадники понеслись над долиной, убивая тех, кто еще продолжал сражаться.

— Бросайте оружие! Бросайте его все! — раздался звонкий женский голос, и меч Инельги первым полетел в высокую траву. Выбив у застывшего Анри де Мерета его клинок, она продолжала кричать:

— Долой оружие, если не хотите погибнуть!

Рыцарь леопардового льва продолжал стоять, держа меч над собой. Смолисто-черный конь, вдруг судорожно дернувшись, поднялся на ноги и подошел к

нему. Копыта его не касались земли... Раздалось тихое ржание.

— Мавр! Мой хороший, рад видеть тебя, — произнес воин, опуская меч. — Что ж, мы снова вместе...

Рыцарь одним движением очутился в седле.

— Стой, Вальдар! Не смей!! — отчаянно закричала девушка. Не слушая ее, всадник дал шпоры коню, и тот помчался вперед, все выше и выше...

— Не смей... — опускаясь на землю, прошептала Инельга.

— Не останавливай его, — подошедший к ней Лис положил руку на плечо рыдающей Инельгердис Камдил. — Раз он так сделал, значит, он должен был так сделать... Впрочем, — немного помолчав, добавил Сержея, — я не помню случая, чтобы он не вернулся...

Бесплотные фигуры одна за другой взмывали в небо, оставляя внизу залитую кровью землю. И вслед за ними на поле боя опускалась ночная мгла.

— Что же теперь будет? — поднимая на лучника заплаканные серые глаза, тихо произнесла девушка.

— Не знаю, — печально пожал плечами он, провожая взглядом призрачное воинство. — Наверняка что-то новое...

Литературно-художественное издание

**Свержин Владимир Михайлович
ЗАКОН ЕДИНОРОГА**

Редактор *И. К. Пименова*

Художественный редактор *И. Г. Сауков*

Технические редакторы *Н. М. Носова, В. В. Шибаев*

Корректор *Л. П. Баскакова*

Изд. лиц. № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с оригинал-макета 19.06.97.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,7. Уч.-изд. л. 21,7.

Тираж 12 000 экз.

Заказ № 360

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии,
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

индекс: 421

«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ»

Находятся писатели, богатому воображению которых тесно в традиционных рамках даже фантастического жанра. Их призвание – **конструирование собственных миров**. На Западе это направление именуется «фэнтези».

Фэнтези, помноженная на русские литературные традиции, – это «Абсолютная магия». Ник Перумов, Генри Лайон Олди, Юрий Брайдер, Николай Чадович, Михаил Ахманов – эти мастера увлекут и порадуют своими книгами самого взыскательного читателя.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ» индекс: 421

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

Г.Л.Олди, Н.Перумов,
М.Ахманов, Ю.Брайдер,
Н.Чадович, В.Свержин.

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 16 900 руб.

«СТАЛЬНАЯ КРЫСА» индекс: 423

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Романтика дальнего Внеземелья. Падение могущественных звездных империй. Безжалостные столкновения космических армад. Отчаянные авантюры галактических мошенников. Решительность и бескомпромиссность. Предательство и коварство. Благородство и бескорыстие. Читайте обо всем этом в лучших книгах, когда-либо выходивших под маркой фантастики.

Г.Гаррисон «СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ПОЕТ БЛЮЗ»

Г.Гаррисон «СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АД»

Э.«Док» Смит «БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО
ДЕЙСТВИЯ»

М.Уэйс «ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВРАГ»

Все издания объемом 400-450 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ.

Цена одной книги 16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА - ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ - НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 413

А «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА

Лучшие произведения современных российских писателей-фантастов в рамках одной книжной серии. Никому раньше и в голову не могло прийти, что ареной фантастического боевика могут быть не только бескрайние просторы Вселенной с множеством обитаемых планетных систем, но даже и наша современная российская действительность. В.Головачев, Е.Гуляковский, В.Михайлов, В.Звягинцев – классики жанра и целая плеяда молодых, чрезвычайно талантливых авторов, чей грядущий успех и популярность очевидны. В их книгах заключена энергия завтрашнего дня, а напряженный сюжет, тонкий лиризм и обаятельные герои никого не оставят равнодушными.

В ЭТОЙ СЕРИИ ВЫХОДЯТ КНИГИ ТАКИХ АВТОРОВ, КАК:

**В.Головачев, В.Михайлов,
В.Ильин, И.Стальнов,
М.Ахманов, Е.Гуляковский,
В.Звягинцев, Л.Вершинин,
А.Щупов, А.Громов, О.Дивов.**

Все издания объемом 400-450 стр., целофанированный переплет, шитый блок.

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ.
ПОДПИСКА ТОЛЬКО НА СЕРИЮ

Цена одной книги 16 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индекс: 425

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных жемчужин фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Евгений Гуляковский – эти авторы не нуждаются в дополнительном представлении. Книги каждого из них – настоящее событие в русской фантастической литературе. Это тот необходимый культурный багаж, который будет непременно передаваться из поколения в поколение и никогда не устареет, ведь настояще писательское мастерство заключается именно в умении отстаивать непреходящие человеческие ценности с помощью ярких, увлекательных, запоминающихся произведений. Выпуски серии «КП и НФ» не только украшают книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» – ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!

425001 А. и Б.Стругацкие. **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах**
Цена комплекта 170 000 руб.

425011 В.Звягинцев. **«ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 3-х томах**
Цена комплекта 51 000 руб.

425041 Е.Гуляковский. **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 5-ти томах**
Цена комплекта 85 000 руб.

425031 В.Михайлов. **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 7-ти томах**
Цена комплекта 109 000 руб.

Все издания объемом 450-540 стр.,
цельнотканевый переплет, золотая
фольга, шитый блок.

Вы можете подписаться на всю серию
целиком (индекс 425) или на любое
собрание сочинений в отдельности по
вашему выбору.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА - ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ - НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Герои Д.Корецкого умеют бороться с мафией.

Как они это делают, каждый может узнать из его книг.

Впервые! Полное собрание сочинений Д.Корецкого
в великолепном полиграфическом исполнении.

Такого еще не было!

Полное собрание сочинений Д.Корецкого в 8-ми томах.

Литературное мастерство и профессиональные знания (Даниил Корецкий – полковник милиции) превращают каждый задуманный им сюжет в живописную криминальную драму. Под его пером преступник раскрывается во всей своей низости и жестокости, а преследующий его герой обретает черты благородного защитника слабых. И потому хитроумные оперативные комбинации, запутанные интриги, разборки, убийства и политические игры предстают перед читателем как в зеркале, отражающем истерзанный лик нашей эпохи. Читайте Даниила Корецкого и вы узнаете многое не только о времени, в котором живете, но и о себе...

индекс собрания сочинений: 300021

Индексы отдельных изданий:

- «АНТИКИЛЛЕР», 26
- «ПЕШКА В БОЛЬШОЙ ИГРЕ», 24
- «АКЦИЯ ПРИКРЫТИЯ», 21
- «ОСНОВНАЯ ОПЕРАЦИЯ», 28
- «РАЗЯЩИЙ УДАР», 25
- «МЕНТОВСКАЯ РАБОТА», 23
- «ОПЕР по прозвищу "СТАРИК"», 22
- «ОПЕРАТИВНЫЙ ПСЕВДОНИМ», 29
- «АНТИКИЛЛЕР-2». 27

Вы можете подписатьсь на Полное собрание сочинений (индекс 300021, цена 157 500) и получить все 8 томов сразу или подписатьсь на серию и получать 2 книги в месяц.

Все издания объемом 400-500 стр . бумвинил с золотым тиснением. целлофанированная суперобложка шитый блок.

Цена одной книги 18 000 - 18 900 руб.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Василий ГОЛОВАЧЕВ

индекс: 413

ИЗБРАННОЕ В 7-МИ ТОМАХ

На сегодняшний день Василий Головачев является самым популярным российским писателем-фантастом. Его книги пользуются бешеным успехом, любая новинка сразу же становится бестселлером. Отличительные черты его произведений:

- головокружительные сюжеты,
- яркие, запоминающиеся образы героев,
- впечатляющий поток информации, обогащающей даже самого эрудированного читателя.

В предлагаемое собрание сочинений В.Головачева войдут последние книги знаменитого автора, в которых ему удалось в полной мере выразить все грани своего замечательного таланта.

- 413030 «СМЕРШ-2»
413006 «ПЕРЕХВАТЧИК»
413029 «РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ»
413028 «БИЧ ВРЕМЕН»
413020 «СХРОН»
413021 «КОРРЕКТИРОВЩИК»
413026 «ИЗЛОМ ЗЛА»**

Вы можете подписаться на всю серию целиком
(индекс 413) или на любой отдельный том
В.Головачева по вашему выбору.

Все издания объемом 400-550 стр., целлофанированный переплет, шитый блок.

Цена одной книги **17 500 руб.**

В МЕСЯЦ ВЫХОДИТ ДВЕ КНИГИ

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки, не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

КНИГА – ПОЧТОЙ

ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ

Удовольствие, говорят, не купишь... Неправда! «Книга – почтой» в любой момент опровергнет эту расхожую истину. По индивидуальному заказу, без лишних усилий с вашей стороны она обеспечит вам несколько часов необыкновенного наслаждения, которое по нашим временам стоит недорого: отпускная (издательская) цена книги плюс стоимость пересылки, только и всего! И никаких «накруток» торговых точек, превращающих книжный товар в недоступную роскошь!

«Книга – почтой» – шанс для любителя книги!

«Книга – почтой» – минимум денег и времени!

«Книга – почтой» – удобнее не придумаешь!

Вместо одной книги с прилавка – две или три от

«Книга – почтой»!

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЭТИ СЕРИИ И ПОЛУЧАТЬ

ПО ПОЧТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНО НОВЫЕ КНИГИ.

В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 2 КНИГИ,

В МЯГКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ – 3–4 КНИГИ.

Разборчиво заполните почтовую карточку по
образцу и отправьте ее по указанному адресу:

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА

г. Москва, а/я 30,

Код страны: **433510**

Код города: **Ульяновская обл., г. Ленинград.**

Улица: **ул Королева д. 2 кв 255.**

Фамилия, имя, отчество: **Петров И.С.**

Почтовый ящик, краеведческий музей, магазин и т.п.

«ЭКСМО»

=111116

Я заказываю следующие серии:

413. «Абсолютное оружие»	2 кн.
421. «Абсолютная магия»	2 кн.
422. «Конан»	1 кн.
423. «Стальная Крыса»	2 кн.
413006. «Перехватчик»	1 кн.
425001. А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.
425011. В. Звягинцев «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ»	1 компл.
425041. Е. Гуляковский. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.
425031. В. Михайлов. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ	1 компл.

Внесерийные издания:

300021. Собрание сочинений Д. Корецкого	2 комплекта
300005. Собрание сочинений Н. Леонова	1 комплект

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ВАМИ

6700

ЗАКОН ЕДИНОРОГА

Поиск Книги Истинного
Предвечного Знания
в мрачных временах
средневековья –
непростая задача
даже для лучших агентов
Института Экспериментальной
Истории. Ведь тугие узлы
европейской политики
порой распутать труднее,
чем самые изощренные
колдовские руны.

АБСОЛЮТНАЯ МАГИЯ